

ЖЕНЩИНЫ У ПРОХОДНОЙ

ВЕНДИ Э. ГОЛДМАН

ВЕНДИ Э. ГОЛДМАН

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ЖЕНЩИНЫ У ПРОХОДНОЙ

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ
(1917–1937 гг.)

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Фонд «Президентский центр
Б.Н. Ельцина»**

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

WENDY Z. GOLDMAN

WOMEN AT THE GATES

**GENDER AND INDUSTRY
IN STALIN'S RUSSIA**

Cambridge
UNIVERSITY PRESS
2007

ВЕНДИ Э. ГОЛДМАН

ЖЕНЩИНЫ У ПРОХОДНОЙ

**ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ
(1917–1937 гг.)**

Москва
2010

УДК 94(47+57)(082.1)

ББК 63.3(2)6-28

Г60

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Голдман В. З.

Г60 Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) / Венди З. Голдман ; [пер. с англ. В. Ю. Лобовской]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. — 358 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1447-2

Книга известного американского историка В. З. Голдман представляет собой первое исследование, посвященное социальной истории советских женщин-работниц в 1930-х гг. Это рассказ о глобальных изменениях, произошедших в процессе гендерного реструктурирования советской экономики, когда доля женщин в составе рабочего класса необычайно возросла. Ни в одной другой стране мира численность женщин-работниц не росла так быстро за такое короткое время. Женщины пополняли ряды наемных рабочих в традиционно «мужских» отраслях, пошатнув сложившуюся иерархическую структуру рабочей силы. Рабочим-мужчинам пришлось пересмотреть свои предубеждения в отношении «женской» и «мужской» работы, роли женщин на производстве.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)6-28

ISBN 978-5-8243-1447-2

© Cambridge University Press, 2007

© Издание на русском языке, оформление.

Издательство «Российская

политическая энциклопедия», 2010

*Эта книга посвящается
Маркусу Редикеру
и памяти
нашего дорогого друга
Стивена Сапольски*

ВВЕДЕНИЕ

Исторический опыт Советского Союза, где индустриализация шла семимильными шагами, поистине уникален. Коренные преобразования, которые испытывала Западная Европа на протяжении столетий — пролетаризация, индустриализация, урбанизация — в Советском Союзе произошли в одно десятилетие. Численность рабочего класса росла с беспрецедентной быстротой, при этом изменился и его социальный состав. Еще более стремительно возросла роль женского труда: ни в одной стране мира доля женщин в составе рабочего класса не стала столь значительной за такое короткое время. В одном только 1930 г. 473 000 женщин пришли на производство, что в четыре раза превышает численность новых работниц в 1929 г. А в следующем 1931 г. их число увеличилось еще на 587 000. В период с 1929 по 1935 г. около 4 000 000 женщин стали работать по найму, из них 1 700 000 — на производстве. Наибольшее количество женщин получили работу в промышленности. К 1935 г. женщины составляли 42 % всех промышленных рабочих. В 1932 и 1933 гг. женщины были единственным новым источником трудовых ресурсов для развивающейся экономики¹.

Помимо того, что женщины пополняли ряды рабочего класса быстрыми темпами, увеличилось их присутствие в тех отраслях, где традиционно доминировали мужчины. Женщины изменили схемы гендерной сегрегации, которые господствовали в советской промышленности в 1920-е гг., женский труд стал использоваться в таких новых отраслях как машиностроение и энергетика, а также в развивающихся отраслях — угледобывающей промышленности, металлургии и химическом производстве. Женщины занимали новые рабочие места, а также те, где прежде трудились исключительно мужчины, однако в основном женщины были заняты неквалифицированным и малоквалифицированным трудом. Поскольку женщины наруша-

---

¹Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана, 1936. С. 10–11, 25. В этих показателях учитываются все женщины-работницы, занятые в промышленности, в том числе ученицы и др. категории.

ли сложившуюся на предприятиях систему гендерной иерархии, рабочим-мужчинам пришлось пересмотреть свои взгляды на квалифицированный труд, на «мужскую» и «женскую» работу и на роль женщины на производстве.

Многие историки писали о советских рабочих периода индустриализации СССР, но лишь небольшая часть работ была посвящена женскому труду². Исследования западных историков — специалистов по трудовым отношениям в СССР в 1930-е гг. касались в основном отношений рабочих и государства; они писали о трудовом законодательстве, столкновении интересов разных групп рабочих, администрации и партийных деятелей на предприятиях, а также об ударничестве и стахановском движении³. Для работ историков недавнего времени характерен растущий интерес к различным формам социальной идентичности среди рабочих: отличиям между старыми, «кадровыми» рабочими, новыми рабочими — мигрантами из деревни и молодыми рабочими, к отношению этих групп рабочих к специфическим «советским» представлениям, понятиям и взглядам на мир, которые во многом сформировали их образ жизни⁴. Перу

---

² Из немногих монографий о женском труде в 1930-е гг. см.: Ilic M. *Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From «Protection» to «Equality»*. London: Macmillan, 1999; McAuley A. *Women's Work and Wages in the Soviet Union*. London: Allen and Unwin, 1981; Sacks M. P. *Women's Work in Soviet Russia: Continuity in the Midst of Change*. New York: Praeger, 1976; Советские женщины и профсоюзы. М.: Профиздат, 1984.

³ См., например: Davies R. W. *The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989; Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1986; Kuromiya H. *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932*. New York: Cambridge University Press, 1988; Shwarz S. *Labor in the Soviet Union*. New York: Praeger, 1951; Siegelbaum L. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. New York: Cambridge University Press, 1988; Straus K. *Factory and Community in Stalin's Russia: The Making of an Industrial Working Class*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997.

⁴ О разных формах идентичности внутри рабочего класса см.: Hoffman D. *Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994; Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1995; *Social Dimensions of Soviet Industrialization* / L. Siegelbaum, W. Rosenberg (eds.). Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1993; *Making Workers Soviet: Power, Class, Identity* / L. Siegelbaum, R. Suny (eds.). Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

российских историков принадлежит ряд замечательных исследований, посвященных рабочему классу и его достижениям в период индустриализации. Господство партийной идеологии, в которой превыше всего стоял рабочий класс, заставляло историков сосредотачиваться на проблемах труда, но при этом идеология накладывала определенные ограничения, касающиеся поставленных вопросов и научных выводов⁵. Возможно, по этой причине в настоящее время российские историки крайне редко обращаются к таким темам как трудовая политика, доминировавшим в советской историографии. Несмотря на эти различия, историки на Западе и в России сходятся в одном: в том, что вопросы женского труда заслуживают не более нескольких страниц в тексте монографии или краткого упоминания в указателе, либо небольшой статистической справки. Ясно, что столь незначительные усилия в этой области не могли существенно повлиять на выстраиваемую историками общую картину формирования рабочего класса в СССР.

В представленной читателю книге опыт женщин рассматривается в контексте великого исторического поворота, связанного с индустриализацией СССР в 1930-е гг. Автор переосмысливает историю формирования советского рабочего класса, анализирует роль в этом процессе женщин, показывает, как женский труд повлиял на накопление капитала, систему заработной платы, мобильность рабочей силы, а также на пролетаризацию крестьянства. Гендерный фактор задействован не для того, чтобы просто устранить белые пятна на уже почти завершенной картине, но для того, чтобы переписать картину заново. В работе освещен период от Октябрьского переворота 1917 г. до второй пятилетки (1933–1937); основное внимание уделено периоду первой пятилетки (1929–1932), времени коренных преобразований. В этой книге рассматривается проблема гендерной сегрегации в советской промышленности, сдвиги в жизни города и деревни, заставившие женщин работать по найму, массовые партийные кампании по привлечению женщин на производство, государственные планы гендерного преобразования народного хозяйства, столкновения ин-

---

⁵ Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества, 1927–1937. Т. 3. М.: Изд-во «Наука», 1984; Панфилова А. М. Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки, 1928–1932. М.: Изд-во МГУ, 1964; Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М.: Изд-во «Мысль», 1970; Вдовин А. И., Дробижев В. З. Рост рабочего класса СССР, 1917–1940. М.: Изд-во «Мысль», 1976.

тересов в планировании, социальные отношения между рабочими-мужчинами и работницами.

Форсированное массовое внедрение женского труда не было единственной чертой, отличавшей индустриализацию в СССР от аналогичных процессов на Западе. В советском государстве было провозглашено равенство полов, исключено влияние «свободного» рынка труда на определение размеров заработной платы, ценообразование и распределение рабочей силы. Руководство страны утверждало, что движущей силой промышленной революции является не стремление к росту прибыли, а планирование. Несмотря на эти различия, есть поразительно много сходного в том, что происходило с женщинами в период индустриализации при капитализме и при социализме⁶. Хотя в этой книге объектом исследования является советский опыт, в его рассмотрении определенную роль играет применение результатов изучения женского труда в капиталистических экономиках Европы и Америки. Сопоставление советского и западного опыта позволяет задать важные вопросы о причинах, структурах и устойчивых культурных традициях, удерживавших женщин в подчиненном положении в разных экономических системах. Например, каким образом возможности женщин расширялись в системе, которая осознанно осуществляла принцип равенства полов? Было ли плановое социалистическое развитие промышленности свободным от сегментации рынка труда и профессиональной сегрегации, столь характерных для капитализ-

---

⁶ О гендерных факторах в развитии промышленного капитализма см., например: Work Engendered: Toward a New History of American Labor / A. Baron (ed.). Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991; Blewett M. H. Men, Women, and Work: Class, Gender, and Protest in the New England Shoe Industry, 1780–1910. Chicago and Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1990; Canning K. Languages of Labor and Gender: Female Factory Work in Germany, 1850–1914. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996; Women and Unions / D. S. Cobble (ed.). Ithaca, N.Y.: ILR Press, 1993; Coffin J. The Politics of Women's Work: The Paris Garment Trades, 1750–1915. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996; Dublin Th. Transforming Women's Work: New England Lives in the Industrial Revolution / L. Frader, S. Rose (eds.). Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994; Gender and Class in Modern Europe. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996; Kessler-Harris A. Out to Work: A History of Wage-Earning Women in the United States. Oxford: Oxford University Press, 1982; Rose S. Limited Livelihoods: Gender and Class in Nineteenth-Century England. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1992; Tentler L. Wage-Earning Women: Industrial Work and Family Life in the United States, 1900–1930. Oxford: Oxford University Press, 1979; Valenze D. The First Industrial Woman. Oxford: Oxford University Press, 1995.

ма? Отличалась ли реакция рабочих-мужчин на расширение сферы женского труда при капитализме и при социализме? В какой степени традиционно подчиненное экономическое положение женщин соотносится с прибылью, свободным рынком и капиталистическими формами организации труда? Эти вопросы представляют несомненный интерес для любого исследователя пролетаризации и индустриализации — сложных процессов, которые впервые вторглись в жизнь Англии в восемнадцатом веке и которые продолжают играть ведущую роль в преобразовании жизни целых континентов в наши дни.

ГЛАВА 1. ЖЕНЩИНЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1917–1929)

На начальном этапе реализации НЭПа, с первой половины 1923 г. число безработных в промышленности и среди чернорабочих увеличивалось в основном за счет притока мужских рабочих рук из деревни, хотя уровень женской безработицы также оставался высоким. Это объясняется тем, что на производстве мужская рабочая сила из деревни начала частично заменять женский труд. Часто это происходило под флагом рационализации: сначала сокращали одних, а затем принимали других¹.

Женщинам приходилось туго и во время массовых увольнений на железных дорогах. Если стоял выбор, кого уволить из занимающих одинаковую должность: мужчину или женщину, увольняли последнюю. Существовала явная тенденция увольнять замужних женщин, мужья которых имели работу².

В конце 1920-х гг. малообеспеченную крестьянку по фамилии Заминская бросил муж. Вынужденная самостоятельно содержать себя и двоих детей, она отправилась в город на заработки. В надежде получить работу или пособие по безработице Заминская попыталась зарегистрироваться на бирже труда, но там заявили, что она не имеет права ни на то, ни на другое. «Вы должны прослужить шесть месяцев по найму», — объяснили ей. С нарастающим чувством безысходности она обращалась во все возможные учреждения — от Наркомата труда до местной Рабоче-крестьянской инспекции. От каждого чиновника она слышала одно и то же: «Без опыта работы невозможно зарегистрироваться на бирже». В отчаянии она обратилась в журнал «Работница»: «Я — больная, голодная — обращаюсь сейчас всюду»³, — писала она. И такая ситуация была типичной для тысяч женщин и

---

¹ См. об этом: Гиммельфарб С. Ликвидация безработицы в СССР и проблема кадров // Проблемы экономики. 1931. № 4–5. С. 29–30.

² Состояние профработы среди женщин на Закавказском железнодорожном транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 342. Л. 30.

³ Это письмо приводит М. Гальперин. См.: Ускорить утверждение закона о принятии на учет бирж труда одиноких женщин // Работница. 1930. № 21. С. 19.

мужчин, пытавшихся найти работу на промышленном предприятии в 1920-е гг. Заминская обнаружила, что всем работы не хватает, безработица крайне высокая, а коммунистическая партия защищает интересы только тех, кто уже имеет опыт работы. Можно ли причислить Заминскую к рабочим? Она, во всяком случае, очень этого хотела. Должна ли она была получить те же преимущества, что и безработные члены профсоюза? Это был важный политический вопрос: кто определил, что такое рабочий класс? Кто стоял у дверей, которые отделяли обездоленных от пролетариата?

На протяжении 1920-х гг. содержание понятия «пролетарий» активно обсуждалось различными социальными группами. В государстве, которое осознанно и гордо провозгласило у себя «диктатуру пролетариата», слово «рабочий» идеологически и материально было связано с рядом привилегий. Рабочий получал пособие по безработице, преимущество при найме на работу, членство в профсоюзе, все важные и желанные материальные льготы. Таким образом, вопрос, кого можно считать рабочим, был исключительно важен для крестьян, домохозяек, работающих и безработных членов профсоюза, а также для тех, кто никогда не работал по найму, но нуждался в работе. Коммунистическая партия, в свою очередь, была заинтересована в уяснении и определении категории «рабочий», поскольку считалось очевидным, что классовая принадлежность человека в конечном счете определяет его самосознание, поведение и интересы. Победа большевиков в 1917 г., так же как их способность удержать государственную власть, зависела от устойчивой поддержки квалифицированных и обладающих классовым самосознанием рабочих. Вопросы, кто был действующей силой революции, кто может получить преимущество при социализме, кто может стать надежным оплотом социалистического государства, не были чисто теоретическими. Ответы на эти вопросы определяли, какой процент населения будет поддерживать советский режим, продолжит ли он свое существование.

Определение, данное большевиками рабочему классу, и проводимая ими политика в значительной степени обусловили структуру рабочего класса. Вплоть до 1930 г. понятие «рабочий» было достаточно узким, но затем острая нехватка трудовых ресурсов заставила большевиков расширить это определение. Партия воспринимала рабочий класс в идеологическом, административном и политическом аспекте, этот «рабочий класс» не имел отношения к обездоленным, угнетенным и лишенным гражданских прав людям. Доведенный до нищеты, бедствующий рабочий класс все же не был «несчастнейшим в мире». Рабочий — это не крестьянин, простой труженик, часть непролетарского слоя трудящихся масс; согласно марксистской теории,

крестьянство не заинтересовано в обобществлении средств производства и в индустриализации. Рабочий — это и не женщина, хотя партия признает — на практическом и политическом уровне, — что тысячи женщин трудятся, работая прачками, прислугой или на текстильных фабриках, табачных и химических заводах, в других отраслях индустрии, будучи фактически безземельными. Для определения понятия «рабочий» у партии были свои критерии: рабочий не зависит от обычаев, религиозных предрассудков и мировоззрения своих крестьянских предков. Он разорвал связь с землей и обеспечивает себя только на заработную плату. Он принадлежит к рабочей династии, то есть его родители также были рабочими. Он имеет приобретенные еще до революции стаж и квалификацию. Рабочий может рассчитывать на помощь и поддержку при социализме, но не потому, что беден, а вследствие своего специфического отношения к средствам производства. Известный советский историк О. И. Шкаратан использует для определения такого рабочего термин «кадровый промышленный рабочий» или «чистый пролетарий»⁴. «Кадровый рабочий» — это не только тысячи трудящихся, но и некий идеальный образ, созданный воображением большевиков. С точки зрения большевиков, «чистый пролетарий» был главной действующей силой революции, и, в отличие от крестьянства, интеллигенции и мелкой буржуазии, должен был сразу получить выгоду от обобществления средств производства. Таким образом, «чистый», или «кадровый», пролетариат был единственной надежной точкой опоры нового, революционного порядка.

Тем не менее к 1921 г. реально существующий рабочий класс мало походил на созданный большевиками идеальный образ⁵. К началу Первой мировой войны пролетариат был меньшинством в огромной

---

⁴ Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М.: Мысль, 1970. С. 246, 261. Превосходный материал, касающийся проблемы понятия «класс» можно найти в: Siegelbaum L. Suny R. Class Backwards? In Search of the Soviet Working Class // Making Workers Soviet: Power, Class and Identity. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

⁵ Многие историки уделили внимание этой проблеме. См., например: Deutscher I. The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929. London: Oxford University Press, 1959; Fitzpatrick Sh. The Bolshevik's Dilemma: The Class Issue in Party Politics and Culture // The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1992, P. 17–19; The Problem of Class Identity in NEP Society // Sh. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites (eds.). Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1991. P. 12–18; Lewin M. The Social Background of Stalinism // The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York: Pantheon Books, 1985. P. 258–260;

крестьянской стране, к концу Гражданской войны его численность еще уменьшилась. Упадок промышленности, разрушение железных дорог, прекращение торговли — все это привело к резкому сокращению числа рабочих⁶. За период с 1917-го по 1920 г. промышленность потеряла 30 % рабочей силы и 40 % мужчин⁷. Тысячи сторонников коммунистической партии были убиты на фронтах Гражданской войны. К 1920 г. ряды пролетариата пополнили женщины, бывшие торговцы, владельцы небольших магазинов, бывшие чиновники царского режима, крестьяне. Все они обозначались большевистским фразеологизмом «классово чуждые элементы». Как заметил нарком труда А. Аникст, «целый слой полурбочих» просочился на заводы в период Гражданской войны⁸. Большевики относились к этому с патологически болезненным вниманием. Действительно, если принадлежность к классу определяет самосознание, какой поддержки может ожидать новый режим от пестрого сборища деклассированных элементов, с тоской вспоминающих о прошлых привилегиях, погруженных в несбыточные мечты открыть свое дело?

Партия очень хотела сберечь кадровых рабочих, увеличить их количество и защитить от наплыва ищущих работу деклассированных элементов. Шкаратан, отражая точку зрения партии, с заметным облегчением констатирует, что «благодаря упорядочивающей деятельности государства поток крестьян не нанес ущерба структуре рабочего класса» после Гражданской войны⁹. «Упорядочивающая деятельность государства» состояла также в замене женской рабочей силы на рабочих-мужчин. Тысячи женщин-работниц, трудившихся в сферах индустрии и транспорта, после Гражданской войны были бесцеремонно уволены. Другие, овдовевшие, «освобожденные» новыми законами, регулирующими процесс развода, брошенные своими мужьями, как Заминская, безуспешно пытались найти работу на производстве, чтобы хоть как-то прокормить семью. Они собирались перед биржами труда, обращались с петицией в Центральную контрольную комиссию, Рабоче-крестьянскую инспекцию и местные советы, желая добиться возможности зарабатывать, получать материальную помощь, материальное обеспечение для детей. Статьи в защиту этих женщин появлялись в рабочей печати, женских жур-

---

Wood E. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1997. P. 44–45.

⁶ Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества, 1921–1927. Т. 2. М.: Наука 1984. С. 28.

⁷ Шкаратан О. И. Цит. соч. С. 203.

⁸ Там же. С. 200.

⁹ Там же. С. 257, 259.

налах и партийных органах печати с 1920-х до начала 1930-х годов¹⁰. Работницам и крестьянкам помогал женотдел (женский отдел) при ЦК РКП(б), женщины-активистки, работавшие в профсоюзах, пытались расширить партийное определение рабочего, чтобы дать возможность нуждающимся влиться в ряды рабочих. Борьба за «право на труд» между профсоюзами, рабочими, крестьянами, женщинами и партией шла на протяжении 1920-х гг. Каждая из этих групп упорно отстаивала свои интересы. Профсоюзы старались защитить своих членов, рабочие стремились отстоять свое преимущественное право на квалифицированные рабочие места, крестьяне и женщины хотели получить работу, а партия пыталась стать связующим звеном между ними и согласовать их интересы, одновременно сохраняя приверженность своему пониманию рабочего как опоры действующего режима: мужчина, квалифицированный, кадровый пролетарий¹¹.

В данной главе идет речь об этой сфере столкновения интересов. Концентрируясь на реальном опыте женщин, автор представляет обзор участия женщин в промышленном производстве в период с начала Первой мировой войны до первой пятилетки. Особое внимание уделяется гендерному неравенству, характерному для советской индустрии, что выражалось как в горизонтальной (по отраслям, секторам занятости), так и в вертикальной (внутриотраслевой дифференциации по квалификации и уровню заработной платы) сегрегации. Особо рассматриваются факторы, связанные с последствиями Первой мировой и Гражданской войн, а также новой экономической политики, показано, как каждое из этих событий повлияло на гендерный баланс и роль женщин на производстве. В данной главе анализируется воздействие политики партии на перспективы занятости женщин, в частности, какое содержание профсоюзы и партийные чиновники вкладывали в понятие «квалификация». И, наконец, в данной главе прослеживается развитие государственной политики в отношении рынка труда в связи с заботой партии о «чистоте» рабочего класса, оберегаемого от опасностей его «засорения».

---

¹⁰ См.: Goldman W. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 101–144, 214–254, 296–337.

¹¹ О борьбе за рабочие места см.: Wood. *Op.cit.* P. 151–61; Weiner D. «Razmychka?» *Urban Unemployment and Peasant In-Migration as Sources of Social Conflict* // Fitzpatrick et al. P. 144–155.

Женская занятость: 1914–1928 годы

Русская промышленность начала стремительно развиваться в период с 1885 г. до начала Первой мировой войны. За это время в городах сформировался рабочий класс, правда, сравнительно малочисленный. К 1914 г. из 139,3 млн россиян в городах проживало почти 25 млн (17 % населения страны). К 1917 г. примерно 18,5 млн россиян имели то или иное отношение к наемной рабочей силе: около 3,6 млн было занято в крупной промышленности, 1,7 млн – на транспорте, 1,25 млн – в строительстве, еще 1,25 млн – в других отраслях промышленности, 4,5 млн – в сельском хозяйстве. Горнодобывающая промышленность являлась крупнейшим работодателем, в ней было занято 872 000 рабочих, в текстильной промышленности было занято 742 000 рабочих, в металлургии и машиностроении – 544 100. Металлургия, машиностроение, принадлежащая государству оборонная промышленность, железные дороги активно развивались и во время войны, к 1917 г. в этих отраслях было занято в общей сложности 1 184 200 человек, работавших в основном на крупных заводах и фабриках¹².

С самого начала развития российской индустрии женщины занимали в ней существенное место. К 1885 г. 22 % рабочей силы, занятой на фабриках, составляли женщины. Еще больше женщин работало в текстильной промышленности (37 %), бумажной (36 %) и табачной промышленности (47 %). Большая часть женщин (80,0 %), работавших по найму, были либо обслугой, либо безземельными сельскохозяйственными работницами, только 13 % наемных работниц было занято в промышленности или строительстве. Со временем и количество работниц, и их доля в составе промышленных рабочих неуклонно увеличивались. Роза Гликман пишет: «С 1885 по 1914 г. для истории женщин-работниц характерным признаком был постоянный рост не только конкретного числа женщин в составе рабочего класса, но и общего процента их занятости <...> Увеличивалась или падала численность рабочей силы, развивалась или приходила в упадок промышленность, количество работающих на фабриках женщин постоянно росло»¹³.

---

¹² Danilov V. P. *Rural Russia under the New Regime*. London: Hutchinson, 1998. P. 38; Вдовин А. И., Дробышев В. З. *Рост рабочего класса СССР, 1917–1940*. М.: Мысль, 1976. С. 68–70.

¹³ Glickman R. *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914*. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1984. P. 74–75, 76. Шкаратан О. Цит. соч. С. 229, 192.

Расширение масштаба занятости женщин в основном мотивировалось желанием работодателей увеличить прибыль. В одном из отчетов фабричных инспекторов указано, что по всей стране хозяева фабрик, стремясь снизить затраты на заработную плату, «заменяют мужчин женщинами». Управляющие фабрик считали женщин дешевой рабочей силой, и после принятия закона о детском труде в 1882 г. детский труд стали заменять женским. Уровень женской занятости рос исключительно быстро: к 1914 г. женщины составляли почти треть всех фабричной рабочей силы, то есть более полумиллиона человек. Женщины постепенно занимали господствующую позицию в текстильной индустрии, к 1914 г. они составляли больше половины занятых в этой отрасли. После 1900 г. женщины начинают проникать в те секторы промышленности, где раньше были заняты только мужчины. Главным образом это происходит в тех районах, где было мало ткацких фабрик.

Женщины-работницы успешно адаптировались в городе, сохранив меньше связей с деревней, чем мужчины. Случайный, эпизодический заработок давал возможность устроиться на постоянную работу. Многие женщины продолжали работать на фабрике, уже выйдя замуж и родив детей. В своем исследовании, посвященном русским фабричным работницам, Гликман отмечает, что в начале двадцатого века женщины обосновались на фабриках так же прочно, как и мужчины, и их количество возрастало. Работницы «были настолько стабильной рабочей силой, настолько принадлежали к пролетариату, насколько это было возможно в царской России». Гликман доказывает, что, несмотря на то что женщины были менее квалифицированными и не имели такого стажа, как мужчины, они были меньше связаны с сельской жизнью. По сути, женщины были ближе к пролетариату, чем их коллеги-мужчины¹⁴.

Во время Первой мировой войны женская занятость значительно выросла, поскольку женщины заменили на производстве мобилизованных мужчин. Шкаратан полагает, что в армию было призвано 20 % промышленных рабочих, и к 1917 г. больше половины рабочих на российских фабриках были «новичками»¹⁵. Согласно переписи 1918 г., женская занятость в промышленности возросла с 31,4 % в 1913 г. до 45 % в 1918 г. Женская занятость росла во всех отраслях промышленности, максимальный прирост наблюдался в традицион-

---

¹⁴ См. об этом в: Glickman. Op. cit. P. 84–104.

¹⁵ Шкаратан О. Цит. соч. С. 219–220.

но мужской отрасли, металлургии, где женская занятость выросла в три раза¹⁶. Многие женщины впервые пришли на фабрику только в годы войны, но по своему социальному происхождению они имели отношение к рабочему классу. Они проживали в городе, работали прислугой или на низкооплачиваемых работах вне индустрии, были женами, дочерьми рабочих. Рональд Суни и Льюис Зигельбаум, в противоположность мнению большевиков, полагают, что «изменения в социальном и гендерном составе и сознании рабочего класса не обязательно ведут к депролетаризации»¹⁷.

После того как в 1918 г. большевики вывели Россию из числа воюющих стран, женщин стали увольнять с промышленных предприятий, но уровень их занятости продолжал оставаться высоким. Мужчины были мобилизованы в Красную армию, и вернуться домой они смогли только к 1920 г. И хотя в этот период женщины работали практически во всех отраслях промышленности, они продолжали подвергаться гендерной сегрегации. Наибольшее количество женщин трудилось в хлопчатобумажной промышленности (64 %), меньше всего их было в металлургии (15 %). Это были своего рода полюса — преимущественно женской и преимущественно мужской занятости. В других отраслях промышленности столь разительных гендерных различий между рабочими не наблюдалось: женщины составляли 41 % работников, занятых в писчебумажном производстве, 32 % — в химической промышленности, 18 % — с в деревообрабатывающей¹⁸.

После окончания Гражданской войны женская занятость в промышленности резко снизилась: на свои рабочие места вернулись демобилизованные солдаты. Весной 1921 г. партия большевиков заявила о переходе к НЭПу. Был принят ряд экономических мер, включавших в числе прочих замену натуральной оплаты за труд денежной, новую систему ведения отчетности на фабриках, резкое снижение государственных затрат на социальное обеспечение детей и общест-

---

¹⁶ Серебренников Г. Женский труд в СССР за 15 лет // Вопросы труда. 1932. № 11–12. С. 59, 60. Перепись 1918 г. охватила 31 губернию в Европейской части России. Серебренников дает цифры за 1913, 1917 и 1920 — за все годы, отсутствующие в издании «Труд в СССР».

¹⁷ Шкаратан приводит данные переписи 1918 г. (Шкаратан О. Цит. соч. С. 247), он утверждает, что значительное число кадровых рабочих осталось на фабриках. О классовом сознании см.: Koenker D. Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and the Civil War // Journal of Modern History. 1985. Vol. 57. P. 424–450; Siegelbaum and Suny. Class Backwards. P. 15.

¹⁸ Серебренников Г. Цит. соч. С. 60.

венные столовые в связи с переходом на хозрасчет. Многие убыточные предприятия были закрыты. Нарпит* во время войны кормил тысячи рабочих за счет государства, но после ее окончания сократил значительную часть служащих, в основном — женщин. Шкаратан утверждает, что более четверти рабочей силы, занятой в промышленности (около 260 000 человек), было уволено, их заменили кадровые рабочие, вернувшиеся из армии¹⁹. Безработица стремительно росла, увольняли чаще всего женщин. Серебренников, специалист по экономике труда, доказывает, что предубеждение против работниц сыграло значительную роль в резком падении уровня женской занятости в определенных отраслях промышленности. Он утверждает, что в «обесценивании» женщины как работника виноваты руководители Народного комиссариата труда и профсоюзы²⁰.

К 1928 г. общая доля женщин в промышленных отраслях составляла 28,6 % и держалась на этом уровне даже после принятия и выполнения первой пятилетки. Она практически не менялась с 1926-го по 1930 г. Из данных, представленных в табл. 1.1, видно, что доля женщин в промышленности оставалась постоянной, несмотря на неуклонный рост общего числа женщин-работниц. К 1928 г. государству удалось восстановить разрушенный в годы войны промышленный потенциал. Общий объем промышленной продукции достиг довоенного уровня, интенсивность освоения капитальных вложений значительно повысилась. За период с 1923-го по 1930 г. количество женщин в крупной индустрии увеличилось более чем в два раза: с 423 200 до 885 000 человек.

Таблица 1.1

Женщины-работницы в промышленности СССР, 1923–1930 гг. (на 1 января)

Год	Женщины	
	Чел.	%%
1923	423 200	29,5
1924	425 900	27,5
1925	513 200	28,8
1926	643 600	28,4

* Государственная организация общественного питания (в СССР до 1930 г.) (прим. ред.).

¹⁹ Шкаратан О. Цит. соч. С. 257. Эта цифра отражает положение в промышленности, относившейся к ВСНХ.

²⁰ Серебренников Г. Цит. соч. С. 60–62.

Год	Женщины	
	Чел.	%%
1927	673 800	28,4
1928	725 900	28,6
1929	804 000	28,8
1930	885 000	28,4

Источник: Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана, 1936. С. 91²¹.

Таблица 1.2

**Женщины-работницы в главных отраслях промышленности СССР, 1923–1928 гг.
(на 1 января), включая подмастерьев**

Отрасли промышленности	1923		1925		1926		1927		1928	
	Число (чел.)	%%	Число (чел.)	%%	Число (чел.)	%%	Число (чел.)	%%	Число (чел.)	%%
Электростанции	нет данных	нет данных	1200	6,1	600	3,6	700	3,8	600	3,3
Горнодобывающая	23 200	13,6	15 500	9,7	16 500	8,4	20 600	8,1	19 300	7,6
Нефтедобывающая	1100 ^a	3,0 ^a	1400	3,0	100	0,2	200	0,5	100	0,3
Железорудная	800 ^a	10,1 ^a	1200	10,8	1 400	7,0	1200	6,4	1300	5,8
Химическая	6500	20,9	6000	14,4	6 400	13,6	6600	14,5	7200	14,6
Цемент	700	16,2	600	8,5	1 300	8,2	1700	8,8	1900	9,8
Черная металлургия	11 100	13,5	12 000	11,0	11 800	7,7	11 700	6,8	10 900	6,1
Машиностроение и металлообработка	35 800	13,4	29 100	9,6	36 100	9,0	37 600	9,2	40 200	8,8
Деревообрабатывающая	7600	18,1	7200	14,6	6700	13,2	10 000	15,5	11 500	16,6

²¹ Термин «крупная индустрия» включает механизированные предприятия, на которых трудится не менее шестнадцати человек (рабочие, подмастерья, обслуживающий персонал) и не механизированные предприятия, на которых работают не менее тридцати человек. См.: Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана, 1936. С. 363.

Отрасли промышленности	1923		1925		1926		1927		1928	
	Число (чел.)	%%	Число (чел.)	%%	Число (чел.)	%%	Число (чел.)	%%	Число (чел.)	%%
Бумажная	6400	31,0	6600	24,7	7800	24,9	8000	24,9	7800	25,1
Полиграфическая	10 700	24,7	12 300	20,5	14 400	20,9	12 400	20,5	12 800	21,2
Хлопчатобумажные ткани	133 700	59,9	207 700	59,9	276 100	60,6	284 600	61,2	300 600	61,9
Лен	35 000	60,8	41 300	58,4	50 700	61,9	61 000	63,4	59 600	64,4
Шерсть	28 400	49,3	30 900	47,0	32 700	48,0	31 400	48,8	33 000	49,2
Кожа и мех	5000	15,4	3500	11,2	3600	10,5	3700	11,2	4200	12,2
Готовое платье	нет данных	нет данных	14 400	58,2	15 700	63,8	16 600	63,6	27 400	64,3
Обувь	3 500	26,9	4 100	23,2	5 300	28,9	6 400	30,7	7 900	29,8
Пищевая промышленность	32 500	23,8	43 400	25,9	61 200	25,3	57 700	26,7	63 500	26,3
Итого (чел.):	342 000		444 700		548 400		572 100		609 800	

^а1924.

Источник: Труд в СССР. С. 99, 106, 114, 120, 127, 134, 142, 150, 161, 168, 176, 184, 192, 199, 207, 215, 223, 230. Эти цифры учитывают только рабочих и подмастерьев²².

Гендерная сегрегация в промышленности

Восстановление промышленности в 1920-е гг. позволило большому количеству женщин найти работу на производстве, но не дало им перспектив в традиционно «мужских» отраслях. За период с 1923-го по 1928 г. доля женщин во всех отраслях промышленности, кроме хлопчатобумажной, льняной, швейной, обувной и пищевой, значительно сократилась. Наиболее сильно это проявилось в традиционно «мужских» отраслях, таких как горнодобывающая, железорудная промышленность и черная металлургия (см. табл. 1.2). Результатом стало снижение общей доли женщин в индустрии. Из данных таб-

²² Данные, указанные в табл. 1.1 не совпадают с итоговыми цифрами табл. 1.2, поскольку в расчеты для табл. 1.1 были включены промышленные кооперативы, мелкие фабрики, вспомогательные производства сельского хозяйства, строительство и торговля. См.: Труд в СССР. С. 369.

лицы видно, что уровень женской занятости сокращался в тяжелой промышленности, но несколько возрастал в легкой. Многие феминистски ориентированные аналитики и активисты были обеспокоены возможными негативными последствиями НЭПа. Женщины практически не получили выгоды от капиталовложений в пятилетку и подъема тяжелой индустрии, поскольку были заняты в недостаточно капитализированной легкой промышленности. В 1928 г. число женщин, занятых на крупных промышленных предприятиях страны (725 900 человек), было почти таким же, как в 1913 г. (723 900 человек)²³. В целом в годы НЭПа традиционные принципы гендерной сегрегации, существовавшие до войны, серьезно укрепились. Женщины, пополнившие ряды рабочего класса в это время, находили работу в отраслях, традиционно считавшихся «женскими»: текстильная и швейная промышленность.

Таблица 1.3

**Распределение женщин-работниц по отраслям промышленности:
1923 и 1928 г. (на 1 января), в %**

Отрасли промышленности	1923	1928
Электростанции	нет данных	0,09
Горнодобывающая	6,7	3,0
Нефтедобывающая	0,3 ^a	0,01
Железорудная	0,2 ^a	0,2
Химическая	1,9	1,1
Цементная	0,2	0,3
Черная металлургия	3,2	1,8
Машиностроение и металлообработка	10,4	6,6
Деревообрабатывающая	2,2	1,9
Бумажная	1,8	1,3
Полиграфическая	3,1	2,1
Хлопчатобумажные ткани	39,0	49,2

²³ Статистика 1913 г. отражена в: Glickman. Op. cit P. 83. О доле женщин в составе рабочего класса в период с 1917 по 1928 см.: Ilic M. Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From «Protection» to «Equality». London: Macmillan, 1999. P. 27–42.

Отрасли промышленности	1923	1928
Льняная	10,2	9,7
Шерстяная	8,3	5,4
Кожевенно-меховая	1,4	0,7
Готовое платье	нет данных	4,5
Обувная	1,0	1,3
Пищевая	9,5	10,4
Итого:	100,9	99,6

^a1924.

Источник: рассчитано по табл. 1.2.

К концу НЭПа в текстильной промышленности бóльшую часть рабочей силы составляли женщины. Более того, женщины, занятые в текстильной промышленности, представляли большинство общего числа женщин, занятых в индустрии страны в целом. В 1928 г. из общего числа работающих на промышленных предприятиях женщин (609 800 человек), почти две трети были заняты в текстильной промышленности (см. табл. 1.3). Из всего числа женщин, занятых в индустрии, 10,4 % работали в пищевой промышленности, 6,6 % — в машиностроении и металлообработке, 3 % — в горнодобывающей и 2,1 % — в полиграфической промышленности. Таблица 1.3 демонстрирует, что гендерная сегрегация в промышленности в период с 1923 по 1928 гг. усилилась. Число женщин, занятых в горнодобывающей, химической, нефтедобывающей, железорудной промышленности, машиностроении и металлообработке, деревообрабатывающей, бумажной, полиграфической, шерстяной, кожевенной и меховой промышленности уменьшилось. В то же время уровень женской занятости в хлопчатобумажной промышленности вырос с 39 до 49,2 %. Женская рабочая сила была сконцентрирована в «женских» секторах промышленного производства, остальная часть женщин-работниц была — в различных пропорциях — распределена по другим отраслям. Таблица женской занятости в промышленности демонстрирует широкий спектр возможностей для получения работы, однако перемены, произошедшие в период с 1923-го по 1928 гг., существенно снизили эти возможности. Изменения, наблюдаемые в распределении

женской рабочей силы в период НЭПа, подтвердили традиционный гендерный баланс, существовавший в индустрии страны: женщины заняты преимущественно в текстильной и других отраслях легкой промышленности, мужчины — в металлургии и других отраслях тяжелой промышленности. Несмотря на то что большевики говорили о женском равноправии, новая экономическая политика укрепила гендерные стереотипы в промышленности, воспрепятствовав возникшему после 1900 г. и усилившемуся в годы войны стремлению женщин работать в тяжелой промышленности²⁴.

Квалификация и заработная плата

В годы НЭПа не только усилилась горизонтальная сегрегация (по отраслям), но и не был устранен дисбаланс, выраженный вертикальной сегрегацией (по квалификации и уровню заработной платы). В течение 1920-х гг. женский труд был неквалифицированным и самым низкооплачиваемым. К 1925 г. квалифицированным трудом занималось около половины всех промышленных рабочих-мужчин, и только 13 % женщин-работниц (см. табл. 1.4). Женщины, работавшие в текстильной и табачной промышленности, имели больше шансов для продвижения в должности, чем женщины, занятые в металлургии и горнодобывающей промышленности, которые почти не имели таких возможностей и фактически занимались неквалифицированным трудом. К примеру, в каучуковой и спичечной промышленности, квалифицированным трудом занимались около 5 % рабочих-мужчин и только 1 % женщин-работниц. В целом в химической промышленности только 3 % женщин занимались квалифицированным трудом, среди мужчин этот показатель был равен 7 %²⁵.

---

²⁴ Такая картина наблюдалась не только в Советском Союзе. Гендерная сегрегация в советской промышленности мало чем отличалась от того, что происходило в развитых промышленных странах, включая Германию. В Советском Союзе и Германии доля женщин в ряде отраслей была практически одинаковой: значительное преобладание их в швейной и текстильной промышленности и небольшой процент — в тяжелой промышленности. При этом в СССР женщины составляли большую долю занятых в металлургии, машиностроении, в химической промышленности, строительстве и в деревообрабатывающей промышленности, чем женщины Германии в соответствующих отраслях. Таким образом, если советская промышленность характеризовалась явной сегрегацией, в Германии это было выражено в большей степени. См.: «Доклад о состоянии женского труда» // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 6. Л. 31 об.

²⁵ О внедрении женского труда в народное хозяйство в 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп.15. Д. 362. Л. 155.

Промышленные рабочие, распределение по полу и квалификации, май 1925 года^а

	Квалифицированные (в %)	Низкоквалифицированные (в %)	Неквалифицированные (в %)	Общее число (чел.)
Мужчины	49,5	30,9	19,5	280 013
Женщины	13,2	41,4	45,2	60 561

^а С учетом рабочих только в горнодобывающей промышленности, металлургии, машиностроении, полиграфической промышленности, производстве фарфора, стекла, спичек и табака.

Источник: Рашин А. Г. Женский труд в СССР. М., 1928. С. 12.

Занимаясь неквалифицированным трудом, женщины получали более низкую зарплату, чем мужчины. В 1927 г. она составляла около 64 % от заработной платы мужчин²⁶. В любой отрасли женщины занимали самые низкооплачиваемые неквалифицированные должности. В 1926 г. меньше сорока рублей в месяц получали около 21 % мужчин и 65 % женщин. Различия в заработной плате были наиболее ярко выражены в металлургии, где меньше сорока рублей получали 22 % женщин и только 3 % мужчин. В текстильной промышленности также наблюдалась гендерная дифференциация в оплате труда²⁷.

Низкий уровень заработной платы женщин не был обусловлен только недостатком опыта и квалификации. Женщине платили меньше, чем мужчине того же уровня квалификации. Равным образом, в любой отрасли женщины, занятые неквалифицированным трудом, всегда получали меньшую зарплату, чем мужчины (см. табл. 1.5).

Таблица 1.5

Суточная заработная плата неквалифицированных рабочих, март 1928 г.

Отрасль промышленности	Заработная плата мужчин (в рублях)	Заработная плата женщин (в рублях)	% от заработной платы мужчин
Металлургия на юге	2,07	1,60	77,0
Металлургия на Урале	1,75	1,28	73,0

²⁶ Рашин А. Г. Женский труд в СССР. М., 1928. С. 39. Их более низкая заработная плата не была обусловлена меньшим количеством рабочего времени. См.: С. 39, 48.

²⁷ Данные по металлургическому производству основаны на информации об уровне заработной платы в 1928 г., см.: Работа НКТ по улучшению условий женского труда // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 6. Л. 14.

Отрасль промышленности	Зарботная плата мужчин (в рублях)	Зарботная плата женщин (в рублях)	% от зарботной платы мужчин
Хлопчатобумажная	2,04	1,51	74,0
Обувная	2,56	1,71	67,0
Табачная	2,90	2,47	85,0
Каучуковая	4,25	3,29	77,0

Источник: Н. В. К вопросу о планировании зарплат // Вопросы труда. 1929. № 3–4. С. 45.

В большинстве представленных в таблице отраслей за неквалифицированный труд женщинам платили 67–85 % от зарплаты мужчин. Таким образом, статистические данные подтверждают, что труд женщин был низкооплачиваемым только потому, что они были женщинами.

«Специфический характер» женской безработицы

Безработица в годы НЭПа являлась серьезной проблемой для женщин. На фоне невозможности содержать себя и детей, независимость, которую предоставляли женщинам Семейные кодексы 1918 г. и 1926 г., выглядела насмешкой. Перспективы женской эмансипации оставались зыбкими. Женская безработица стала причиной появления большого количества бездомных детей (беспризорников) и возрождения проституции. Нищие, оборванные проститутки рассказывали, как их увольняли то с одной, то с другой работы²⁸. В конце 1920-х гг. число безработных — и мужчин, и женщин — постоянно росло. В 1929 г. оно достигало 1 130 210 человек. Даже ускоренная индустриализация не обеспечила равных возможностей всем желающим найти работу. Женщин брали на работу менее охотно, чем мужчин. За период с 1929-го по 1930 г. количество безработных женщин сократилось на 36 %, а количество мужчин на — 53 %.

В результате безработица среди женщин держалась на постоянном уровне: 44,5 % в 1928 г., 47,1% в 1929 г. и 56 % в 1930 г. (табл. 1.6).

²⁸ Goldman W. Women, the State and Revolution. P. 101–143.

Безработица среди мужчин и женщин в России: 1927–1930 гг. (на 1 января)

Год	Всего безработных	Мужчин	Женщин	
			Чел.	%%
1927	916 928	481 387	435 541	47,5
1928	985 375	546 883	438 492	44,5
1929	1 130 210	597 881	532 329	47,1
1930	620 297	281 615	338 682	54,6

Источник: ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 343 (об.)²⁹.

Таблица 1.7

Распределение безработных женщин в России по квалификации: 1927–1929 гг. (на 1 января)

Год	Промышленные рабочие		Работники умственного труда		Без квалификации	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
1927	64 042	14	97 407	21,4	384 386	62,5
1928	44 816	10,3	119 274	27,2	252 405	58,8
1929	53 524	10,1	123 460	23,2	332 427	62,5

Источник: ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 6. Л. 40. Основано на информации со 172 бирж труда.

На увеличение числа женщин среди безработных обратили внимание как плановики, так и профсоюзные и партийные деятели. В июне 1930 г. на XVI съезде РКП(б) Сталин отметил, что женщины и подростки составляют «значительное большинство» безработных, зарегистрированных на биржах труда³⁰. Многие руководители в НКТ говорили о «специфическом характере» женской безработицы. Несмотря на развитие индустрии и снижение безработицы среди мужчин, безработица среди женщин продолжала возрастать. Изучив

²⁹См.: ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 6. Л. 40. Здесь указаны те же данные по безработице среди женщин. См.: ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 3. разнятся данные по общему числу безработных: 1927 (858 370), 1928 (785 537), 1929 (876 073), 1930 (620 429).

³⁰Сталин И. Политический отчет Центрального Комитета XVI Съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово // Вопросы ленинизма. М., Л.: Госиздат, 1931. С. 725.

собранные данные, специалисты НКТ предположили, что в будущем безработица будет иметь исключительно женское лицо³¹.

Большинство аналитиков связывало рост доли женщин в общей численности безработных с их низкой квалификацией. Промышленность нуждалась в первую очередь в квалифицированных рабочих, поэтому неквалифицированным работницам предпочитали обладающих профессиональными навыками работников-мужчин. Аналитики настаивали на том, что гендерный характер выбора был случайным совпадением. Это утверждение фигурировало почти в каждом официальном анализе рынка труда. Низкая квалификация не была единственной причиной невостребованности женщин, но более глубокое изучение проблемы не допускалось. Предполагалось, что при том же уровне профессиональной подготовки, что и у мужчин, женщины быстро вольются в состав рабочего класса. Действительно, профессиональным опытом обладали немногие женщины. Например, в 1929 г. только 10 % безработных женщин имели профессиональные навыки, среди мужчин эта цифра была выше — 18,9 %³². В табл. 1.7 ясно видно, что большинство зарегистрированных на биржах труда безработных женщин не имели профессиональной квалификации. Но, вероятно, у них был опыт работы, и это позволило им зарегистрироваться на бирже.

Таблица 1.8

Квалифицированные и малоквалифицированные безработные мужчины и женщины в России: 1927–1930 г. (на 1 января)

Год	Всего	Мужчин Чел.	Женщин	
			Чел.	%%
1927	162 185	104 610	57 575	35
1928	143 951	93 569	50 382	35
1929	162 681	100 700	61 981	38
1930	134 446	78 248	56 198	42

Источник: Подсчитано по данным ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 3 об.

³¹ См.: Пятилетний план внедрения женского труда в народное хозяйство РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 3 об.

³² См. табл. 1.8, где указан процент и число безработных женщин с производственными навыками. См.: ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 3 об., где отмечено, что в 1929 г. 162 681 безработных обладали производственными навыками. Если вычесть число безработных женщин, получим 109 157 человек или 18 % безработных мужчин.

Многие женщины, не имевшие квалификации, были крестьянками или домохозяйками. Они никогда не работали по найму. Например, в Московской области в 1930 г. никогда не работали по найму почти половина безработных женщин. Среди тех, кто работал по найму, 70 % занимались неквалифицированным трудом, чаще всего в качестве прислуги, 20 % работали вне сферы индустрии, и только 10 % работавших по найму женщин были заняты в промышленном производстве. Кроме того, большинство женщин, имевших опыт работы в промышленности, ранее трудились в текстильной и швейной промышленности, но они были уволены, поскольку первым пятилетним планом не предусматривалось значительных вложений в развитие этих отраслей. Таким образом, даже те немногие, имевшие опыт работы в промышленности женщины, были заняты в отраслях, переживавших период упадка³³. Руководители предприятий и сотрудники бирж труда не считали бывших крестьянок, уборщиц, портних, обслуживающий персонал, даже текстильщиц подходящей кандидатурой для трудоустройства. Возможности этих женщин найти работу ограничивалась не только их недостаточной квалификацией, но и имевшей место гендерной сегрегацией, а также низким социальным положением, которое они занимали в прошлом.

Дефицит квалификации не был единственным объяснением увеличения доли женщин среди безработных. Из данных, представленных в табл. 1.8, видим, что даже квалифицированных и низкоквалифицированных женщин брали на работу не так охотно, как мужчин, что позволяет предположить, что гендерный аспект имел не меньшее значение, чем квалификация. В период с 1927 по 1930 гг. доля женщин среди квалифицированных и малоквалифицированных безработных возросла существенно: с 35 до 42 %. В то время как число квалифицированных и малоквалифицированных безработных мужчин снизилось на 25 %, уровень безработицы среди женщин с тем же уровнем квалификации снизился лишь на 2 %. Даже женщины, владевшие востребованными на рынке труда профессиями, находили работу не так быстро, как мужчины. Данные по безработным, не имеющим квалификации, демонстрируют ту же модель. В 1928 г. в Москве среди неквалифицированных безработных существенно преобладали женщины. В целом женщины составляли 59 % неквалифицированных безработных. Исходя из этих данных, можно предпо-

---

³³ О работе женинспекторов // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 345 об.

ложить, что мужчин нанимали охотнее³⁴. Этот принцип соблюдался и при равном уровне квалификации кандидатов.

Гендерная дискриминация и предубеждение против женских кадров, не принимавшиеся во внимание в официальных отчетах, в значительной степени ограничивали возможности женщин получить работу. Существовала договоренность между нанимателями и биржами труда, согласно которой предпочтение при найме отдавалось мужчинам. Например, в Сталинском округе женщины составляли 30 % безработных, и только 4 % из них на бирже предложили работу. Нередко наниматели в письменной форме указывали, что на вакантные места предпочтительнее взять работников мужского пола. Сами работники-мужчины часто высказывали то же мнение. Один из мужчин, работавших на шахте Ветка, член партии, заявил: «Женщин не только не надо выдвигать на квалификацию, но они вообще не должны работать до тех пор, пока есть безработные мужчины, а когда не будет безработных мужчин, тогда пусть поступают». Он высказал мысль, которую разделяли многие: «Когда не останется безработных мужчин, женщины могут начать работать»³⁵. Тот факт, что наниматели учитывают гендерную принадлежность соискателей работы, признавали и сотрудники НКТ.

Другим ограничителем возможности женщин получить работу была «инертность администрации и технического персонала, негативная позиция по отношению к женской рабочей силе, связанная с проблемами материнства». Многие руководители относились к положенному по советскому закону продолжительному отпуску как к препятствию в достижении максимальной производительности труда, а пособие по беременности и родам считали чрезмерными затратами. По этой причине женская рабочая сила считалась качественно худшей. Женщине нередко присваивали более низкую категорию, чем мужчине той же квалификации, ставили к неисправному станку³⁶.

Во время публичного обсуждения проблемы безработицы, «низкая квалификация» всегда приводилась в качестве основной причины высокого уровня безработицы среди женщин. Аналитики слишком

---

³⁴ Работа НКТ РСФСР по улучшению условий женского труда // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 6. Л. 16 об.

³⁵ Черевадская. Труд и быт работниц // Коммунистка. 1928. № 6. С. 61

³⁶ Доклад о состоянии женского труда НКТ РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 6. Л. 36.

часто бездумно пользовались этим словосочетанием, так что оно фактически стало характеристикой женской рабочей силы. Выражение «женский труд» практически всегда подразумевало «неквалифицированный» труд. Сама возможность повысить квалификацию также зависела от гендерной принадлежности кандидата. И хозяйственники, и работники-мужчины настойчиво препятствовали женщинам получать профессиональную подготовку, заниматься квалифицированным трудом. В Иваново-Вознесенске администрация отказалась принимать девушек в подмастерья. Часто даже фабричные комитеты препятствовали профессиональному росту женщин. Например, на Ленинской фабрике в Ростове фабричный комитет постановил, что повышение квалификации женщин-работниц нецелесообразно по причине их неграмотности³⁷. Фактически постоянная, широко распространенная гендерная дискриминация в значительной степени обуславливала дефицит квалифицированных кадров среди женщин. Поговорка «наняли последними, уволили первыми» прекрасно подходит для описания положения женщин на рынке труда в годы НЭПа и в начале первой пятилетки.

Опасения в связи с «отсталостью» женщин

В период НЭПа партия приняла ряд мер по ликвидации гендерной дискриминации, желая ограничить рост женской безработицы и привлечь женщин к работе на производстве. XIII съезд партии в 1924 г. постановил, что «сохранение женской рабочей силы на производстве имеет политическое значение»³⁸. Это постановление должно было затормозить тенденцию к увольнению женщин-работниц. Теоретически оно поднимало статус женского труда, но на практике большого эффекта не имело. Партийные верхи не собирались конфликтовать с «капитанами» индустрии, учитывая высокий уровень безработицы среди кадровых рабочих. Положение практически не менялось до конца осени 1930 г. В этот период в стране не хватало рабочей силы. Но в 1928–1929 гг. партию гораздо больше волновало сопротивление женщин коллективизации, чем их перспективы работы в промышленности. В ноябре 1928 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работ-

---

³⁷ О работе женинспекторов // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159; О внедрении женского труда в народное хозяйство в 1931 г. // ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 156.

³⁸ Серебренников Г. С. 61.

ниц и крестьянок», в котором утверждалось, что в первой пятилетке женщин надо вовлекать в общественное производство, но их участие предполагалось в первую очередь как поддержка более крупных программ индустриализации и коллективизации. Центральный Комитет выразил обеспокоенность тем, что «классовые враги» могут «наиболее отсталые слои трудящихся женщин использовать для борьбы против партии и советов». Было отмечено, что женщины слабо представлены на руководящих постах, и в связи с этим местным руководителям было поручено энергичнее продвигать женщин в должности и позволить женщинам-активисткам полноценно участвовать в политических дискуссиях и выработке решений.

Содержавшиеся в этом постановлении рекомендации в отношении женской рабочей силы были довольно ограниченными. Предлагалось активизировать работу по вовлечению женщин в индустрию, в частности, в быстро развивавшиеся в то время машиностроение, кожаное производство, деревообрабатывающую промышленность — отрасли, в которых женщины не были широко представлены. При этом не были предусмотрены какие-либо меры борьбы с гендерной сегрегацией в промышленности, не пересматривались инвестиционные стратегии первой пятилетки. Напротив, было рекомендовано «максимальное заполнение женским трудом» традиционно женских отраслей: швейной, пищевой, ткацкой, бумажной, химической промышленности, привлечение женщин в розничную торговлю, в администрацию и на транспорт. Предлагалось полнее занимать женщин на наземных работах в горнодобывающих комплексах, но оставить в силе запрет на их работу в шахте. Настоятельно рекомендовалось создавать больше доступных детских центров и других социальных служб, позволяющих женщинам посвящать себя работе, но не упоминалось о высоком уровне безработицы среди женщин³⁹.

В начале лета 1929 г. ЦК РКП(б) опубликовал второе постановление «Очередные задачи партии по работе среди работниц и крестьянок», в котором упоминались те же проблемы⁴⁰. Официальная советская история утверждает, что это постановление стало мощным стимулом для вовлечения женщин в индустриальное производство⁴¹.

---

³⁹ Постановление ЦК ВКП(б) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 490. Л. 57–65.

⁴⁰ Об очередных задачах Партии по работе среди работниц и крестьянок // Коммунистка. № 14. С. 43–48. Постановление датировано 15-м июня 1929 г.

⁴¹ См., например: Советские женщины и профсоюзы. М.: Профиздат, 1984. С. 44.

Это выглядит преувеличением, большинство положений практически идентичны пунктам постановления, вышедшего в ноябре. И снова Центральный Комитет призывает к «решительному и массовому выдвижению работниц и крестьянок на руководящую работу». Профессиональное обучение и продвижение женщин по карьерной лестнице должно было поощряться местными женотделами, отделами кадров, профсоюзами и хозяйственными органами. В документе вновь утверждалась необходимость задействовать женщин в тех же отраслях, которые были перечислены в первом постановлении.

Основной идеей второго постановления была обеспокоенность тем, что «классовые враги» могут манипулировать «отсталыми женщинами». Тысячи крестьянок активно сопротивлялись продразверстке и коллективизации, а среди городских женщин нарастало недовольство нехваткой продуктов, ростом цен, низкими зарплатами. По словам партии, «антисоветские элементы» могли использовать «наиболее отсталые слои трудящихся женщин» для борьбы против партии и советов. Своей главной задачей авторы документа считали переключение работы женотделов с борьбы за интересы женщин в русло поддержки партийной программы. В первой пятилетке ЦК дал указание женотделам сориентировать работниц на сокращение числа прогулов и повышение производительности труда. За исключением признания того, что многие крестьянки активно сопротивляются коллективизации, постановление было практически точной копией предшествующего.

Профсоюзы встретили постановление ЦК без энтузиазма. Представители профсоюзов собрались, чтобы составить двухмесячный план по привлечению женщин к работе в промышленности, удовлетворению потребностей в учреждениях по уходу за детьми и других службах быта. Кроме того, были определены квоты для женщин по участию в программах профессиональной подготовки⁴². Однако воплотить эти решения в жизнь не удалось. Постановление ЦК побудило Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) и Наркомат труда (НКТ) разослать циркуляр в профорганизации на местах и ведомства. В этом циркуляре повторялся призыв ЦК к «более активному вовлечению женщин во все отрасли индустрии», осуждалось падение числа женщин, занятых в промышленности, увеличение доли женщин среди безработных, недостаток

---

⁴² Женский труд — в производство // Труд. 12 июля 1929.

курсов профподготовки, детских учреждений, прачечных и общественных столовых. Циркуляр повторял основную мысль постановления партии, которое призывало повысить долю женщин-работниц в ремонтных мастерских, на машинном и деревообрабатывающем производстве, транспорте, химической и кожевенной промышленности, максимально увеличить количество женщин в традиционно женских областях промышленности, таких как швейная, текстильная, бумажная и пищевая.

С целью улучшения ситуации на рынке труда циркуляр запрещал хозяйственникам и биржам труда увольнять женщин, чтобы взять на их место мужчин, а также уклоняться от приема женщин на работу, что было широко распространенной практикой. Хозяйственникам рекомендовалось вернуть уволенных с фабрик женщин на работу и, если возможно, предоставить им рабочие места на новых предприятиях. Профсоюзам поручалось следить за тем, чтобы не снижалась доля женщин в составе промышленных рабочих и активно бороться с гендерной дискриминацией на рынке труда. Рекомендовалось организовать для женщин вечерние курсы профподготовки, что позволило бы занять больше женщин в строительстве, поскольку в этой отрасли сильнее всего ощущалась нехватка рабочей силы. Для всех курсов профподготовки были определены квоты для женщин⁴³. Тем не менее циркуляр, равно как и предшествующие постановления ЦК, не оказал большого влияния на местные органы управления. Хозяйственники по-прежнему увольняли женщин, биржи труда продолжали оказывать предпочтение мужчинам, профсоюзы оставались равнодушными к проблемам женщин.

К сентябрю 1929 г. проблема безработицы среди женщин стала настолько болезненной, что Совет Народных Комиссаров приказал НКТ обеспечить занятость матерей-одиночек и предоставить им преимущество при поступлении на курсы профподготовки. СНК полагал, что принятие этих мер снизит количество женщин, зарабатывающих на жизнь проституцией⁴⁴. Глава женотдела Александра Артюхина заметила в октябре, что партия должна меньше говорить и больше делать, чтобы оказать помощь женщинам-работницам. По ее словам,

---

⁴³ Официальный отдел. Об усилении, вовлечения женского труда в производство. Циркуляр ВЦСПС, НКТ СССР № 168 от июля 1929 г. // Труд. 4 августа 1929 г.

⁴⁴ Борьба с проституцией — постановление СНК РСФСР // Труд. 4 сентября 1929 г.

продвижение женщин по службе идет «с необычайно большой инертностью» и никогда не рассматривается как отдельная проблема. «Мы почти не выделяем вопроса о выдвижении женщин из общего вопроса о выдвижении, — объяснила Артюхина. — Мы учитываем <вообще> как женщин, так и мужчин. Вот это <вообще> не подходит. Нужно, чтобы работнице, батрачке, крестьянке было уделено внимание не <вообще>, а особое, потому что она впервые вовлекается в большое крупное дело»⁴⁵. Ее заявление было по большей части проигнорировано. ВЦСПС объявил официальный мораторий на ведение работы среди женщин. Ни одна организация, кроме женотдела, не занималась отслеживанием ситуаций с рабочими местами для женщин в промышленности и других отраслях экономики. В начале декабря 1929 г. ЦК издал еще одно постановление, в котором с неудовлетворением было отмечено, что ВЦСПС и наркоматы не сделали практически ничего для организации курсов профподготовки для женщин, о которых шла речь еще летом 1928 г. Центральный Комитет потребовал, чтобы курсы профподготовки начали работу не позднее 10 декабря, оставив на выполнение своих указаний всего лишь две недели⁴⁶. Тем не менее это постановление не вывело ни НКТ, ни профсоюзы из состояния апатии и равнодушия к проблемам женщин.

На страже дверей в рабочий класс

Проблема женской безработицы становилась все более насущной, в то время как в партии не было согласия в отношении этого вопроса. Несмотря на то что нужда в рабочей силе все возрастала, партия продолжала опасаться, что «чуждые элементы» будут негативно влиять на рабочий класс. Партия беспокоилась о чистоте рабочего класса и считала необходимым сохранять его структуру, не допуская в его ряды крестьян. Такая политика вела к ограничению возможностей женщин и в конечном счете не позволяла своевременно удовлетворить потребности производства в рабочей силе. В бесконечном потоке постановлений и инструкций, касающихся рынка труда, выражалась озабоченность тем, что крестьяне «тайно просачиваются» в ряды пролетариата. Коллективизация проходила на фоне активного сопротивления крестьянства, поэтому партия опасалась, что

---

⁴⁵ Очередные задачи партии по работе среди женщин в СССР. Доклад на заседании московского партактива // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 490. Л. 37, 44.

⁴⁶ О сети курсов по подготовке работниц к поступлению во ВТЮЗы, техникумы и рабфаки в ЦК ВКП(б) // Труд. 1 декабря 1929 г.

негативное отношение крестьян к существующему строю, пошатнет единственную точку опоры режима — пролетариат. Эти опасения не позволяли быстро и гибко реагировать на изменяющиеся требования промышленности, влиять на биржи труда и улучшать бедственное положение женщин.

Биржи труда были открыты по всей стране после Гражданской войны, весной 1922 г. До 1925 г. они выполняли две функции: оказывали посредническую помощь в поиске работы и выплачивали пособие по безработице. Любой наем рабочей силы проходил через биржу, что обуславливало критическое различие между положением зарегистрированных и незарегистрированных безработных. Первые получали денежное пособие и шанс найти работу, вторые не имели права ни на то, ни на другое. Биржи труда монополизировали посредничество на рынке труда, контролируя доступ к рабочим местам и их распределение среди «зарегистрированных» безработных. Чтобы зарегистрироваться, нужно было иметь стаж работы. Это правило исключало всех, кто ранее не работал по найму, например, крестьян и домохозяек, из рядов «официальных» безработных. Многие женщины — вдовы, разведенные, матери-одиночки попали в зависимость от этой системы. Они не могли получить работу или пособие, поскольку ранее никогда не трудились по найму. Несмотря на то что эти люди отчаянно пытались найти работу, официально они безработными не считались⁴⁷.

Профсоюзы полностью одобряли эту политику, поскольку она защищала интересы членов профсоюзов⁴⁸. На восьмом съезде профсоюзов в декабре 1928 г. ВЦСПС подчеркивал необходимость защитить членов профсоюзов от «непролетарских элементов»: «В стране диктатуры пролетариата, где профсоюзы являются основой совет-

---

⁴⁷ Во многих промышленно развитых странах невозможно получить пособие по безработице, не имея предыдущего опыта работы. Однако в СССР биржи труда контролировали и возможность получить пособие, и возможность трудоустройства.

⁴⁸ После 1925 г. крестьяне, переехавшие в город, были уравнены с рабочими в праве регистрироваться на бирже. Таким образом, наниматели получили больше возможностей по контролю трудоустройства, но биржи по-прежнему заведовали пособиями по безработице. Дискуссия и содержательное резюме по вопросу роли бирж труда в 1920-е гг. см.: Chase W. Workers, Society, and the Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918–1929. Chicago: University of Illinois Press, 1990. P. 137–149.

ской власти, где членство в профессиональном союзе представляет целый ряд преимуществ членам профсоюзов по отношению к нетрудовым, неорганизованным элементам, неизбежно создаются предпосылки проникновения в профессиональные союзы непролетарских элементов». ВЦСПС резко противопоставил интересы членов профсоюзов интересам безработных, не являющихся членами профсоюза, утверждая, что «избыточная рабочая сила из деревень» (крестьяне) вытесняет членов профсоюза при найме на сезонные работы в таких отраслях как строительство, лесопромышленность и горнодобывающая промышленность. На съезде было заявлено: «Только лица, для которых работа по найму является основным источником существования, будут приняты в члены профсоюза»⁴⁹. Эта резолюция со всей очевидностью была направлена против крестьян, но при этом оставалась нерешенной проблема женщин, не имевших опыта работы по найму. Устройство на работу зависело от членства в профсоюзе, а членство в профсоюзе — от наличия работы.

В 1929 г. биржи труда, никогда не проявлявшие себя наилучшим образом в том, что касалось распределения вакантных рабочих мест, напряженно пытались удовлетворить запросы промышленности в рабочей силе за счет зарегистрированных безработных и растущего потока мигрантов из сельской местности. Осенью 1929 г. биржи труда захлестнула волна крестьян, спасавшихся от продразверстки и коллективизации. Масштабы безработицы продолжали увеличиваться, несмотря на растущий спрос на рабочую силу. К августу 1929 г. в СССР на биржах труда было зарегистрировано почти 1 300 000 человек, из них: 60 % неквалифицированных, треть — впервые ищущих работу, 44 % женщин⁵⁰. В 1930 г. в России женщины составляли почти 55 % безработных (см. табл. 1.6). Биржи труда, наводненные неквалифицированными крестьянами и горожанками, не имели возможности подготовить рабочие кадры и распределить их на строительные объекты и предприятия. Чтобы защитить старые рабочие кадры, НКТ и профсоюзы отреагировали на ситуацию принятием мер, которые были направлены на усиление сомнительной — с точки зрения эффективности — централизации процесса найма: начали отсеивать новых пре-

---

⁴⁹ Резолюции VIII Всесоюзного съезда профессиональных союзов. М.: Книгоиздательство ВЦСПС, 1929. С. 34.

⁵⁰ О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях к ее ослаблению. Постановление ЦК ВКП(б) // Труд. 12 декабря 1929.

тендентов. Эти шаги, возможно, действительно поддерживали старые кадры, но никоим образом не способствовали удовлетворению растущих потребностей промышленности в рабочей силе и оказанию помощи огромному числу обедневших людей, нуждавшихся в работе.

Обращаясь к съезду работников плановых органов в сентябре 1929 г., секретарь ВЦСПС Г. Д. Вейнберг заявил, что биржи труда и профсоюзы теряют контроль над рабочей силой. Вейнберг стремился защитить привилегии штатных работников и был серьезно обеспокоен тем, что социальный состав рабочего класса мог быть размыт из-за притока крестьян. Стремясь быстро получить дешевую рабочую силу, наниматели в обход бирж труда брали на работу крестьян, а не рабочих и членов их семей. Поскольку работодателей проблема «чистоты» рабочих рядов не волновала, они «относились к приему нового контингента очень легко». Вейнберг утверждал, что биржи заполнены «мнимо-безработными» деклассированными элементами, которые на самом деле не заинтересованы в работе. Его призыв к чистке рядов безработных вызвал восторженный отклик главы Госплана Г. М. Кржижановского, который воскликнул в ответ: «Давно пора!»⁵¹

В октябре того же года ВЦСПС занял твердую позицию в борьбе с наплывом ищущих работу. Он призвал профсоюзы к организации рынка труда «в целях защиты старых рабочих кадров». Профсоюзное руководство обвиняло биржи труда в «засорении чуждыми, деклассированными элементами», не нуждающимися в работе. В ВЦСПС утверждали, что до 30 % зарегистрировавшихся на бирже являлись «нетрудовым, деклассированным элементом или лицами, ранее не работавшими по найму». ВЦСПС дал указание профсоюзам более активно участвовать в «регулировании рынка труда» и потребовал, чтобы биржи труда избавлялись от женщин, крестьян и «чуждых, деклассированных элементов», которые раздувают статистические показатели⁵². В газете «Труд» публиковались материалы в поддержку инструкций ВЦСПС, в которых указывалось, что биржи труда должны сузить определение «безработный»: таковыми должны были считаться только квалифицированные кадры, имеющие стаж работы. Авторы публикаций в «Труде» писали о том, что на фабриках

---

⁵¹ Контрольные цифры будут выполнены // Труд. 27 сентября 1929. Партия была крайне озабочена проблемой «мнимо-безработных».

⁵² Очередные задачи профсоюзов. Из материалов подготовительной комиссии президиума ВЦСПС // Труд. 31 октября 1929.

началась текучка кадров, поскольку многие используют работу в столовых, сельском хозяйстве, строительстве и сахарной промышленности, чтобы получить доступ к рабочим местам в индустрии. Газета требовала прекратить «проникновение в промышленность неорганизованных, в особенности социально опасных, враждебных групп». Биржи труда, явно неспособные справиться со сложившейся ситуацией, нужно было реорганизовать, чтобы они могли принять на себя новые обязанности по профессиональной подготовке, управлению и руководству рабочей силой⁵³.

Профсоюзы отреагировали на изменения в экономике возвратом к политике защиты исключительно своих членов. Это помогало создать видимость снижения уровня безработицы, но никак не решало проблему растущей нехватки рабочей силы и безработицы среди крестьян, женщин и молодежи. Инспекторы женского труда при НКТ сообщали, что резкое сокращения числа безработных женщин в период с 1929-го по 1930 г. связано с чисткой на бирже труда, а не с увеличением найма женщин. Иными словами, сокращение «официального» количества безработных женщин — это обман: фактическое число ищущих работу женщин не изменилось⁵⁴. Сфокусировавшись на защите привилегий старых рабочих кадров от предполагаемой угрозы в лице новичков, профсоюзы не сделали ничего, чтобы расширить возможности трудоустройства для женщин.

На местном уровне биржам труда было все сложнее работать в рамках прежней политики. Проверявшие биржи труда контролеры Рабкрина отметили, что «до сих пор на бирже труда нет такого порядка, при котором не нервничали бы безработные и не заставляли их возмущаться, доходя до скандалов». Между безработными и сотрудниками бирж случаются ссоры, драки и скандалы. Длинные очереди у каждого окошка усложняют процесс регистрации. Среди этого хаоса расцвел «вторичный рынок труда», поскольку нуждавшиеся в рабочей силе наниматели посылали своих людей на биржи, чтобы набрать подходящих кандидатов прямо из очереди. И руководители, и сами биржи страдали от хронических проблем в связи с неоперативной передачей информации. Заявки нанимателей могли оставаться без ответа неделями, когда же, в раздражении, руководители промышленных предприятий повторяли заявку, к ним ошибочно направляли две группы рабочих на одни и те же рабочие места. Некоторых рабо-

---

⁵³ Проблема кадров и борьба с безработицей // Труд. 10 декабря 1929.

⁵⁴ О работе женинспекторов // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. 345–45 об.

чих посылали к руководителям, ранее их уволившим, других отправляли на несуществующие рабочие места. Предприятия предъявляли завышенный спрос на рабочую силу в надежде, что таким образом смогут удовлетворить свою реальную потребность в работниках. Сотрудники бирж знали об этом, поэтому, никогда не были уверены, в том, сколько человек на самом деле нужно отправить⁵⁵.

Неспособность бирж труда выполнять свои функции по трудовому посредничеству побудила НКТ рассмотреть ряд предложений по их реорганизации. В ноябре 1929 г. комиссар труда Романов предложил разделить биржи труда на отдельные ведомства, которые должны были заниматься регистрацией безработных, профессиональной подготовкой и распределением рабочей силы. Две недели спустя сотрудники отдела рынка труда НКТ провели совещание с целью разработки плана реорганизации. Они утверждали, что биржи труда могли бы работать эффективнее, если бы регистрация безработных была отделена от подготовки и распределения работников. Сотрудники НКТ надеялись, что таким образом удастся ликвидировать длинные очереди, хаос и скандалы, и уделять больше внимания работе по подготовке и распределению кадров⁵⁶.

Месяц спустя, в декабре, ЦК принял постановление об организации комиссий по трудоустройству под управлением НКТ, в состав которых должны были войти представители различных предприятий и профсоюзов. Задачей комиссий было обеспечение связи между предприятиями и биржами труда путем оценки потребности предприятия в рабочей силе и передачи информации на биржи. Постановлением также ограничивались права руководителей предприятий: было запрещено увольнять действующих работников и заменять их крестьянами с меньшей заработной платой. Работодателям было приказано планировать свои потребности в рабочей силе, включая прогнозируемые заявки на трудовые ресурсы в экономические и технические планы предприятия. В довершение всего ЦК попытался перекрыть основную возможность пробиться в ряды пролетариата «нежелательным элементом». Профсоюзы, не относящиеся к отраслям тяжелой промышленности (Нарпит, сахарная промышленность и строительство), получили

---

⁵⁵РКИ СССР, группа рационализации госаппарата // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 262. Л. 84.

⁵⁶Инструкция Народного комиссариата труда РСФСР от ноября 1929 г. О работе бирж труда. Протокол совещания отдела рынка труда НКТ СССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 262. Л. 41–46, 94–207.

указание ужесточить требования к членству в профсоюзе и очистить свои ряды от «чуждых элементов». Беспokoйно охраняя «вход» в рабочий класс партия пыталась хоть как-то контролировать беспорядочные потоки новых претендентов на рабочие места. Центральный Комитет приказал ужесточить требования и на биржах труда. Только тот, кто ранее работал по найму и был «искренне заинтересован» в поиске работы, мог получить пособие. При этом ЦК не дал никаких указаний, каким образом определять степень «искренности» этих «заинтересованных». Также была увеличена длительность стажа, необходимого для получения пособия. Единственным исключением из новых правил стали дети рабочих и служащих, которые были уже зарегистрированы в качестве безработных. Те, кто не работал по найму, в основном это были крестьяне и женщины, могли зарегистрироваться для получения работы, но не имели права на пособие. Но они не получали направлений на промышленные предприятия, как правило, их посылали на низкооплачиваемые второстепенные работы, в общественные столовые или на городские огороды. А тех, кто отказывался от предложенной работы, сотрудники бирж должны были вычеркивать из списков безработных. Кроме того, биржи должны были очистить свои ряды от «чуждых, хулиганствующих элементов». Отказ в доступе к промышленным рабочим местам и пособию защищал старые рабочие кадры от новых претендентов. С уверенностью, что правительство сможет вновь обрести контроль над рынком труда посредством надлежащего управления, Центральный Комитет отметил в своем постановлении, что НКТ необходимо разработать план по подготовке квалифицированной рабочей силы. Комиссариат просвещения, ВСНХ и ВЦСПС должны были рассчитать плановые цифры потребности в трудовых ресурсах для каждой отрасли промышленности, в том числе новых отраслей, таких как автомобилестроение и тракторная промышленность. Тем временем Госплан и НКТ занимались организацией курсов профподготовки как на предприятиях, так и вне их, поскольку им было поручено увеличить долю женщин во всех промышленных отраслях, особенно в строительстве, где уже ощущалась значительная нехватка рабочей силы⁵⁷.

Судя по постановлению ЦК, партия все еще надеялась сохранить контроль над рынком труда путем усовершенствования работы бирж труда, усиления контроля над руководителями, ограничения доступа

---

⁵⁷ О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях к ее ослаблению. Постановление ЦК ВКП(б) // Труд. 10 декабря 1929.

крестьян на промышленные предприятия. Вторя опасениям, высказанным ранее профсоюзами и НКТ, ЦК отметил, что новые претенденты на рабочие места пользуются нехваткой рабочей силы в общественном питании и строительстве, чтобы, проникнув в ряды рабочего класса, стать членом профсоюза и затем, зарегистрировавшись на бирже, получать пособие либо занять высокооплачиваемое рабочее место в промышленности. Непромышленные профсоюзы «стали перевалочным пунктом» для желающих просочиться в промышленность «социально чуждых и враждебных элементов» и «неорганизованных слоев общества». ЦК с большим вниманием, чем профсоюзы и НКТ, относился к нуждам промышленности, но так же, как и они стремился ограничить число крестьян в составе промышленных рабочих. Выражение «неорганизованные слои общества» относилось к крестьянам и не работавшим по найму женщинам, а под «социально чуждыми и враждебными элементами» подразумевались спасающиеся от коллективизации крестьяне, а также лавочники, кустари, посредники, владельцы фабрик, торговцы и другие мелкие коммерсанты, оказавшиеся не у дел после сворачивания НЭПа. Центральный Комитет резко критиковал неспособность НКТ руководить и распоряжаться трудовыми ресурсами. Руководители стали нанимать крестьян в качестве «временных рабочих» прямо в деревнях. Эта категория составляла до 80 % всего найма. Текущее кадров было высокой, потребность промышленности в рабочей силе не удовлетворялась. Биржи труда не справлялись с работой на нерегулируемом рынке труда. Механизм трудового посредничества оказался абсолютно неэффективным.

Однако проблема состояла не только в организации. Центральный Комитет был заиклен на устаревшем подходе к труду: стремление к сохранению привилегий для кадровых рабочих и их поддержке прямо противоречило потребностям промышленности, которая испытывала дефицит рабочих рук. Новые претенденты на рабочие места могли использовать Нарпит и непромышленные профсоюзы в качестве «перевалочного пункта», поскольку непромышленные отрасли крайне нуждались в рабочей силе, поэтому зачастую набор крестьян осуществлялся в обход бирж труда. Поскольку нанимателям приходилось оперативно реагировать на изменение экономической ситуации, они первыми оценили ситуацию и начали действовать незамедлительно, решая проблему нехватки трудовых ресурсов на самом раннем ее этапе. Партия, профсоюзы и организации, ответственные за планирование трудовых ресурсов и контроль над ними не успевали за изменениями, происходящими в экономике.

Краткое упоминание женщин в постановлении ЦК партии было единственной уступкой необходимости расширять социальные границы промышленного рабочего класса за пределы, обозначенные в 1920-е гг. Хотя ЦК признавал наличие проблемы дефицита трудовых ресурсов, предполагалось, что это относится только к строительной отрасли. С точки зрения партии, потребность промышленности в рабочей силе можно было восполнить за счет рабочих, зарегистрированных на бирже труда, а проблемы на рынке труда являются следствием не столько дефицита рабочей силы, сколько отсутствия правильной организации и координирования. Таким образом — не считая уступки в отношении женщин, — ЦК не сделал ничего, чтобы расширить понятие «официально безработный». Напротив, большая часть принятых мер была направлена на ограничение роста этой группы за счет увеличения необходимого стажа и отсеивания не работавших ранее по найму. Несмотря на то что ЦК делал попытки наладить связь между предприятиями и биржами труда с помощью вновь созданных посреднических органов, создается впечатление, что партию не беспокоило изменение ситуации в экономике. В отношении растущего дефицита трудовых ресурсов не было принято практически никаких мер. Более того, хотя Центральный комитет был осведомлен о росте доли женщин и лиц без квалификации среди безработных, никакого решения этой проблемы предложено не было. Рабочий класс мог вырасти численно и расширить свое влияние, но даже в декабре 1929 г. партия все еще пытается сохранить контроль над рынком труда с помощью политики, направленной на сохранение старого социального состава рабочего класса.

Женщины и трудовая политика

В российской промышленности всегда существовала как вертикальная, так и горизонтальная гендерная сегрегация. Однако после 1885 г. женщины начали интенсивнее пополнять ряды наемных рабочих, и гендерная сегрегация стала уменьшаться. Эта тенденция усилилась в период Первой мировой и Гражданской войн, когда женщины стали занимать ключевые позиции в отраслях, где ранее преобладали мужчины. После окончания Гражданской войны и демобилизации ситуация изменилась на прямо противоположную. Новая экономическая политика способствовала усилению гендерной сегрегации, в этот период упала востребованность женщин на рынке труда. Восстановление промышленности не расширило возможностей трудоустройства для женщин; напротив, массовые увольнения

работниц происходили в традиционно мужских отраслях, куда женщины смогли устроиться в период войны. К концу НЭПа женщины вернулись в легкую промышленность. Кроме того, на «нижнем уровне» в каждой отрасли трудилось подавляющее большинство женщин, занятых на неквалифицированных низкооплачиваемых рабочих местах. Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР никак не повлиял на занятость женщин в промышленности. В конце 1920-х гг. доля женщин среди безработных постоянно росла, к 1930 г. безработица приняла преимущественно женский облик.

Почти все исследователи рынка труда конца 1920-х гг. главной причиной не востребованности женщин на рынке труда называли отсутствие квалификации. Однако более внимательное изучение проблемы показывает, что женщины страдали от дискриминации при приеме на работу независимо от уровня их трудовых навыков. Более того, сама возможность повысить квалификацию зависела от половой принадлежности. И квалифицированные рабочие-мужчины, и наниматели решительно выступали против предоставления женщинам возможности занять высокооплачиваемые места или повысить квалификацию. На предприятиях можно было наблюдать гендерную иерархию: мужчины занимались квалифицированным трудом, женщины были заняты на работах, связанных с уборкой, либо другим неквалифицированным трудом. Рост женской безработицы зависел от гендерной дискриминации не меньше, чем от низкой квалификации женщин. Данные множества источников, — постановлений партии, циркуляров ВЦСПС, отчетов женотдела, документов НКТ — свидетельствуют о том, что на биржах труда охотнее дают работу мужчинам, наниматели не склонны использовать женский труд и часто увольняют женщин, а для квалифицированных рабочих-мужчин характерны глубоко укоренившиеся предрассудки в отношении профессиональной подготовки женщин и продвижения их по службе.

Несмотря на то что партия с пониманием отнеслась к проблемам женщин, на первом месте все же стояла идея поддержания «чистоты» рабочего класса. Опасаясь, что немногочисленную «опорную» группу в лице опытных промышленных рабочих поглотит волна враждебно настроенных крестьян, партия скоординировала свою политику, взяв курс на жесткий контроль рынка труда. Эта политика была направлена на отсеивание обездоленных крестьян и нэпманов и помимо того усложняла положение женщин. Пытаясь сохранить чистоту рабочего класса, партия заняла жесткую позицию по отношению к расширению границ этой социальной группы. К концу

1929 г. партия казалась практически парализованной из-за своей непреклонности и не была способна гибко реагировать на бурные изменения в экономике. С одной стороны, был страх потерять поддержку рабочего класса, с другой — растущий дефицит трудовых ресурсов и множество новых претендентов на рабочие места; разрешить этот конфликт партия оказалась не в состоянии. На протяжении 1920-х гг. понятие «рабочий» неоднократно пересматривалось, но в условиях контролируемого рынка труда профсоюзам удалось сохранить значительную часть привилегий, невзирая на нужды обездоленных крестьян и безработных женщин. Свои попытки сохранить старое определение рабочего класса партия оставит лишь в конце осени 1930 г. из-за крайней нужды промышленности в новых источниках рабочей силы.

ГЛАВА 2. БОРЬБА С ЖЕНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ И ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Женотдел уже перестал быть прогрессивной силой и стал препятствием.

Л. М. Каганович, член Политбюро. 1930 г.¹

На протяжении 1920-х гг. женщины постоянно критиковали проводимую партией политику недопущения их на рынок труда. Множество возражений и жалоб поступало в женотделы, организации, созданные решением ЦК РКП(б) в 1919 г. по настоятельным требованиям со стороны членов партии и беспартийных. Женотделы боролись за расширение понятия «рабочий класс», указывая на проблемы, с которыми сталкиваются женщины, в том числе безработицу, проституцию, низкую заработную плату и отсутствие квалификации. Несмотря на то что Центральный Комитет поддержал женотделы, активисты борьбы за права женщин находились в острой конфронтации с малообразованными рядовыми партийцами мужского пола, отношение которых к женщинам формировалось на основе традиционных крестьянских представлений их родителей. С самого начала женотделы не сошлись во взглядах с профсоюзами по вопросу организации женщин, но несмотря ни на что, они представляли собой настоящее «пролетарское женское движение»².

---

¹ Каганович Л. Реорганизация партаппарата и очередные задачи партработы // Коммунистка. 1930. № 2–3. С. 5.

² Подробное рассмотрение ранней деятельности женотдела см. в кн.: Wood E. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1997. О женотделе и профсоюзах см. ее же статью: *Class and Gender at Loggerheads in the Early Soviet State: Who Should Organize the Female Proletariat and How?* // *Gender and Class in Modern Europe*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996. P. 294–310. См. также: Hayden C. E. *Feminism and Bolshevism: The Zhenotdel and the Politics of Women's Emancipation in Russia, 1917–1930*. Ph.D. dissertation. University of California, Berkeley, 1979; idem. *The Zhenotdel and the Bolshevik Party* // *Russian History*. 1976. Vol. 3. Part 2. P. 150–173. См.: Stites R. *The Women's*

До Первой мировой войны европейские социал-демократические движения, включая большевиков, относились к идее женского равенства и эмансипации более искренно, чем другие политические партии. Когда большевики пришли к власти, они сразу же приняли прогрессивные законодательные акты, касающиеся брака, развода, аборт, собственности, внебрачных детей, а также женского равноправия — во многих капиталистических странах на тот момент подобных законов еще не существовало. Большевики взяли на себя и долгосрочные социальные обязательства: организацию детских садов и ясель, молочных кухонь, предоставление оплачиваемых отпусков по беременности и кормлению ребенка — все это должно было освободить женщин от бытового бремени. Все же, несмотря на социальные, правовые и политические меры по освобождению женщин, в руководстве партии по-прежнему имелись серьезные разногласия по вопросу объединения женщин для решения специфически женских проблем. Эта проблема породила глубокие противоречия на высших уровнях партии и, что еще более важно, между группой партийных руководителей и местных активистов, между Москвой и регионами. Несмотря на противодействие, женотделы и другие женские организации, такие как Комитет по улучшению труда и быта работниц и крестьянок (КУТБ), давали работницам и крестьянкам возможность высказаться путем проведения совещаний, собраний и съездов делегатов. Женские организации упорно боролись за участие женщин в индустриализации и добились успе-

---

Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930 Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1978. P. 329–345; Farnsworth B. The Zhenotdel during the NEP и Socialist Feminism // Aleksandra Kollontai: Socialism, Feminism, and the Bolshevik Revolution. Palo Alto, Calif.: Stanford University Press, 1980. P. 284–308, 311–321; Clements B. E. Work among Women // Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai. Bloomington, Ind.: University of Indiana Press, 1979. P. 149–177; idem. The Utopianism of the Zhenotdel // Slavic Review. 1992. Vol. 51. № 3. P. 485–496; Bolshevik Women. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 204–19, 262–79; Lapidus, Gail. Women in Soviet Society: Equality, Development, and Social Change. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1978. P. 63–73. О деятельности женотдела в Средней Азии см. в кн.: Massell G. The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974. Выражение «пролетарское женское движение» используется Стайтсом (Stites). Он пишет: «Пролетарское женское движение зародилось среди текстильных рабочих и интеллигенции в 1906 г. в Петербурге» (С. 344).

ха, впрочем, кратковременного, в формировании гендерной концепции в государственной политике³.

В декабре 1927 г. на своем XV съезде партия выдвинула лозунг «Лицом к производству!» На протяжении следующего десятилетия, этот лозунг был определяющим для всех сфер жизни. Сталин и его сторонники провели чистку профсоюзов, плановых органов и собственно РКП(б) от «правых уклонистов», которые выступали за снижение темпов индустриализации и коллективизации. В результате событий, которые западные историки называют «революцией сверху», а советские — «великим переломом», произошла насильственная реструктуризация общества⁴. Женотделы и КУТБ в свое время служили противодействием идее «продукционизма». Они боролись за равное участие в индустриализации женщин и мужчин, за идею освобождения женщин за счет социализации домашнего труда. Судьбы обеих организаций в конечном итоге оказались связаны с противостоянием продукционизма и пролетарского феминизма, определившим дальнейший курс индустриализации в СССР.

Борьба за создание женских организаций

Женотдел был первой массовой организацией, созданной женщинами для отстаивания своих интересов в рамках революционного контекста. В период Великой французской революции малоимущие трудящиеся женщины объединились для борьбы за свои права,

---

³ Историки имеют возможность достаточно полно ознакомиться с идеями и инициативами советских работниц и крестьянок по опубликованным и неопубликованным отчетам многочисленных совещаний, организованных женотделом и КУТБом.

⁴ Краткая выборка из ряда исторических работ, посвященных периоду первой пятилетки: Zaleski E. *Planning for Economic Growth, 1918–1932*. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1971; Davies R. W. *The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989; *Cultural Revolution in Russia, 1928–1930* / Sh. Fitzpatrick (ed.). Bloomington, Ind.: University of Indiana Press, 1984; idem. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1992; Kuromiya H. *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932*. New York: Cambridge University Press, 1988; Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York: Pantheon, 1985; *Social Dimensions of Soviet Industrialization* / W. Rosenberg, L. Siegelbaum (eds.). Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1993; Shearer D. *Industry, State and Society in Stalin's Russia, 1926–1934*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996.

но в первую очередь это касалось классовых, а не гендерных проблем. Немногочисленные французские феминистки были далеки от народа, им не хватало поддержки масс, они не боролись с гендерным разделением труда⁵. Русская революция впервые отнеслась к женщинам как к неотъемлемой части революционного движения. Женщины не только активно защищали свои интересы, но и объединялись в организации для разработки программы женского движения. В среде работниц и крестьянок женские организации нашли, хоть и не массовую, но активную поддержку. Сам женотдел, по словам Кэрол Хейден, появился в результате «постоянного давления со стороны небольшой группы женщин из партийной среды»⁶. Представление женотдела о женской эмансипации оказало влияние на законопроекты, принятые большевиками после того, как они пришли к власти⁷. Несмотря на то что Октябрьская революция впервые сделала решительные шаги по преодолению дискриминации женщин, включение их в революционную коалицию не было простым и удобным. С самого начала большевики рассматривали «феминизм» — идею создания женских организаций, защищающих интересы женщин, — с недоверием и враждебностью. Для них был неприемлем не только «буржуазный феминизм» привилегированных классов, но и феминизм женщин из рабочих кварталов. Идея создания отдельной женской организации неоднократно обсужда-

---

⁵ Hufton O. *Women and the Limits of Citizenship in the French Revolution*. Toronto: University of Toronto Press, 1992; Godineau D. *Masculine and Feminine Political Practice during the French Revolution, 1793–Year III* // *Women and Politics in the Age of the Democratic Revolution* / H. Applewhite, D. Levy (eds.). Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1990. P. 61–80.

⁶ Энн Боброфф и К. Хейден придерживаются диаметрально противоположных мнений о причинах создания женотдела. Боброфф полагает, что «женские секции были созданы для того, чтобы получать трудовые ресурсы, женскую рабочую силу». Хейден считает этот подход «слишком упрощенным», учитывая высокий уровень женской безработицы в период НЭПа. См.: Bobroff A. *The Bolsheviks and Working Women, 1905–1920* // *Soviet Studies*. 1974. Vol. 26. №. 4. P. 563; Hayden C. P. 134, 137–138.

⁷ Стайтс (Stites) оспаривает возможность того, что «активное сотрудничество» между, к примеру, Александрой Коллонтай, А. Г. Гойхбаргом, юристом, подготовившим Кодекс законов об актах гражданского состояния, семейном, брачном и опекуном праве, а также между Надеждой Крупской и наркомом просвещения Анатолием Луначарским, сыграло важную роль в формировании политики в этот период (P. 363, 418). См. также: Clements V. E. *The Utopianism of the Zhenotdel*. P. 496.

лась партийными руководителями. Большинство членов партии — от Политбюро до фабричных ячеек — отказывались признать, что рабочие-мужчины и работницы могут иметь различные интересы, что женщинам, возможно, потребуется отдельная организация, чтобы обеспечить равенство, или, что сексуальные притеснения не всегда имеют отношение к классовой проблеме.

Александра Коллонтай практически в одиночку начала борьбу за отдельную женскую организацию. Впоследствии к ней присоединились и другие женщины, в том числе женский актив, женотделки и бытовики (женщины, занимавшиеся улучшением и преобразованием быта). Об этих группах известно не так много, но отчеты о заседаниях 1920-х гг. по поводу женской организации свидетельствуют о том, что большинство женщин в этих группах были малообразованными, а многие неграмотными. В основном в местных собраниях, организованных женотделами, принимали участие крестьянки (59 %), в меньшем количестве работницы (14 %), служащие (8 %) и домохозяйки (10,5 %). Примерно каждая третья была неграмотной⁸. Многие члены партии, включая женщин, нередко относились к членам женотдела пренебрежительно, считая, что они «политически отсталые» и «занимаются пустяками». Одна коммунистка с насмешкой назвала их «наименее квалифицированными работницами партийного аппарата». По меньшей мере два партийных руководителя отметили, что по мере продвижения вверх по карьерной лестнице женщины начинают стесняться своего «женотдельского происхождения»⁹.

Тем не менее «наименее квалифицированные» зачастую были гораздо ближе к миру рабочих и крестьян, а необразованность была не следствием ограниченности, а скорее отсутствием возможности учиться. Руководительницы женотделов, как правило, имели скромное происхождение. Александра Артюхина, руководительница женотдела с 1927-го по 1930 г., происходила из семьи ткачей и начала работать на ткацкой фабрике с двенадцати лет. В 1909 г. она стала членом профсоюза работников текстильной промышленности; неоднократно ее арестовывали и отправляли в ссылку.

---

⁸ Виктор. Состав делег. собраний улучшается // Коммунистка. 1929. № 12. С. 28–29.

⁹ Прищепчик З. Женработа на Красной Пресне // Коммунистка. 1928. № 10. С. 24; Любимова С. Больные вопросы // Коммунистка. 1928. № 10. С. 62; Каганович Л. Перестроить работу среди работниц и крестьянок // Коммунистка. 1929. № 14. С. 5; Артюхина А. Поворот к новому // Коммунистка. 1929. № 14. С. 10.

Варвара Мойрова, дочь одесской прачки, начала активно заниматься революционной деятельностью после 1905 г. Клавдия Николаева, рано ставшая активисткой рабочего женского движения, была дочерью петербургского рабочего и прачки, всего в семье было четверо детей. Николаева начала работать в восьмилетнем возрасте. Известные и малоизвестные сотрудницы женотдела происходили из низших слоев общества: это были фабричные ткачихи и швеи, солдатки, деревенские вдовы, безземельные крестьянки.

До 1905 г. большевики практически не вели работу среди женщин. Несмотря на то что они поддерживали образовавшиеся после революции 1905 г. в Санкт-Петербурге женские социалистические клубы, многие большевики относились неприязненно к стремлению женщин к самостоятельности¹⁰. Коллонтай пыталась создать отдельную женскую пролетарскую организацию в рамках РСДРП(б), но ее инициатива постоянно наталкивалась на общее безразличие. Руководство партии не было заинтересовано в этом, поскольку считало женщин-работниц безнадежно отсталыми и безынициативными. Женщины принимали участие в массовых забастовках 1905 г., но первоначально не смогли попасть в союз союзов (профсоюзное объединение), поскольку мужской состав организации отказал им в этом¹¹.

В 1908 г. активистки женского движения организовали первый Всероссийский женский съезд. В нем приняли участие все социальные слои — от филантропок из высшего общества до фабричных работниц. Коллонтай обратилась к партии с просьбой направить на съезд делегацию женщин-трудящихся, но партия поддержала ее только после того, как Коллонтай самостоятельно добилась определенных организационных успехов. В 1909 г. петербургский комитет партии поддержал создание отдельной женской пролетарской организации, но лишь в качестве переходной формы к общей для всех пролетарской организации. Но эта, даже столь незначительная, уступка не имела реального значения, ибо так и не была претворена в жизнь¹². В связи тем, что после 1910 г. политическая активность женщин возросла, партия стала уделять им больше внимания. В 1913 г. впервые было проведено празднование Международного женского дня, организованы массовые собрания женщин-трудящихся. Тем не менее в «Правде» было замечено, что праздник не является «уступ-

---

¹⁰ Bobroff. P. 543–544.

¹¹ Glickman R. *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914*. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1984. P. 156–205.

¹² Ibid. P. 253, 273.

кой женскому сепаратизму». В том же году в «Правде» появилась женская страница, а годом позже партия начала издавать журнал «Работница». В первом же номере «Работницы» была предпринята попытка свести к минимуму значимость гендерной принадлежности: «Политически сознательные женщины видят, что современное общество имеет классовую структуру <...> Деление на мужчин и женщин, на их взгляд, не имеет существенного значения». Однако реальный опыт женщин-работниц говорил о другом: в их письмах в рабочую прессу постоянно шла речь о враждебности, с которой они сталкиваются на производстве¹³.

После Февральской революции петроградский комитет РСДРП(б) возобновил издание «Работницы» (в течение нескольких лет журнал был запрещен), но отказался учредить Бюро работниц. Местные партийцы выступили против этой идеи, петроградский комитет заявил, что женщины должны входить в состав фабричных комитетов, а не объединяться в отдельные структуры. Невзирая на призывы Коллонтай, партия не торопилась оказывать поддержку солдаткам и прачкам, пытавшимся создать свою организацию. В конце концов агитаторы от журнала «Работница» начали организовывать митинги, на которых собиралось до 10 000 женщин. В ноябре 1917 г. большевики организовали в Петрограде конференцию женщин-работниц, в которой приняло участие пятьсот делегатов, представлявших интересы более 80 000 женщин. По словам К. Хейден, конференция продемонстрировала не только существование пролетарского женского движения и его размах, но также то, что движение поддерживает партию большевиков. Большевики, однако, по-прежнему относились к созданию самостоятельной женской организации двойственно. Настойчивая Коллонтай снова предложила создать на основе городских партийных комитетов местные женские комиссии, но ее предложение отклонили¹⁴.

Летом 1918 г. Коллонтай, заручившись поддержкой Николаевой и некоторых других женщин — членов партии, предложила созвать всероссийский съезд работниц и крестьянок. Женщины быстро поняли, что если партия не одобрит и не поддержит официально мест-

---

¹³ Bobroff. P. 545, 546; Glickman. P. 275–277.

¹⁴ Hayden. P. 119–128. Хейден отмечает: «Таким образом, большевики заняли странную позицию — они организовали женский съезд, чтобы вести пропаганду против идеи отдельной женской организации» (P. 121). См. также: Donald M. Bolshevik Activity amongst the Working Women of Petrograd in 1917 // International Review of Social History. 1982. Vol. 27. Part 2. P. 129–160.

ные бюро с назначенными организаторами, съезд не состоится из-за безразличного отношения их товарищей-мужчин на местах. После долгих колебаний Центральный Комитет наконец согласился на упорные просьбы женщин создать бюро, чтобы выбрать и подготовить делегатов. Женщины надеялись, что хотя бы часть делегатов сумеет приехать: в стране шла Гражданская война, транспортное сообщение было нарушено, многие местные партийные организации не поддерживали идею женского съезда. В назначенное время смогли прибыть около 40 делегатов, но затем со всех концов страны посыпались телеграммы — сложности и препятствия задержали многих в пути. Тысяча двести женщин пробивались в Москву через истерзанную войной страну, чтобы попасть на съезд¹⁵.

На съезде была разработана предварительная структура постоянной женской организации, которую планировалось создать при местных партийных комитетах на базе женских комиссий и делегатских собраний. Делегатки должны были привлекать женщин к работе в администрации, а комиссии занимались организацией и проведением делегатских собраний. В сентябре 1919 г. по решению ЦК комиссии по работе среди женщин были преобразованы в женотдел ЦК, который поручил местным парткомам создать у себя женские секторы, регулярно проводить выборы женщин-делегатов. Предполагалось активно вовлекать делегатов в работу в советах и наркоматах, чтобы за два-три месяца они освоили административные функции. Система женских секторов и делегатских собраний позволяла женщинам работать в правительственных структурах. В результате сформировался так называемый женский актив, занимавшийся повышением уровня образования женщин, вовлечением их в общественную и политическую работу, борьбой за равноправие.

В период с 1905-го по 1919 г. партия радикально изменила свое отношение к женскому движению. Эта трансформация проходила нелегко. Парализованный опасениями перед абстрактными идеями сепаратизма, мужской состав партийного руководства взял на себя управление пролетарским женским движением, не будучи к этому готовым. На каждом этапе партию приходилось подталкивать к очередному шагу. Работа шла благодаря упорным усилиям женщин-активисток, в частности Коллонтай, которая всегда отстаивала права женщины как избирателя. В результате партийным руководством был создан женотдел. При этом отношение к женщинам на низшем и среднем партийных уровнях мало изменилось. Как показала ситуа-

---

¹⁵Hayden. P. 128–139. Рассказ о съезде взят из ее работы.

ция с Всероссийским съездом работниц и крестьянок 1918 г., местные партийные работники не собирались оказывать поддержку женскому движению без специального распоряжения ЦК. Более того, даже на высшем партийном уровне существовали серьезные предрассудки в отношении женской рабочей силы, в числе прочего — миф о единстве рабочего класса, не имевший никакого отношения к действительности.

Преобразование самой жизни

Женотдел быстро стал, по выражению Александры Артюхиной, «настоящим универмагом»¹⁶. Как и советский универмаг, продававший все — от инструментов до пижам, женотдел занимался всем понемножку. Его цель была двойной: подготовить женские кадры (женский актив) для работы в партии и правительстве и, что более важно, преобразовать природу и структуру повседневной жизни, быт. Женотдел активно пропагандировал программу женского движения, направленную на полноценное участие женщин в общественной жизни путем социализации сферы быта. Предполагалось, что, когда неоплачиваемый женский домашний труд заменит оплачиваемая работа прачечных, столовых, детских садов и ясель, семья постепенно «отомрет», общество будет состоять из независимых индивидуумов, о которых в детстве и в старости будет заботиться государство. Свободному выбору партнеров не будут препятствовать неравенство и экономическая зависимость¹⁷. Таким образом, стремясь преобразовать быт, женотдел ставил своей целью преобразование частной жизни, семьи, воспитания детей. Его идеи простирались дальше постройки очередной прачечной или детского сада, был взят курс на полную трансформацию структуры семьи на самом глубоком уровне. Целью женского движения было изменение роли женщины в обществе наряду с изменением самого общества. На протяжении 1920-х гг. женотдел боролся с серьезными препятствиями на пути реализации своих революционных идей. Переход к НЭПу в 1921 г. был отмечен значительным сокращением социальных расходов. Разруха, массовая женская безработица, обнищание деревни, сотни тысяч детей, осиротевших из-за войны и голода — все это

---

¹⁶ Правда. 19 января 1930.

¹⁷ Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Ch. 1. New York: Cambridge University Press, 1993. Эти взгляды легли в основу раннего семейного законодательства большевиков.

создавало преграды на пути к новому революционному быту¹⁸. Кроме того, мужской состав партии любого уровня партийной иерархии не собирался тратить весьма ограниченные финансовые ресурсы на осуществление этих программ.

Согласно К. Хейден, с момента образования женотдела в партии существовали разногласия по поводу целей этой организации. Кто-то хотел, чтобы женский актив служил задачам партии, другие считали, что нужно отстаивать интересы женщин. Разногласия проявлялись даже при выборе основной задачи женотдела: подготовка женских кадров или преобразование быта. В 1923 г. В. Голубева, одна из организаторов первого женского съезда, невольно спровоцировала сильное волнение в рядах партии и женотдела, предложив создать «особые общества», которые занимались бы проблемами всех женщин, а не только работниц. Причинами, побудившими Голубеву сделать это предложение, были высокий уровень женской безработицы и сокращение числа женщин, работающих на фабриках и заводах. Тем не менее XII съезд партии и верхушка женотдела решительно осудили эту идею как проявление сепаратизма¹⁹. Хейден утверждает, что на протяжении 1920-х гг. женотдел отступал все дальше и дальше от первоначального стремления отстаивать интересы женщин, постепенно превращаясь в инструмент подготовки советских административных женских кадров. Социализация быта перестает быть самоцелью и оказывается необходимой лишь «для достижения других целей». Хейден считает, что к 1924 г. женотдел уже был инструментом партийной политики, а не защитником интересов женщин²⁰. Хейден совершенно верно обратила внимание на углубление конфликта интересов, но ошибочно считает, что к 1924 г. он был исчерпан. Борьба за отстаивание женских интересов продолжалась и в 1930-х гг. В 1927 г. женотдел провел II Всесоюзный съезд работниц и крестьянок, и снова в Москву прибыло большое количество женщин со всех концов страны: представительницы народов Севера, женщины — крестьянки с юга страны, из Сибири, республик Средней Азии, работницы из крупных промышленных городов и поселков. Выступавшие от имени всех избравших их женщин делегатки рассказывали о том, в каких трудных условиях они живут, осуждали дискримина-

---

¹⁸ О социальных условиях того периода см.: Goldman W. *Women, the State and Revolution*. Ch. 2–3.

¹⁹ Hayden. P. 222–229; Farnsworth. P. 315–318; Wood. P. 170–214.

²⁰ См.: Hayden. P. 262, 227–274. Это один из главных аргументов в диссертации Хейден.

цию, с которой они сталкиваются на сельском сходе, на фабриках, в администрации. Их искренняя озабоченность этими проблемами доказывала, что интерес к преобразованию быта не уменьшился; именно женотдел поощрял делегатов по возвращении домой продолжать борьбу за интересы женщин²¹.

С принятием первого пятилетнего плана возродились надежды на успешное преобразование быта. Женщины-активистки вместе с градостроителями, писателями и архитекторами создавали новый мир²². В 1929 г. на совещании женотдела московского горкома Крупская говорила о необходимости строительства городских жилых комплексов для рабочих, в которые должны быть включены общественные столовые, детские сады и прачечные. «Ведь сейчас затрачиваются миллионы на строительство новых городов и важно, чтобы они сразу уже строились правильным образом, а то придется перестраивать по-новому, — убеждала она. — <...> Вопросы эти чрезвычайно важные, но их нельзя разрешить без массового разрешения вопроса строительства, вопроса реорганизации массового быта. Только на фоне этого массового быта можно разрешить другие вопросы, вопросы более глубокие, о видоизменении отношений между мужчиной и женщиной...»²³ Партийные руководители Ю. Ларин и Л. Сабсович, ярые сторонники индустриализации с энтузиазмом пропагандировали идею коммунального жилья с коллективными кухнями и общественным уходом за детьми, где дети отделены от взрослых²⁴. Даже после ликвидации женотдела Артюхина с группой активисток продолжала настаивать на том, что проблемы быта должны находиться в авангарде партийных задач²⁵.

---

²¹ Всесоюзный съезд работниц и крестьянок: стенографический отчет. М.: Издание ЦИК Союза ССР, 1927. Этот объемный стенографический отчет не представляет никаких доказательств того, что забота о решении бытовых проблем женщин вытеснялась решением партийных задач.

²² См., например: Starr F. S. Visionary Town Planning during the Cultural Revolution // Cultural Revolution in Russia / Sh. Fitzpatrick (ed.). P. 207–240.

²³ Заседание отдела работниц МК ВКП и областной комиссии // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 490. Л. 15, 23.

²⁴ Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 198–222; Davies. P. 146–147. Дэвис утверждает, что кампания по социализации быта достигла апогея в 1929–1930 гг.

²⁵ Артюхина А. За социалистическую переделку быта // Работница. 1930. № 4. С. 3.

«Ликвидационизм» на фабриках и в местных парторганизациях

Несмотря на то что партия официально поддерживала женотделы, вопрос о создании отдельных женских организаций, в частности на фабриках, не приближался к решению. Не желая бросать вызов укоренившимся в местных партийных и профсоюзных организациях предрассудкам в отношении женского труда, с одной стороны, и будучи идеологически уязвима к давлению женщин-активисток — с другой, партия так и не выработала последовательной позиции по этому вопросу. На протяжении 1920-х гг. партия легко бросала обвинения в «сепаратизме», но при этом не разъясняла суть проблемы. В чем была необходимость? В организации политически активных женщин? В организации, занимающейся проблемами женщин? Эти вопросы звучали неоднократно во время дискуссий о назначении женотдела. Кроме того, если отдельная женская организация нужна, кто должен этим заниматься? Женотдел или местные парткомы, советы или профсоюзы?

Среди женщин также не было согласия по этим вопросам. Значительное число «старых коммунисток и большевичек» относилось к женотделу и его деятельности негативно. Они считали, что женщины и мужчины должны входить в единую организацию, а женотдел недостаточно интегрирован в политическую жизнь партии²⁶. Артюхина сама признавала, что многие женщины — члены партии считали, что женщин надо вовлекать в «общую партийную работу»²⁷. Мужчины, особенно на местах, полагали, что их товарищи — женщины, разумеется, возьмут на себя ту партийную работу, которая связана с социальными службами и бытом. Женщины, опасаясь оказаться вне общего течения, были недовольны, что им поручают такую работу автоматически, просто потому, что они женщины. Партия предлагала им ту же форму разделения труда, которая существовала в быту, и это их возмущало. Некоторые из самых настойчивых сторонниц ликвидации женотдела, выступавшие на партийных собраниях, фактически являлись бывшими сотрудницами женотдела, переведенными на «общую партийную работу»²⁸.

В мае 1928 г. Оргбюро ЦК партии нанесло фабричному женскому движению удар, издав постановление, согласно которому ответст-

---

²⁶ См.: Каганович. Перестроить работу среди работниц и крестьянок. С. 5.

²⁷ Артюхина. Поворот к новому. С. 8.

²⁸ Горева Е. Вопросы женработы на партконференции // Коммунистка. 1929. № 8. С. 28.

венность за ведение работы среди фабричных работниц передавалась от женпрофорганизаторов местным парткомам. Многие фабричные парткомы оперативно отреагировали на это постановление, ликвидировав соответствующую должность. В ходе инспекции, проведенной два года спустя, тридцать четыре профсоюзных организации послушно сообщили, что данное постановление значительно улучшило ситуацию: женщины стали больше внимания уделять работе, «сократился созыв специально женских собраний, что увеличило участие работниц в общесоюзных собраниях и усилило их активность», «усилилась работа по повышению производственной квалификации работниц». Независимое исследование ситуации на фабриках дает гораздо менее оптимистичную картину. «Вопросы поднятия производственной квалификации работниц, условия их труда, культурное и производственное воспитание почти не являются предметом плановой проработки» фабричных комитетов. Эти вопросы никогда не обсуждались на заводских и цеховых собраниях, они волновали только женщин-работниц²⁹. Даже Центральный Комитет отметил в 1927 г., что ликвидация института женпрофорганизаторов не улучшила работу фабричных комитетов и профсоюзов. Лишь немногие женщины посещали производственные совещания, редкой женщине удавалось стать мастером или помощником мастера. В профсоюзе текстильных работников 33 % работниц были неграмотными, многие женщины-активистки едва умели читать. Профсоюзы не сделали ничего для просвещения женщин-работниц, среди которых распространялись антисемитские взгляды, евангелизм, многие впоследствии были втянуты в религиозные секты³⁰. Опрос, проведенный в Сталинском округе, показал, что «директивы об упразднении женпрофорганизаторов большинство низовых профорганов приняло как ликвидацию вообще работы среди работниц, в связи с чем обслуживание их было совершенно недостаточно». Когда профсоюзных деятелей на местах спрашивали об их работе среди женщин, они уклончиво отвечали: «У нас есть директивы не выделять работу среди работниц, а потому мы о ней особо не говорим»³¹.

В конце 1927 г., когда партия начала кампанию по форсированию темпов индустриализации, разногласия по вопросу женской органи-

---

²⁹ Тихомирова А. Как профсоюзы выполняют директивы партии // Коммунистка. 1928. № 6. С. 50–51.

³⁰ Прищепчик З. Работа профсоюзов среди работниц // Коммунистка. 1928. № 6. С. 53.

³¹ Черевадская. Труд и быт работниц // Коммунистка. 1928. № 6. С. 63.

зации обострились. В партийных организациях и профсоюзах росло число сторонников «ликвидационизма». Политбюро разъясняло основную роль профсоюзов: теперь они должны были отстаивать интересы рабочих (сторонников этой позиции высмеивали, называя «протекционистами» и «тред-юнионистами»), но стать «основными рычагами перестройки промышленности» и увеличения производства³². Поскольку главной задачей партийной программы на тот момент был многократный рост производства, это подтолкнуло местных партийных деятелей к «ликвидации» женорганизаторов в своей среде.

В декабре 1927 г. делегаты XV съезда партии критиковали женотдел за дублирование работы Отдела агитации и пропаганды, разжигая давний конфликт между двумя организациями. Съезд организовал комитеты по рационализации, которые должны были ликвидировать «параллелизм» — дублирование работы двух и более организаций. В первой половине 1928 г., проведя небольшое исследование деятельности местных партийных организаций, комитеты по рационализации рекомендовали ликвидировать местные женотделы и передать их функции местным отделам агитации и пропаганды (агитпропам) и организационным отделам (орготделам)³³. К июню деятельность комитетов по рационализации затронула большую часть страны, в результате местные женотделы прекратили свое существование.

Артюхина была против работы комитетов и яростно отстаивала свою точку зрения в надежде предотвратить дальнейший ущерб женскому движению. Она заметила: «Рационализаторы пришли в партаппарат, с грустью отметили наличие женотдела, установили параллелизм (главный аргумент всех комиссий) и... ликвидировали». Один город следовал за другим: Ленинград, Владимир, Иваново-Вознесенск, Кострома, Брянск, Тула, Тверь, Саратов — везде комитеты по рационализации либо ликвидировали женотделы полностью, либо передавали их функции агитпропам и орготделам. Разгром женотделов «не был случайным», утверждала Артюхина. В значительной степени это было выражением глубокой неприязни к этим организациям со стороны местных руководителей, которые с самого начала их недолюбливали. Обращаясь к высшему уровню партийного руководства, Артюхина гневно заявила, что только съезд партии имеет пра-

---

³² Крымский Д., К. Н. Профсоюзы на новом этапе // Партийное строительство. 1929. № 2. С. 15.

³³ Хейден отмечает, что агитпропы на протяжении десяти лет пытались поглотить женотделы (Р. 351).

во отменить работу среди женщин. Она потребовала восстановления местных женотделов в полном составе³⁴. Центральный Комитет не ответил на ее обращение. Вместо того чтобы пояснить свою позицию по вопросу о роли местных женотделов, ЦК попытался уладить конфликт путем назначения большего числа женщин на видные посты. В августе 1928 г. ЦК поручил Орграспреду и женотделу в течение двух недель подготовить программу выдвижения 10–20 женщин-коммунисток на руководящие должности. В постановлении отмечалось, что это «начало назревшего серьезного сдвига в деле широкого выдвижения женских коммунистических (а также беспартийных), кадров, особенно среди работниц, на самостоятельную руководящую работу в партийных организациях, профсоюзах, советах и т. д.»³⁵

Это постановление не сняло напряжения в отношениях женщин-активисток и местных партийных и профсоюзных деятелей. И хотя комитеты по рационализации нанесли огромный ущерб местным женотделам, а женпрофорганизаторы были ликвидированы, женщины-активистки не позволяли замалчивать проблему отсутствия женской организации. В июле 1928 г. делегатки Всесоюзного совещания по работе среди женщин, конференция женактива профсоюзов, Наркомат труда и другие организации собрались, чтобы обсудить проблему повышения квалификации и выдвижения женщин, развитие социальных служб. Делегатки официально обратились к ВЦСПС с просьбой изучить состояние работы среди женщин в тех профсоюзах, где нет женпрофорганизаторов. Женский актив ожидал, что результаты исследования будут представлены на предстоящем восьмом съезде профсоюзов в рамках дискуссии о необходимости женпрофорганизаторов³⁶. Несомненно, делегатки полагали, что результаты исследования, продемонстрировав плачевное состояние работы среди женщин на фабриках, послужат им поддержкой.

Осенью 1928 г. на страницах «Коммунистки» шли активные дебаты по вопросу о необходимости отдельной организации для женщин. В августе О. Ильина опубликовала пространную статью о работе

---

³⁴ Артюхина А. Ликвидационный зуд нужно унять // Коммунистка. 1928. № 6. С. 3–4.

³⁵ О выдвижении женщин коммунисток // Коммунистка. 1928. № 8. С. 3. В список должностей входили: секретарь губкома, представитель губкома, председатель губкома профсоюзов и др.

³⁶ Тихомирова А. Итоги Всесоюзного совещания по работе среди женщин // Коммунистка. 1928. № 8. С. 65.

среди женщин на текстильных фабриках, предприятиях, где не существовало четкой грани между работой среди женщин и «общей партийной», поскольку рабочая сила на фабриках была преимущественно женской. Ильина утверждала, что на текстильных фабриках работу среди женщин нельзя поручать исключительно организаторам, поскольку она является «основной работой партийных и профессиональных организаций в целом»; она также утверждала, что партия и профсоюзы отказались от своих обязанностей, переложив их на плечи местных женских комиссий. Кроме того, она отметила, что даже в текстильной промышленности во главе профсоюзов, фабкомов, партийных и экономических органов практически нет женщин. Ильина предположила, что в женорганизаторах не было бы необходимости, если бы женщины были в достаточной степени представлены в руководстве «общих» организаций. Она предложила эволюционную организационную модель для решения проблемы угнетения женщин, в которой сепаратизм был необходимым, но лишь переходным этапом. Она пояснила, что изначально партия не уделяла особого внимания женщинам и отвергала идею отдельной женской организации. Но со временем этот просчет был исправлен созданием женотдела. Ильина заявила, что в будущем партия реинтегрирует работу среди женщин в «общую» партийную работу, но только тогда, когда члены партии на всех уровнях будут проявлять осведомленность и внимание к потребностям женщин, и когда женщины будут достойно представлены в руководстве. В данный момент, по ее мнению, большая часть местных партийных организаций, даже работающих преимущественно с женщинами-избирателями, не готова взять на себя эту работу, и если партия ликвидирует женорганизаторов именно сейчас, женщинам вообще не будет уделяться внимание: состояние работы среди работниц на текстильных и других предприятиях с преобладанием женского труда подводит к моменту отмирания специальных форм партработы, рассчитанных на работниц, но момент для повсеместной ликвидации этих форм еще не наступил»³⁷. Иными словами, после того как члены партии сумеют включить женскую проблематику в «общую» работу, больше не будет необходимости в отдельных женских организациях. Тем не менее в настоящий момент «ликвидационизм», по словам Ильиной, является преждевременным: «общая работа» для женщин

---

³⁷ Ильина О. О работе среди работниц на предприятиях с преобладанием женского труда // Коммунистка. 1928. № 8. С. 11–13.

может стать синонимом для «общей индифферентности». К сожалению, ее предположения оказались пророческими.

Несмотря на то что позиция Ильиной была сравнительно умеренной, эта статья вызвала бурную реакцию как со стороны сторонников, так и со стороны противников отдельной женской организации. Так, автор Сусллова писала, что на фабриках с женщинами обращаются настолько плохо, что партия не должна даже обсуждать вопрос о ликвидации местных женотделов и других женских организаций. По ее мнению, даже в наиболее развитых районах Москвы время для ликвидации еще не пришло. Подкрепив свои слова данными по Бауманскому району, Сусллова отметила, что даже на фабриках с преобладанием женской рабочей силы участие женщин в партийной работе, их доля в фабкомах и заводских бюро гораздо ниже, чем у мужчин. На фабрике Звонкова, например, 75 % от общей численности рабочей силы составляют женщины, однако лишь 5 % из них — партийные, в то время как среди мужчин этот показатель составляет 21 %. Сусллова поясняла: «Эти цифры довольно красноречиво говорят, что, к сожалению, мы еще не можем говорить о том, что с задачей подтягивания работниц к уровню рабочих мы справились, а, следовательно, и о ликвидации специальных форм работы». Она также отметила, что многие женщины-работницы, вступившие в партию, ранее были членами женских организаций, то есть, если партия заинтересована в пополнении своих рядов за счет трудящихся женщин, она не должна уничтожать организации, связывающие ее с рабочим классом³⁸. Данные по членству в партии подтверждали позицию Суслловой: в 1928 г. из 1 313 794 членов партии только 70 603 (5 %) были женщинами-работницами. Это слишком низкий показатель для политической партии, опирающейся на рабочий класс и отстаивающей принципы эгалитаризма³⁹.

Противница отдельной женской организации С. Любимова писала, что господствующие в данный момент «ликвидационистские настроения» спровоцированы самими «женотдельницами». Она обвиняла женщин-активисток в том, что они являются «наименее квалифицированными работниками партийного аппарата», и на все критические замечания отвечают: «Ну, если мы не хороши — смените

---

³⁸ Сусллова. Самоликвидация несвоевременна // Коммунистка. 1928. № 10. С. 65–67.

³⁹ Смидович С. Чистка партии и женотделы // Коммунистка. 1929. № 7. С. 24.

нас», или «Ну, если вы лучше знаете, и делайте сами», или «Хорошо вам говорить, а у нас местные условия». Любимова утверждала, что женотдел не имеет связи с рабочими и крестьянами, что он не занимается практически ничем, кроме организации делегатских собраний, и «большинство наших женработников, кроме делегатских собраний, ничего не знает и знать не хочет». Не случайно и то, что самые рьяные сторонники «ликвидационизма» были сосредоточены в крупных пролетарских регионах, таких как Ленинград, Владимир, Иваново-Вознесенск, Тверь, где проблемы женотделов нельзя объяснить враждебностью мужчин. Рабочие и члены партии считали, что комитеты по рационализации были правы: женотделы просто дублируют работу агитпропов. Любимова делала суровый вывод: «Теперь не время плакаться на горькую женотдельческую долю, а проводить практические мероприятия по бюджету, по пятилетнему плану»⁴⁰.

Другой автор возражал: если женские организаторы и не имеют связи с политической реальностью, это объясняется тем, что их систематически не допускают к участию в общих партийных собраниях. Как можно ожидать, что они осознают опасность «правого уклона», если им не разрешено принимать участие в собраниях районного партактива, где обсуждаются глобальные политические вопросы? Женщины-организаторы тратят время, «бегая по бесконечному количеству собраний, не продумывая серьезно основных вопросов работы, а размениваясь на тысячи мелочей...» Впрочем, районные парткомы им не помогают, от профсоюзов тоже мало пользы. Как правило, «нет чуткого и внимательного подхода к работнице-коммунистке...» Работа среди женщин считается «низкостатусной», и даже женщины-коммунистки не хотят ею заниматься. Очевидно, что фабкомам, профсоюзам и местным партийным организациям необходимо пересмотреть свое отношение к женщинам, говорилось в статье⁴¹.

На восьмом съезде профсоюзов в декабре 1928 г. делегаты обсуждали вопрос о необходимости отдельной женской организации. Исход обсуждения полностью разрушил надежды женского актива. Съезд проголосовал за ликвидацию института женорганизаторов в профсоюзах и передачу их функций профсоюзам «в целом». Это резолюция, принятая в поддержку постановления ЦК, принятого в мае 1926 г., нанесла тяжелый удар по будущим попыткам защитить интересы женщин-работниц, поскольку была немедленно истолкована профсо-

---

⁴⁰ Любимова С. Больные вопросы // Коммунистка. 1928. № 10. С. 62–64.

⁴¹ Прищепчик. Женработа на Красной Пресне. С. 24–28.

юзными деятелями как указание положить решительный конец всякой работе среди женщин⁴². Таким образом, одновременно с принятием курса на ускорение темпов индустриализации профсоюзы прекратили работу среди женщин. После того как в профсоюзах ликвидировали женактив, некому стало заниматься решением проблем гендерной дискриминации, продвижением интересов женщин, бороться за обеспечение равенства. Руководители местных профсоюзов игнорировали женщин-работниц, будучи уверены, что такое пренебрежение санкционировано как ВЦСПС, так и высшим партийным руководством. В течение последующих трех лет сбылось предсказание Ильиной: «общая» работа для местных партийных и профсоюзных деятелей означало «никакая».

Весной 1929 г. «ликвидационистские» настроения распространились широко — от профсоюзов до местных партийных комитетов. Е. Горева, руководитель женотдела, отметила, что эти настроения доминировали на партсобраниях в большинстве районов Москвы, включая Рогожско-Симоновский (здесь сторонников ликвидации было большинство), Хамовнический, Бауманский и Краснопресненский. На многочисленных собраниях ораторы выступали за ликвидацию не только местных женотделов, но и женорганизаторов на предприятиях с преобладанием женского труда. Они утверждали, что местные женские комиссии «устарели», что работа комиссий «параллельна» работе партийных организаций и создает организационный беспорядок. Предлагалось продолжать лишь делегатские собрания⁴³.

Бабы бунты: подавление восстаний с помощью женотдела

В то время как весной 1929 г. местные партийные организации в промышленных районах обсуждали «ликвидацию», партия столкнулась с серьезными проблемами в сельской местности. Когда партийные организаторы активизировали свои усилия по коллективизации деревни, они встретили активное противодействие со стороны женщин-крестьянок. Массовые выступления, известные как «бабы бунты» были спонтанным, но решительным выражением протеста против реквизиций зерна и коллективизации. Толпы возмущенных

---

⁴² ВЦК ВКП(б) — массовая работа среди женщин // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 96.

⁴³ Горева. Вопросы женработы на партконференции. С. 28.

Артюхина истолковала постановление ЦК как добро на расширение состава женотдела: она полагала, что реорганизация работы среди женщин означает, что ЦК признал ее «общепартийное значение». Она также предположила, что женактив будет играть более заметную роль, отметив: «Совершенно недопустимо, чтобы сейчас, когда партия ставит перед отделами работниц новые, сложнейшие задачи, женский актив стоял бы в стороне от разрешения этих задач»⁴⁹. Однако вскоре стало ясно, что местные партийные руководители и организаторы не хотят сотрудничать с женотделом, даже в его новом виде. В октябре 1929 г. Артюхина призвала московский горком совершить «крутой поворот» в отношении к женщинам. Она предложила использовать женотдел и 800 000 делегатов съездов в кампаниях по хлебозаготовке. Однако партийные активисты, борющиеся в селах с упорным сопротивлением крестьян реквизициям зерна, игнорировали женотделы и высмеивали их работу, как не имеющую отношения к «реальной» работе партии. Артюхина объясняла: «Когда приезжает товарищ из какой-нибудь организации, мы его спрашиваем, скажем: — как идет кампания по перевыборам делегатов. Нам говорят: — Ну, что вы, какие делегатки, сейчас мы хлеб собираем. Мы говорим: — Мы знаем, что хлеб собираете, но как вы использовали для этого старых делегатов, которых было 800 тысяч, как использовали выборы новых делегатов среди женской массы, чтобы она активно отозвалась на мероприятия по хлебозаготовкам. Нет, говорят: — мы не можем разбрасываться — у нас хлебозаготовительная кампания, а потом другую кампанию будем проводить»⁵⁰. Артюхина просила московский горком использовать съезды крестьянских делегатов, чтобы обеспечить поддержку партийной линии в сельской местности, но местные руководители не только не занимались работой среди женщин, но даже не собирались привлекать к участию в массовых партийных кампаниях.

Ликвидация женотдела

5 января 1930 г., согласно внесенному предыдущей весной предложению делегатов партийного съезда, Политбюро упразднило женотдел ЦК. Это произошло в рамках крупной реорганизации аппарата Центрального Комитета, в ходе которой было ликвидировано еще не-

---

⁴⁹ Артюхина. Поворот к новому. С. 7–15.

⁵⁰ Очередные задачи партии по работе среди женщин в СССР. Доклад на заседании московского партактива // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 490. Л. 37.

сколько отделов, включая евсекцию, отдел по работе в деревне и отдел статистики. Каганович заявил, что все возрастающая сложность задач, стоящих перед партийным руководством, в частности по выдвижению и подбору кадров, побудили к этой реорганизации. Отдел агитации и пропаганды (Агитпроп) был разделен на две части: отдел культуры и пропаганды, который вместе с Наркоматом просвещения должен был заниматься культурно-просветительной и партийной работой в печати, и отдел агитации и массовых кампаний (Агитмасс), который в числе прочего должен был организовывать соцсоревнования, выборы в советы, заниматься повышением производительности труда и хлебозаготовками⁵¹. Каганович пояснил, что отныне работа среди женщин должна быть подчинена уже ведущимся массовым кампаниям: индустриализации и коллективизации. В связи с этим женотдел будет распущен и заменен женским сектором в составе своего старого конкурента, Агитмасса. Каганович отметил, что в связи с тем, что работа среди женщин в настоящее время приобрела важное значение, она должна проводиться всеми отделами Центрального Комитета, и, конкретнее, она должна быть продолжена в рамках успешных массовых кампаний, организованных партией в городе и деревне⁵². Хотя Каганович — символически — отметил важность работы среди женщин, он также дал понять, что, по мнению Политбюро, в специальных женские организаторах уже нет необходимости, сама «важность» работы среди женщин требует передачи ее «общим» партийным организациям.

Понимая, что женский актив резко отреагирует на ликвидацию женотдела, Политбюро не стало прямо объявлять о своем решении. Первый намек появился в «Правде» — под видом просьбы самих работниц. Под крупным жирным заголовком «За коренную перестройку руководства работой среди женщин» помещалась длинная статья, посвященная исследованию условий работы на Харьковских заводах, проведенному ударной женской бригадой. Бригада обнаружила то, что было известно любому организатору на заводе: ситуация здесь плачевная. За ту же самую работу женщины не только получали более низкую зарплату, чем мужчины, но и вообще находились в нижней части зарплатной шкалы. У них не было возможности карьерного роста и повышения квалификации, они под-

---

⁵¹ Протокол 112 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 771. Л. 24–26.

⁵² Там же. С. 25.

начать серьезно думать о бытовых проблемах и, что еще важнее, решать их. Она настойчиво требует, чтобы профсоюзы, партия и советы признали, что их целью является социализация домашнего труда и трансформация семейной жизни. Эта цель не должна быть забыта⁵⁶.

Реакция Артюхиной на ликвидацию женотдела и ее желание настоять на том, чтобы вопросы быта оставались в числе приоритетов партийной работы резко контрастируют с позицией Кагановича, обозначенной в последнем номере «Коммунистки», где он писал, что предстоит решить сложнейшие экономические задачи. Женотдел, разъяснял Каганович, в свое время сыграл важную роль, в первую очередь потому, что успешно занимался профессиональной подготовкой женщин к работе в партии и правительстве: «...именно потому, что мы имеем эти достижения, что женщины сами уже начинают активно работать и участвовать во всей хозяйственной, государственной и партийной жизни, мы подошли вплотную к вопросу о нецелесообразности дальнейшего существования самостоятельного женотдела». При этом он ни слова не говорит о преобразовании быта, более того, сводит результат десятилетней работы женотдела к единственному достижению: созданию инструмента для продвижения отдельных женщин по карьерной лестнице в партийном и государственном аппарате. «Женотдел, — заключает Каганович, — закончил круг своего развития». Женщины вошли в состав различных организаций. «Конечно, этого еще мало, но это — достаточно солидная группа, которую уже не надо специально опекать, а для дальнейшего выдвижения новых и продвижения, пожалуй, женотдел уже становится не прогрессивным центром, а тормозящим». Таким образом, Каганович не только проигнорировал основные цели и задачи организации, но и дал понять, что нет необходимости продолжать продвигать женщин в руководство в попытках преодолеть гендерный дисбаланс. «Женщину пора уже начать выдвигать не как женщину, а как работника — полноправного, выросшего, развившегося». Женщины уже получили достаточно, они не нуждаются в особом внимании⁵⁷.

---

⁵⁶ Работу среди женщин должен проводить весь аппарат партии, советов и профсоюзов // Правда. 18 января 1930. Эта статья была повторно опубликована в «Коммунистке». См.: Артюхина А. Женработу вести всей партии в целом // Коммунистка. 1930. № 2–3. С. 6–10. Цитируется по статье в «Коммунистке».

⁵⁷ Каганович Л. Реорганизация партаппарата и очередные задачи партработы // Коммунистка. 1930. № 2/3. С. 3–5. В этом, последнем номере журнала было опубликовано обращение к подписчикам, в котором им рекомен-

Через неделю после того, как было объявлено о решении ликвидировать женотдел, Каганович встретился с местными партийными руководителями, чтобы проинформировать их о реорганизации. Большинство одобрило этот шаг, но некоторые партийцы выразили озабоченность по поводу работы среди женщин в будущем. Хатаевич, секретарь Средневолжского крайкома, с «большим удовлетворением» приветствовал доклад Кагановича и заявил, что партии стоит задуматься о полном прекращении работы среди женщин: «Не следует создавать, по-моему, женский сектор в отделе массовой агитации, ибо он с течением времени может вылиться в организацию, подобную женотделу. Пусть работают женщины и в этом отделе, так же, как и в других отделах, но пусть заботятся они обо всей работе, а не только о женской». Клавдия Николаева, глава организационного отдела Северокавказского крайкома и руководитель женотдела, также публично согласилась с принятым решением, но твердо возразила Хатаевичу: «И тем не менее ошибается тов. Хатаевич, полагая, что специального женского сектора в отделе агитации создавать не надо. Я думаю, что сектор по женскому движению в отделе агитации все же должен быть — как временная переходная стадия». Она также утверждала, что женское движение выиграет от реорганизации, только если партийные ячейки примут непосредственное участие в работе среди женщин. Но если этой работой будет заниматься только женорганизатор, а все остальные останутся к ней равнодушны, «положение создается неудовлетворительное». Как и Артюхина, Николаева призывала партийные организации относиться к женскому вопросу серьезно и выделять время и ресурсы на решение проблем быта. Секретарь западного обкома Румянцев открыто сомневался в том, что Агитмасс способен продолжать важную работу, проделанную женотделом; Столбова, секретарь Костромского окружного комитета, поинтересовалась, каким образом партийные организации, относившиеся с презрением к работе среди женщин, смогут добиться успеха в этом деле. Разумов, секретарь Татарского областного комитета, действовавшего на территории с преобладанием мусульманского населения, выразил озабоченность тем, что «ликвидация женотделов в национальных окраинах скажется отрицательно на женском движении». Хорошо осведомленный о бесправии как партийных, так и беспартийных женщин в мусульманских республиках, он скептически отметил, что «закрепление женских позиций в массовых организациях, о котором

— довалось переключиться на журнал «Спутник агитатора», где теперь среди прочего будет обсуждаться и женский вопрос.

замещать организацию, призванную революционизировать жизнь всех женщин. В мае Центральный Комитет принял постановление, в котором разработка «полуфантастических» планов новых социалистических городов и жилых комплексов была признана преждевременной. Такие энтузиасты как Сабсович и Ларин обвинялись в игнорировании необходимости сконцентрировать «ресурсы на быстрой индустриализации страны». «Только это, — разъяснялось в постановлении, — создаст необходимые материальные условия для коренного преобразования быта»⁶³.

В июне Центральный Комитет партии созвал собрание женских секторов Агитмасса с целью разъяснить их задачи и покончить с ненужной теперь сосредоточенностью на вопросах быта. На собрании сообщили, что новые секторы должны сконцентрироваться на организации рабочих и крестьянок «в помощь социалистическому строительству», на преодолении «трудностей этого строительства». Многие из женского актива — старые бытовики — возражали против столь узкой направленности. Они с тревогой спрашивали: если не женские секторы будут заниматься реорганизацией быта, то кто? Какая организация будет заниматься революционным преобразованием жизни в отсутствие женотдела? Женактив даже не предполагал, что партия откажется от одной из фундаментальных революционных задач. Кто будет стимулировать самостоятельную активность женщин? — спрашивал Ашкинадзе, бывший сотрудник женотдела. Кто поможет женщинам, самостоятельно занимающимся преобразованием повседневной жизни?⁶⁴ Ответ был: «никто». Именно так ответила Мойрова от имени Центрального Комитета. Женские секторы больше не должны заниматься вопросами быта, а также поощрением и выдвижением женщин (этим занимается отдел кадров). Мойрова категорически заявила: «Бытовые вопросы не могут занимать в настоящий момент центральное место в массовой работе среди женщин. Центральными вопросами нашей агитации должны явиться основные вопросы, поднятые XV съездом партии». Чтобы не возникало лишних вопросов, Мойрова вкратце перечислила новые задачи: ускорение темпов экономического развития, повышение качества работы, снижение себестоимости продукции, включение женщин в движение ударников (кампания по повышению производительности труда) и другие формы социалистического соревнования. Ни революционный, ни какой-либо другой *быт*

---

⁶³ Правда. 17 мая 1930. Цит. по: Davies. P. 152.

⁶⁴ Мойрова. Работа среди женщин в переломный период. С. 22.

в список не входил. Мойрова раскритиковала деятельность женотдела за недостаточное внимание к промышленному производству: работницы слишком активно занимаются бытом, это мешает работе, в частности посещению производственных собраний. Ее мнение о женских секторах Агитмасса было категоричным: «И если массовые сектора попытаются вновь заниматься в основном вопросами быта, они совершат ошибку». Городские секторы должны прежде всего заниматься производством, деревенские — темпами и качеством колхозного строительства, вопросами внутренней дисциплины и сплоченности, вопросами закрепления коллективных трудовых навыков и общественных обязанностей. Этим задачам должны были подчинены все другие⁶⁵.

Несмотря на явное изменение линии партии, значительная часть женского актива так и не смогла принять новый подход. Некоторые делегаты утверждали на собрании, что женские секторы должны следить за улучшением положения женщин и продолжать заниматься вопросами преобразования жизни. Они искренне сомневались, что партия «в целом», может заниматься работой среди женщин так же успешно, как женотдел. Такой подход представители Центрального Комитета считали неприемлемым. Несмотря на то что собрание зашло в тупик, делегаты в конце концов приняли компромиссную резолюцию: «Ввиду огромного значения вопросов реорганизации и строительства нового быта просить ЦК о скорейшем организационном внутрипартийном оформлении идейного руководства партии этой работой»⁶⁶. Таким образом, смещенный женский актив выразил последний коллективный протест по поводу ликвидации женотдела. Но хотя это собрание дало возможность активисткам женского движения выразить свое разочарование, оно не смогло сагитировать женщин заняться вопросами производства. Центральный Комитет позже отметил упаднические настроения среди женского актива, своеобразное восприятие им решения партии полностью отказаться от специализированных форм и методов работы среди трудящихся женщин. ЦК также сообщил, что массовая работа среди женщин в советах, профсоюзах, кооперативах и экономических организациях провалена. Профсоюзы в частности, не вели никакой работы среди сотен тысяч женщин, приступивших к работе на производстве⁶⁷.

---

⁶⁵ Мойрова. Работа среди женщин в переломный период. С. 22–23.

⁶⁶ Там же. С. 24.

⁶⁷ Очередные задачи работы сектора // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 490. Л. 78–79. Этот документ, к сожалению, не датирован, вероятно, он был написан после XVI съезда партии, происходившего в июне-июле 1930.

и местным партийным организациям начать массовую кампанию среди женщин по переизбранию делегатов — кампанию, которая должна была проходить под лозунгами, аккуратно перечисленными ЦК: «мобилизация активности трудящихся женских масс города и деревни для выполнения важнейших очередных политических и экономических задачи партии, ликвидация прорывов на отдельных участках промышленности, укрепление существующих колхозов и развитие новой волны колхозного движения, выполнение плана хлебозаготовок». Но особенно «примечательным» был лозунг «мобилизация масс для борьбы с кулачеством и ликвидация кулака как класса на основе сплошной коллективизации и решительной борьбы с мелкобуржуазными настроениями, подогреваемыми правооппортунистическими и троцкистскими элементами»⁶⁹. Ни один из этих лозунгов не касался проблем женщин, ни в одном из них не говорилось о растущей роли женской рабочей силы на производстве и в тяжелой промышленности. Все они без исключения плохо подходили для мобилизации женщин в поддержку партийных программ индустриализации и коллективизации. В объемном докладе, представленном в 1931 г. ВЦСПС Центральному Комитету, отмечалось, что вся профсоюзная иерархия — начиная с ВЦСПС и краевых советов до фабричных комитетов — не ведет работы среди женщин на протяжении последних двух лет. Делегатские собрания постепенно сходят на нет, поскольку профсоюзы на местах проигнорировали кампанию по переизбранию делегатов в ноябре 1930 г. Тот факт, что перевыборы провалены, подтверждают и женщины-активистки, и представители власти в регионах⁷⁰. Большинство профсоюзов не уделило внимания столь громоздким и неудачным лозунгам; точно так же они проигнорировали и кампанию по переизбранию, что не удивительно, ведь им рекомендовали не заниматься женским вопросом.

Многие партийные деятели признали неудачу кампании по переизбранию делегатов. Хотя ЦК продолжал подчеркивать важность делегатских собраний, на протяжении весны и лета 1931 г. ситуация практически не изменилась. На «Красном путиловце», одном из старейших металлургических заводов, сыгравшем большую роль в революционном движении, женщина-активистка пыталась обсудить «отвратительное отношение к делегатским собраниям», но завком

---

⁶⁹ Постановление ЦК // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 66.

⁷⁰ ЦК ВКП(б). О массовой работе среди женщин, связанной с внедрением нового слоя женщин в промышленность // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 96.

отказался включить этот вопрос в повестку дня. И на «Красном путиловце», и на «Северной верфи» выборы делегатов тянулись месяцами, организационной помощи не было ни со стороны профсоюзов, ни со стороны партийных организаций⁷¹. Весной 1931 г. ВЦСПС направил в Центральный Комитет отчет, в котором говорилось, что помощь в организации делегатских собраний не оказывалась не только на этих двух заводах: бóльшая часть местных профсоюзов проявила такую же апатию. В отчете сообщалось, что «ликвидационистские настроения в отношении делегатских собраний еще не изжиты». На многих заводах и фабриках делегатские собрания не проводятся в течение двух лет⁷². М. Ленау, глава отдела массовых кампаний ВЦСПС, отметил, что решение о роспуске женотдела было принято большинством профсоюзов «как сигнал» для «ликвидации всей работы среди женщин». Во многих местах профсоюзы отменили и делегатские собрания, объявив с облегчением: «Баба с возу — кобыле легче»⁷³.

Ликвидация женотдела рассматривалась как сигнал отменить институт женских инспекторов в Наркомате труда, организаторов на фабриках, женские секторы в Агитмассе и делегатские собрания. Должность женинспектора в НКТ для некоторых республик была создана в 1928 г. В России было десять таких инспекторов, на Украине — двенадцать; в республиках, где женинспекторы не предусматривались, ответственность за работу среди женщин несли другие сотрудники Наркомата. В письме с грифом «секретно» главного инспектора НКТ по женскому труду Сериной в женсекторы Агитмасса говорилось, что почти все инспекторы потеряли свои рабочие места из-за «волны ликвидации», имевшей место «в связи с реорганизацией органов труда сверху донизу в течение 1930 г.» В отделе труда Рабкрин провели чистку, однако не произошло никаких изменений и реорганизаций в пользу женщин. Фактически Рабкрин ликвидировал секторы, занимавшиеся вопросами женского труда, что и фигурировало в отчетах⁷⁴. Местные партийные деятели также с пренебрежением и невниманием относились к новым женским секторам в Агитмассе, регулярно назначая наименее опытных членов партии на «женскую работу» только для того,

---

⁷¹ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 35.

⁷² В ЦК ВКП(б). Массовая работа среди женщин // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 100.

⁷³ Труд. 3 февраля 1931.

⁷⁴ В женсектор ЦК ВКП(б). Работа органов труда в области женского труда // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 40.

начинают работу или обучение в «мужском» цехе, они подвергаются оскорблениям, им не дают возможности продвинуться по службе и повысить квалификацию. Мужчины часто отказываются работать с женщинами, утверждая, что женщины не должны занимать некоторые рабочие места в цехах и на фабриках.

Женский актив снова осудил ликвидацию женотдела. Гудрова, ударница, работавшая в металлургической промышленности, в жестких выражениях отзывалась о партии и профсоюзах. Она заявила, что из-за того, что работа среди женщин реорганизована, а женотдел ликвидирован, вся работа «уплыла». Она утверждала, что ни профсоюзы, ни партийные организации не оказывают никакой помощи⁷⁹. Делегат от Ростовского сельмашстроя Радченко также сожалел об утрате женотдела. Он полагал, что в некоторых местах специальные женские организации были упразднены неправильно, и когда эту работу передали женским агитмассовикам, они в ряде случаев «напутали» с работой среди женщин. Секторы Агитмасса не вели среди женщин почти никакой работы, а профсоюзы относились к ним холодно. Руководители и профсоюзные деятели Ростовского сельмашстроя считали, что женщины не способны выполнять квалифицированную работу⁸⁰. Делегат из Восточной Сибири Спивак описал аналогичную ситуацию в своем районе, где «косность в организации экономики и труда» мешала выполнению директив партии и задач индустриализации⁸¹. Многие делегаты выражали резкое недовольство профсоюзами. Так, делегат Чичловская заметила, что профсоюзы отказываются заниматься организационной работой среди женщин и не имеют представления, сколько женщин работает на фабрике и в чем они нуждаются. Она утверждала, что женский вопрос недооценен, и никто не занимается этой работой. Чичловская сама с большим трудом организовала съезд женщин-ударниц и попросила члена президиума профсоюза на нем присутствовать, на что тот ответил, что ее присутствия будет вполне достаточно⁸².

Делегатка от завода «Красное Сормово» Лисенкова также столкнулась с подобным отношением. На ее заводе трудились около трехсот тридцати женщин, но никто не вел среди них организационную

---

⁷⁹ Стенограмма Всесоюзного совещания по работе среди женщин // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 358. Л. 26, 27.

⁸⁰ Там же. Л. 28, 31.

⁸¹ Там же. Л. 42.

⁸² Там же. Л. 44, 46.

работу. Когда этот вопрос был поднят на заседании профсоюза, президиум заявил, что ничего страшного не случилось, волноваться не стоит. А когда Лисенкова стала выяснять, что нужно сделать, оказалось, что никто ничего не знает. Она жаловалась на то, что женщин автоматически назначают вести работу среди женщин, даже если они этого не умеют⁸³.

Многие делегаты с возмущением говорили, что ликвидация женотдела усугубила неприязненное отношение к женщинам со стороны профсоюзов. Делегатка Яновская, приехавшая из Украины, заметила с сожалением, что ей больно видеть бывший женотдел, поскольку за последний год работа среди женщин развалилась. Делегатка из Северного Кавказа Гальперина утверждала, что основная ошибка профсоюзов заключается в том, что они не поняли смысла решения партии о ликвидации женотдела. Они не поняли, что это значит, а именно, что на профсоюзы возложена бóльшая, чем раньше ответственность за работу среди женщин. Делегатка из Сибири Макарова сообщила, что после ликвидации женотдела, в 1930 г. весь год не велось никакой работы среди женщин. По ее словам, вся работа развалилась, потому что заменили женских организаторов, им на смену пришли новые, неопытные. Спивак согласилась с тем, что многие стали привыкать к мысли, что если нет женотдела, нет и работы среди женщин⁸⁴.

Некоторых делегатов постоянные жалобы по поводу упразднения женотдела раздражали. Работница текстильной фабрики из Иваново Плаксина, трудившаяся в женотделе много лет, выступала от имени партии. Она заметила, что это совещание созвано не для того, чтобы все плакались и жаловались на недостатки в своей работе. Отметив, что некоторые докладчики сокрушаются по поводу ликвидации женотдела, она пояснила, что нужно помнить о том, что в свое время женотдел проделал большую работу и «выковал» многих активистов, но не следует посвящать его обсуждению столько времени. Однако поддержка Плаксиной партийного решения не была безусловной: позже она объявила, что пока не увидела ни одной директивы ВЦСПС, в которой бы говорилось о работе среди женщин. По ее мнению, чтобы организационная работа среди женщин была

---

⁸³ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 358. Л. 53.

⁸⁴ Там же. Л. 63, 68, 36, 42.

ционный хаос. Таким образом, даже с точки зрения продукционизма, эта акция, равно как и ликвидация частной торговли, была преждевременной, непродуманной и оказалась чревата непредсказуемыми последствиями.

На протяжении 1920-х гг. попытки женщин-активисток заниматься преобразованием быта постоянно наталкивались на укоренившиеся предрассудки местных партийных и профсоюзных деятелей. Дебаты вокруг ликвидационизма бушевали на местном уровне до конца десятилетия. ЦК не вступал в полемику до лета 1929 г. В этот период по стране прокатилась волна бабьих бунтов, что заставило ЦК реорганизовать женотдел, сделав его инструментом поддержки политики коллективизации. Однако местные парторганизаторы сорвали этот проект, просто отказавшись работать с женотделом. Заниматься вопросами быта партия запретила, стать проводником партийной политики не давали возможности; так, деятельность женотдела потеряла смысл. В январе 1930 г. ЦК посчитал, что женотдел больше не нужен. Решение о его ликвидации было «спущено сверху», оно не было демократичным и не подлежало обжалованию. Пролетарское женское движение, зародившееся во время революции низов, погибло в результате «революции сверху».

На протяжении первой пятилетки многие члены партии сохраняли живой интерес к преобразованию быта, но Политбюро решительно отказалось от решения этой задачи во время ликвидации женотдела. Партийные руководители настойчиво напоминали об этом упрямому женактиву. Новые женские секторы должны были заниматься вопросами роста производства на заводах и в колхозах, а не преобразованием жизни. Несмотря на то что партия настоятельно призывала женщин записываться на курсы профподготовки и занимать рабочие места, ранее предназначавшиеся только для мужчин, пренебрежение к вопросам быта фактически гарантировало то, что женщины не смогут занять заметное место в рядах наемных работников.

Упразднение женотдела, КУТБ, делегатских собраний, женских инспекторов и женорганизаторов на заводах и фабриках оказало решающее влияние на последующий ход советской индустриализации. В отсутствие женских организаций женщины потеряли возможность эффективно защищать свои интересы. Ликвидация женских организаций разрушила связь между трудящимися женщинами и партией, поскольку женщины больше не могли оказывать влияние на партий-

ную политику. Женщины приходили на промышленные предприятия «самотеком», спонтанно и бессистемно. Несмотря на то что женский труд был широко представлен в традиционно мужских отраслях, в советской индустрии сохранялись как вертикальная, так и горизонтальная гендерная сегрегация. Женщины были сосредоточены в традиционно «женских» отраслях: легкая промышленность, сфера услуг, розничная торговля; они находились в нижней части зарплатной шкалы и профессиональной иерархии в каждой отрасли. Это положение во многом обуславливалось предрассудками руководителей и рабочих-мужчин, а также текущими требованиями производства. Охваченные манией продукционизма, Сталин и его сторонники быстро перевели поток революционных устремлений в русло стремительной индустриализации.

идет «самотеком», независимо от государственного плана или политики. Сооружение огромных новых промышленных комплексов и ГЭС, таких как Магнитострой, Кузнецкстрой и Днепрострой, привлекло тысячи рабочих³. Голодающие горожане и обездоленные крестьяне собирались на строительных площадках и у заводских ворот в поисках работы. Толпы людей ринулись в города, затем отступили, заполонив дороги и железнодорожные станции. Советский социолог О. И. Шкаратан отмечал, что миграция достигла «невиданного в истории человечества масштаба»⁴. Миграция была не просто огромной, она нарушала все сложившиеся каноны. Раньше на поиски работы в большинстве своем уезжали мужчины, теперь среди приезжих было значительное число женщин. Среди новых рабочих было много горожанок, жен и дочерей рабочих. Труд женщин стал использоваться во всех секторах экономики, но больше всего — в промышленности. За короткое время женщины серьезно потеснили мужчин в отраслях, прежде считавшихся сугубо «мужскими»; в результате изменился гендерный состав рабочего класса, были разрушены старые схемы гендерной сегрегации. Вклад женщин в формирование рынка труда был беспрецедентным с точки зрения численности, скорости вовлечения и роста их доли в традиционно «мужской» тяжелой промышленности.

Почему крестьянки и горожанки покидали свой дом, чтобы взять в руки лопату, сверло или встать у токарного станка? Было ли это результатом усилий кадровых агентов, или женщины выбрали наемный труд по собственной воле? На эти вопросы нет однозначных ответов. Этот феномен обусловлен действием целого комплекса причин, в числе которых множество факторов, связывающих город с деревней, крестьян с наемными рабочими, а также ряд непредвиденных, незапланированных событий. Процессы, связанные с вытеснением сельского труда, индустриализацией и урбанизацией, веками про-

---

³ О развитии промышленности см.: Davies R. W. *The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989; Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. G. *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1995; Rassweiler A. *Generation of Power: The History of Dneprostoi*. New York: Oxford University Press, 1988; Kuromiya H. *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

⁴ Шкаратан О. И. *Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР*. М.: Изд-во «Мысль», 1971. С. 225–226.

должавшиеся на западе, в Советском Союзе были втиснуты в десятилетие. Ни в одной стране мира они не развивались так интенсивно и с такой скоростью. Каждая женщина принимала решение стать наемной работницей самостоятельно — в зависимости от семейных и местных обстоятельств. Тем не менее каждое из этих решений было ответом на призыв смычки города с деревней. Как при автомобильной аварии с участием нескольких машин, государственная политика, экономические условия менялись в серии последовательных столкновений, заставляя партию и различные социальные группы совершать внезапные, неожиданные действия.

Историки, исследуя столь глубокие социальные и экономические потрясения, пытались изучать их, занимаясь по отдельности рабочими и крестьянами, городом и деревней, трудовой политикой и коллективизацией. Советское государство поощряло такой подход, скрывая масштабы городских волнений, разразившихся из-за нехватки продовольствия в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Сложные взаимосвязи между неурожаем, инфляцией, городскими волнениями, коллективизацией до сих пор еще недостаточно изучены. Вместе с тем нельзя рассматривать процесс формирования советского рабочего класса и, в частности, роль женщин-работниц, без учета этих взаимосвязей.

Голод, инфляция, коллективизация

С первых же дней существования советской власти партийные руководители боролись за создание устойчивого баланса между промышленным и сельскохозяйственным производством. Во время Гражданской войны продотряды прочесывали деревни в поисках зерна, чтобы обеспечить продовольствием Красную армию и голодающие города. Часто за зерно нечем было платить и его отнимали у крестьян под дулом пистолета. К концу Гражданской войны ненависть к продотрядам дошла до предела: крестьяне сокращают посевные площади, организуют беспорядки в знак протеста. Из-за действий продотрядов советская власть едва не лишилась своей с трудом добытой военной победы. В 1921 г. по предложению Ленина партия провозгласила новую экономическую политику, целью которой было укрепление экономического положения крестьян. Хотя НЭП успешно выполняла задачу расширения посевных площадей и роста торговли, партия никогда полностью не доверяла рыночной экономике. Хрупкий торговый баланс между городом и деревней, между промышленной и сельскохозяйственной продукцией, как оказалось, было очень трудно поддерживать. На протяжении 1920-х гг. партруководство занималось

В 1928 г. положение в стране ухудшилось. Урожай 1928 г. оказался более скудным, чем в 1927 г.; уже после ноября 1928 г. поставки зерна постоянно сокращались. С каждым месяцем партруководство было все больше озабочено своей неспособностью контролировать снабжение населения продовольствием и цены. Рынок зависел от мелких крестьянских хозяйств. Результатом следующего неурожая стал голод на Украине и снижение доступности зерна по всей стране. Разрыв между закупочными и рыночными ценами заставлял крестьян придерживать зерно, чтобы в будущем продать его на частном рынке. Согласно Левину, эта перспектива была настолько выгодной, что даже крестьяне – члены партии отказывались продавать зерно государству. Поскольку цены на зерно и другие продукты на свободном рынке поднимались, реальная зарплата снижалась. В Смоленске, Иваново и на Донбассе начались волнения среди рабочих⁸. Снабжение зерном стало одной из важнейших задач, стоявших

мы коллективизации в 1920-е гг. См.: Erlich A. *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. Историки объясняют начало сплошной коллективизации пристрастием Сталина к силовому решению проблем, присущим большевистской партии недоверием к крестьянам, поражением группы Бухарина в борьбе за власть в 1920-е гг. Эта точка зрения базируется на внутренней политике партии и исходит из идеологической приверженности руководства четко определенной концепции коллективизации и осуществления ее любой ценой. Решению проблемы социальной напряженности, в частности, недовольства рабочих высокими ценами на продовольствие, не уделялось достаточно внимания. Однако взаимосвязь сельскохозяйственной политики с проблемой снабжения рабочих заставляет взглянуть на действия партии с другой стороны. В этом случае переход к сплошной коллективизации в 1929 г. не выглядит спланированной войной, хотя и не является обдуманной экономической мерой. Курс на коллективизацию был принят в панике, осуществлялся в спешке, видимо, это была отчаянная попытка решить многолетнюю проблему снабжения городов продовольствием. См., например: Conquest R. *The Harvest of Sorrow*. New York: Oxford University Press, 1986; Tucker R. *A New Stage in the Revolution*; Cohen S. *The Moderate Alternative // The Stalin Revolution: Foundations of the Totalitarian State* / R. W. Daniels (ed.). Toronto: D. C. Heath and Co., 1990. Моше Левин говорит о роли случайности в принятии решения о коллективизации, М. Рейман подчеркивает взаимосвязь между политикой партийного руководства и социально-экономическим кризисом конца НЭПа.

⁸О беспорядках среди рабочих в Иваново см., например: Rossman J. *Worker Resistance under Stalin: Class and Gender in the Textile Mills of the Ivanovo Industrial Region, 1928–1932*. Ph. D. diss., University of California, Berkeley, 1997.

перед партией. Поддержка рабочего класса, равно как и получение средств для инвестиций, зависели от стабильных поставок зерна по низкой цене. Партийные руководители, опасаясь усиления недовольства среди рабочих, пошли на жесткие меры.

Зимой 1928-го — 1929 г. государство начало принудительные хлебозаготовки на Урале, в Поволжье и Сибири. Председатель СНК СССР Рыков обратился к представителям сибирского руководства в январе 1929 г.: «Посмотрите на цингу в Пскове, на голод в Украине и на нехватку, от которой повсеместно страдают рабочие. Вместо этого вы приходите и говорите мне, что план сбора зерна нельзя поднять»⁹. Середнякам и кулакам угрожали различными наказаниями, конфискацией имущества за сокрытие зерна и «спекуляцию», арестом за отказ сдать зерно государству. Тем не менее эти жесткие методы только ожесточили крестьянство, настроив их против партии. Весной 1929 г. в ходе кампании по хлебозаготовкам зерна было собрано на 20 % меньше, чем в предыдущем году. Когда напуганные крестьяне сократили посевные площади, партийные руководители решили положить конец неопределенностям, связанным с хлебозаготовкой. В Москве пришли к выводу, что коллективизация должна решить хронические проблемы государственных хлебозаготовок путем реорганизации сельского хозяйства и увеличить производство с помощью механизации. Это позволит государству усилить контроль над производством, заготовкой и распределением зерна. Сталин считал, что само будущее социализма в Советском Союзе висит на волоске, все зависит от способности партии обеспечить продовольствием города. В личном письме Молотову он отметил: «...хлебозаготовки в нынешнем году — основное в нашей практике, если на этом сорвемся, все будет смято»¹⁰. Сталин решительно настаивал на пересмотре первоначальных планов поэтапной коллективизации.

---

⁹Цит. по: Tauger M. Grain Crisis or Famine? The Ukrainian State Commission for Aid to Crop Failure Victims and the Ukrainian Famine of 1928–1929 // *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power* / D. Raleigh (ed.). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, forthcoming. Тегер описывает голод на Украине в 1928 г., он утверждает, что это событие ускорило сплошную коллективизацию.

¹⁰Stalin's Letters to Molotov / L. Lih, O. Naumov, O. Khlevniuk (eds.). New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995. P. 169. Редакторы сборника полагают, что Сталин видел в коллективизации способ избежать конфронтации с крестьянством и продолжительного использования чрезвычайных мер (Р. 38).

В июне 1929 г. партия активизировала усилия по обеспечению контроля над поставками зерна и приступила к сплошной коллективизации. Партийное руководство начало активную подготовку к осенним хлебозаготовкам, по сравнению с прошлым годом план был увеличен на 50 %. Причем Сталин настаивал на том, что даже колхозы скрывают излишки от государства в надежде выгодно продать их на свободном рынке. Он требовал арестовывать и высылать «спекулянтов» зерном, предавать суду всех уличенных в конкуренции хлебозаготовителей¹¹. Применение силы дало результаты: несмотря на плохой урожай, к декабрю план хлебозаготовок был выполнен. В личном письме Сталин писал: «Если с хлебом выиграем, — выиграем во всем, и в области внутренней, и в области внешней политики». Государство полностью одобрило коллективизацию в качестве средства для решения продовольственного кризиса¹². В декабре Сталин дал старт новому курсу — переходу к «ликвидации кулака как класса». В сельской местности царил хаос, крестьяне отказывались вступать в колхозы и уничтожали скот в знак протеста. Тысячи кулаков и середняков вместе с семьями были арестованы и сосланы. Коллективизация, однако, не решила проблемы нехватки зерна, овощей, фруктов, мяса и молочных продуктов в городах и промышленных поселках. Цены на свободном рынке стремительно росли, некоторые товары подорожали вдвое или втрое. Коллективизация, изначально нацеленная на обеспечение стабильных поставок зерна, прекращение беспорядков среди рабочих, а также поддержку высокого уровня инвестиций в промышленность, потерпела неудачу, как только снизилась эффективность сельскохозяйственного производства. Нехватка продовольствия затронула и города, и села. Крестьяне бежали из деревень в города, но обнаруживали, что заработка рабочего не хватает даже на обеспечение семьи основными продуктами.

---

¹¹ См.: Постановление Политбюро. О хлебозаготовках, 15 августа, 1929 г. // Stalin's Letters to Molotov / Lih et al. (eds.). P. 166–167, 165–166.

¹² Там же. P. 371–507. См. также: Reiman M., Davies R. W. *The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980; Viola L. *Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*. New York: Oxford University Press, 1987, а также кн. *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. New York: Oxford University Press, 1999; Fitzpatrick Sh. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York: Oxford University Press, 1994.

Инфляция и падение реальной зарплаты

В 1929 г. рабочие страдали от продовольственного кризиса. Дефицит привел к росту цен, и реальная заработная плата упала. В феврале 1929 г. партия санкционировала нормирование продажи хлеба, пытаясь обеспечить рабочих едой, прекратить спекуляцию и компенсировать снижение покупательной способности зарплаты. В декабре 1930 г. государство ввело дифференцированные пайки, при этом паек рабочего был выше, чем у других слоев населения, в том числе иждивенцев. Со временем в пайки, кроме хлеба, стали включаться и другие продукты: сахар, мясо, масло, чай. Хотя пайки обеспечивали рабочих основными продуктами, они не решали проблему дефицита. В большинстве рабочих кооперативов приобрести было нечего, поэтому рабочим приходилось докупать продовольствие на рынках, где высокие цены съедали большую часть заработной платы¹³. Многие женщины пытались сменить статус иждивенца на статус рабочего ради увеличения продуктового пайка.

Экономисты рассчитывали на увеличение реальной зарплаты в период первой пятилетки за счет запланированного снижения цен и ожидаемого повышения производительности труда. Плановики Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) ожидали увеличения объема производства на 168 %; другие ведомства давали еще более оптимистичный прогноз — 200 %. В таком случае производительность труда должна была вырасти почти вдвое, цены на промышленные товары должны были снизиться, и соответственно понизились бы цены на продовольствие. Кроме того, значительная часть сектора розничной торговли должна была стать государственной, тем самым снизив роль частной торговли. Восьмой съезд профсоюзов в январе 1929 г. прогнозировал повышение средней реальной заработной платы рабочего в период первой пятилетки на 50 %. Профсоюзы ожидали «ежегодный подъем» и обещали обеспечить рыночное регулирование цен¹⁴. ВСНХ утверждал, что номинальная заработная плата увеличится на 36 %, а реальная заработная плата — на 56 %. Таким образом, повышение покупательной способности рабочих будет происходить не просто за счет роста зарплаты, но и путем существенного сокраще-

---

¹³ Подробнее о нормировании продовольствия и пайках см.: Осокина Е. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М.: Изд-во МГУ, 1993.

¹⁴ Резолюция VIII всесоюзного съезда профсоюзов // Труд. 13 января 1929.

ния расходов на продукты питания и потребительские товары. На каждый заработанный рубль можно будет купить больше, чем раньше. Ожидалось, что в 1928–1929 гг. индекс потребительских цен (стоимость рыночной продовольственной корзины и потребительских товаров, необходимых средней семье), снизится на 14 %. Рабочие в результате получают более дешевые и качественные товары, их покупательная способность возрастет¹⁵.

На протяжении весны и лета 1929 г. плановики напряженно изучали статистические данные в поисках оптимального соотношения между объемом рабочей силы, производительностью труда, издержками производства и ценами. Уже в январе 1929 г. один из экономистов предположил, что прогнозируемое ВСНХ увеличение реальной заработной платы невозможно. Он отметил, что индекс потребительских цен и розничные цены на сельскохозяйственные товары не снижаются. Если цены не снизятся, реальная зарплата рабочих не возрастет на 50 %, либо ВСНХ придется увеличивать номинальную зарплату минимум на 35–40 % по сравнению с 1927–1928 гг.¹⁶ Осенью это предупреждение стало звучать как пророчество, поскольку ситуация стала критической. Незапланированный подъем цен сделал нереальной идею плановиков увеличить реальную зарплату в период первой пятилетки. Теоретические дискуссии на тему производительности труда были сметены ураганным повышением цен. Никакие манипуляции со статистикой уже не могли спасти ситуацию.

За первые два года пятилетки выросли и оптовые, и розничные цены. ВСНХ запланировал падение цен на 3 %, но на самом деле они выросли на 5 %. Согласно плану государственные закупочные цены в 1928–1929 гг. должны были оставаться на уровне предыдущего года. На самом деле государство было вынуждено значительно повысить цены, чтобы закупить продовольствие (см. табл. 3.1). Повышение закупочных цен отразилось на городских потребителях. Государство потратило на закупку зерна на 20 % больше, чем в предыдущем году, и чиновники очень не хотели снова повышать закупочные цены на зерно и продукты животноводства в 1929–1930 гг. Но цены снова подскочили. Таким образом, крестьянство помешало выполнению плана 1928–1929 гг. и на следующий год. Попытка осуществить сплошную коллективизацию летом и осенью 1929 г. только ухудшила положе-

---

¹⁵ Иоффе П. Основные вопросы труда в контрольных цифрах пятилетнего промышленного плана // Труд. 1 января 1929.

¹⁶ Там же.

ние: в 1929-м и 1930 г. цены на масло и яйца резко возросли из-за массового забоя скота, который крестьяне совершали в знак протеста против коллективизации и методов проведения хлебозаготовок. Рост закупочных цен на масло и яйца за первые два года пятилетки значительно превысил прогнозы. Государственные закупочные цены на все продукты выросли: на зерно — на 9 %, на мясо — на 7 %, на масло — на 20 %, на яйца — на 44 %. Потребительские цены в государственном секторе также поднялись — в соответствии с ростом закупочных цен.

Потребительские цены на свободном рынке выросли еще сильнее. Поскольку объем имеющегося продовольствия сократился, продавцы и посредники взвинтили цены. За период с 1927-го по 1930 г. общий индекс цен вырос на 219,3 %, цены на хлеб подскочили на 327,5 %, на овощи — на 63,3 %, на мясо — на 152,2 %, на молоко — на 138,5 %. Наибольший рост цен был отмечен на востоке страны, на Урале и в Сибири, в центральных районах цены также выросли. В 1930 г. производство мяса крупного рогатого скота сократилось на 10 % по сравнению с уровнем 1916 г., мяса мелкого рогатого скота — на 15 %, свинины — на 40 %. В целом объемы мяса, предназначенного для продажи потребителям, сократились более чем на 70 %¹⁷. От повышения цен пострадали рабочие по всей стране, самые тяжелые последствия ощущались в промышленных регионах, на Урале, Донбассе, в Харькове, Свердловске. Ежедневный рацион рабочих ухудшился, они стали потреблять меньше муки, рыбы, мяса, молока, масла, яиц и жиров. В качестве скудной компенсации за серьезное снижение в рационе питания белков, жиров и молочных продуктов, потребление картофеля и других овощей увеличилось на 3 %, на 50 % возросло потребление ржаного хлеба. За период с 1929-го по 1932 г. потребление мяса, молочных продуктов, жиров упало на 45–55 %. Рацион рабочего состоял из сухого ржаного хлеба, картофеля, нескольких сезонных овощей (капусты, лука, моркови) и рыбных консервов¹⁸. Работница

---

¹⁷ Повышение реальной зарплаты — основная задача кооперации // Труд. 24 июля 1930.

¹⁸ Среднемесячное приобретение продуктов питания и предметов широкого потребления семейными рабочими промышленности в среднем на душу по СССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 185. Л. 29. В 1929–1930 гг. рабочие потребляли на 17 % меньше мяса и нутряного сала, на 14 % меньше масла и яиц, на 18 % меньше сахара, чем в предыдущем году. Также сократилось потребление хлеба, маргарина, заменявших картофель, рыбу, овощи и молоко. В 1931 г. рабочие питались еще более скудно. Они потребляли на 12 % меньше ржаной муки, на 29 % — пшеничной, на 9 % меньше пшеничного хлеба,

московской шерстопрядильной фабрики «Пролетарский труд» Кубина сетовала: «Паек хлеба рабочим будет уменьшен. Мяса выдавать не будут. Рабочих кормят костлявой рыбой, а свинину отправляют в Кремль». Старый рабочий Сандальнов возмущался: «Большевики довели до того, что скоро все подохнут с голода, всюду опять очереди. Пай прибавляют, а ничего не дают». Многие рабочие страдали от недоедания. Беспорядки, остановка работы, несанкционированные забастовки, недовольство — это было характерно для всех заводов и фабрик. В некоторых регионах рабочие пухли от голода. Партийные руководители регулярно получали отчеты о настроениях рабочих от информаторов на фабриках¹⁹. Ситуация в городах служила постоянным напоминанием о необходимости контроля над ценами на продовольствие.

Таблица 3.1

Государственные потребительские цены

Виды товаров	Плановые цены			Реальные цены		
	1928–1929 в процен- тах к 1927–1928	1929–1930 в процен- тах к 1928–1929	На два года пятилет- него плана	1928–1929 в процен- тах к 1927–1928	1929–1930 в процен- тах к 1928–1929	За два года пяти- летнего плана
Общий индекс	107,4	100	107,4	111,2	103,3	114,9
Зерно	114	100	114,0	119,6	103	123,2
Продукты животно- водства:						
мясо	102,1	100	102,1	107,2	105,5	113,1
масло	100	100	100	103	103,7	106,8
яйца	108	100	108	116,9	109,7	128,2
	100	100	100	114,8	125,5	144,1

Источник: Авербух А. Цены и реальные доходы населения // На плановом фронте. 1930. № 15–16. С. 23.

на 28 % — мяса, на 49 % — нутряного сала, на 9 % — рыбы, на 22 % — молока, на 28 % меньше масла, на 58 % — маргарина, на 35 % меньше яиц, чем 1930 г. См.: Авербух А. Цены и реальные доходы населения // На плановом фронте. 1930. № 15–16. С. 24, 26. Подробное рассмотрение проблемы падения уровня жизни рабочих см. в: Barber J. The Standard of Living of Soviet Industrial Workers, 1928–1941, неопубликованная работа.

¹⁹ Сигнальная сводка № 3 // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 21; В секретную часть ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 131.

В сентябре 1929 г. секретарь ВЦСПС Вейнберг на съезде плановых органов говорил о «недостаточном росте реальной заработной платы». Он обратил внимание на серьезные трудности со снабжением рабочих овощами, мясом и молоком. Из промышленных населенных пунктов по всей стране в ВЦСПС постоянным потоком шли жалобы на отсутствие продуктов²⁰. Почти год спустя, в мае 1930 г. ВЦСПС признал, что улучшений нет, поскольку запланированного повышения реальной зарплаты так и не произошло²¹. Летом 1930 г. партийные руководители объявили, что реальная зарплата повысилась на 39 % по сравнению с 1913 г., но об изменениях за последние два года ничего не было сказано²². Хотя об этом повышении было заявлено как об успехе, сокращение рациона рабочих говорило о другом. По сравнению с 1913 г. индекс потребительских цен вырос на 126 %²³.

Трудно определить, насколько снизилась реальная зарплата в годы первой пятилетки. Потребительский бюджет рабочего включал пайки, товары, купленные по рыночной и государственной ценам, питание на фабриках, в школах и других учреждениях, в значительной степени субсидировавшееся государством. Соломон Шварц подсчитал, что за период первой пятилетки реальная зарплата всех рабочих упала на 40 %, а промышленных рабочих — на 50 %. Юджин Залески утверждает, что к 1932 г. она упала более чем на 50 % и продолжала снижаться до 1934 г., а с 1935-го по 1938 г. постепенно повышалась. Тем не менее даже в 1937 г. реальная зарплата — по официальной оценке — составляла лишь 66 % от уровня 1928 г. По мнению Шварца, после 1931 г. уровень жизни не мог продолжать снижаться, не вызывая «полного распада экономической жизни»²⁴.

---

²⁰ Контрольные цифры будут выполнены // Труд. 27 сентября 1929.

²¹ Мобилизовать силы на борьбу за повышение реальной зарплаты // Труд. 18 мая 1930.

²² Задачи профсоюзов в реконструктивный период // Труд. 21 мая 1930. Заработная плата от XV до XVI съезда // Труд. 10 июля 1930.

²³ Повышение реальной зарплаты — в опасности // Труд. 28 мая 1930.

²⁴ Shwarz S. Labor in the Soviet Union. New York: Praeger, 1951. P. 139–164; Chapman J. Real Wages in Soviet Russia since 1928. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963; Zaleski. Planning for Economic Growth in the Soviet Union, P. 392; Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil, 304–309. Davies. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997 (о реакции рабочих на падение уровня жизни см. С. 23–48).

В апреле 1929 г. в партийной среде осудили «правых уклонистов», от должности председателя ВЦСПС был освобожден Томский. Партия выдвинула новый лозунг: «Лицом к производству». Журналисты, профсоюзные деятели и плановики вслух не обсуждали падение реальной заработной платы: говорили о «серьезных затруднениях с продовольствием», «недостаточном росте», «недостатках и прорывах в плане» и «нездоровых настроениях среди рабочих». Снижение реального уровня заработной платы объясняли сопротивлением кулачества²⁵. В сентябре 1929 г. профсоюзный деятель Стривский сообщил профсоюзам Москвы, что реальная заработная плата в этом году не выросла, особенно в том, что касается продуктов питания. Он осторожно предположил, что реальная заработная плата может увеличиться, если государство понизит цены до уровня 1927 г.²⁶ Хотя Стривский не говорит прямо о снижении реальной заработной платы, его демонстративная отсылка к 1927 г. (когда цены были снижены на 10 %) подразумевает, что невероятный рост цен за последние два года существенно снизил уровень жизни рабочих. На протяжении осени 1929 г. цены продолжали расти как на частных рынках, так и в государственных кооперативных магазинах. В декабре Госплан с одобрения ЦК заявил, что реальная зарплата поднимется на 12 % в 1930 г. Профсоюзные деятели не выступали непосредственно от лица рабочих, но пытались привлечь внимание общественности к расхождениям между обещаниями и реальностью. В начале весны 1930 г. ВЦСПС собрал 50 тысяч рабочих, разделил их на бригады и поручил проверить, как идет запланированное повышение реальной заработной платы в стране. Вердикт был таков: ничего не произошло. В мае ВЦСПС констатировал, что «реальная зарплата осталась на прошлогоднем уровне»²⁷. Плановики признали, что любое увеличение реальной заработной платы зависит от стабилизации цен²⁸.

---

²⁵ См., например: Резолюция VIII Всесоюзного съезда профсоюзов // Труд. 13 января 1929. Контрольные цифры будут выполнены // Труд. 27 сентября 1929; Социалистическое строительство и задачи профсоюзов // Труд. 24 ноября 1929; Бунимович В. Пятилетка и реальный уровень заработной платы // На плановом фронте. 1930. № 7. С. 24; Авербух А. Цены и реальные доходы населения // На плановом фронте. 1930. № 15–16. С. 27.

²⁶ Очередные задачи профсоюзов Московской области // Труд. 7 сентября 1929.

²⁷ Директивы о повышении реальной заработной платы не выполняются // Труд. 15 марта 1930; В борьбе за реальную зарплату нужны новые темпы // Труд. 5 марта 1930; Мобилизовать силы на борьбу за повышение реальной заработной платы // Труд. 18 мая 1930.

²⁸ Директива о повышении реальной заработной платы должна быть полностью осуществлена // Труд. 13 декабря 1929; Реальная зарплата — в центр внимания // Труд. 15 декабря 1929.

Огосударствление розничной торговли

Продовольственный кризис сам по себе являлся результатом жесткого подхода к хлебозаготовкам, но он, как ни парадоксально, сделал невозможным возвращение к более свободному курсу НЭПа. Поскольку применение силы уже породило страх и неуверенность среди крестьян, возвращение к частным хозяйствам и рынкам могло привести к еще бóльшему дефициту. Однако, чтобы сохранить поддержку рабочего класса, партии было необходимо прекратить падение уровня жизни. Председатель Госбанка Л. Пятаков предложил увеличить импорт сырья для производства потребительских товаров, наращивать объемы производства в целом и прекратить экспорт масла, яиц, мяса и других продуктов²⁹. Некоторые профсоюзные деятели говорили о возможности увеличить денежную массу и поднять номинальную зарплату, чтобы покрыть растущие расходы на продукты питания. Несмотря на то что эти люди ранее выступали против курса Бухарина, их предложения очень напоминали программу, выдвинутую «правой оппозицией». Сталин отклонил эти предложения. Импорт потребительских товаров и снижение экспорта истощили бы финансовые ресурсы, необходимые для индустриализации, а рост номинальной зарплаты способствовал бы сосредоточению денег в руках торговцев и ориентированных на рынок крестьян, тем самым усиливая социальную группу, которую партия пыталась взять под контроль. В Наркомате труда утверждали, что реальная зарплата не может быть увеличена «просто за счет номинальной зарплат», должны быть снижены цены. Руководство считало цены ключевым пунктом для стабилизации уровня жизни и зарплаты.

Как известно, цены зависят от объема продукции на свободном рынке. Если государство собирается искусственно снизить цены, следует резко ограничить свободный рынок. Осенью 1929 г. партия пришла к заключению, что для снижения цен необходимо «вытеснить частника с рынка». По словам одного из плановиков, который утверждал, что к 1930 г. госсектор удовлетворит нужды 95 % рабочих, жизнь рабочих следует освободить от частного сектора³⁰. Государство боролось за установление контроля над ценами за счет расширения государственной системы снабжения, ограничения частного рынка, ликвидации частника и спекулянта. Тем не менее

---

²⁹ Stalin's Letters to Molotov. P. 188–189.

³⁰ Реальная зарплата и смотр рабочей кооперации // Труд. 22 декабря 1929; Борьба за реальную заработную плату // Труд. 13 апреля 1930.

эти контрмеры быстро породили целый ряд новых трудностей, поскольку государство пыталось заменить живую, прочно укоренившуюся систему частной торговли неполноценным, плохо организованным розничным аппаратом. Поспешная попытка заменить частную торговлю государственными кооперативами привела к еще большему хаосу и дезорганизации. Новые кооперативные магазины были неблагоустроенными. Избыток одних товаров, крайний недостаток других обостряли дефицит, создавали длинные очереди, а также способствовали злоупотреблениям в государственном секторе. Ощущалась постоянная нехватка в значительном количестве товаров, кооперативные работники и потребители не могли устоять перед искушением перепродать купленный по государственной цене дефицит на рынке. Попытка партии подавить частную торговлю и установить контроль над сектором розничной торговли только усугубила положение, по крайней мере в краткосрочной перспективе.

Между государственным и частным секторами торговли существовало значительное, постоянно растущее ценовое различие. В 1927–1928 гг. цены на сельскохозяйственную продукцию отличались на 23 %; в 1928–1929 гг. — на 55 %, в 1929–1930 гг. — на 99 %. То есть в 1930 г. цены на рынках были вдвое выше, чем в государственных магазинах. Частные торговцы не только устанавливали более высокие цены, но и контролировали значительную часть розничной торговли. В 1928–1930 гг. рабочие купили почти четверть своего продовольствия на рынке³¹. Больше половины всего объема картофеля и молока, почти четверть масла, 18 % овощей, 16 % яиц, 14 % мяса и нутряного сала было куплено у частных торговцев. Хлеб, маргарин и рыба покупались у государства. В некоторых городах доля рыночных покупок была еще выше³². В промышленных городах рабочие приобретали у частных торговцев от 50 до 60 % муки, от 50 до 90 % овощей и молочных продуктов³³. Партия называла частных торговцев «спекулянтами», «кулаками» и «частниками», их объявили главными виновниками падения реальной зарплаты. Плановики и профсоюзные деятели пришли к общему выводу: единственный

---

³¹ Бунимович В. Пятилетка и реальный уровень зарплаты // На плановом фронте. 1930. № 7. С. 24–25.

³² Процент приобретения в частной торговле семейными рабочими отдельных продуктов питания и предметов широкого потребления в среднем по СССР в 1930 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 185. Л. 32.

³³ Реальная зарплата — в центр внимания // Труд. 15 декабря 1929.

способ поднять реальную зарплату — это запрет частной торговли и расширение госсектора³⁴.

Искоренить вездесущее стремление нажиться на дефиците оказалось почти так же сложно, как и создать сеть чистых, недорогих государственных магазинов с достаточным запасом товаров. Кооперативы испытывали множество проблем — начиная с отсутствия эффективной дистрибьюторской сети, которая могла бы скоординировать спрос и предложение. В некоторых областях Украины картофель был настолько дефицитным, что стоил дороже высококачественных фруктов. В Харькове, чтобы купить картофель, люди простаивали более четырех часов в очереди, в то время как по соседству горы картофеля гнили в вагонах. Результатом недостатка продуктов были недовольство, длинные очереди и даже бунты. В Гришине жены рабочих сутки стояли в очереди, чтобы купить яблоки; они принесли с собой подушки и одеяла и спали на улице³⁵. В большинстве кооперативов купить хлеб было нельзя, люди должны были часами стоять в очереди, чтобы получить хлеб в магазине, к которому были прикреплены. В Сталинграде в кооперативах продавать было нечего, поскольку поставки товаров выполнялись лишь частично. Поставщики отделивались беспомощными отговорками об «объективных условиях», в то время как рабочие занимались «самоснабжением», прочесывая деревни в поисках еды. В Самаре, где цены на основные продукты питания выросли быстрее, чем где бы то ни было, накануне празднования Октябрьской революции дефицит продовольствия стал причиной волнений среди рабочих. Прошел слух, что после праздника картофель «давать» не будут, люди бросились в государственные магазины, чтобы им запастись. Поскольку рабочие всю ночь простояли в очередях за картошкой, профсоюзные деятели испугались, что те не смогут выйти утром на демонстрацию. Картофель же оказался непригодным для еды: крохотные шарики, не более сантиметра в диаметре, но других овощей в городе и вовсе не было. В Астрахани индекс потребительских цен на продукты питания за 1928–1929 гг. подскочил на 50 %. В кооперативах цены также повысились. В Астрахани, «рыбной столице» страны, не было рыбы! Накануне октябрьских праздников здесь тоже возникли беспорядки: рабочие не смогли купить хлеб, поскольку стоя-

---

³⁴ Бунимович, В. Обеспечить реальную заработную плату // На плановом фронте. 1930. № 2. С. 21–24; Профсоюзные контрольные цифры на 1929–1930 г. // Труд. 30 августа 1929.

³⁵ Вполоборота к потребителю // Труд. 7 сентября 1929.

ли в очереди за новыми продовольственными карточками. Донбасс демонстрировал полный набор «кооперативных напастей»: неумелая работа, неразбериха, злоупотребления, грубое, подчас просто хамское обращение с покупателями. В Сталино, «шахтерской столице», магазины снабжались относительно неплохо, но их было так мало, и они находились так далеко друг от друга, что рабочим, живущим у Дона, приходилось ездить в соседний город, чтобы купить катушку ниток. «Невообразимые» очереди в крохотные магазины в рабочих поселках были каждодневным явлением. Магазины были заполнены женщинами, которые уходили с фабрики, чтобы занять очередь. Продавцы вели себя грубо и агрессивно. После того как в одном из кооперативов объявили, что завтра в продаже будут нитки, люди стояли в очереди всю ночь. Когда магазин открылся, за дверями уже ждали триста человек. Продавцы повесили объявление что ниток нет; ворча и ругаясь, толпа разошлась. Через три часа нитки появились в продаже³⁶.

Нужда и дефицит заставляли людей заниматься «спекуляцией». Большая разница между стоимостью товаров, которые государство продавало по фиксированным ценам в кооперативах, и их ценой на «черном» рынке побуждала и продавцов, и покупателей перепродавать товары по завышенным ценам. Работники кооперативов прибегали к разного рода аферам. Они перепродавали талоны, полученные от покупателей, припрятавали продукты для продажи на рынке, скрывали недостачу путем манипуляций с количеством талонов, продавали товар без талонов и прикарманивали деньги. Низкокачественные товары выдавались за высококачественные и продавались по фантастическим ценам. Для себя и для перепродажи работники кооперативов отбирали товары получше, налаживали связи с частными торговцами. Зачастую новая партия товара для кооператива практически сразу после выгрузки оказывалась на рынке. Все эти сделки приносили выгоду отдельным людям, но были пагубными для большинства, поскольку еще больше сокращали запас доступных товаров по умеренным ценам³⁷.

---

³⁶ Вредители реальной заработной платы // Труд. 5 декабря 1929; См. там же статьи: Овощная партизанщина и революции не помогут; На борьбу за повышение реальной зарплаты вместе с бригадами ВЦСПС выступают массы // Труд. 12 декабря 1930; Рабочее снабжение — основа повышения реальной зарплаты // Труд. 17 марта 1930; Повышение реальной зарплаты // Труд. 7 февраля 1930.

³⁷ На борьбу за реальную зарплату // Труд. 8 января 1930; Повышение реальной зарплаты // Труд. 7 февраля 1930.

Дефицит притягивал частных торговцев, как огонь бабочек. Появились частники, процветающие именно за счет дефицита, которые вступали в игру, когда товары невозможно было получить по госзаказу. Они закупали дефицитные товары, такие как лак, краска, мыло, стекло на государственных фабриках и перепродавали их государственным организациям с наценкой до 2000 %. Они продавали лекарства в регионы, где отсутствовали государственные аптеки. Дефицит и нищета сделали людей всех социальных слоев потенциальными торговцами, угрюмо просчитывающими выгоду от перепродажи каждого товара. Даже рабочие превращались в «спекулянтов» в надежде заработать несколько рублей. Голодающие рабочие обманом получали молоко для уже выросших детей, пользовались продуктовыми талонами умерших членов семьи. Когда в кооперативные магазины завезли большую партию валенок по 9 рублей пара, ожесточенная толпа рабочих ломилась в магазины. К вечеру на прилавках не осталось ни одной пары. Но утром почти весь товар появился на базаре по цене 20 рублей пара, рабочие сделали наценку в 122 %, чтобы получить прибавку к своей нищенской зарплате³⁸.

Положение с продовольствием было настолько тяжелым, что партия приняла решение о производстве продуктов питания в городах — самим населением. В прессе началась шумная агиткампания: призывали рабочих сажать огороды на городских окраинах. ВЦСПС высказал мнение, что такие огороды могут удовлетворить до 80 % потребностей рабочих в продовольствии. Когда рабочие Днепропетровска пожаловались на нехватку продовольствия главе ВЦСПС Швернику, он рекомендовал им сажать огурцы и капусту и солить их в домашних условиях. Шверник заявил членам местных профсоюзов, фабкомов и городского совета, что ждать, когда привезут продовольствие бессмысленно. Возникла идея самообеспечения промышленности, но «промышленные огороды» не прижились. Отработав полный день, рабочие, члены профсоюзов и работники кооперативов не очень-то хотели возиться в огородах. Руководители кооперативов сразу же отказались, утверждая, что не их дело создавать пригородные хозяйства. Кампания вскоре переросла в мелкие муниципальные ссоры по поводу распределения земельных участков. Во Владимире

---

³⁸ На борьбу за повышение реальной зарплаты вместе с бригадами ВЦСПС выступают массы // Труд. 12 января 1930; Система распределения товаров и реальная зарплата рабочих // Труд. 19 января 1930; Частник живуч, потому что живучи благодетели // Труд. 12 января 1930.

городской совет, коммунальный отдел, коммунальный фонд, земельное управление, кооперативы, местный совхоз, группа безработных и даже руководство местной тюрьмы яростно спорили по поводу распределения земельных участков. Выяснилось, что «в результате ни одна организация не ведет практической работы». Более того, повторились проблемы колхозов: никто не знал, как и где сажать, не было средств и семян. Рабочие оказались в абсурдной ситуации: им пришлось выпрашивать в местных колхозах и совхозах семена и инструменты, необходимые для самообеспечения сельхозпродукцией. Но, как выяснилось, даже в местных совхозах не было семян. В конце мая 1930 г. только 25 % выделенных под огороды земель вокруг промышленных центров были распределены по организациям и еще меньше было возделано³⁹.

Тем временем партия возложила вину за нехватку продуктов на работников кооперативов: «кооперативный аппарат засорен чуждыми людьми, бюрократами и торгашами», и призвала провести «решительную чистку» кооперативов⁴⁰. Профсоюзам запретили обсуждать вопрос о повышении номинальной зарплаты, эту идею заклеямили как «тред-юнионистскую тенденцию». Вместо этого профсоюзам вменялось в обязанность содействовать стабилизации реальной зарплаты путем отслеживания уровня цен в кооперативных магазинах⁴¹. Профсоюзы организовали тысячи рабочих по всей стране в бригады для проверки цен, выявления злоупотреблений и обеспечения поставок. Кооператив в Саратове поднял цены на мясо на 760 %. Другой кооператив приобрел партию помидоров за 291 рубль, а продал за 1162 рубля. Были выявлены аналогичные наценки на картофель, яблоки и др. В Ленинграде работники кооператива поднимали цену товара каждый раз, когда переключали его с одного прилавка на другой. Попытки контролировать розничные цены, разоблачая «спе-

---

³⁹ Социалистическое строительство и задачи профсоюзов // Труд. 24 ноября 1929; В борьбе за реальную зарплату нужны новые темпы // Труд. 5 марта 1930; Повышение реальной зарплаты — в опасности // Труд. 28 мая 1930; Рабочие центры — в кольцо огородов // Труд. 15 марта 1930; Мобилизовать силы на борьбу за повышение реальной зарплаты // Труд. 18 мая 1930.

⁴⁰ Повышение реальной зарплаты // Труд. 7 февраля 1930.

⁴¹ Задачи профсоюзов в период реконструкции // Труд. 23 ноября 1929; О мерах по обеспечению реальной зарплаты. Циркуляр НКТ СССР // Труд. 9 января 1930; Бунимович В. Обеспечить реальную заработную плату // На плановом фронте. 1930. № 2. С. 23; Быстрее и решительнее добиваться повышения реальной заработной платы // Труд. 15 января 1930.

кулянтов», (в эту категорию могли входить крестьяне, посредники, работники кооперативов, иногда даже агенты по государственным закупкам и директора колхозов), закончились серией арестов и показательных судебных процессов. Сталин приказал Молотову провести чистку в Наркомате финансов и Госбанке и «обязательно расстрелять десятка два–три вредителей из этих аппаратов, в том числе десятков кассиров всякого рода». Кроме того, было приказано «обязательно расстрелять всю группу “вредителей” по мясопродукту». В сентябре ОГПУ выявило группу вредителей, имевших целью организовать «голод в стране». Сорок восемь «вредителей» были расстреляны, что должно было служить примером другим⁴². Однако в условиях крайнего дефицита даже угроза смертной казни не могла отвлечь от мошенничества и левых продаж. Но и честная розничная торговля не создала бы продовольствие из ничего.

По мере того как цены росли, а покупательная способность заработной платы падала, женщины из городских и рабочих семей начали искать работу, чтобы компенсировать падение уровня жизни. Плановики из Наркомата труда дали этому процессу официальное объяснение: «широкое вовлечение женщин в производство в 1931 г. прежде всего является проявлением их огромной тяги в производство», они стремятся «непосредственно включиться в общее социалистическое строительство»⁴³. Возможно, многих женщин действительно подталкивало желание строить социализм, но большинство вынуждено было искать работу из-за продовольственного кризиса в городах, кризиса, созданного жесткой политикой хлебозаготовок в сельской местности.

К 1928 г. рабочих и крестьян затащило в водоворот взаимообусловленных событий. Низкие урожаи привели к росту дефицита и городским волнениям. Партийные руководители запаниковали и приняли чрезвычайные меры, которые, в свою очередь, стали причиной падения производства и продаж зерна. Поскольку экономические проблемы достигли критической точки, многие партийные руководители были убеждены в необходимости взять под контроль сельскохозяйственное производство и ценообразование. Поспешные попытки провести сплошную коллективизацию и запретить частную

---

⁴² Stalin's Letters to Molotov. P. 200, 193–194. См.: Труд. 22, 25 сентября 1930.

⁴³ Объяснительные записки о плане женского труда в 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 18. Л. 7.

торговлю только обострили кризис. По мере того как цены росли, а реальная зарплата уменьшалась, женщины шли на производство, пополняя ряды рабочего класса, желая прокормить семьи и стабилизировать уровень жизни с помощью зарплаты и более высоких пайков. Жена текстильщика, например, получала только 100 граммов хлеба, что, по словам одного из рабочих, было равносильно «медленному умиранию»⁴⁴. Семья с детьми или находящимися на иждивении пожилыми людьми не могла прожить на зарплату главы семьи. Массовое пополнение рядов рабочего класса за счет женщин-работниц длилось уже год, когда осенью 1930 г. партия решила сделать женщин ключевым резервом трудовых ресурсов. Нехватка продовольствия, высокие цены и голод, а позднее — мощная идеологическая кампания по привлечению женщин на производство обусловили уникальный гендерный состав нового советского рабочего класса.

Женщины в составе нового рабочего класса

У партийных руководителей и плановиков поначалу не было полной статистической информации по изменениям в составе рабочей силы. К лету 1930 г. они осознали, что некоторые секторы экономики испытывают крайнюю нехватку рабочих рук, но отчеты, представленные руководителями строительных объектов и заводов, были фрагментарными и не содержали достаточно данных, чтобы обрисовать общую ситуацию. Ни Госплан, ни ВСНХ не смогли дать точного прогноза изменения состава и развития трудовых ресурсов. В прогнозах на первую пятилетку их рост недооценили. В январе 1929 г. ВСНХ подсчитал, что число трудящихся женщин в промышленности в период первой пятилетки возрастет на 793 000 человек. Фактический рост составил 1 268 000 человек⁴⁵. Партия не реагировала на масштабы изменений вплоть до осени 1930 г., когда было объявлено о преодолении безработицы; тогда Наркомату труда было поручено начать кампанию по привлечению на производство 1 600 000 женщин. К этому времени трансформация рядов рабочего класса (численность, квалификация, возрастной и гендерный состав) уже шла полным ходом.

---

⁴⁴ В секретную часть // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 131.

⁴⁵ Прогнозы ВСНХ см. в: Материалы по пятилетнему плану женского труда // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. 79. Реальные цифры приведены в табл. 3.5.

Рабочие и служащие в народном хозяйстве, 1929–1933
(по состоянию на 1 января)

Год	Всего	Мужчины Чел.	Женщины	
			Чел.	%%
1929	11 873 000	нет данных	нет данных	нет данных
1930	13 333 800	9 743 300	3 590 500	26,9
1931	15 602 200	11 405 200	4 197 000	26,9
1932	21 923 400	15 916 400	6 007 000	27,4
1933	22 649 200	15 741 200	6 908 000	30,5

Источник: Женщина в СССР. Статистический сборник. М.: Союзоргучет. ЦНХУ, 1937. С. 51⁴⁶.

В годы первой пятилетки (1929–1932) почти 10 800 000 человек вступило на рынок труда (табл. 3.2). Число наемных работников и служащих увеличилось почти в два раза: с 11 900 000 человек в 1929 г. до 22 600 000 в 1933 г. По мере развития экономики число женщин, занятых в промышленности, росло, причем быстрее чем мужчин, но доля женщин во всех отраслях экономики не увеличивалась до 1932 г.

Таблица 3.3 демонстрирует количество новых работников, ежегодно приходящих на рынок труда. Наибольший прирост — 8 600 000 человек был отмечен в 1930 и 1931 гг. Свыше 600 000 женщин пришли на рынок труда в 1930 г., в 1931 г. — 1 800 000, а в 1932 г. — 900 000. После 1930 г. женщины занимали еще более значимое место в составе занятых. В 1932 г. начался отток мужчин с предприятий, в то время как 100 % новых работников составляли женщины.

В годы первой пятилетки бурно развивались почти все отрасли экономики. С 1929-го по 1933 г. количество рабочих, занятых в промышленности, возросло более чем вдвое, такая же ситуация была в транспортной отрасли. Другие отрасли развивались еще более бы-

⁴⁶ Эти цифры идентичны данным в кн.: Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана, 1936. С. 5. В обоих источниках представлены среднегодовые показатели за 1929-й и 1930 г. В других случаях приводятся данные на 1 января. Для подсчета показателей на 1 января для 1929 и 1930 гг., складывались среднегодовые показатели за нужный год и за предыдущий и делились на 2, что позволило более точно подсчитать ежегодный прирост рабочей силы. Автор благодарна Р. В. Дэвису за эту идею. Среднегодовой показатель общего прироста рабочей силы за 1929 г. равен 12 147 000, за 1930 г. — 14 520 600.

стрыми темпами: количество работников в сфере строительства и коммуникаций выросло более чем втрое, в общественных столовых — более чем в девять раз. Число занятых увеличивалось в каждом секторе национальной экономики, за исключением мелких отраслей промышленности и работы домашней прислуги/поденной работы. В 1929 г. наибольшее количество наемных работников было занято в промышленности, затем следовали сельское хозяйство, транспорт, государственный аппарат, строительство, просвещение и работа домашней прислуги/поденная работа. К концу пятилетки, в 1932 г. распределение рабочей силы по секторам промышленности изменилось: сказались влияние грандиозных строек. Самыми крупными работодателями остались промышленность и сельское хозяйство, строительство, транспорт, государственный аппарат и торговля. Одним из наиболее серьезных изменений был рост занятости в сфере торговли, а также снижение количества домашней прислуги и поденщиков. Поскольку государство ограничивало частную торговлю и усиливало контроль над распределением, они нанимало все больше работников, в том числе женщин, для работы в кооперативных и государственных магазинах. Число работников, занимавшихся домашней и поденной работой, снижалось, поскольку поденщики находили себе более выгодную работу в других секторах экономики, а крестьяне вступали в колхозы и совхозы⁴⁷.

Таблица 3.3

Рабочие и служащие, пришедшие на рынок труда в 1929–1932 гг.

Год	Всего	Мужчины Чел.	Женщины	
			Чел.	%%
1929	1 460 800	нет данных	нет данных	нет данных
1930	2 268 400	1 661 900	606 500	26,7
1931	6 321 200	4 511 200	1 810 000	28,6
1932	725 800	–175 200	901 000	100,0

Источник: Рассчитано на основании данных таблицы 3.2. Для 1929 г. нет данных о количестве мужчин и женщин по отдельности, поскольку невозможно получить цифры на 1 января.

⁴⁷ Динамика среднегодовой численности рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства, Средняя годовая численность рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства за 1923/24–1935 гг. // Труд в СССР. С. 12–13, 10–11.

Изменения в экономике за период с 1929-го по 1933 г. на распределении женской рабочей силы отразились еще сильнее (см. табл. 3.4). Промышленность продолжала оставаться крупнейшим работодателем, доля женщин, занятых в промышленности, увеличилась с 28,4 % всех работающих женщин в 1929 г. до 32 % в январе 1933 г. Количество женщин-работниц возросло во всех секторах, кроме работы домашней прислуги/поденной работы, где отток женской рабочей силы составил 248 000 человек. Если в 1929 г. множество женщин работали домашней прислугой, то в 1933 г. в этой сфере было занято всего 3 % женщин. В 1933 г. вторым по важности работодателем для женщин был сектор просвещения, включавший образование, дошкольный уход за детьми и социальные службы. Государственный аппарат оказался на третьем месте, опередив сельское хозяйство. Доля женщин, занятых в строительстве, возросла с 2 до 6 % всех работающих женщин, то же наблюдалось и в торговле (с 3 до 6 %).

Таблица 3.4

Женщины в главных отраслях народного хозяйства, 1929–1933 гг.

Отрасль	1929	1930	1931	1932	1933
Промышленность	939 000	1 236 000	1 440 000	2 043 000	2 207 000
Строительство	64 000	156 000	189 000	380 000	437 000
Сельское хозяйство	441 000	425 000	221 000	394 000	508 000
Транспорт	104 000	146 000	173 000	243 000	322 000
Торговля	97 000	179 000	233 000	374 000	432 000
Общественное питание	37 000	100 000	172 000	301 000	354 000
Образование	439 000	482 000	514 000	692 000	790 000
Здравоохранение	283 000	320 000	358 000	426 000	466 000
Государственный аппарат	239 000	332 000	373 000	475 000	510 000
Домашняя прислуга/ поденная работа	527 000	312 000	283 000	279 000	241 000
Итого:	3 304 000	3 877 000	4 197 000	6 007 000	6 908 000

Источник: Численность женщин по отраслям народного хозяйства в 1929–1935 гг. // Труд в СССР. № 25. Данные за 1929 и 1930 гг. приведены в среднем за год, а даты за 1931–1933 гг. — по состоянию на 1 января. Этим объясняются расхождения в цифрах между таблицами 3.2 и 3.4 по итоговому количеству женщин в 1929 и 1930 гг. В таблице 3.4 учтены все занятые в отрасли, а не только рабочие.

Шло ли распределение женской рабочей силы по тем же схемам, по которым распределялась мужская рабочая сила? В таблице 3.5 показаны секторы экономики, в которые вливалась новая рабочая сила с 1929 по 1933 гг. При сравнении видно, что занятость росла в большей степени за счет мужчин (5 500 000 человек), чем женщин (3 000 000 человек)⁴⁸. В промышленность пришло больше женщин, чем мужчин, соответственно: 40,9 % и 31,8 %. Таким образом, доля женщин в составе промышленных рабочих возросла. На втором месте находилось строительство, схема распределения мужской и женской рабочей силы была такой же. Впоследствии принципы распределения рабочей силы по гендерному признаку начинают различаться. В транспортном секторе среди новых работников было больше мужчин; больше женщин заняли должности служащих в просвещении, общественном питании и торговле. В эти секторы пришло только 14,7 % мужчин и 32,3 % женщин. И мужчины, и женщины избегали поденной работы и работы домашней прислугой. В целом значительный рост числа новых работников стал причиной размывания старых границ гендерной сегрегации, однако взамен появились новые. В годы первой пятилетки значительное увеличение числа женщин в составе рабочей силы обусловило феминизацию таких секторов экономики как общественное питание, просвещение, здравоохранение и государственный аппарат, но оно же и стало причиной более сбалансированного соотношения между количеством мужчин и женщин, занятых на промышленных предприятиях и в строительстве.

Таблица 3.5

**Распределение рабочих, занятых в народном хозяйстве
(отрасль, пол) в 1929–1930 гг.**

Отрасль	Мужчины		Женщины	
	Чел.	%%	Чел.	%%
Промышленность	1 764 000	31,8	1 268 000	40,9
Строительство	1 444 000	26	373 000	12
Сельское хозяйство	457 000	8,2	67 000	2,1
Транспорт	815 000	14,7	218 000	7
Торговля	437 000	7,8	335 000	10,8

⁴⁸ Общая численность новой наемной рабочей силы во всех секторах составляла 10 700 000 человек.

Отрасль	Мужчины		Женщины	
	Чел.	%%	Чел.	%%
Общественное питание	140 000	2,5	317 000	10,2
Образование	248 000	4,4	351 000	11,3
Здравоохранение	37 000	0,6	183 000	5,9
Государственный аппарат	299 000	5,3	271 000	8,7
Домашняя прислуга/ поденная работа	–102 000	–1,8	–286 000	–9,2
Итого:	5 539 000	99,5	3 097 000	99,7

Источник: Количество рабочих подсчитано на основе следующего материала: Численность женщин по отраслям народного хозяйства в 1929–1935 гг. // Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана, 1936. С. 25. Расчеты были проведены с учетом средних показателей за 1929 г. и на 1 января 1933 г. Хотя здесь представлены главные отрасли народного хозяйства, данная таблица не учитывает всех рабочих, пришедших на рынок труда в указанные годы.

Женщины в промышленности

Первый пятилетний план поначалу оказал лишь незначительное влияние на возможности трудоустройства для женщин. На самом деле, несмотря на общий экономический рост, уровень безработицы среди женщин вырос. Б. Маршева, которая изучала проблему использования женского труда в годы первой пятилетки, заметила, что женщины входили в состав наемной рабочей силы «черепашьим шагом». Численность женщин, занятых в промышленности в 1929 г., незначительно превосходила показатели предыдущего года, а к 1930 г. уровень занятости женщин на промышленных предприятиях слегка снизился. Маршева пояснила, что это «недопустимое снижение» явилось результатом «слабого вовлечения женского труда в отрасли тяжелой индустрии»⁴⁹. В то время как государство тратило все больше ресурсов на развитие тяжелой промышленности, женская занятость в этих отраслях сокращалась. Женщины пострадали от сокращения производства в хлопчатобумажной и пищевой промышленности в 1929–1931 гг. Хлопчатобумажная промышленность

⁴⁹ Маршева Б. Женский труд в 1931 г. // ВТ. 1931. № 1. С. 32, 33.

лишилась 115 400 рабочих, из них 58 600 женщин⁵⁰. Из-за сокращения производства в традиционно женских отраслях уровень женской безработицы не снижался. Женщины потеряли также рабочие места в табачной промышленности, что побудило некоторых специалистов утверждать, что хозяйственники преднамеренно вытесняли женщин-работниц с сугубо «мужских» предприятий⁵¹.

Многих женщин-активисток огорчал высокий уровень женской безработицы в период первой пятилетки и снижение женской занятости в промышленности. Отчет, представленный женинспекторами в апреле 1930 г. (недолговременная попытка Наркомата труда следить за условиями труда женщин) показал, что, несмотря на стремление привлечь больше женщин к работе в промышленности, прогресс по прежнему «недостаточен». Объясняется это, по мнению инспекторов, не только низкой квалификацией женщин, причиной является также «косность со стороны хозяйственных организаций, технического персонала на предприятиях и недоброжелательное отношение к женскому труду». В отчете также говорилось, что руководители и мастера намеренно ставят женщин за плохие станки; за одну и ту же работу платят им меньше, чем мужчинам; не дают повышать квалификацию; не принимают на работу беременных женщин и даже пугают уголовным преследованием за сокрытие беременности⁵². ВЦСПС объяснял медленные темпы привлечения женщин к работе в промышленности существующими предрассудками экономических органов в отношении женского труда⁵³.

Однако опасения женщин-активисток оказались необоснованными. Численность женщин в промышленности резко возросла

---

⁵⁰Труд в СССР. С. 184, 230. Пищевая промышленность в 1929–1930 гг. лишилась 30 300 рабочих, из них 6 300 женщин.

⁵¹Винник Ф. Безработица среди женщин у пищевиков // ВТ. 1929. № 2. С. 119–121. Винник считает, что эти обвинения не соответствуют действительности.

⁵²О работе женинспекторов // ГА РФ. Ф. 6983. Оп.1. Д. 159. Л. 342 об. Советские законодательные нормы по защите материнства см. в: Ilic M. *Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From «Protection» to «Equality»*. London: Macmillan, 1999. P. 57–77. Подобные проблемы существовали также на Кубе и были связаны с щедрыми пособиями по беременности и родам. См.: Smith L., Padua A. *Sex and Revolution: Women in Socialist Cuba*. New York: Oxford University Press, 1996. P. 127.

⁵³Тезисы к докладу о вовлечении женского труда в народное хозяйство в 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 118. См. статистику в: Труд в СССР. С. 106, 142.

в 1930 и 1931 гг. (данные табл. 3.6 и 3.7 демонстрируют прирост промышленных рабочих). За первую пятилетку занятость в промышленности увеличилась на 2 300 000 рабочих (1 300 000 мужчин и 1 000 000 женщин). В 1930 г. численность женщин, занятых в промышленности, возросла почти на треть. В 1930 г. на промышленные предприятия пришло почти вчетверо больше женщин, чем в 1929 г. За период с 1928-го по 1933 г. доля женщин в составе промышленных рабочих возросла с 28,6 % до 35,5 %.

Таблица 3.6

Рабочие в крупной промышленности, 1928 – 1932 гг., данные на 1 января

Год	Все рабочие	Мужчины	Женщины	
			Чел.	%%
1928	2 531 900	1 806 000	725 900	28,6
1929	2 788 700	1 984 700	804 000	28,8
1930	3 116 200	2 231 200	885 000	28,4
1931	4 256 400	2 984 900	1 271 500	29,8
1932	5 271 300	3 535 900	1 735 400	32,9
1933	5 139 700	3 313 500	1 826 200	35,5

Источник: Численность персонала на 1 января 1923–1936 гг. // Труд в СССР. С. 91. Эти данные касаются только рабочих и подмастерьев.

Таблица 3.7

Рост занятости на крупных промышленных предприятиях в 1928–1932 гг.

Год	Всего	Мужчины	Женщины	
			Чел.	%%
1928	256 800	178 700	78 100	30,4
1929	327 500	246 500	81 000	24,7
1930	1 140 200	753 700	386 500	33,8
1931	1 014 900	551 000	463 900	45,7
1932	–131 600	–222 400	90 800	100

Источник: Расчеты основаны на материале: Численность персонала на 1 января 1923–1933 гг. // Труд в СССР. С. 91. Статистика учитывает только рабочих и подмастерьев.

Количество женщин среди новых промышленных рабочих было еще выше. На табл. 3.7 показана динамика роста численности промышленных рабочих и доля в их числе женщин. В 1930 г. в промышленность пришло 386 500 женщин-работниц, в 1931 г. — 463 900. Наибольший приток трудовых ресурсов на промышленные предприятия отмечался в 1930–1931 гг. В следующем году занятость в промышленности в целом снизилась на 131 600 человек. Падение занятости могло быть более значительным, если бы не женщины: промышленность лишилась 222 400 рабочих-мужчин, но ряды наемных рабочих продолжали пополнять женщины, что частично компенсировало общие потери. В 1932 г. новая женская рабочая сила была единственным источником пополнения промышленного рабочего класса.

Приход на промышленные предприятия большого количества работниц был фактором, существенно повлиявшим на горизонтальную гендерную сегрегацию по отраслям, которая была характерна для индустрии начала 1920-х гг. На табл. 3.8 показано, что в годы первой пятилетки увеличилась доля женской занятости в каждой отрасли. Стремительное развитие тяжелой промышленности создало новые возможности, позволившие женщинам проявить себя в традиционно мужских отраслях. К 1933 г. женщины были широко представлены в таких новых отраслях как машиностроение и электроэнергетика, а также в развивающихся отраслях — в химической, металлургической и горнодобывающей промышленности. Почти в шесть раз увеличилась доля женщин среди работников электростанций, почти в три раза — в машиностроении и металлоконструкциях и более чем в два раза — в горнодобывающей промышленности. В 1931 г. женщинам разрешили заниматься подземными работами в угледобывающей промышленности, женщины заменили мужчин и на многих наземных работах. Шахтерский труд лучше оплачивался, поэтому на шахты принимали женщин с большим стажем, и таких становилось все больше. В мае 1931 г. в шахтах работали всего 401 женщина (3,2 % от всей подземной рабочей силы), на наземных работах было занято 12 637 женщин. К февралю 1932 г. в шахтах работало 2355 женщин (11,5 % всех подземных рабочих), и 20 065 женщин — на наземных работах. Число женщин работающих в шахте, увеличилось более чем в пять раз. И такой прирост отмечался не только в угледобывающих комплексах⁵⁴.

---

⁵⁴ Информсводка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 557. Л. 28.

Численность женщин, занятых в главных отраслях экономики, в 1929 и 1933 г.
(данные на 1 января)*

Отрасль промышленности	1929		1933	
	Чел.	%%	Чел.	%%
Электростанции	500	2,5	7 500	14,2
Горнодобывающая	21 100	7,7	74 300	17,4
Нефтедобывающая	100	0,3	2 400	5,1
Железородная	1 700	6,3	7 500	19,2
Химическая	8 800	14,9	47 900	28,3
Цемент	2 000	10,0	8 100	24,3
Черная металлургия	14 100	7,1	63 100	21,1
Машиностроение и металлообработка	44 600	8,8	325 200	23,2
Деревообрабатывающая	14 000	18,3	58 100	31,9
Бумажная	7 500	23,8	14 300	32,4
Полиграфическая	12 700	21,9	35 700	46,0
Хлопчатобумажная	322 000	62,5	305 100	68,4
Льняная	58 900	65,2	44 500	67,9
Шерстяная	34 600	49,4	50 200	59,8
Кожевенно-меховая	5 600	12,8	31 000	43,5
Швейная	40 800	63,8	170 600	81,3
Обувная	12 500	30,9	49 200	53,7
Пищевая	68 400	26,2	157 900	35,5
Итого:	669 900		1 452 600	

Источник: Труд в СССР, данные по таблицам на С. 99, 106, 114, 120, 127, 134, 142, 150, 161, 168, 176, 184, 192, 199, 207, 215, 223, 230, и 237. Учтены рабочие и подмастерья в главных отраслях промышленности. Итоговые цифры за 1929 и 1933 гг. меньше, чем цифры общего числа промышленных рабочих и подмастерьев за эти годы.

Из данных, представленных в таблице 3.8, мы видим, что параллельно с ростом женской занятости в традиционно «мужских» отраслях, «женские» отрасли — хлопчатобумажная, льняная, шерстяная и швейная промышленность — все более феминизировались. Доля жен-

* Включая подмастерьев.

щин среди работников швейных фабрик возросла с 63,8 % до 81,3 %. Хлопчатобумажная и льняная промышленность были единственными отраслями, где наблюдался отток рабочих; здесь увеличилось число женщин-работниц. В полиграфической промышленности, которая ранее была сугубо «мужской» отраслью, установилось гендерное равновесие. К 1933 г. женщины составляли 44 % типографских рабочих. Отрасль лишилась 3300 работников-мужчин, но на работу было принято 23 000 женщин⁵⁵. Мужчины уходили из текстильной, швейной и полиграфической промышленности, чтобы устроиться на более высокооплачиваемую работу в тяжелой промышленности. Например, ушедший со швейной фабрики работник не искал квалифицированную работу ткача или прядильщика в другом месте, как правило, он устраивался учеником или механиком на завод, поскольку неквалифицированная работа в тяжелой промышленности оплачивалась лучше, чем квалифицированная в легкой⁵⁶. Таким образом, гендерный дисбаланс в некоторых отраслях промышленности уменьшился, женщинам был открыт более широкий спектр возможностей, приток рабочих рук в традиционно «женские» отрасли также вырос. Эти изменения произошли не только за счет предоставления более широких возможностей для женщин, но и вследствие оттока мужчин из легкой промышленности.

Данные о том, в каких отраслях мужчины и женщины находили работу в годы первой пятилетки, представлены в таблице 3.9. Принципы гендерной сегрегации, явственно выраженные во время НЭПа, с притоком новых работников были нарушены. Впервые со времен Гражданской войны женщины не устремлялись исключительно в традиционно «женские» отрасли. В относительно новой отрасли, машиностроении, появилось огромное количество вакансий и для мужчин, и для женщин. Здесь нашли работу 60,7 % мужчин и 36 % женщин. За машиностроением следует традиционно «женская» отрасль — швейная промышленность, здесь нашла работу вторая по численности группа женщин. Не было притока новой рабочей силы в льняной и хлопчатобумажной промышленности, в полиграфическую и шерстяную промышленность не шли мужчины. Отраслями, привлекавшими наибольшее количество работников, были машиностроение, швейная, пищевая и угледобывающая промышленность — для женщин, машиностроение,

---

⁵⁵Труд в СССР. С. 176.

⁵⁶Мохов З. Рост текучести рабочей силы в 1929/30 г. // ВТ. 1930. № 6. С. 22.

угледобывающая, пищевая и химическая промышленность — для мужчин. За исключением швейной промышленности, не привлекавшей мужчин, соотношение мужской и женской рабочей силы в экономике было примерно равным. Гендерное разделение не было полностью преодолено, но его границы были уже значительно размыты. Решающую роль в этом процессе сыграла индустриализация, в ходе которой появились новые отрасли промышленности и ускоренными темпами развивались старые. Например, численное преобладание женской занятости над мужской наблюдалось в черной металлургии (6,2 % против 4,9 %). Что касается распределения женщин по отраслям, его принципы также изменились. В период с 1929-го по 1933 г. сократилась численность женщин, занятых в текстильной промышленности, в других отраслях женская рабочая сила распределялась более равномерно. В 1929 г. в льняной, хлопчатобумажной и шерстяной промышленности трудились 61 % всех женщин-работниц; к 1933 г. эта цифра снизилась до 27 %. Наиболее значительные изменения произошли в машиностроении. Если в 1929 г. в этой отрасли было занято 6 % всех женщин-работниц, то в 1933 — уже 22 %⁵⁷.

Таблица 3.9

**Численность занятых в основных отраслях промышленности
в период с 1929 по 1933 г., распределение по полу (на 1 января)**

Отрасль промышленности	Женщины		Мужчины	
	Чел.	%%	Чел.	%%
Электростанции	7 000	0,8	26 000	2,5
Горнодобывающая	53 200	6,8	98 600	9,6
Нефтедобывающая	2 300	0,3	11 900	1,1
Железорудная	5 800	0,7	6 400	0,6
Химическая	39 100	5,0	71 100	6,9
Цементная	6 100	0,7	7 300	0,7
Черная металлургия	49 000	6,2	50 400	4,9
Машиностроение и металлообработка	280 600	36,0	617 100	60,3
Деревообрабатывающая	44 100	5,6	61 000	5,9
Бумажная	6 800	0,8	5 900	0,5
Полиграфическая	23 000	2,9	—3 300	—0,3

⁵⁷ Этот показатель рассчитан по таблице 3.8.

Отрасль промышленности	Женщины		Мужчины	
	Чел.	%%	Чел.	%%
Хлопчатобумажная	-16 900	-2,1	-52 700	-5,1
Льняная	-14 400	-1,8	-10 400	-1
Шерстяная	15 600	2	-1 600	-0,1
Кожевенно-меховая	25 400	3,2	2 300	0,2
Швейная	129 800	16,6	16 000	1,5
Обувная	36 700	4,7	14 400	1,4
Пищевая	89 500	11,4	94 700	9,2
Итого:	779 700	99,8	1 015 100	99,6

Источник: Труд в СССР. С. 99, 106, 114, 120, 127, 134, 142, 150, 161, 168, 176, 184, 192, 199, 207, 215, 223, 230, 237.

В процессе ускоренной индустриализации сложилась парадоксальная ситуация: феминизация традиционно «женских» отраслей усилилась, одновременно границы гендерной сегрегации стирались. Перед женщинами открылся широкий спектр возможностей в отраслях, где ранее преобладали мужчины, в то же время мужчины освобождали рабочие места в сфере обслуживания и легкой промышленности ради работы в тяжелой промышленности. Феминизировались такие сферы как общественное питание, просвещение, здравоохранение и государственный аппарат, вместе с тем росла занятость женщин в промышленности, где имели место сходные процессы. Традиционно «женские» отрасли — хлопчатобумажная, льняная, шерстяная и швейная промышленность — становились еще более феминизированными, и в то же время рекордное число женщин пришло в тяжелую промышленность, заняв рабочие места в машиностроении, металлургии и горнодобывающей промышленности. В традиционно «женских» отраслях был занят наибольший процент женщин, но теперь женщины были более равномерно распределены и по другим отраслям. Новые принципы распределения породили новые схемы занятости. Кожевенная и меховая промышленность, до 1929 г. мало привлекавшие женскую рабочую силу, стали активно феминизироваться. Таким образом, для трудящихся женщин индустриализация имела как позитивные, так и негативные последствия. Для женщин, пополнявших ряды наемных работников, открылись новые возможности. В то же время чрезмерно феминизировались розничная тор-

говля и сфера обслуживания, а также хлопчатобумажная, льняная, шерстяная и швейная промышленность, то есть большое количество женщин было занято в слабо развивающихся отраслях с недостаточным финансированием. Первая пятилетка не слишком много дала работающим женщинам: к 1933 г. гендерная сегрегация в экономике трансформировалась, но не исчезла.

Структура женской занятости

Многие исследователи истории советской индустриализации подчеркивали важную роль крестьянства в формировании нового рабочего класса. Исторически сложилось так, что в странах с развивающейся промышленностью, рабочий класс вырастает из обездоленного, отчаявшегося, обнищавшего крестьянства. Аналогичный процесс шел и в Советском Союзе, но при этом он имел две существенные особенности. В период с 1929-го по 1935 г. женщины были значимым источником трудовых ресурсов: 37 % всех новых наемных работников и 50 % новых промышленных рабочих. Более того, статистические данные свидетельствуют о том, что большая часть этих женщин — более одной трети — происходили из рабочих семей⁵⁸.

В годы первой пятилетки значительная часть новой рабочей силы имела крестьянское происхождение. Это было характерно не только для сезонных отраслей, таких как торфяная и деревообрабатывающая промышленность, но и для горнодобывающей, угольной, цементно-керамической, химической промышленности, черной металлургии и пищевой промышленности⁵⁹. В период с 1928-го по 1932 г. примерно 12 000 000 человек переселились из деревни в город. Ранее был распространен временный *отход* крестьян из деревни в город на заработки. В некоторых областях крестьяне отправлялись на одну и ту же работу ежегодно. Семья крестьянина оставалась в деревне⁶⁰. Во время массовой миграции крестьян в годы первой пятилетки грань между *отходом* и постоянной миграцией начала

---

⁵⁸ Труд в СССР. Подсчитано по данным, представленным на С. 10, 25, 91. Данные о происхождении даны на 1931 г.

⁵⁹ Гольцман. Состав новых рабочих // Ударник. 1932. № 3–4. С. 61–64.

⁶⁰ Вплоть до конца XIX в. Мужчин-отходников было значительно больше, чем женщин. О дореволюционном *отходничестве* см.: Johnson R. Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. Leicester: Leicester University Press, 1979; Engel B. Between the Fields and the City: Women, Work, and Family in Russia, 1861–1914. New York: Cambridge University Press, 1994.

стираться. Многие крестьяне, собиравшиеся временно покинуть деревню, позднее не вернулись, другие постоянно ездили из города в деревню. Первые массовые миграции крестьян были отмечены весной 1929 г. — одновременно с началом сплошной коллективизации. Обеспокоенность профсоюзных лидеров ростом числа крестьян на рынке труда во многом была вызвана масштабностью этой первой волны. Часть зажиточных крестьян насильственно депортировали, лишили гражданских прав и приговорили к исправительным работам в строительстве, на лесоповале и в промышленности. Массовые депортации «кулаков» продолжались до марта 1930 г., до публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов». Выход статьи на время остановил машину репрессий⁶¹. Исследование, проведенное в 22 крупных российских городах, показало, что в 1932 г. оттуда выехало по крайней мере в два раза меньше людей, чем приехало. Например, из Сталинграда выехало 53 000 человек, а приехало примерно 104 500. Во многих городах — Томске, Оренбурге, Астрахани, Саратове, Ярославле, Иваново — число выехавших достигало 70–80 % от числа вновь прибывших. Несмотря на потери, население городов росло, в 1930 г. оно увеличилось на 90 %, в 1931 г. еще на 56 %. В 1931 году почти в каждом городе от 40 до 50 % вновь прибывших составляли женщины. От 40 до 50 % населения, покидавшего города, также составляли женщины. В целом на каждую сотню мужчин, прибывших в города в 1932 году, приходилось 66 женщин, в 1933 г. — 67, в 1934 г. — 64 женщины⁶². Потоки людей, бегущих от коллективизации, изменили и традиционные схемы межрегиональных миграций. Число отходников как мужского, так и женского пола выросло в районах сплошной коллективизации, включая

---

⁶¹Fitzpatrick. *Stalin's Peasants*. P. 80–83; idem. *The Great Departure: Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–1933 // Social Dimensions of Soviet Industrialization* / W. Rosenberg, L. Siegelbaum (eds.). Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1993. P. 17–19. В то время аналитики утверждали, что большинство крестьян, пришедших на промышленные предприятия в этот период, были либо колхозниками, либо относились к середнякам-единоличникам. Фицпатрик считает, что двое из трех были кулаками. Трудно определить социальный статус этих крестьян, поскольку и партия, и они сами были заинтересованы в том, чтобы его скрывать. Партия стремилась закрыть бывшим кулакам доступ в промышленность, а крестьяне — приписать себе «правильное» происхождение.

⁶²РГАЕ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 25. Л. 5, 6, 17. О соотношении женщин и мужчин-мигрантов в 1932–1934 см.: Труд в СССР. С. 8.

Центральное Черноземье, Северный Кавказ и Среднюю Волгу. В регионах с более низким темпом коллективизации, для которых была характерна традиция *отхода* (Москва, Иваново), количество отходников выросло не так значительно. Но при этом число женщин-отходниц увеличилось практически во всех регионах (за исключением Нижней Волги); более чем вдвое — в Ленинграде, на Западном Урале, в Иваново-Вознесенске и в регионах Среднего Поволжья. Новые крупные стройки, такие как Магнитострой, сделали отход привлекательным вариантом для женщин из регионов, где сельское хозяйство было развито слабо. К 1931 г. женщины составляли примерно 30 % всех отходников на Урале, Северном Кавказе, и Нижнем Поволжье⁶³.

Как видим, крестьянки занимали видное место среди новых работниц, но было среди них и значительное число горожанок. Последние представляли из себя особую группу, не удостоившуюся до сих пор особого внимания историков, но значительно изменившую состав советского рабочего класса. Среди всех новых рабочих 52 % женщин и только 36 % мужчин имели рабочее происхождение. В строительстве, транспорте, торговле и общественном питании этот процент был ниже, но ситуация была сходной: рабочее происхождение имели больше женщин, чем мужчин⁶⁴. В целом женщины-работницы в меньшей степени, чем мужчины сохраняли связь с деревней: среди промышленных рабочих-мужчин 39 % не порывали связи с деревней, среди женщин таких было только 16 %. В строительстве этот процент был выше, но и здесь связь с деревней сохраняло меньше женщин, чем мужчин. Самым низким этот процент был среди транспортников: из транспортных работниц всего 3 % сохраняли связь с деревней. Предположительно, в подавляющем большинстве они происходили из рабочих семей, не одно поколение работавших по найму⁶⁵.

---

⁶³ Итоги внедрения женского труда в народное хозяйство в 1931 г. и план на 1932 г. Объяснительная записка к балансу народного хозяйства СССР на 1932 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 986. Л. 84, 77–78.

⁶⁴ Итоги внедрения женского труда в 1931–1932 гг. // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 25. Д. 968. Л. 264–265. Данные ВЦСПС за первое полугодие 1931 г.

⁶⁵ Гольцман. С. 61–64, 68. Большинство новых рабочих — как крестьян, так и горожан — не имело опыта работы по найму. Например, в 1931 г. среди вновь принятых членов профсоюзов в Московской области 89 % ранее не работали по найму. Многие из них были юного возраста: 58,1 % новых членов промышленных профсоюзов были моложе 22 лет.

**Социальное происхождение мужчин и женщин, принятых в профсоюзы
во втором полугодии 1931 г. (в %)**

		Профессия отца					
		Рабочий	Крестьянин	Служащий	Ремесленник	Работник торговли	Прочее
Москва	Мужчины	36,3	49	9,3	3,1	0,2	2,1
	Женщины	43,9	35,5	17	2,1	0,2	1,3
Ленинград	Мужчины	26,5	59,9	10	2,5	0,2	0,9
	Женщины	37,4	41	18,0	2,3	0,2	1,1
Иваново	Мужчины	36,3	53,0	7,2	2,4	0,2	0,9
	Женщины	45,3	41,1	10,4	1,6	0,2	1,4
Татарская АССР	Мужчины	26	62,2	7,1	4,2	0,1	0,4
	Женщины	31	55,4	9,1	3,8	0,1	0,4
Казахская АССР	Мужчины	25,9	66,9	3	3,2	—	1
	Женщины	32,5	47,7	14,9	2,6	0,2	3,1
Белоруссия	Мужчины	30,3	47,6	8,2	10,6	0,3	3
	Женщины	42,2	31,4	12,3	9,1	0,3	4,7

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 496. Л. 27.

Таблица 3.10 демонстрирует различия в социальном происхождении между новыми рабочими-мужчинами и женщинами-работницами. Очевидна значимая роль городских женщин в изменении состава рабочего класса. Женщин рабочего происхождения больше, чем мужчин, это характерно для всех регионов. В Москве, Иваново и Белоруссии свыше 40 % новых работниц имели рабочее происхождение; менее половины работниц во всех регионах, за исключением Татарской АССР, имели крестьянское происхождение. Подавляющее большинство рабочих-мужчин имели крестьянское происхождение.

Специалисты по труду были удовлетворены тем, что значительная часть новых работниц имела пролетарские корни; они отмечали, что социальный состав этой группы значительно лучше, чем у их коллег-мужчин⁶⁶. Тем не менее им не нравился очень пестрый состав новых работниц. Чиновники оценивали источники рабочей силы согласно иерархии: жены и дочери рабочих были «лучшей частью», затем шли

⁶⁶ Итоги внедрения женского труда в народное хозяйство в 1931 г. и план на 1932 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 26. Д. 986. Л. 83 об. – 84.

колхозницы, за ними — бедные, безземельные крестьянки и середнячки. Чиновников беспокоило, что состав новых работниц был засорен «чуждыми, деклассированными элементами», в частности бывшими торговками, членами кулацких семей и другими «бывшими», лишенными гражданских прав (лишенцами). Высказывалось опасение, что новые работницы в целом менее надежны, чем дореволюционный промышленный пролетариат: они не ценят работу, неорганизованны, не понимают необходимости жертв ради социализма⁶⁷.

Несмотря на то что женщины имели рабочее происхождение, значительная их часть ранее не работала по найму. В Московской области в начале 1931 г. среди новых промышленных работниц только 27 % имели хоть какой-то опыт работы по найму (среди мужчин — 33 %). Во второй половине того же года этот процент еще снизился. Из не работавших ранее по найму женщин 24 % были студентками, 14 % домохозяйками и 11 % — крестьянками⁶⁸. Более раннее исследование, проведенное в 1930 г., показало, что 5 % новых работниц — это бывшая прислуга, женщины, сменивших занятие ради хорошо оплачиваемой работы. Домохозяйки, пришедшие на новые рабочие места, как правило, были старше своих товарок: более 80 % из них было 24 года и старше, половина — старше 30 лет. Около трети новых работниц имели опыт работы по найму, в основном на заводах. Их возрастной состав позволяет предположить, что многие замужние женщины оставили работу после рождения детей и вернулись на производство, когда дети пошли в школу⁶⁹. Исследование на заводе «Динамо», проведенное в 1931 г., показало, что статус занятости женщин коррелирует с материнством. Подавляющее большинство женщин на заводе были либо младше двадцати двух лет (38 %), либо старше тридцати (32 %); на среднюю группу (от 22 до 30 лет) приходилось менее трети женщин. Возрастной состав мужчин резко отличался: 41 % мужчин принадлежали к средней возрастной группе. Подавляющая часть рабочих на заводе «Динамо» были вновь принятыми: 63 % женщин и 70 % мужчин проработали там менее года. Более пяти лет проработали на заводе 22 % женщин и 10 % мужчин. Таким образом, трудовой стаж имело большее число женщин, чем мужчин. Исследования по-

---

⁶⁷ Вовлечение в производство жен и дочерей рабочих // Труд. 8 января 1931.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 496. Л. 26.

⁶⁹ Серебренников Г. Н. Женский труд в социалистическом строительстве // Ударник. 1932. № 10. С. 27; Гольцман. С. 69.

казали, что женщины реже, чем мужчины меняли место работы, соответственно текучесть кадров среди них была ниже⁷⁰.

Подавляющее большинство вновь принятых членов профсоюзов были грамотными. Уровень неграмотности — как мужчин, так и женщин — был самым высоким в Татарской АССР, Казахской АССР и Белорусской республике. В Московской, Ленинградской и Ивановской областях более 90 % мужчин и женщин были грамотными. В советских школах успешно преподавали основные предметы детям рабочих и крестьян: грамотность среди женщин — членов профсоюзов поднялась с 44 % в 1918 г. до 94 % в 1931 г. Однако в Московской области женщины, недавно пришедшие на промышленные предприятия и стройки, по уровню грамотности все еще отставали от мужчин, среди них процент неграмотных был вдвое больше. Вне зависимости от пола неграмотность была распространена среди строителей и сезонных рабочих, многие из которых были мигрантами из крестьян⁷¹.

«Наиболее выгодны для государства»: женщины и накопление капитала

Плановики честно признали, что не могут контролировать взрывоподобный рост численности рабочего класса. Наркомат труда пытался справиться с проблемой, не особенно разбираясь в ее причинах. На протяжении 1931 г. работники НКТ жаловались на то, что их усилия по набору кадров неэффективны, что рынок труда хаотичен и не поддается государственному контролю. По словам плановиков, женщины устраивались на работу «вне конкретного планового воздействия со стороны руководящих хозяйственных и профсоюзных органов, часто в условиях предубеждения заводских работников против женского труда», в результате «массовой тяги» трудящихся женщин к участию в соцстроительстве⁷². Что же вызвало эту «массовую тягу» одновременно у работниц и крестьянок? Призывы партии строить новое социалистическое общество? расширение возможностей? новые вакансии? — все это, несомненно, имело влияние. Но этот столь массовый приток людей на рынок труда невозможно объяснить, не приняв во внимание экономический кризис периода первой пятилетки. Когда цены на продовольствие подскочили, зарплата мужчины перестала обеспечивать основные нужды семьи, женщине

---

⁷⁰ Акт // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 557. Л. 65

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 496. Л. 28, 30; Гольцман. С. 69.

⁷² Серебrenников. С. 27.

также пришлось искать работу. Каждой женщине приходилось рассчитывать соотношение работников и «едоков» в семье. Чем меньше работающих, чем больше иждивенцев, тем беднее семья. В начале 1930-х гг. работник швейной фабрики Иван Воронин содержал на свою зарплату жену и шестерых детей. Семья жила в холодном, сыром подвальном помещении. В качестве мебели использовался ящик, имелось также что-то вроде кровати. Дети — одиннадцати, девяти, шести, четырех, двух лет и годовалый ребенок — были грязными и опухшими от голода. Иван был болен. Когда партийные активисты пришли к Ворониным, оказалось, что последние несколько дней еды в семье не было. Ворониным удалось добыть собаку, и они доедали ее шкуру. Активисты приняли решение найти семье комнату, записать детей в школу и детский сад, где детям полагалось питание, и, самое главное, найти жене Ивана работу на заводе⁷³. Воронины страдали от нищеты, поскольку в семье было много маленьких детей, нуждающихся в питании и постоянном присмотре. Статистика показывает, что в годы первой пятилетки каждая семья зависела от соотношения едоков и работников. За период с 1927-го по 1935 г. этот коэффициент постепенно снижался: с 2,46 до 1,59 едока на каждого работника⁷⁴. В одном из правительственных отчетов отмечалось, что за этот период расходы в рабочих семьях выросли на 73 %, а заработная плата — только на 43 %⁷⁵. По другим оценкам выходило, что реальная зарплата уменьшилась вдвое, поэтому даже трудоустройство еще одного члена семьи могло и не остановить падения уровня жизни.

В ходе публичных обсуждений проблемы снижения реальной заработной платы многое не договаривалось. Плановики, партийные и профсоюзные деятели признавали, что зарплата не увеличилась, что рабочие страдают от нехватки продовольствия и плохого снабжения, но никогда не говорили открыто, насколько сильно упала реальная зарплата. К тому же плановики были прекрасно осведомлены о том, что массовый приток женской рабочей силы смягчил наихудшие последствия резкого снижения заработной платы. Два источника

---

⁷³ В секретную часть ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 131 об.

⁷⁴ Шварц С. 145; Borisova Y. S., Gaponenko L. S., Kotelents A. I., Lelchuk V. S. Outline History of the Soviet Working Class. Moscow: Progress Publishers, 1973. P. 200.

⁷⁵ Итоги внедрения женского труда в 1931–1932 гг. // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 25. Д. 968. Л. 264.

дохода вместо одного позволяли семье рабочего как-то прокормиться, даже при том, что покупательная способность заработной платы снизилась вдвое. По существу, заработки женщин частично компенсировали потери от инфляции. Многие плановики заявляли, что зарплата женщин повысила «реальный уровень жизни рабочей семьи», некоторые даже утверждали, что всякое улучшение уровня жизни рабочего класса в 1929–1930 гг. было следствием привлечения к работе на производстве членов семей рабочих⁷⁶. Дополнительный источник дохода создавал иллюзию улучшения уровня жизни семьи в целом.

Приток женщин в промышленность дал государству ряд преимуществ: компенсировал падение реальной заработной платы, смягчил последствия снижения уровня жизни, подавил рост недовольства среди рабочих. Включение в состав наемной рабочей силы женщин, уже имевших жилье в городе, позволяло не тратить дополнительные средства на жилищное строительство. В 1929 г. секретарь ВЦСПС Вейнберг настаивал на том, чтобы жен и детей рабочих принимали на работу в первую очередь. Он пояснял, что это «оздоровит социальный состав рабочего класса» и улучшит уровень жизни рабочих семей⁷⁷. Наем женщин из рабочих семей должен был снизить текучесть рабочей силы, поддержать «основные кадры пролетариата», уравновесить неорганизованность крестьянских рабочих кадров, усилить политическую базу партии. Таким образом, привлечение женщин к работе в промышленности было выгодным как для семьи в целом, так и для государства.

В конце первой пятилетки НКТ все еще считал городских женщин основным источником рабочей силы, поэтому они занимали значительное место в планах по трудовым ресурсам. НКТ прогнозировал, что в 1932 г. на работу в промышленность придут 1 500 000 женщин, что составит 44,4 % всех вновь принятых рабочих. Ожидалось, что более половины этих женщин будут иметь жилье в городе (домохозяйки, подростки и др.), и только 75 000 придут из деревни. Плановики отмечали, что крестьянкам необходимо обеспечивать жилье и бытовое обслуживание, поэтому горожанки намного предпочтительнее⁷⁸. В годы второй пятилетки НКТ по-прежнему отдавал предпочтение горожанкам. В 1934 г. сотрудник Отдела рынка труда НКТ А. Исаев отметил, что иждивенцы наемных работников наиболее выгодны

---

⁷⁶ Бунимович. С. 24; Авербух. С. 27.

⁷⁷ Контрольные цифры будут выполнены // Труд. 27 сентября 1929.

⁷⁸ Объяснительные записки // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 18. Л. 9–10.

для государства: не требуются дополнительные затраты на жилье и бытовое обслуживание; кроме того, в плане трудовой дисциплины и социалистического отношения к труду члены рабочих семей представляют из себя наиболее удовлетворительный материал⁷⁹.

Важно, что женский труд играл значительную роль в накоплении капитала. Инфляция и падение реальной зарплаты позволяли государству нанимать двух работников по цене одного. Ранее заработной платы одного мужчины хватало на покрытие основных нужд семьи, но начиная с 1929 г. семье, чтобы прокормиться, требовалось минимум два источника дохода. Государство осознало, что труд двух работников при затратах на одного создает «прибыль», или прибавочную стоимость, которую можно вложить в индустриализацию. Женские кадры из рабочих семей — ввиду еще меньших затрат — внесли огромный вклад в накопление капитала и финансовые вложения в индустриализацию. С государственной точки зрения инфляция принесла выгоду, поскольку привлекла женщин на производство и позволила «выжать» прибыль из низкооплачиваемого труда рабочих.

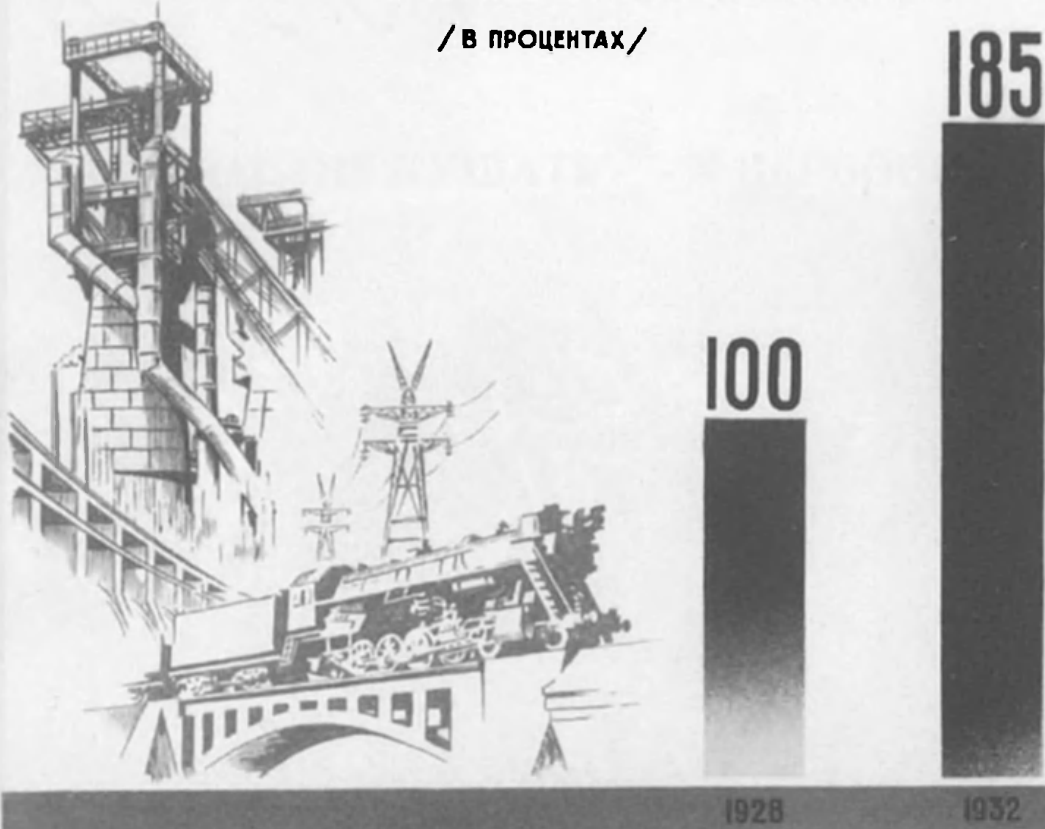
⁷⁹Исаев А. Использование женских трудовых ресурсов во второй пятилетке // Вопросы профдвижения. 1934. № 1. С. 55.

Прибытие рабочих с семьями на железнодорожную станцию в Магнитогорске. Они надеются найти работу на строительстве нового металлургического комбината. 1931 г.

РОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА

/ В ПРОЦЕНТАХ /

РОСТ РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

/ В ПРОЦЕНТАХ /

Плакат, демонстрирующий рост национального дохода и рост реальной заработной платы в годы первой пятилетки. В нижней части плаката изображена хорошо одетая семья в домашней обстановке, слушающая патефон — символ обещанного процветания нового рабочего класса.

Временные землянки для рабочих на стройплощадке Кузнецкого металлургического комбината. Вновь нанятым рабочим часто не хватало самых простых вещей: жилья, мебели, элементарных удобств. 1930 г.

ГЛАВА 4. ОТ «НЕ ПУЩАТЬ» — К ВЕРБОВКЕ

Необходимо теперь же поставить вопрос о расширении круга регистрируемых безработных и вовлечении в производство, до сего времени не имеющих права регистрации в органах труда.

К проекту постановления ЦИК и СНК СССР «О регистрации в органах труда лиц, ищущих труда, и направлении их на работу». 10 мая 1930 г.¹

Нам нужно потратить минимум на жилье, чтобы гарантировать максимальный темп индустриализации. Это может быть сделано только тогда, когда мы максимизируем трудовые ресурсы из имеющегося городского населения и тех, кто в новых городах. Это означает максимальное вовлечение женщин.

Л. Сабсович, плановик. 1930 г.²

В течение двух лет — в 1930-м и 1931 г. — специалисты по труду пытались понять и взять под контроль происходящие в экономике огромные перемены. Сотрудники бирж труда, оказавшиеся на переднем крае событий, отчаянно старались упорядочить хаос: с одной стороны — настойчивые требования хозяйственников, нуждавшихся в рабочей силе, и толпы соискателей, с другой — устаревшая трудовая политика. По большей части биржи труда оказывались неэффективными в распределении и переброске рабочей силы. Когда на смену безработице пришел дефицит рабочей силы, государство было вынуждено отказаться от политики запрета на вербовку. Пы-

---

¹Объяснительная записка в Совет Народных Комиссаров Союза ССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 11. Л. 18.

²Сабсович Л. Рост городского населения и социалистическая реконструкция быта // НТФ. 1930. № 5. С. 29.

таясь направлять и контролировать бурную миграцию, вызванную коллективизацией, огосударствлением розничной торговли и индустриализацией, Народный комиссариат труда столкнулся с новыми, трудными задачами. Тысячи крестьян, бегущих из деревни от коллективизации, обедневшие нэпманы, голодающие жены рабочих, безработная молодежь — все они толпились на переполненных, грязных биржах труда. Тысячи других были наняты прямо у ворот заводов, так нуждающихся в рабочих руках. Но кто при этом играл роль привратника?

В 1920-е гг. НКТ не нуждался в рабочей силе и соответственно не занимался вербовкой. Биржи труда были заполнены городскими безработными, села обеспечивали постоянный приток крестьян-мигрантов, вызванный перенаселением и нищетой. Историк А. М. Панфилова писала, что приток «рабочей силы из деревни в город происходил в значительной мере самотеком, стихийно»³. По сути, при высоком уровне безработицы НКТ жестко контролировал процесс найма, чтобы обеспечить безработным членам профсоюза преимущество перед ранее не работавшими по найму женщинами, молодежью и крестьянами. Государство стремилось отсеять эти группы населения, а не вербовать их.

В конце весны 1930 г. плановики обратили внимание на то, что некоторые секторы экономики начали испытывать дефицит рабочей силы. Переход от постоянной безработицы к нехватке трудовых ресурсов был резким и неожиданным. В одних отраслях и регионах он имел место, в других — нет. Более того, биржи труда были по-прежнему заполнены тысячами безработных, среди которых были квалифицированные рабочие, ищущие работу по специальности. Поскольку в течение лета и осени дефицит рабочей силы обострился, партийные руководители и специалисты по труду прилагали все возможные усилия для разработки новой политики найма, способной удовлетворить меняющиеся потребности экономики. В основе старого подхода лежал жесткий отбор новых претендентов на рабочее место, такая политика обеспечивала преимущественное положение кадровым промышленным рабочим. В условиях жесткого дефицита рабочей силы она была бесполезна и мешала руководству быстро и гибко реагировать на изменения внешних условий. С 1929-го по 1931 г. миллио-

---

³ Панфилова А. М. Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки, 1928–1932. М.: Изд-во Московского Университета, 1964. С. 17.

ны людей пополняли ряды рабочего касса *самотеком*, независимо от указаний сверху. За счет новых работников численность занятых выросла вдвое, радикально изменился гендерный и социальный состав рабочей силы. Партийные руководители и плановики плохо разбирались в том, что происходило на стройплощадках, лесозаготовках, железных дорогах и заводах по всей стране. Тщательно составленные в 1929 г. прогнозы численности рабочей силы рухнули под давлением огромной волны новых работников. В течение следующих двух лет плановики пытались сдержать рост численности занятых в экономике и взять под контроль рынок труда.

Смена парадигмы: безработица или дефицит рабочей силы?

В 1929 г. угроза дефицита рабочей силы казалась нереальной. На самом деле, когда весной партийные руководители утверждали окончательный вариант первого пятилетнего плана, они полагали, что темп индустриализации, необходимый для ликвидации безработицы, на тот момент был совершенно недостижим⁴. В сентябре 1929 г. секретарь ВЦСПС Вейнберг объявил, что численность рабочих в 1929–1930 гг., как ожидается, увеличится лишь на 6–7 %. Е. Бронштейн, один из ведущих специалистов по женскому труду, отметил, что еще осенью «известной частью партии» овладело «пессимистическое настроение» из-за кажущейся невозможности справиться с безработицей. Правда, сам Бронштейн придерживался более оптимистичной точки зрения, по его словам, многие «скептики и маловеры» убеждены в том, что безработица превращается в «хозяйственную катастрофу», и «перспективы безработицы рисовались им в чрезвычайно мрачных красках». В том, что пятилетний план может улучшить ситуацию, сомневались специалисты по планированию в НКТ и ВЦСПС. Хотя в Госплане утверждали, что пятилетний план снизит уровень безработицы на 50 %, плановики из НКТ и ВЦСПС считали, что будет удачей, если удастся удержать безработицу на уровне 1928–1929 гг. Даже наиболее оптимистично настроенные специалисты по планированию не могли предсказать роста численности рабочих вдвое и дефицита рабочей силы. Бронштейн, говоря о царящем среди плановиков «пессимизме», отметил, что «корни пессимизма, очевидно, так глубоко засели в почве НКТ, что потребуются много

---

⁴Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. P. 66.

времени для их окончательного удаления»⁵. Вплоть до весны 1930 г. партийные руководители и плановики были уверены в том, что спрос на рабочую силу можно удовлетворить за счет привлечения на производство кадровых квалифицированных и полуквалифицированных рабочих, зарегистрированных на биржах труда.

Первые жалобы на неспособность НКТ удовлетворить запросы промышленности начались осенью 1929 г. Специалист по планированию Емельян Квириг одним из первых обратил внимание общественности на любопытный феномен: несмотря на то что по всей стране на биржах труда было зарегистрировано свыше 1 млн безработных, в некоторых регионах наблюдался дефицит квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы. Только в строительстве пустовало около 50 000 рабочих мест. Согласно принципам плановой экономики предполагалось, что безработным рабочим будут предоставляться свободные рабочие места в соответствии с их трудовыми навыками, но каким образом государство сможет восполнить дефицит рабочих рук в одном регионе за счет избытка в другом? Квириг признал, что НКТ плохо справляется с «организацией рабочей силы», то есть распределением безработных. Одновременное существование безработицы и дефицита рабочей силы создавало необходимость подготовки и распределения работников, а кроме того — предоставления квалифицированным кадрам работы по специальности. По его словам, среди 1 100 000 безработных, зарегистрированных на бирже и получавших пособие или страховку в кассах соцстраха, было только 230 000 квалифицированных промышленных рабочих. Отметив, что в будущем эта группа может сократиться еще сильнее, Квириг подверг сомнению наличие «достаточных резервов» квалифицированных рабочих кадров для удовлетворения прогнозируемого на пятилетку спроса. Он пришел к выводу, что НКТ следует серьезнее заняться перераспределением и профподготовкой рабочих, чтобы соответствовать меняющимся потребностям экономики⁶.

Проблема заключалась не только в изменении экономических условий и устаревшей трудовой политике, основанной на исключении

---

⁵ Бронштейн Е. Правый пессимизм, безработица и регулирование рынка труда // На плановом фронте. 1929. № 1. С. 34–37; Еще о правом пессимизме в вопросах безработицы // На плановом фронте. 1929. № 6. С. 30–35.

⁶ Квириг Е. Рабочий резерв и безработица // На плановом фронте. 1929. № 1. С. 37.

«нежелательных элементов» с рынка труда, но и в том, что партийные руководители и плановики слишком медленно разрабатывали новые подходы. Первоначальные попытки скоординировать распределение рабочей силы и потребности промышленности носили предварительный характер и по большей части были неэффективны. В ноябре 1929 г. Совет Народных Комиссаров поручил НКТ и ВСНХ разработать комплексный поквартальный план распределения рабочей силы с учетом всех отраслей и регионов. Плановики ВСНХ обязали всех руководителей предприятий заполнить бланки с указанием прогнозируемой потребности в рабочей силе. Бланки были разосланы, но руководители не спешили их заполнять⁷. НКТ, также страдавший от нехватки информации от предприятий с мест, испытывал трудности при определении потребностей в трудовых ресурсах в различных секторах экономики.

Реорганизация бирж труда и создание специальных комиссий осенью 1929 г. не помогли НКТ получить более четкое представление о спросе на рабочую силу. Несмотря на то что в состав комиссий по трудоустройству входили как представители НКТ, так и представители предприятий, собрать все необходимые статистические данные не удалось. Одной из причин, судя по жалобам представителей НКТ, было то, что ВСНХ затягивал с уточнением плана по обеспечению рабочей силой заводов истроек. В конце зимы НКТ выразил недовольство работой ВСНХ и объявил о своем намерении составить собственный план. Обе организации обвиняли одна другую в задержках в разработке плана, но статистику с предприятий собрать так и не получалось. Но и в отсутствие статистических данных в НКТ понимали, что за счет зарегистрированных безработных удовлетворить возросшие потребности промышленности в рабочей силе не удастся. Признавая, что необходимо изыскать новые источники трудовых ресурсов, НКТ по-прежнему не решается «разбавлять» рабочий класс крестьянами, он обещает «заняться» национальными меньшинствами, еврейской беднотой в Белоруссии и на Украине, женщинами⁸.

Весной и летом 1930 г. проблема дефицита рабочей силы продолжала обостряться, партия и руководители НКТ пытались справиться с новой ситуацией. Постепенно специалисты по труду начали переход от принципа «охраны проходной» и ограничения найма к активной

---

⁷ Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil. P. 281.

⁸ Проект постановления коллегии НКТ СССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 262. Л. 10.

вербовке рабочей силы. Первым шагом было усиления контроля над безработными. В марте НКТ разослал во все местные отделения циркуляр, предупреждающий о том, что многие безработные, которых лишили пособия или вычеркнули из списков во время «чистки», просто регистрируются на другой бирже труда. Так же поступали и те, кого предложенная работа не устраивала. Поскольку решение задачи снижения текучести кадров возлагалось на биржи труда, им следовало усилить контроль над распределением рабочей силы. НКТ потребовал, чтобы биржи труда делали отметки в выдаваемых рабочим расчетных книжках о причинах увольнения с предыдущей работы. Нужно было помешать рабочим постоянно менять место работы⁹.

По мере того как в НКТ накапливалась информация о дефиците рабочей силы, росло и его недовольство существованием армии безработных. В регионах, где отмечалась нехватка рабочих рук, безработные не могли рассчитывать на государственную поддержку; они «не стоили» государственных затрат. В апреле НКТ направил отделам социального страхования и биржам труда циркуляр, в котором отмечалось, что, хотя спрос на квалифицированных рабочих растет, «на учете биржи труда продолжают числиться сотни тысяч безработных, нуждающихся в работе». Часть этих людей не могла найти работу из-за отсутствия нужной квалификации, другие просто предпочитали получать пособие и не работать. В циркуляре говорилось: «...часто пособие по безработице механически продолжает выплачиваться лицам, отказавшимся без достаточно уважительных причин от работы». До 30 % безработных отказывались от предложенного места. В НКТ считали, что те просто уваливали от работы. Из НКТ поступило указание биржам труда и отделам социального страхования скоординировать свою деятельность, чтобы прекратить выплату пособий тем, кто отказался предложенной работы, и направить высвободившиеся средства на профессиональную подготовку рабочих¹⁰.

Весной 1930 г. в строительстве и угледобывающей промышленности, а также в отраслях, использующих труд крестьян-сезонников, дефицит рабочих рук крайне обострился. Причем впервые с момен-

---

⁹ Наркомтруда всем союзным республикам // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 262. Л. 63–65.

¹⁰ Циркуляр о порядке назначения и выплаты пособия по безработице. Особое постановление НКТ СССР от марта 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 262. Л. 49; Новый порядок назначения и выплаты пособий по безработице // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 262. Эта брошюра без пагинации опубликована в 1930 г. в Москве Гострудиздатом и подшита в вышеуказанное дело.

та начала НЭПа наблюдалась нехватка как квалифицированной, так и *неквалифицированной* рабочей силы. Однако помимо принятия мер для уменьшения числа «увуливающих от работы» для решения проблемы нехватки трудовых ресурсов ничего сделано не было. Был выдвинут ряд предложений по вербовке кадров, но они были отклонены партийными деятелями и специалистами по труду. Обсуждалась идея использовать в строительстве и деревообрабатывающей промышленности заключенных, лишенцев, колхозников, подрабатывающих на сезонных работах, ссыльных из раскулаченных, безземельных крестьян, добровольцев и демобилизованных солдат. Однако это предложение не было сразу реализовано¹¹.

В мае государство начало расширять круг лиц, подлежащих регистрации в качестве безработных. Согласно новому законодательству, на бирже труда теперь могли регистрировать разведенных жен рабочих, вдов, женщин, оставивших работу ради ухода за детьми, служащих, инвалидов, ремесленников и их детей, батраков и другие мелкие социальные группы¹². Оно было нацелено на городских жителей, в частности — на безработных женщин. Женский журнал «Работница», активно защищавший интересы безработных женщин, горячо одобрил эти нововведения. Авторы публикаций утверждали, что неквалифицированная рабочая сила на данный момент также необходима, а количество безработных стремительно сокращается¹³. Тем не менее попытки государства решить проблему дефицита рабочей силы оставались довольно вялыми. Были приняты менее строгие критерии регистрации на биржах труда, но не шло активной вербовки рабочих для удовлетворения потребности в рабочей силе. «Двери» в рабочий класс были слегка приоткрыты, это позволило «проскользнуть» на предприятия городским женщинам и детям, но шаг от привратника до вербовщика еще не был сделан. Государственный подход к управлению трудовыми ресурсами не изменился.

На XVI съезде партии в июне 1930 г. делегаты как будто забыли о проблеме нехватке рабочей силы и практически не обсуждали

---

¹¹ ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 11. Л. 18, 35–38, 88; ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 12. Л. 16–18, 23; Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil. P. 282.

¹² Постановление о регистрации в органах труда лиц, ищущих труда, и направлении их на работу, ЦИК и СНК СССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 11. Л. 19–22; Безработица в СССР уменьшилась на 38 проц. // Труд. 11 мая 1930.

¹³ Гальперин М. Ускорить утверждение закона о принятии на учет бирж труда одиноких женщин // Работница. 1930. № 21. С. 19.

вопрос поиска нового источника трудовых ресурсов, в том числе женской рабочей силы. Значительная часть работы съезда была посвящена критике Томского и «правых уклонистов». Н. М. Шверник прочел пространный доклад о задачах профсоюзов, подчеркнув необходимость развития тяжелой промышленности и выполнения пятилетки за четыре года. Он резко критиковал «оппортунистическую руководящую группу старого состава» ВЦСПС за нежелание перестроить работу для выполнения «новых задач» и за поддержку профсоюзов в их приверженности защитной функции. Шверник заявил, что профсоюзы должны возглавить и развить движение рабочих масс за высокие темпы производства путем организации социалистического соревнования и ударничества. Однако судя по статистическим выкладкам, представленным в его докладе, Шверник был недостаточно осведомлен об изменениях в численности и составе рабочего класса. Так, он объявил, что в 1930–1931 гг. ожидается прирост квалифицированной промышленной рабочей силы на 330 000 человек — в то время как наблюдался массовый приток в индустрию неквалифицированной рабочей силы. Более того, он не упомянул о женской рабочей силе, несмотря на то, что в этот период рекордное количество женщин пришло в промышленность и строительство. Шверник просто повторил распространенное устаревшее представление о том, что происходит на рынке труда. Хотя он не упомянул о сокращении безработицы, в докладе была снова подчеркнута потребность в квалифицированной рабочей силе¹⁴.

Сталин в заключительном слове вкратце упомянул о феномене одновременного существования безработицы и дефицита рабочей силы. Он обвинил ВЦСПС и НКТ в создании «большой неразберихи». Согласно их собственным данным, в стране насчитывался примерно 1 млн безработных, в основном людей, не имевших квалификации; среди них большинство составляли женщины и подростки, при этом биржи труда удовлетворяли спрос предприятий лишь на 20 %. «Попробуйте-ка разобраться в этой неразберихе, — прокомментировал Сталин. — Ясно во всяком случае что эти безработные не составляют ни резервной, ни, тем более, постоянной армии безработных нашей промышленности»¹⁵. Сталин, как и руководители НКТ, все еще по-

---

¹⁴ XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. С. 645, 648–649, 655, 658.

¹⁵ Сталин И. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезда ВКП(б). Доклад и заключительное слово // Вопросы ленинизма. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. С. 725–726.

лагал, что промышленность не нуждается в неквалифицированной рабочей силе. Ситуация была ясной: количество «трудоспособных» безработных стремительно сокращалось, а НКТ и ВЦСПС были не в состоянии обеспечить промышленность необходимой квалифицированной рабочей силой. Сталин, надо отдать ему должное, признал это. Но, помимо довольно запутанных выводов, он ничего не сделал для изменения трудовой политики. Вероятно, он также считал, что ни женщины, ни крестьяне не относятся к надежным источникам трудовых ресурсов. Сталин не выдвинул никаких предложений по вербовке рабочих и удовлетворению нужд местной промышленности и строительной отрасли. В резолюции съезда было мимоходом упомянуто о «растущей роли женщин и молодежи в производстве», но в основном партия была озабочена отсутствием влияния среди женщин-крестьянок. Опасаясь повторения бабьих бунтов, партия искала способ нейтрализовать их враждебность к правящему режиму. В принятой съездом резолюции подчеркивалась роль социалистического соревнования и ударной работы, снова было сказано, что решением проблемы является «втягивание в производство женщин, подготовка и переквалификация их в различного рода школах и курсах»¹⁶. Однако резолюции предыдущих съездов, проходивших на протяжении 1920-х гг., мало чем отличались. Партия, занятая борьбой с «правыми», подавлением сопротивления коллективизации, стремящаяся сохранить поддержку пролетариата, по всей видимости, не была способна отреагировать на резкие изменения на рынке труда.

Импровизированный ответ

В ответ на кризис на рынке труда лета и осени 1930 г. партия приняла ряд ограниченных краткосрочных мер. В мае лесная промышленность испытывала чрезвычайные трудности. Ленинградскому и Архангельскому порту были необходимы 25 000 грузчиков для погрузки древесины на экспорт. Председатель СНК и член Совета труда и обороны Сырцов отправил гневное письмо народному комиссару труда Угланову, где требовал немедленно мобилизовать необходимую рабочую силу, невзирая на ограничения и списки бирж труда. СТО составил план по снабжению Ленинграда продовольствием для рабочих и постройке бараков¹⁷. Задержка погрузочных работ в порту

---

¹⁶ XVI съезд ВКП(б). С. 715, 738.

¹⁷ Особоуполномоченный Совета труда и обороны по дроволесозаготовкам и лесоэкспорту // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 11. Л. 24.

могла повлиять на выручку от экспорта, а от этих средств напрямую зависели темпы индустриализации. Таким образом, нехватка портовых грузчиков привлекла внимание высоких государственных чиновников. Тем не менее эта реакция на кризис была единичной. Многие другие предприятия и отрасли обращались к государству в надежде на аналогичное вмешательство. Запросы на рабочую силу поступали из всех портовых городов, от всех оборонных предприятий. Предприятиям не хватало лесорубов, докеров, грузчиков, квалифицированных рабочих. Оборонщики конфликтовали со строителями, поскольку руководители и той, и другой отрасли считали, что у них переманивают работников. В одном из документов говорилось: «положение с рабочей силой на заводах остается по-прежнему катастрофическим»¹⁸.

Тем временем Нарпит, обеспечивавший питание людей, работавших на новых строительных площадках, также боролся с критической нехваткой рабочей силы. Тысячи рабочих, трудившиеся на строительстве огромных промышленных объектов (Магнитострой, Кузнецкстрой, Автострой и Березникихимстрой), жили в палатках, шатких бараках и землянках, питались в наспех построенных общественных столовых. В 1929 г. Центральный Комитет посчитал Нарпит ключевым пунктом проникновения «деклассированных элементов» в ряды рабочего класса. Летом 1930 г. Нарпит служил своего рода шлюзом: крестьяне, спасавшиеся от коллективизации, часто нанимались работать в общественные столовые, но затем быстро переходили на более высокооплачиваемую работу в строительстве или даже в промышленности. Нарпит испытывал значительную нехватку работников. В июле его руководство обратило внимание на домохозяек как на неиспользуемый резерв рабочей силы; была разработана директива по найму жен рабочих в общественные столовые. Безработные, ранее занимавшие эти низкооплачиваемые рабочие места, уже нашли другую работу. Привлекая жен рабочих, НКТ рассчитывал снизить текучесть кадров.

В начале июля вопрос о найме жен рабочих на работу в общественные столовые обсуждался на заседании Социально-бытового сектора ВЦСПС. Член ЦК профсоюза Нарпита Вайсфальд сообщил, что про-

---

¹⁸ Директору завода № 60 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 12. Л. 1621–64; Служебная записка // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 12. Л. 177; НКТ РСФСР и СССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 12. Л. 179; Заведующим отдела труда // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 12. Л. 184; Мобилизационно-плановому управлению ВСНХ СССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 12. Л. 187.

блема текучести кадров настолько велика, что мешает нормальной работе. Например, в одной небольшой столовой со штатом в 53 человек за год сменилось 250 работников. Такая текучесть кадров не была редкостью. Вайсфальд заявил, что так работать невозможно. Он обратил внимание на то, что на строительстве таких крупных объектов как Кузнецкстрой тысячи рабочих нуждаются в жилье. Если биржи труда направят туда работников, дефицит жилья только усилится. Он пояснил: чтобы не создавать кризис, следует нанимать жен рабочих, у которых уже есть жилье. Отныне Нарпит должен был нанимать не безработных, а политически активных жен промышленных и транспортных рабочих или домохозяек с предыдущим опытом работы не менее двух лет. Нарпитом была создана организация для активной вербовки домохозяек, но ее усилиям противостояли сторонники устаревшей трудовой политики. Видный член НКТ Исаев возражал, что жены рабочих перехватят рабочие места у зарегистрированных на бирже безработных женщин. (Ни Нарпит, ни НКТ не ставили под сомнение то, что в столовых должны работать только женщины.) В условиях серьезного дефицита рабочей силы сотрудники обеих организаций продолжали пререкаться по поводу того, кому следует отдать предпочтение при распределении «плохих» рабочих мест, тех, от которых большинство работников отказывается при первой возможности¹⁹. Нарпит и НКТ все еще стремились контролировать «вход» в ряды рабочего класса, не осознавая, что баланс сил на рынке труда уже изменился в пользу рабочих. Стремительно растущий спрос промышленности на рабочую силу превратил в посмешище тщательно составленные списки приоритетов и классификации.

В середине лета НКТ стал оценивать ситуацию более реалистично. В июле нарком труда Романов пояснил представителям местных отделов труда, что за последние годы рынок труда резко изменился. На биржах не осталось квалифицированных рабочих, 70 % всех зарегистрированных безработных составляли женщины. Местным отделам труда пришлось взять на себя ответственность за профподготовку новой рабочей силы. Кроме того, Романов порицал биржи труда за отправку женщин на неквалифицированные работы, требующие тяжелого физического труда. Он дал указание направлять женщин на работу в торговле, здравоохранении, Нарпите, государственном

---

¹⁹ Заседание Социально-бытового сектора ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 17. Л. 1–2; ЦК Профессионального союза работников народного питания и общепития СССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 12. Л. 86.

аппарате и в других отраслях, «где женский труд будет правильно использован». Плановики НКТ разработали «Пятилетний план женского труда», который так и не был опубликован, но Романов повторил его рекомендации в своих инструкциях местным отделам труда. Вскоре после XVI съезда партии НКТ организовал несколько программ обучения для тех сезонных отраслей, которые особенно сильно страдали от дефицита рабочих рук, а также разработал планы по снабжению строительной и лесоперерабатывающей отрасли рабочей силой²⁰.

Однако этих усилий было недостаточно. К сентябрю из-за нехватки трудовых ресурсов возникли серьезные проблемы в экономике страны. Обработанные детали, сырье и готовая продукция были свалены в кучи у магазинов, на тротуарах, железнодорожных подъездных путях, стройплощадках и у заводских ворот. Остро необходимые грузовики и железнодорожные вагоны стояли пустыми, поскольку некому было заниматься погрузо-разгрузочными работами. Скоропортящиеся пищевые продукты лежали огромными грудями и гнили. Сектора экономики, зависящие от поставок сырья и деталей, простаивали. НКТ отреагировал новыми драконовскими мерами по отношению к безработным. Каждый безработный, зарегистрированный на бирже труда, независимо от квалификации или профессиональной подготовки должен был быть мобилизован на погрузо-разгрузочные работы. Любой, отказавшийся работать без достаточных оснований, немедленно лишался льгот и вычеркивался из списков. Руководителям предприятий было запрещено использовать грузчиков на других работах. Женщин отправляли наравне с мужчинами, но должны были назначать на более легкую работу. НКТ приказал местным органам труда подготовить медицинские отчеты по каждому безработному, зарегистрированному на бирже, с указанием, способен он или она на физический труд. Органам труда рекомендовалось преследовать в судебном порядке каждого — администратора, вербовщика или рабочего, — кто подстрекает грузчиков сменить место работы. Биржи труда потеряли исключительное право контролировать наем работников в связи с дефицитом рабочей силы на местах по всей стране. Руководителям было разрешено переводить рабочих из одного региона в другой и нанимать работников независимо от бирж труда, если НКТ не может обеспечить их рабочей силой²¹. Признав собственную

---

²⁰ Проблема использования женского труда // Труд. 14 июля 1930.

²¹ О мерах по обеспечению рабочей силой погрузо-разгрузочных работ в осеннем периоде 1930–1931 года // Труд. 13 сентября 1930.

неспособность справиться с кризисом, НКТ временно уступил власть местным руководителям. Обсуждения того, кому можно позволить заниматься погрузо-разгрузочными работами, не было. На тот момент НКТ уже не заботился о том, кого следует нанимать: все подходило — и женщины, и крестьяне.

В октябре от дефицита рабочей силы пострадала строительная отрасль. Глава профсоюза строительных рабочих Зимичев в своей программной речи на XVIII Всесоюзном съезде строителей отметил, что отрасль столкнулась с нехваткой трех тысяч работников, в 6 раз больше по сравнению с предыдущим годом. На биржах труда не было зарегистрировано такого количества безработных, чтобы занять эти рабочие места. Это был полномасштабный кризис. Хотя на протяжении весны и лета руководители профсоюзов, Госплана, ВСНХ, НКТ и партийные деятели игнорировали происходящие в экономике изменения, теперь все ополчилось на НКТ за неспособность предвидеть кризис. Например, Зимичев возложил на НКТ вину за то, что не были удовлетворены более ранние запросы на рабочую силу от профсоюза строительных рабочих. Он напомнил, что НКТ обязался обучить и подготовить всего лишь 50 000 строителей, между тем как более года сам Зимичев настаивал на том, чтобы было подготовлено на 150 000 человек больше. На самом деле НКТ не удалось добиться даже этих показателей: было подготовлено только 12 000 строителей. НКТ неоднократно пытался организовать профподготовку, но каждый раз это заканчивалось провалом. Зимой в Москву привезли 100 безземельных крестьян для обучения строительным профессиям, однако для них не было подготовлено жилья, не позаботились и об обеспечении питанием. И мужчин, и женщин разместили — вместе — в неотопливаемом помещении. Крестьяне были крайне недовольны сложившимся положением и потребовали, чтобы их отправили домой²². В поисках источника трудовых ресурсов Зимичев обратил внимание на женщин. «Один из основных каналов пополнения рядов строителей, — сказал он, — применение женского труда, а на стройках работает только 100 000 женщин. Цифра эта ничтожна — труд женщин-строителей надо применять как можно шире»²³. Таким образом, руководители профсоюзов отраслей экономики, где требовались менее квалифицированные рабочие, — Нарпит, строительство — первыми посчитали женщин важным резервом рабочей силы. В поисках

---

²² Выписка. Всесоюзный союз строительных рабочих. Московский Губотдел // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 12. Л. 23–24.

²³ Подготовить 350 тысяч строителей // Труд. 10 октября 1930.

новых путей преодоления кризиса была сделана попытка как можно скорее привлечь к работе жен рабочих. Дефицит рабочей силы в погрузочно-разгрузочных работах в строительстве был предвестником более серьезного кризиса, но партия все еще находилась в плену принципа сохранения «чистоты» рабочего класса. Нарком труда Романов отметил, что многие партийные руководители паникуют при мысли о «вымывании» основных кадров рабочего класса²⁴.

На переднем крае: биржи труда

В начале осени из НКТ сделали «козла отпущения»: его «назначили» ответственным за неспособность правительства справиться с кризисом на рынке труда. То, что ВСНХ не предоставил необходимую статистику, неточность прогнозов Госплана, невнимание партии к изменениям в экономике — все это не было принято во внимание. В своем обращении от 3 сентября 1930 г. ЦК критиковал все эти ведомства за бюрократизм. В документе отмечалось, что, несмотря на дефицит рабочей силы, на биржах труда числилось около миллиона безработных, и многие миллионы рублей тратились на выплату пособий. Партийное руководство резко критиковало НКТ, но не предлагало способов решения проблемы²⁵. Очевидно, что биржи труда должны были работать с учетом новых потребностей экономики, но ни руководство НКТ, ни ЦК не указали им, что нужно менять и не дали четких инструкций.

К осени нехватка рабочей силы стала еще более ощутимой, это вызвало панику среди администрации бирж труда. В ряде городов руководство бирж стало самостоятельно принимать меры для смягчения кризиса, не дожидаясь инструкций от НКТ. Было разработано множество местных постановлений, значительно различающихся в зависимости от региона. В октябре НКТ провел совещание с участием представителей различных ведомств и ключевых бирж труда, на котором обсуждали действия бирж, последовавшие в ответ на сентябрьскую критику со стороны ЦК²⁶. Стремясь избежать дальнейшей критики, представители бирж труда рассказывали о принятых мерах.

---

²⁴ Роль органов труда в социалистическом строительстве // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 26–30.

²⁵ Стенограмма совещания при НКТ СССР заведующих биржами труда по вопросу о проверке выполнения обращения ЦК партии от 3 сент. 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 236. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 2–75.

Вместе с тем они признавали, что по всей стране на биржах труда царит беспорядок, отсутствует централизованное руководство. В своей работе персонал бирж был ограничен устаревшими нормами трудовой политики, что мешало решению проблемы контроля и распределения рабочей силы.

В своем вступительном слове на совещании председатель президиума отметила, что главная задача собравшихся — выяснить, что нужно сделать для того, чтобы биржи труда могли удовлетворять новые потребности экономики, направлять рабочую силу именно в те регионы, где в ней больше всего нуждаются, бороться с текучестью кадров, готовить более квалифицированных работников, а также контролировать ситуацию на рынке труда. Она спрашивала: «Что изменилось в системе и методах работы бирж труда? Являются ли биржи труда по-прежнему теми пассивными регистраторами, какими они были до сих пор, или предприняты соответствующие меры, чтобы они стали органами планирующими и снабжающими рынок труда рабочей силой?»²⁷ Биржам труда было необходимо ограничивать и контролировать мобильность рабочих, направляя их не туда где они предпочли бы трудоустроиться самостоятельно, а на те предприятия и в те регионы, которые испытывают потребность в дополнительных трудовых ресурсах, и заставляя их работать в тяжелых условиях. Иными словами, необходимо было ликвидировать свободный рынок труда. Один из докладчиков заметил: «Если до сих пор мы занимались этим вопросом только в отношении посылки безработных с биржи труда, то теперь вопрос об организации труда, вопрос о правильном снабжении рабочей силой, о плановом распределении на этих участках нашей работы обстоит чрезвычайно плохо». Отдельные представители бирж отмечали, что биржи не смогут повлиять на текучесть кадров, не имея полного контроля над наймом: работники должны наниматься только через биржи, эта монополия даст биржам возможность их наказывать и контролировать. Тому, кто бросил работу или был уволен за дисциплинарные нарушения, в дальнейшем может быть отказано в предоставлении работы²⁸.

Однако на тот момент хозяйственники, профсоюзы и рабочие, словно сговорившись, мешали биржам организовать контроль над

---

²⁷ Стенограмма совещания при НКТ СССР заведующих биржами труда по вопросу о проверке выполнения обращения ЦК партии от 3 сент. 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 236. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 56, 5.

рынком труда. Хозяйственники нанимали рабочих «от ворот», поскольку так было проще и быстрее, нежели связываться с биржей труда; по той же причине рабочие старались найти работу самостоятельно. Рабочие также обращались в профсоюзы, где им помогали в поиске работы. Таким образом, биржи оказывались не способны направить рабочую силу в регионы, где ощущалась ее нехватка, а также не могли бороться с текучестью кадров, серьезной проблемой для промышленности и строительства. Рабочие свободно регистрировались на разных биржах в надежде найти рабочее место с более высокой зарплатой и хорошими жилищными условиями.

Представители бирж перечислили множество обстоятельств, мешающих регулированию рынка труда. В числе прочего говорилось о завышении спроса на рабочую силу со стороны хозяйственников. Заведующий секцией строителей московской биржи труда Бирюков пояснил: «Требуется им 50 человек, а они говорят, что требуется им 100. Поэтому говорить о больших цифрах невыполнения, можно говорить только потому, что мы не полностью спрос удовлетворили». Он заметил также, что, когда биржам удается удовлетворить запрос полностью, рабочие часто возвращаются на биржу, поскольку для них не хватает жилья. Например, руководители лесопилок обеспечивали жильем только 15 % нанятых ими рабочих. Один из выступавших отметил: «Бытовые условия очень скверные. Заработок очень низкий, и ясно, что там текучесть очень большая». В других случаях, выполнив месячный или квартальный план, руководители увольняли рабочих. В результате рабочие постоянно перебрасывались с заводов на биржи и обратно. Они не были полностью занятыми, но не были и безработными. Такая ситуация затрудняла ведение статистических учета и оценку трудовых резервов. Да и сами биржи не способствовали точности оценки спроса: нередко из-за перегрузки большие группы рабочих отправляли на работу без предварительной регистрации, не отмечая ничего в документах. Бирюков признал: «Мы до сих пор работаем украдкой». Планирование трудовых ресурсов должно было быть четко скоординировано с потребностями производства, что было практически невозможно на этом раннем, непредсказуемом этапе промышленного роста²⁹.

Некоторые представители бирж выразили разочарование по поводу отсутствия какой-либо централизованной политики контроля перехода от пассивной регистрации к активному планированию. Они

---

²⁹ Стенограмма совещания при НКТ СССР заведующих биржами труда по вопросу о проверке выполнения обращения ЦК партии от 3 сент. 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 236. Л. 58–59, 68, 13.

напомнили, что местные органы труда действуют без законодательной базы. Представитель НКТ Мордухович утверждал, что устаревшее трудовое законодательство не дает возможности контролировать процесс распределения рабочей силы, и в результате «до сих пор Наркомтруд Союза не в состоянии сдвинуть этот вопрос с мертвой точки». Заведующий бюро регистрации Центральной биржи труда Фиалков утверждал, что многие биржи боятся действовать без четких указаний из НКТ. Сотрудники бирж постоянно жаловались на то, что «не получали соответствующей санкции, и практического руководства тоже не было». Один из представителей бирж труда заявил: «Мы уже упираемся в такое устаревшее законодательство, которое действует по рутине. Мы ведь запутались в этом законодательстве. И вот местные органы труда где-нибудь на периферии не могут перешагнуть через это законодательство». Одна из участниц совещания подытожила: «Мы действительно находимся на законе, опирающемся на функции 1922–27 года. Других законов нет. Нет других законов, регулирующих работу бирж труда. В 1929 году это законодательство выброшено было в корзину, и по нему никто не живет»³⁰.

В отсутствие централизованного руководства биржи труда в крупных городах начали разрабатывать собственную трудовую политику. Например, в Ленинграде были расширены права на регистрацию: биржи принимали всех, кроме лишенцев. В апреле было разрешено регистрировать всех, кто проживает в Ленинграде не менее 3 месяцев. В мае регистрация стала доступна всем квалифицированным рабочим и кустарям вне зависимости от места их жительства. В июне стали регистрировать женщин, что позволило направить более 54 000 неквалифицированных работниц в различные отрасли промышленности. По собственной инициативе сотрудники ленинградских бирж труда начали проводить политику гендерного разделения. Мужские и женские кандидатуры рассматривались отдельно, мужчин направляли в промышленность, женщин — в государственные магазины, кооперативы и на местные железные дороги. В обход старого законодательства, гарантировавшего соискателям работу по специальности, ленинградские биржи применяли жесткие меры к отказавшимся от работы. Их без уважительной причины вычеркивали из списков и лишали возможности повторной регистрации. В надежде снизить текучесть кадров и усилить контроль над наймом и распределением рабочей силы ленинградские биржи запретили наем рабочих «у про-

---

³⁰ Стенограмма совещания при НКТ СССР заведующих биржами труда по вопросу о проверке выполнения обращения ЦК партии от 3 сент. 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 236. Л. 41, 63, 66–67.

ходной». Проигнорировавших запрет хозяйственников ленинградский Отдел труда привлек к суду. Биржи также запретили местным кассам соцстраха выдавать пособие по безработице и отправляли всех трудоспособных безработных на предприятия сразу после регистрации. Тем, кто ранее трудился в неблагополучных отраслях, таких как швейная, текстильная, кожевенная, не разрешали ждать появления соответствующих вакансий. Этим квалифицированным рабочим, большую часть которых составляли женщины, использовали, чтобы восполнить острый дефицит грузчиков³¹.

Однако в основном биржи труда действовали менее решительно. Например, в Москве они не стремились брать на себя инициативу. В ответ на сентябрьскую критику Центрального Комитета некоторые из них расширили круг регистрируемых безработных, но не знали, как действовать дальше. Среди руководителей бирж царил замешательство. Представитель одной из крупных московских бирж Вашкевич отметил, что приказа НКТ о расширении круга регистрируемых он не получал. «Если же он издал такой приказ, почему он молчал, почему не нажал на отдел труда, почему не выяснил причин неполучения приказа», — возмущался Вашкевич. Как заметил заведующий московской биржей труда Чухров, «каталоги были страшно засорены». За пределами крупных городов система регистрации совершенно не работала, наем происходил спонтанно, самотеком. Когда некоторые биржи труда попытались расширить критерии регистрации, они оказались перегружены потоком новых претендентов. Сотрудники бирж не успевали регистрировать людей. Заведующий бюро регистрации Центральной биржи труда Фиалков был недоволен тем, что НКТ не подготовил подробную инструкцию по расширению регистрационных критериев. Фиалков неоднократно просил разрешить регистрацию ремесленников, но, несмотря на острую нехватку квалифицированной рабочей силы, НКТ бездействовал. Некоторые биржи все же регистрировали этих людей, другие опасались это делать без прямых указаний сверху. В связи с постоянным ростом потребности в рабочей силе разгорелись споры о том, что нужно предпринять. Фиалков считал, что НКТ не только не в состоянии обеспечить перераспределение трудовых ресурсов, но и едва может справиться с переброской избыточной рабочей силы с одного завода на другой³².

---

³¹ Стенограмма совещания при НКТ СССР заведующих биржами труда по вопросу о проверке выполнения обращения ЦК партии от 3 сент. 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 236. Л. 20–24.

³² Там же. Л. 55, 32, 33, 38, 41–42.

Безработные — кто они?

В период выработки новой трудовой политики биржи труда заинтересовались составом зарегистрированных безработных. Действительно ли эти люди нуждались в работе, или они «увиливали» от нее? Сам факт дефицита рабочей силы поставил существование безработицы под сомнение. Биржи труда одновременно проводят чистку списков и расширяют регистрационные критерии. Казалось бы, противоречащие друг другу действия, но это было отражением феномена сосуществования дефицита рабочей силы и безработицы. Некоторые должностные лица задавались вопросом: действительно ли за фамилиями в списках стоят реальные люди? Представитель одной московской биржи труда Иванов сказал: «Вот в Москве существует 14 тыс. безработных, а в Ленинграде 15 тыс. Так вот, существуют они или не существуют? Если у вас и у нас — органов труда — имеется сейчас в наличии 30 000 чел. рабочих рук, почему мы в таком случае в отношении выгрузки картофеля и вообще овощей не можем дать рабочую силу?» Заведующий другой московской биржей труда Чухров утверждал, что это реальные люди, но они не относятся к трудовым резервам, поскольку по ряду причин — отсутствие квалификации, психическая или физическая неполноценность, беременность — они не годятся для работы на московских предприятиях. На XVI съезде партии Сталин также высказывался по проблеме трудовых резервов и безработицы³³.

Опыт московских бирж показывал, что большая часть зарегистрированных на тот момент безработных не была трудоспособна. В начале осени московские биржи в ходе чистки вычеркнули из списков 24 774 человека. Оставшихся 7260 вызвали на биржу, но явились всего 3132 человека. Чухров предположил, что остальные 4128 человек — либо «мертвые души», зарегистрированные мошенническим путем ради незаконной выгоды, либо уже устроились на работу, но продолжают получать пособие. Заведующий бюро регистрации Центральной биржи труда Фиалков кратко охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Дело в том, что мы сейчас кричим, что у нас нет безработных, и не выполняем спроса, а в то же время приводим цифры безработицы. А ни одна организация не занялась изучением той прослойки безработных, которые в настоящее время имеются на бирже труда»³⁴.

---

³³ Стенограмма совещания при НКТ СССР заведующих биржами труда по вопросу о проверке выполнения обращения ЦК партии от 3 сент. 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 236. Л. 56, 3–4.

³⁴ Там же. Л. 3–7, 39.

Биржи труда также проявляли нерешительность по отношению к зарегистрированным в качестве безработных квалифицированным рабочим, которые не могли найти работу в своем городе, но были востребованы в других регионах. По понятным причинам эти люди не хотели покидать комфортабельное жилье в городе и жить в неотопливаемых бараках или палатках на стройплощадке. Можно ли считать квалифицированных рабочих безработными, если для них есть работа в другом регионе? Фоминых, один из представителей бирж, заметил, что часто в одном регионе ощущается нехватка рабочих, имеющих определенные навыки, в то время как в другом таких рабочих в избытке. Он недовольно заметил: «Какой абсурд имеем мы сейчас. Еще месяц тому назад имелись на Московской бирже труда в наличии слесаря-водопроводчики, около 500 человек, в то время Магнитострой задыхался от недостатка в этих людях, и не могли устроить у себя водопровод, из-за этого задержался темп строительства. Начинают вербовать людей со всех концов Союза, но пойти на биржу труда, заставить людей пойти на работу, этого, по существу, не было сделано». Фоминых был обеспокоен тем, что биржам труда не хватает полномочий, чтобы заставить рабочих поехать туда, где в них нуждаются, либо определить их на работу не по специальности и настаивал на том, что положение, о котором свидетельствуют цифры, полученные на московской бирже труда, — «недопустимая вещь». Заводы по всей стране крайне нуждаются в квалифицированных металлистах. «Вот мы имеем по группе металлистов 1000 человек безработных», — возмущался Фоминых. — «Разве эти тысяча человек — это безработные?» И Фоминых, и Фиалков говорили о том, что беспокоило большую часть сотрудников бирж труда: поскольку биржи занимаются планированием и распределением трудовых ресурсов, у них должны быть соответствующие полномочия. Нужно контролировать территориальную мобильность рабочей силы, чтобы удовлетворять потребности экономики, а не отдельной личности. Фиалков сделал вывод: «...сейчас совершенно недопустимо, чтобы какой-нибудь квалифицированный работник находился на бирже труда, чтобы его фабрика или завод отпустили... Это просто летуны: сегодня он здесь, а завтра на другом заводе и т. д. Это не резерв»³⁵.

Но что же представляли из себя «реальные» трудовые резервы? Можно ли было включать в них неквалифицированных женщин

---

³⁵ Стенограмма совещания при НКТ СССР заведующих биржами труда по вопросу о проверке выполнения обращения ЦК партии от 3 сент. 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 236. Л. 54, 39.

и крестьян? Расширяя границы понятия «безработный», нужно было менять и подход к определению, что такое «рабочий класс». Не удивительно, что, оставаясь в течение многих лет на страже «дверей в рабочий класс», биржи труда были настроены против потенциальных рабочих, не являвшихся частью «потомственного, квалифицированного мужского пролетариата». Один из участников совещания был возмущен тем, что крестьяне заполнили московские биржи труда в поисках работы: «Вот идут из деревни, мы всех берем на учет. Стоят они все на бирже, а по сельскому фронту мы оголяем». Также он выразил неодобрение в отношении приезжающих из других регионов рабочих: «Ведь идут из Харькова, Киева, Нижнего Новгорода, идут горняки из Донбасса — и все говорят, берите на учет». Он отметил, что ни у кого из этих людей нет справок о разрешении покинуть предыдущее место работы, но, если на бирже им отказывают в регистрации, они обращаются в профсоюзы, где их направляют на новые рабочие места. «Если бы год тому назад кто-нибудь предложил нам брать таких, кого мы сейчас берем, я бы назвал его оппортунистом», — возмущался докладчик. Предубеждения в отношении женщин и крестьян сохранялись, несмотря на то, что некоторые докладчики отдавали небольшое преимущество городским женщинам. Представитель НКТ Мордухович с сожалением отметил, что к работе на производстве не были допущены жены рабочих, в то время как «открыли двери на производство для всех элементов деревни, которые, работая в городе около года, имели членский билет в кармане». Однако из выступлений других участников совещания было ясно, что сотрудники бирж — мужчины предвзято относятся к женской рабочей силе. Например, представитель замоскворецкой биржи труда Москвы утверждал, что безработные женщины не являются резервом рабочей силы, поскольку среди них много больных и беременных. Он заявил: «Есть такие хозяйственные организации, которые берут временную рабочую силу, она проработает 3–4 месяца, ее сокращают, а через неделю пишут, чтобы прислали опять 15–20 человек. Это никуда не годится»³⁶.

На протяжении всего 1930 г. по мере усиления кризиса рынок труда все больше выходил из-под контроля. Без централизованного руководства биржи труда не были в состоянии решить проблему дефицита трудовых ресурсов. Им не хватало полномочий, чтобы

---

³⁶ Стенограмма совещания при НКТ СССР заведующих биржами труда по вопросу о проверке выполнения обращения ЦК партии от 3 сент. 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 236. Л. 52, 55, 29.

выработать новое законодательство, контролировать территориальную мобильность работников, координировать распределение и потребности в рабочей силе. Действия хозяйственников, профсоюзов и рабочих мешали работе бирж, невозможно было даже определить, сколько рабочих требуется конкретному предприятию. Несмотря на скрупулезные планы и прогнозы, рынок труда не поддавался контролю. Биржи труда боролись за переход от «недопущения» к планированию, но осенью 1930 г. стало ясно, что кризис победил.

Крушение старой парадигмы: женщины как ключевой резерв рабочей силы

9 октября 1930 г. правительство наконец отреагировало на кризис на рынке труда. НКТ издал лаконичное постановление, в котором говорилось, что бич эпохи НЭПа, безработица, ликвидирована, но имеет место дефицит рабочей силы. Биржам труда было приказано прекратить все выплаты пособий по безработице и направить всех зарегистрированных безработных на работу. При найме зарегистрированные безработные имели приоритет, но если работы по специальности для них не находилось, они должны были соглашаться на другие рабочие места. Отказ от работы, не подтвержденный медицинской справкой, грозил исключением из списков³⁷. Два дня спустя московская биржа труда объявила, что число безработных сократилось с 8500 человек до 177. Деньги, предназначенные для выплаты пособий, должны были быть потрачены на подготовку и переподготовку рабочих кадров. На пособия по безработице больше не выделялось ни копейки³⁸. Почти в одночасье слово «безработные» было заменено определением «отказывающиеся от работы».

20 октября Центральный Комитет официально объявил о «полной ликвидации безработицы» в Советском Союзе. Партия обратилась к гражданам страны с призывом вступать в ряды рабочего класса, пояснив, что в настоящий момент «важнейшая хозяйственно-политическая задача», стоящая перед НКТ, это ликвидация дефицита рабочей силы в строительстве. Центральный Комитет дал указание НКТ в течение 20 дней разработать план подготовки к 1931 г. более 1 300 000 промышленных рабочих. ЦК расширил круг регистрируе-

---

³⁷ В Стране Советов нет безработицы. Постановление Наркомтруда // Труд. 11 октября 1930.

³⁸ Ни одной копейки пособия отказывающимся от работы // Труд. 12 октября 1930.

мых в качестве безработных: члены семей рабочих, дети-подростки, вдовы рабочих, служащие, члены артелей, дети ремесленников-единоличников, батраки, бедняки и колхозники — все они теперь могли регистрироваться на бирже вне зависимости от наличия опыта работы. Городские домохозяйки, подростки, бедняки и колхозники должны были стать новыми рабочими кадрами. Регистрация нужна была теперь лишь для получения направления на работу, пособия больше не выплачивались. НКТ было поручено следить за тем, чтобы каждый зарегистрированный получал работу в течение десяти дней. Отказ от предложенного рабочего места грозил исключением из списков.

Даже расширив полномочия НКТ, Центральный Комитет продолжал его критиковать. НКТ обвиняли в «крайней медлительности и бесплановости в подготовке рабочей силы», в неспособности обеспечить квалифицированной рабочей силой важнейшие отрасли тяжелой промышленности, строительства и транспорта, в «правом оппортунизме», в причинении государству убытков (миллионы рублей, потраченных на так называемых «безработных»). Комитет порицал сотрудников НКТ за чрезвычайно неудовлетворительное ведение учета. Кадровый состав НКТ был «усилен» партийцами, которые, вероятно, должны были обеспечить надлежащую эффективность работы Наркомата. Для усиления государственного контроля над рынком труда решением ЦК НКТ получил право перебрасывать квалифицированных работников в критически важные секторы экономики, такие как угледобывающая промышленность, черная металлургия, транспорт и крупное капитальное строительство. По сути, это было скорее предписание, чем право: ЦК пригрозил, что любой руководитель, который станет возражать против такой переброски, будет «привлечен к ответственности». В заключение, чтобы препятствовать текучести кадров и частично решить проблему нехватки рабочих рук, Центральный Комитет партии запретил выдвигать рабочих на руководящие посты. Рабочие, хорошо проявившие себя на производстве, должны были быть обеспечены жильем, получать возможность повышать квалификацию, иметь право на отгулы. Рабочему, проработавшему два года и более в горнодобывающей, текстильной, химической, машиностроительной промышленности либо в строительстве или на транспорте, полагалось поощрение в виде премии или отпуска. ЦК поручил Госплану, НКТ, ВСНХ и ВЦСПС ликвидировать неравенство в заработной плате в различных регионах к началу нового года. Все «социально чуждые элемен-

ты», включая деклассированных нэпманов и кулаков, должны были быть изгнаны из рядов рабочего класса³⁹.

В ноябре 1930 г. партия начала массовую кампанию по мобилизации женщин на производство. Газета «Труд» заявила об этом в передовице «Миллион женщин к станкам и машинам»⁴⁰. НКТ, ВСНХ, ВЦСПС, Госплан и наркоматы просвещения и здравоохранения должны были участвовать в вербовке жен рабочих для работы на предприятиях и обеспечивать таким образом фабрики и промышленные объекты рабочей силой. Женщины должны были составлять не менее 50 % новой рабочей силы⁴¹. 18 декабря правительство приняло ряд дополнительных мер для поощрения женщин к вступлению в ряды наемных рабочих. СНК и ЦИК издали постановление, в котором НКТ было указано обеспечивать приоритет при найме на работу в промышленности и транспорте членам семей рабочих. В этом постановлении подчеркивалось, что в борьбе с дефицитом рабочей силы следует полагаться на жен рабочих, а не на крестьян. В документе повторялся тезис о «полной ликвидации безработицы», при этом на НКТ возлагалась обязанность обеспечивать потребности промышленности в рабочих кадрах. Хозяйственникам напомнили о том, что они не могут нанимать рабочих самостоятельно. Таким образом, сентябрьское постановление ЦК, позволявшее руководителям нанимать грузчиков в условиях критической нехватки рабочих рук, было отменено⁴². Новое постановление укрепило полномочия бирж труда и усилило их контроль над движением рабочей силы.

В декабре 1930-го и январе 1931 г. СНК и ЦИК предприняли смелую попытку реорганизации НКТ: якобы уже ненужные биржи труда были преобразованы в управления кадрами, ответственные за вербовку и планирование трудовых ресурсов; эти управления должны были обеспечивать предприятия квалифицированными кадрами — включая их организованный набор — в соответствии с планами производства. Хозяйственники были обязаны направлять в управления кадрами ежегодный и ежеквартальный планы потреб-

---

³⁹ О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью // Труд. 22 октября 1930; Маршева Б. Женский труд в 1931 г. // ВТ. 1931. № 1. С. 31.

⁴⁰ Миллион женщин к станкам и машинам // Труд. 6 ноября 1930.

⁴¹ Женщина на завод, к станку // Труд. 16 ноября 1930; Рабочие — на запас // Труд. 17 ноября 1930.

⁴² Добиться планового распределения и использования рабочей силы // Труд. 18 декабря 1930.

ности в рабочей силе; в свою очередь, управления кадрами обязаны были изыскивать новые источники трудовых ресурсов для удовлетворения всех запросов. Всем ищущим работу следовало обращаться в управление кадрами, которое должно было в течение трех дней найти подходящую вакансию. Управления кадрами также имели право привлекать к шести месяцам принудительных работ человека, отказавшегося от работы, либо неоднократно являвшегося в кадровый отдел для поиска нового рабочего места. Государство поставило перед НКТ задачу искать резервы трудовых ресурсов среди членов семей рабочих и колхозников и перераспределять имеющиеся квалифицированные рабочие кадры для удовлетворения нужд важнейших отраслей промышленности. И главное, НКТ должен был противостоять «самотечным настроениям хозорганов» — усиливающейся тенденции со стороны руководителей нанимать работников самостоятельно. Государство еще раз подчеркивало «обязательность найма рабочих и служащих только через органы труда»⁴³. За год, отмеченный стремительными изменениями в экономике и ростом дефицита рабочей силы, государство наконец осознало, что политика недопущения в ряды рабочего класса женщин, крестьян и молодежи является серьезным препятствием для промышленного роста. СНК и ЦИК занялись реорганизацией бирж труда, поставив задачу перейти от недопущения этих категорий населения на рынок труда к активной их вербовке и планированию рабочей силы. Новые управления кадрами должны были заменить биржи труда и значительно расширить свои полномочия по сравнению с потерпевшими неудачу комиссиями по трудоустройству.

Вербовка женщин: «Отправьте жену на работу!»

Переход к новой системе практически сразу вызвал хаос. Местные предприятия не смогли предоставить НКТ информацию о своих потребностях в рабочей силе. Рабочие, покинувшие стройки из-за отсутствия нормального жилья, были объявлены «опасными дезорганизаторами» и направлены на принудительные работы. Управления кадрами были заполнены рабочими, которых, как правило, не успе-

---

⁴³ Постановление ЦИК и Совнаркома СССР о порядке найма и распределения рабочей силы и о борьбе с текучестью // Труд. 18 декабря 1930; Докладная записка Управления снабжения кадрами Наркомтруда СССР в Коллегию об обеспечении народного хозяйства рабочей силой // Индустриализация СССР. 1929–1932. Документы и материалы. М.: Наука, 1970. С. 418–420.

вали трудоустроить в трехдневный срок⁴⁴. В течение весны 1931 г. НКТ отчаянно пытался установить контроль над движением рабочей силы. Заместитель наркома труда СССР И. А. Краваль в обращении к ВЦСПС отметил, что, хотя обеспечение экономики трудовыми ресурсами является одной из важнейших задач, органы труда работают крайне неэффективно. Он заявил: «Нужно сказать, что из всех видов заготовительных аппаратов, которые у нас существуют, самый слабый, самый небрежно укомплектованный аппарат, которому не уделяют внимания ни исполком, ни профорганизации, — это аппарат вербовки рабочей силы»⁴⁵. Но, несмотря на важность задачи, НКТ в ее решении не преуспел. В условиях острого дефицита кадров хозяйственники набирали «про запас» всех, кто был под рукой. Игнорируя декабрьское и январское постановления, дававшие НКТ исключительный контроль над наймом, руководители предприятий нанимали людей «у проходной». Сотни тысяч женщин и крестьян, ищущих работу, оказались вне поля зрения органов труда. Постоянный кадровый голод заставлял хозяйственников нарушать закон, управления кадрами превратились в бесполезные организации.

Один исследователь, завершая свою статью об управлениях кадрами, отметил, что, хотя они уже не назывались биржами труда, но выполняли те же функции. Управления просто продолжали регистрировать и трудоустраивать нуждающихся в работе. Они не искали неиспользованных резервов новой рабочей силы, не координировали распределение в соответствии с потребностями производства, не занимались вербовкой и набором женщин-работниц. Не было организовано даже распределения по ключевым отраслям высококвалифицированных рабочих, в которых нуждались по всей стране. Новые управления кадрами не имели представления, какие регионы или предприятия испытывают дефицит рабочей силы, и какие именно работники им необходимы. Они были не способны провести даже простейший анализ спроса и предложения. Новые организации оказались не в состоянии справиться не только с новыми задачами вербовки рабочих кадров и планирования потребностей рабочей

---

⁴⁴ Постановление ЦИК и Совнаркома СССР о порядке найма и распределения рабочей силы и о борьбе с текучестью // Труд. 18 декабря 1930; Докладная записка Управления снабжения кадрами Наркомтруда СССР в Коллегию об обеспечении народного хозяйства рабочей силой // Индустриализация СССР. 1929–1932. Документы и материалы. М.: Наука, 1970. С. 419–423.

⁴⁵ В 1931 г. народному хозяйству СССР потребуется 3.5 млн новых рабочих // Труд. 28 января 1931.

силе, но и с выполнением прежних функций — огромное количество рабочих ожидало направления на работу. В Москве управление кадрами не могло найти рабочие места даже для квалифицированных работников: металлистов, врачей, учителей. Заваленное заявками от предприятий, управление отказывалось обрабатывать новые. Управление и хозяйственные органы непрерывно предъявляли друг другу претензии и обвинения, связи между ними были полностью нарушены. Апеллируя к недавнему постановлению, в котором содержался призыв к органам труда действовать «на плановой, систематической основе», московское управление кадрами утверждало, что работники будут предоставлены «в плановом порядке». Один из исследователей оценил ситуацию так: «Худший вид бюрократизма и извращения директив партии и правительства трудно придумать». Аналогичные проблемы существовали и в других регионах⁴⁶.

Биржи труда, которые теперь назывались «управления кадрами», привыкли стоять на страже чистоты рядов рабочего класса. На основании приоритетных списков они определяли, может ли кандидат рассчитывать на получение работы, которая позволяет стать членом профсоюза. Однако в условиях взрывного экономического роста, тщательно разработанные приоритетные списки стали анахронизмом. Прежний обычай бирж труда предоставлять вакансии в соответствии со стажем и квалификацией тормозил процесс распределения рабочей силы. Незнание того, как организовать вербовку и подготовку рабочей силы, неосведомленность о нуждах регионов, перегруженность заявками на рабочих — все это способствовало тому, что управления кадров так и не смогли перейти от выполнения функций местных кадровых агентств к трудовому посредничеству в государственном масштабе.

Когда стало ясно, что НКТ не может обеспечить потребности промышленности в рабочей силе, государство решило передать контроль над трудовыми ресурсами в руки хозяйственников. 3 марта 1931 г. Совет труда и обороны издал постановление о передаче функций НКТ по найму работников экономическим ведомствам. Смысл этой передачи был не совсем ясен, и она никоим образом не упорядочила ситуацию. В постановлении описывалась сложная система разделения ответственности за набор рабочей силы между различными организациями. НКТ должен был контролировать экономические

---

⁴⁶ Шастин Н. Управления кадрами — не биржи труда // НТФ. 1931. № 20. С. 12–13.

органы на местах и планировать распределение трудовых ресурсов, экономические органы отвечали непосредственно за набор рабочей силы. В результате НКТ продолжал контролировать процесс планирования и найма рабочей силы⁴⁷.

Весной и летом 1931 г. НКТ занимался поиском новых источников трудовых ресурсов и разрабатывал методы вербовки. В продолжение начатой осенью 1930 г. кампании по мобилизации женщин на работу в промышленности объектом вербовки НКТ сделал жен и дочерей рабочих. Эти женщины представляли собой готовую рабочую силу, уже имеющую жилье, не нуждающуюся в переселении, знакомую с наемным трудом. НКТ рассчитывал, что благодаря трудоустройству проживающих рядом с предприятиями женщин можно будет избежать текучести кадров, связанной с нехваткой жилья. Уровень текучести кадров на некоторых предприятиях составлял до 250 % в год, наем городских женщин мог стабилизировать ситуацию. 28 марта НКТ направил в местные отделы труда циркулярное письмо с указанием мобилизовать жен рабочих на работу на тех же предприятиях, где заняты их мужья. Помимо снижения уровня текучести кадров, целью НКТ, говорилось в письме, является увеличение дохода рабочих семей и создание «социально значимых и стабильных кадров» трудящихся женщин⁴⁸. Однако местные отделы труда были не в состоянии справиться даже с этим относительно простым заданием. 10 апреля руководители НКТ провели собрание с целью обсудить вопрос о вербовке женщин на предприятия. Они пришли к заключению, что «этой работе не уделяется достаточно внимания. <...> до сих пор не принято достаточных конкретных мероприятий для выполнения этой сложнейшей задачи». Тем не менее женщины пополняли ряды наемных рабочих независимо от какого-либо плана, но шел этот процесс «самотеком». Раскритиковав собственные отделы труда, НКТ отметил, что хозяйственники, ВСНХ, Наркомат просвещения и Наркомснаб не способствовали привлечению женщин к работе в промышленности⁴⁹.

---

⁴⁷ До конца вытравить «систему самотека» в организации отходничества // НТФ. 1930. № 23–24. С. 20.

⁴⁸ Циркулярное письмо всем областным и краевым отделам труда и НКТ автономных республик // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 78.

⁴⁹ Ритов Г. Социалистическая индустрия должна получить не менее 1 600 000 новых работниц // НТФ. 1931. № 18. С. 3. См. отчет о совещании: В центральных органах труда // НТФ. 1931. № 14. С. 18.

В НКТ вскоре признали, что местные отделы труда не способны справиться с наймом жен и дочерей рабочих. В соответствии с постановлением, изданным ранее СТО, руководство Наркомата труда предложило взять на себя эту задачу хозяйственникам, которым было предоставлено ограниченное право принимать на работу женщин — членов семей рабочих со стажем не менее 3-х лет в обход местных органов труда⁵⁰. В НКТ надеялись, что с правом нанимать жен и дочерей рабочих, руководители предприятий получают одновременно и доступ к резервам рабочей силы. В середине мая ВЦСПС подготовил для Оргбюро ЦК объемный документ, в котором говорилось, что НКТ и ВСНХ не справились с вербовкой женской рабочей силы. В документе поддерживалось предложение НКТ передать ответственность за набор женских кадров местным предприятиям⁵¹. Контроль над наймом рабочей силы все более децентрализовался, переходя от НКТ к экономическим органам, затем к предприятиям и потом непосредственно к руководителям предприятий. Тем не менее официально вопрос о контроле над наймом оставался нерешенным. «У нас есть такое нездоровое явление», — сказал представитель ВЦСПС Самойлов в мае 1931 г. «Еще мы наблюдаем явление, что в промышленность привлекается резерв из жен рабочих, а в госаппарат и культсектор — из жен служащих, такое разделение в корне неверно и политически, и практически». Сам Самойлов возражал против отправки на работу собственной жены, однако руководителям фактически предлагалось бороться с дефицитом трудовых ресурсов именно таким способом⁵². Летом 1931 г. один из сторонников НКТ заявил, что несмотря на то, что отделы труда работали плохо, утверждение, что НКТ больше не отвечает за подготовку кадров, является «оппортунистическими измышлениями»⁵³.

Когда государство передало функции найма руководителям предприятий, задачи управлений кадрами стали еще более туманными. Один из исследователей призывал НКТ снова реорганизовать эти управления за их бесполезностью. Они практически не занимались вербовкой членов семей рабочих, ничего не делали для организации служб быта, которые облегчали бы женщинам возможность

---

⁵⁰ Оргбюро ЦК ВКП(б) // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 83–84.

⁵¹ Там же. С. 101.

⁵² Заседание Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при Президиуме ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп.1. Д. 165. Л. 48 (об.).

⁵³ Фридрих А. План реален — план должен быть выполнен // НТФ. 1931. № 19. С. 3–4.

устроиться на работу. Хуже всего было то, что своими действиями они способствовали текучести кадров, поскольку рабочие имели возможность регистрироваться неоднократно. Например, харьковское управление кадрами перерегистрировало сотни недовольных рабочих и распределило их на новые рабочие места. Условия труда на одном из машиностроительных заводов были настолько ужасными, что рабочие, направленные туда, в массовом порядке вернулись в управление кадрами, где им предложили новые вакансии. Н. Шастин называл таких работников «летунами, рвачами, прогульщиками и т. п. дезорганизаторами социалистического производства». Он рекомендовал управлениям кадров вести учет работников, неоднократно менявших место работы⁵⁴. Управления кадрами, созданные для предотвращения текучести рабочей силы, вместо этого стали ее подспорьем. Другие исследователи подвергали сомнению саму необходимость существования подобных управлений. Один из них писал: «Безработица в Советском Союзе ликвидирована. Безработных нет и в Москве. <...> А между тем на “Рахмановке” — на московской центральной бирже труда (ныне управление кадрами) — толкуются люди. <...> Что за люди? Спросишь кого-либо из них, отвечает: безработный! Люди, околачивающиеся на “Рахмановке”, таким образом, не безработные, а желающие числиться безработными, во всяком случае, не желающие работать».

В мае 1931 г. организованная газетой «На трудовом фронте» бригада из четырех рабочих-литейщиков проверяла Московское управление кадрами. Рабочие обнаружили, что в списках числятся 17 000 человек. Половину из них проверяющие отнесли к типу «лодырей и рвачей». Многие рабочие оставались в списках даже после того, как были трудоустроены. Проверяющие осудили управление за то, что ежедневно на работу направлялось 900 человек. К тому времени, когда проверка была закончена, в списках не осталось ни одной фамилии. Проверяющие пришли к выводу, что управления кадрами не нужны. Они заключили, что «основная работа управления кадрами — регистрация спроса-предложения труда и направление труда — ведется впустую», поскольку на биржах труда регистрируются в основном хронические лодыри. По мнению бригады, «честный рабочий и работница всегда устроится и найдет себе работу. Управление кадрами не управляет кадрами». Проверяющие отметили, что ни для кого не секрет, что ру-

---

⁵⁴ Шастин Н. Управления кадрами — не биржи труда // НТФ. 1931. № 20. С. 12–13.

ководители нанимают рабочих самостоятельно: «Роль биржи труда во многих случаях свелась к формальной регистрации найма, производимого фактически — законно, или незаконно — самими предприятиями». Управления кадрами стали «лишней бюрократической рогаткой на пути пополнения состава рабочей силы на предприятиях», и многим предприятиям удавалось обходить это препятствие. Несмотря на то что многие руководители предлагали ликвидировать управления кадрами, бригада предложила их оставить в качестве организаций, координирующих спрос и предложение⁵⁵.

В конце мая 1931 г. в НКТ пришли к выводу, что управления кадрами не в состоянии обеспечить потребности экономики в рабочей силе. Их деятельность была скорее помехой. В заключительном постановлении, закрепляющем широко распространенную практику свободного найма, НКТ и СНК объявили о ликвидации обязательного найма через органы труда и существенно расширили права руководителей по вербовке и найму работников. Теперь руководители городских предприятий могли набирать работников самостоятельно. Государство также существенно ограничило количество управлений кадрами. Они продолжали функционировать только в крупных городах, в других населенных пунктах местные отделы труда должны были создавать специальные секторы для обеспечения предприятий рабочей силой⁵⁶. На протяжении восемнадцати месяцев НКТ переживал уже третью крупную реорганизацию: создание комиссий по трудоустройству в конце 1929 г., преобразование бирж труда в управления кадрами в январе 1930 г., а затем ликвидация почти всех управлений кадрами в мае 1931 г. НКТ неоднократно пытался создать организацию, способную обеспечить промышленность рабочими кадрами. В конце весны государство в лице НКТ, наконец, смирилось с поражением, признав, что в условиях серьезного дефицита трудовых ресурсов какие-либо централизованные усилия в области планирования и распределения рабочей силы почти наверняка обречены на провал.

Согласно поступившим летом статистическим данным, сотни тысяч женщин приходили на предприятия по собственной инициативе. Как утверждал один из скептиков, это не имело ничего общего с государственным планированием. «Но было бы ошибкой, — писал

---

⁵⁵ Не толкучка, а плановое распределение рабочей силы // НТФ. 1931. № 19. С. 7–8.

⁵⁶ Докладная записка // Индустриализация СССР. С. 423.

он, — искать этому объяснения в инициативе хозяйственных или общественных организаций, — все идет самотеком». В каждом — как опубликованном, так и неопубликованном — отчете от местных организаций отмечалось, что усилия по вербовке женщин, в том числе жен рабочих, остаются неэффективными. Было проведено всего лишь несколько крупных вербовочных кампаний, причем не всегда под эгидой партии либо органов труда. Например, женщины, работающие на шахтерских предприятиях, организовали вербовочную кампанию самостоятельно, без поддержки со стороны партии, профсоюзов и НКТ. Они сами ходили по домам и составляли списки домохозяек, желающих работать в шахте⁵⁷.

Если местным государственным и партийным организациям не удалось осуществить кампанию по привлечению женщин к работе в промышленности, как женщины находили работу? Некоторые руководители последовали рекомендациям НКТ и попытались начать вербовку под лозунгом: «Отправьте жену на работу!» Директор машиностроительного завода им. Сталина в Москве повесил в каждом цехе по плакату: «Товарищи ударники, скажите своим женам, что открыт прием женщин на завод! Зовите их на работу к станкам!»⁵⁸ Когда «Северная верфь» стала испытывать серьезный дефицит рабочей силы, были проведены беседы с домохозяйками, для обхода квартир рабочих мобилизовали пионеров и учащихся ШУМП* для выявления жен и членов семей рабочих, которых можно привлечь на производство, была проведена работа в подшефных жактах**. На «Красном путиловце» была сделана попытка получить выход на женский трудовой резерв путем подачи заявлений со стороны рабочих⁵⁹. Фабком завода «Советская звезда» предпринял особенные усилия по привлечению женщин, заключив договор с местным управлением жилищно-го строительства.

Для вербовки членов семей рабочих не требовалось много усилий, но многие руководители даже не пытались этим заняться. Напротив, этот процесс шел самотеком: рабочие устраивали родственниц на ра-

---

⁵⁷ Ритов Г. Социалистическая индустрия должна получить не менее 1 600 000 новых рабочих. С. 3–5.

⁵⁸ Кальма Н. Тысячи киловатт женской энергии // НТФ. 1932. № 7. С. 10.

* Школа ученичества массовых профессий (*прим. ред.*).

** ЖАКТ — жилищно-арендное кооперативное товарищество. В жактовском доме все его совладельцы обладают определенной долей, но не квартирой (*прим. ред.*).

⁵⁹ Модестов С. От слов к делу // НТФ. 1931. № 18. С. 12–13.

боту, женщины сами приходили к проходной завода или на стройплощадку. Ориентировочные, фрагментарные данные по Ленинградской области свидетельствуют, что женщины пополняли ряды наемных рабочих без усилий со стороны местных органов власти. Прирост женской рабочей силы был очень велик — более 28 000 промышленных работниц за первые шесть месяцев 1931 г. Согласно предоставленным Президиуму ВЦИК данным, в июле доля женщин в промышленности (41,1 %) превысила установленную ранее контрольную цифру 38,6 %. Тем не менее «выполнение контрольных цифр за первое полугодие [1931 г.] шло почти самотеком». Женщин принимали, потому что безработных мужчин на бирже труда не было. Несмотря на то что резервы мужской рабочей силы были исчерпаны, ни отдел труда, ни местные экономические органы, ни райсоветы не имели информации о том, сколько потенциально трудоспособных женщин проживает в Ленинградской области⁶⁰.

На крупных стройках также царили хаос и неорганизованность. Более половины рабочих, трудившихся на строительстве металлургического комбината в Магнитогорске, прибыли туда по собственной инициативе. Люди приезжали и уезжали: с октября 1930 г. по июль 1931 г. на строительство прибыло 79 000 рабочих, при этом 56 000 человек покинули стройку. Несмотря на то что в регионе имелось 15 000 потенциально трудоспособных женщин, плановая вербовка женщин не велась. Около 8000 из них не имели детей, поэтому могли бы приступить к работе немедленно. Но система продовольственного снабжения была настолько плохо организована, что женщины не устраивались на работу, чтобы было время стоять в очереди за продуктами. Один из инспекторов объяснял: «У нас много здесь женщин, но мы их на работе не используем. Да другой, пожалуй бы, с удовольствием использовал бы свою жену, да нельзя, так как она у него специально служит для того, чтобы стоять в очереди в кооперации, потому что, если у него не будет жены дома, он будет голодать, и женщины с утра до ночи заполняют кооператив, чтобы достать продукты»⁶¹. В горнодобывающей промышленности женщины начали работать на шахтах с начала 1931 г. Год спустя под землей трудились 2355 женщин (11,7 % женщин, занятых в этой отрасли). Здесь также

---

⁶⁰ Заседание КУТБ при президиуме ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 48 об.

⁶¹ На Урале не все благополучно // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 65. Л. 18–19. См. также: Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1995. P. 72–105, 223–24.

инициатива шла от самих женщин. Например, в Макеевском районе, стремясь получить более высокую заработную плату, женщины обратились к руководству шахты с просьбой разрешить им работать под землей. Несмотря на серьезный дефицит рабочей силы в горнодобывающей промышленности, представители органов труда практически не занимались вербовкой женщин⁶².

Попытки НКТ организовать вербовку крестьян с помощью местных отделов труда и руководителей колхозов также не увенчались успехом. На протяжении 1930 г. руководителям промышленных предприятий было запрещено набирать рабочих из числа колхозников. В феврале 1931 г. Колхозцентр (Всероссийский Союз сельхозколлективов) и НКТ подписали соглашение, которым крестьянам обеспечивалась возможность работать в промышленности при условии организации взаимопомощи между колхозом и предприятием, но оно не было реализовано. Как правило, вербовщики сталкивались с серьезным сопротивлением со стороны председателей колхозов. Стремясь удержать «своих» крестьян под контролем и опасаясь дефицита рабочих рук в колхозном хозяйстве, колхозное руководство всячески препятствовало вербовщикам, некоторые даже угрожали арестом. Применялись также штрафные санкции в отношении крестьян, покинувших колхозы: вычитали до 50 % от их заработной платы во время сезонных работ. 3 марта НКТ, Колхозцентр, Наркомат земледелия и ВСНХ подписали соглашение о направлении «невостребованных» колхозников на сезонные работы, но оно оказалось малоэффективным: по-видимому, все колхозники были востребованы. После того как Совет труда и обороны передал функции найма на основе индивидуальных договоров предприятиям, Колхозцентр быстро отменил все существующие договоры и прекратил наем. Он сообщил колхозным профсоюзам, что они больше не обязаны предоставлять статистические данные о наличии свободной рабочей силы. Колхозцентр пришел к выводу, что колхозы не должны заниматься вопросами найма, с этого момента вербовщики обязаны работать с крестьянами индивидуально⁶³. Таким образом, была подведена черта в битве за рабочую силу между сельским хозяйством и промышленностью. В марте СНК «отомстил» руководителям кол-

---

⁶² Информсводка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 557. Л. 30–31; Лихтерев. Работница должна завоевать горную промышленность // НТФ. 1931. № 8–9. С. 17.

⁶³ До конца вытравить «систему самотека» в организации отходничества // НТФ. 1931. № 23–24. С. 20.

хозов, запретив им препятствовать крестьянам, желающим уехать из колхоза ради работы в промышленности или строительстве.

Несмотря на то что официально крестьяне имели право на свободу передвижения, рабочих рук по-прежнему не хватало. Весной 1931 г. острый кадровый дефицит переживали все ведущие отрасли промышленности, включая металлургию, машиностроение, химическую, угольную и железорудную промышленность, те же трудности испытывало строительство. На многих важнейших строительных объектах работало вполнину меньше рабочих, чем необходимо. Советский историк А. М. Панфилова писала: «Однако Наркомат труда СССР плохо справлялся с выполнением поставленных задач. НКТ СССР и его местные органы оказались совершенно неподготовленными к осуществлению мероприятий по организованному набору рабочих в колхозах и среди единоличников»⁶⁴. Руководители колхозов продолжали препятствовать работе НКТ. В июле НКТ потребовал, чтобы колхозы и совхозы предоставили данные по сельскому населению. Во многих регионах, включая Центрально-Черноземную область, это требование полностью проигнорировали⁶⁵. В колхозах Ленинградской области отказались выделить крестьян для работы в лесной промышленности, где ощущалась острая нехватка сезонных рабочих и лесорубов. Руководители лесопилок ожидали прибытия 1400 крестьян, но никто не появился. Один из колхозных профсоюзов установил следующие ограничения на сезонные работы: покинуть колхоз могли не более 25 % работников-мужчин, у женщин и вовсе не было такой возможности, крестьяне могли быть отпущены только в начале сенокоса и только на работу в своем районе⁶⁶. Вербовка крестьян, в особенности для сезонных работ, шла не так, как планировалось. Судя по отчетам, потребности экономики не обеспечивались, даже несмотря на то, что рынок труда не был достаточно «свободным». Крупные промышленные предприятия, заводы, стройки и колхозы ожесточенно боролись за каждого работника, пытались удержать их с помощью различных обещаний, поощрений, уговоров и репрессивных мер.

Тем временем, осознав, что управления кадрами с поставленными задачами не справляются, а вербовка крестьян значительно затруднена, НКТ начал требовать, чтобы предприятия более актив-

---

⁶⁴ Панфилова. С. 12–50. Включая сведения о вербовке среди крестьян.

⁶⁵ Орлова С. Надо наилучшим образом наладить учет трудовых ресурсов // НТФ. 1931. № 34. С. 5.

⁶⁶ Как не надо организовывать отходничество // НТФ. 1931. № 34. С. 5.

но занимались вербовкой женщин⁶⁷. В начале осени НКТ поручил хозяйственникам использовать систему жилищных кооперативов, заведовавших большей частью жилого фонда, в целях поиска и мобилизации женщин для работы на предприятиях. Взамен предприятие обещало выделять кооперативам средства, материалы и оборудование с тем, чтобы те могли построить детские сады, столовые, прачечные, организовать другие бытовые службы для помощи тем домохозяйкам, кто решится пойти на работу. НКТ направил соответствующие инструкции в кооперативы, профсоюзы и местные отделы труда, призывая заключать договоры немедленно. В инструкциях было сказано, что «вопрос обеспечения промышленности рабочей силой стоит настолько остро, что хозяйственные организации принуждены искать свободную рабочую силу за несколько тысяч километров от промышленных предприятий, в то время как в городах имеются довольно значительные кадры неиспользованной рабочей силы — это члены семей трудящихся, занятые домашним хозяйством». Памятуя о снижении реальной зарплаты, НКТ добавил, что трудоустройство женщин повысит доход рабочей семьи⁶⁸. В августе НКТ издал постановление, в котором констатировалось, что «выполнение постановлений III Сессии ЦИК СССР о вовлечении 1,6 млн женщин в производство проходит недопустимо слабо». План внедрения женского труда по отдельным отраслям промышленности еще не был составлен. Не было отчетов, позволяющих удостовериться, что директивы выполняются. НКТ предложил отделам труда назначить специальных сотрудников, ответственных за привлечение женщин на предприятия⁶⁹. НКТ, ВСНХ, ВЦСПС и ЖАКТы составили циркуляр, осуждающий местные органы за бездействие в деле привлечения женщин в промышленность. Чтобы привлечь к работе домохозяек, жилищным кооперативам позволялось заключать договоры напрямую с местными предприятиями — в обход местных отделов труда и управлений кадрами. Предприятия должны были информировать кооперативы о своих потребностях в рабочей силе, а кооперативы, в свою очередь, были обязаны завербовать необходимое количество домохозяек. Каждый жилищный

---

⁶⁷ Трубник. 1 600 000 женщин в производство к концу 1931 г. // НТФ. 1931. № 28. С. 8.

⁶⁸ Наркомтруд СССР, ВСНХ СССР, ВЦСПС, Центрожилсоюз // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 687. Л. 249–249 об. Типовой договор между заводуправлением и правлением ЖАКТа // Там же. Л. 243.

⁶⁹ Постановление коллегии НКТ СССР о внедрении женщин в производство // ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 363. Л. 21.

кооператив мог поддерживать связь с несколькими предприятиями, он брал на себя ответственность за обеспечение их женской рабочей силой⁷⁰. Планы НКТ снова оказались невыполнимыми: по договору руководители предприятий были обязаны выделять средства на организацию детских садов и других бытовых служб, но многие отказывались это делать. Не получая компенсации за труды, жилищные кооперативы не прилагали усилий к вербовке женщин. Было подписано лишь считанное число договоров и, согласно мнению одного из исследователей, женщины продолжали приходить на предприятия большей частью самотеком⁷¹.

Сообщения об организационном хаосе, несогласованности действий, межведомственных конфликтах продолжали поступать. В сентябре на совещании массового сектора при ВЦСПС представитель Центрожилсоюза пожаловался, что никто, кроме представителей жилкооперативов, ничего не предпринимает для вербовки женщин. Выполнение намеченных показателей «идет весьма плохо». Жилкооперативам удалось завербовать 5000 женщин на Урале, но НКТ не оказывал им помощь. В Казани жилищные кооперативы завербовали 200 домохозяек, о них сообщили в отдел труда, но последний ответил: «Сейчас не нужны, когда будет спрос, тогда их возьмем». Представитель НКТ от имени организации принесла извинения за промах в Казани, указав, что следовало предварительно уведомить отдел труда о вербовочной кампании. Очевидно, это был организационный просчет на местном уровне. Другой докладчик отметил, что казанский инцидент типичен, такое происходит по всей стране. Некоторые партийные деятели, явно не знакомые с предыдущими постановлениями, спрашивали, действительно ли жилищные кооперативы должны заниматься вербовкой женщин⁷². Каждой попытке привлечь женщин к работе на промышленном предприятии мешали организационные проблемы, несогласованность действий, отсутствие мотивации. В конце сентября ВЦСПС рассмотрел результаты вербовочной кампании. Представитель массового сектора при ВЦСПС Сафина проанализировала отчеты из регионов. Опираясь на полученную информацию, она пришла к выводу, что за редким исключением профсоюзы не сделали ничего для популяризации решений Всесоюзного

---

⁷⁰ Всем органам труда // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 140–141.

⁷¹ Б-н И. Женщину — на производство // На фронте индустриализации. 1932. № 5–6. С. 7–8.

⁷² Массовый сектор при ВЦСПС. Стенограммы совещаний о внедрении женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 40–54.

съезда по работе среди женщин, проходившего в феврале. «Нет системы и плановости, — писала она. — Работа идет самотеком»⁷³.

«Свободный» рынок или плановое распределение?

В период первой пятилетки партия была вынуждена отойти от своей приверженности политике «недопущения» и отреагировать на масштабный дефицит рабочей силы. Эти годы были отмечены существованием болезненных противоречий: безработица сопровождалась дефицитом кадров; реализовалась политика недопущения «нежелательных элементов» на промышленные предприятия и в то же самое время проводились вербовочные кампании; одновременно царили жесткий контроль и организационный хаос. Вплоть до октября 1930 г. партийное руководство придерживалось старых представлений о структуре рабочего класса. Партия всеми силами старалась защитить привилегии промышленных рабочих, опасаясь проникновения в рабочие ряды «непролетарских элементов»; для партийной политики тех лет была характерна низкая оценка неквалифицированной рабочей силы, неприятие женского труда. Это снижало способность партии гибко реагировать на вызовы, которые предъявляла бурно развивавшаяся экономика. Опасаясь, что вследствие изменений в составе рабочего класса ВКП(б) лишится поддержки со стороны рабочих, партийные руководители не решались отказаться от контроля «чистоты рядов». Недоверие к крестьянам было во многом спровоцировано их реакцией на коллективизацию. Шейла Фицпатрик считает, что каждый третий крестьянин из числа тех, кто пришел на производство в годы первой пятилетки, пострадал от раскулачивания. Эти люди сохранили «горькие чувства» по отношению к советской власти, партия считала их «новым классом скрытых врагов». По словам Фицпатрик, «великий исход крестьян в город <...> был воплотившимся в жизнь параноидальным кошмаром»⁷⁴.

В октябре 1930 г. партия объявила, что с безработицей покончено бесповоротно, и что промышленность страдает от дефицита рабочих рук, тем самым способствуя крушению устаревшей трудовой политики. Однако к тому времени социальный состав рабочих начал

---

⁷³ Материалы по внедрению женского труда в производство. Дополнения к отчету НКТ об итогах внедрения в производство женского труда // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 363. Л. 18.

⁷⁴ Fitzpatrick Sh. The Great Departure: Rural–Urban Migration in the Soviet Union, 1929–33 // Social Dimensions of Soviet Industrialization / W. Rosenberg, L. Siegelbaum (eds.) Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1993. P. 34.

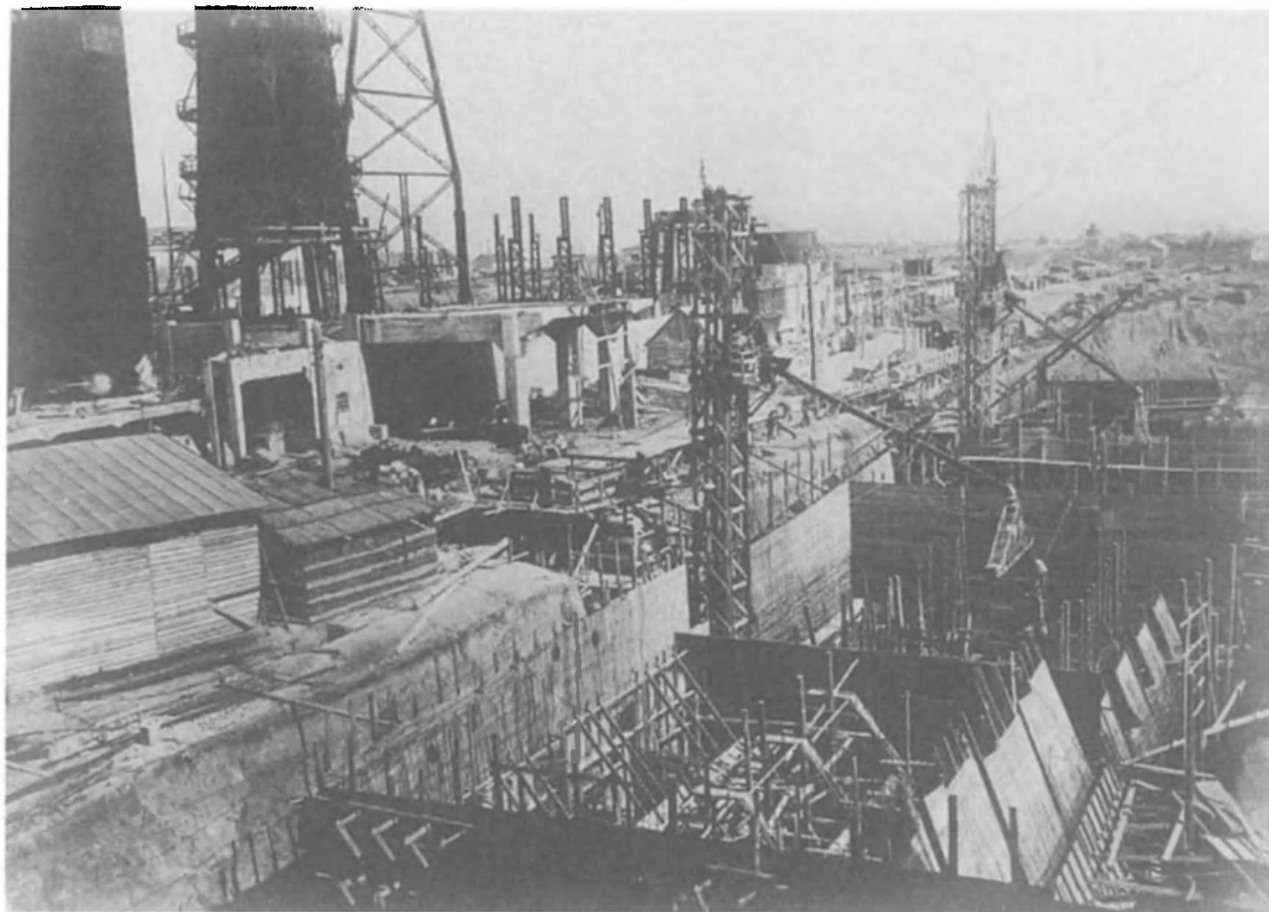
существенно меняться, поскольку в ряды рабочего класса вступали миллионы новых работников. Трудовая политика должна была способствовать поддержанию и развитию этого процесса, но на практике его не направляла и не контролировала. К тому моменту, когда партия начала вербовочную кампанию среди женщин, рынок труда освободился от прежних ограничений, однако ситуация на рынке труда была близка к анархии. Организованная сверху кампания по вербовке женщин (через жилкооперативы) и крестьян (через колхозы) столкнулась с многочисленными препятствиями. Кроме того, эта кампания не могла удовлетворить огромный спрос на промышленную рабочую силу. Несмотря на то что партийные руководители пытались адаптировать трудовую политику к новым условиям, их запоздалые усилия были малоэффективны. В ноябре 1930 г. партия сочла городских женщин основным трудовым резервом не только по экономическим причинам, но и потому, что опасалась «ненадежного» крестьянства. Партийные руководители и плановики неоднократно обсуждали необходимость поддерживать пролетарский состав городского населения и перекрыть поток крестьян, миллионами прибывающих в города.

Еще одним неожиданным следствием индустриализации стал значительный рост спроса промышленности на неквалифицированную и малоквалифицированную рабочую силу; плановики и партийные руководители поздно обратили внимание на этот факт. В отсутствие помощи со стороны НКТ руководителям промышленных предприятий пришлось самостоятельно нанимать тысячи неквалифицированных работников и обеспечивать им возможность профподготовки. Несмотря на то что предпочтение при найме отдавалось квалифицированным мужчинам, опасения, что биржи труда будут постоянно заполнены неквалифицированными безработными женщинами, не оправдались. Партийные лидеры и плановики исходили из устаревших представлений об экономике, поэтому не в полной мере осознали преобразующую природу промышленной революции, которую сами же начали. Они продолжали утверждать, что промышленность не нуждается в неквалифицированной рабочей силе, невзирая на то, что сотни тысяч людей находили работу. Новая рабочая сила была сосредоточена на крупных строительных объектах, лесозаготовках, заводах, верфях, железных дорогах, это была основа советского рабочего класса. Своим рождением советский рабочий класс обязан масштабным и практически не контролируемым властью процессам, происходившим в обществе в период коллективизации и индустриализации.

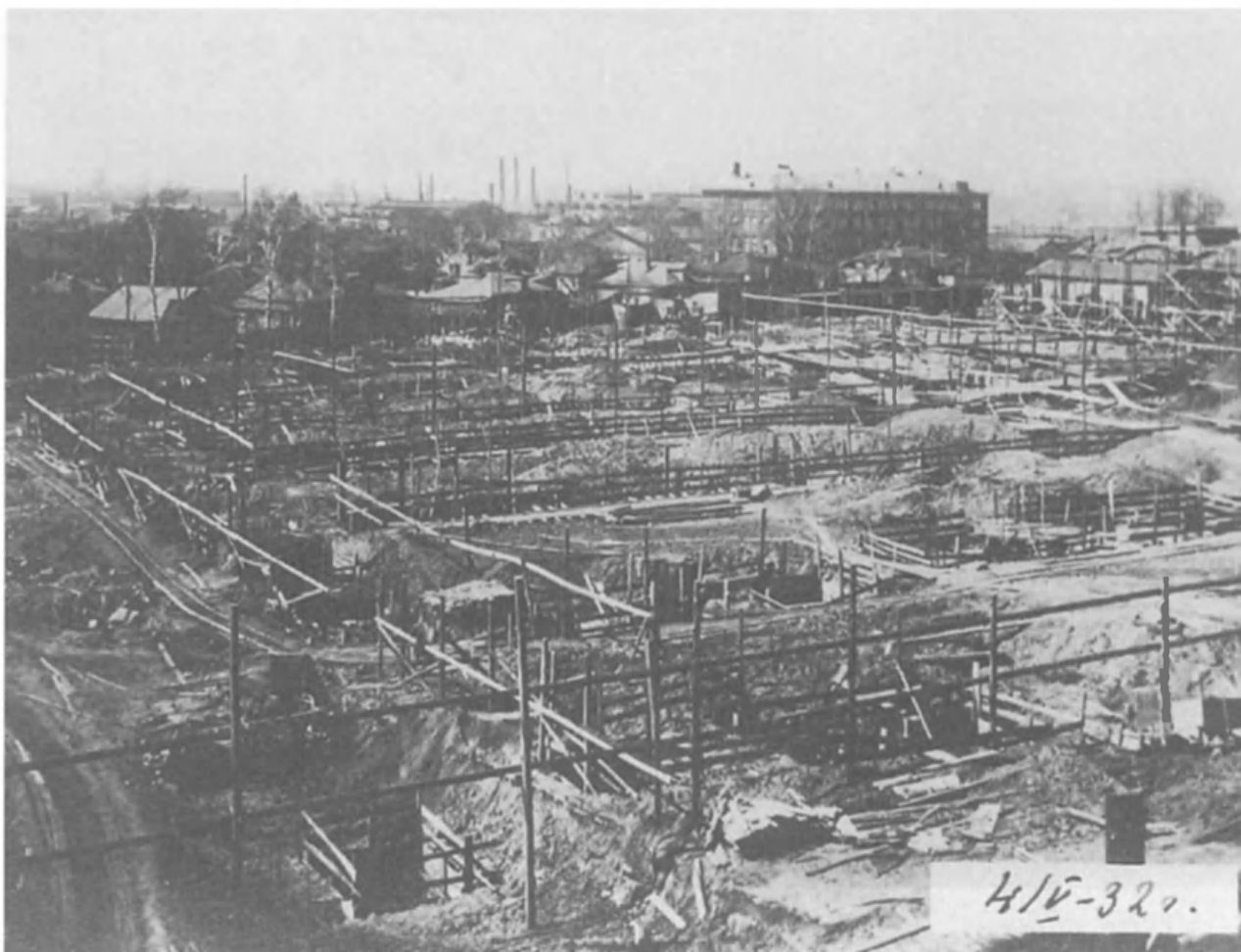

На деревенской сходке объявлен набор рабочих для Магнитостроя. 1931 г.

Строительство бункеров для руды и кокса доменной печи металлургического комбината «Азовсталь». Украина, Мариуполь. 1932 г.

Стройплощадка на территории одного из крупнейших московских металлургических заводов «Серп и молот». 1932 г.

ГЛАВА 5. ПЯТИЛЕТКА ДЛЯ ЖЕНЩИН: ПЛАНИРОВАНИЕ СВЕРХУ, ВСТРЕЧНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ СНИЗУ

Выполнение плана на 1931 г. и последующие годы потребует ряда маневров с рабочей силой: часть мужчин придется снимать с работы и ставить на их место женщин, а мужчин, после предварительной переподготовки — еще когда они работают на прежнем месте — направлять на другую работу, вредную для женского организма.

С. Гиммельфарб, специалист по трудовой политике¹

Летом 1930 г., в то время как сотни тысяч женщин и крестьян начали проникать сквозь пока еще едва приоткрытые двери в цеха промышленных предприятий, плановики отложили реализацию ряда программ по внедрению женского труда. Эти программы многократно перерабатывались, в итоге появился документ, озаглавленный «Пятилетний план женского труда». Этот документ никогда не был опубликован и открыто не обсуждался. Окончательная его редакция являлась результатом проходивших весной и летом 1930 г. многочисленных совещаний НКТ, Госплана, КУТБ и других наркоматов. Это план был подготовлен на основе скрупулезной оценки состояния советской промышленности в 1930 г. С учетом рационализации производства и механизации различных отраслей были определены контрольные показатели внедрения женского труда по отраслям промышленности и составлены планы профподготовки.

Пятилетний план женского труда хранится в Государственном архиве Российской Федерации, его анализ впервые представлен

---

¹ Гиммельфарб С. Ликвидация безработицы в СССР и проблема кадров // Проблемы экономики. 1931. №№ 4–5. С. 45.

в данной главе. Несмотря на то что этот документ оказал серьезное влияние на формирование советского рабочего класса, далеко не все историки осведомлены о его существовании. Соломон Шварц кратко упоминает о нем в своей книге «Труд в Советском Союзе» (*Labor in the Soviet Union*), однако он не имел возможности ознакомиться с документом. Шварц отмечает, что краткое изложение документа было дано одним из его авторов, Е. Бронштейном только после Второй мировой войны².

Этот план не ставил целью расширить возможности трудоустройства для женщин или восполнить дефицит рабочих рук за счет женской рабочей силы, была поставлена задача в срочном порядке внедрить женский труд в определенных отраслях. По сути, указом сверху все рабочие места разделялись по половому признаку. Таким образом, появилась возможность для значительных групп женщин занять рабочие места, свободные вследствие дефицита мужских рабочих рук или созданные в ходе индустриализации. План был основан на идее интеграции рабочей силы путем гендерной сегрегации. Казалось бы, парадокс, но это способствовало увеличению общей доли женского труда в промышленности, несмотря на определенные ограничения связанные с особенностями распределения женской рабочей силы. Были пересмотрены критерии границы между мужским и женским трудом, но сама граница продолжала существовать.

Решение плановиков осуществить интеграцию через сегрегацию было поддержано некоторыми женскими активистками. Глава Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок Баранова и видный член НКТ Серина настаивали на участии женщин в выполнении пятилетнего плана. Им была близка стратегия, направленная на вовлечение большого количества женщин к работе на производстве. В плане также рекомендовалось создавать женские бригады на заводах и определять, какие виды работ подходят для женщин. Этот вид «мелкого планирования», которым должны были заниматься женские бригады, на местном заводском уровне воспроизводил утвержденную сверху стратегию гендерной сегрегации. Заводские активисты занимались «контрпланированием», требуя, чтобы руководители предприятий дали возможность женщинам занимать определенные вакансии. Несмотря на то что до реализации «Пятилетнего плана женского труда» дело так и не дошло, он стал основой ряда важных постановлений, а также определил дальнейшую политику

---

² Shwarz S. *Labor in the Soviet Union*. New York: Praeger, 1951. P. 69–71.

партии в отношении женского труда. Важно отметить, что сочетание этих двух процессов — крупного и мелкого планирования — оказало значительное влияние на формирование советского рабочего класса. Многие принципы гендерной сегрегации, определенные в 1930 г., действуют и по сей день. Работа в службе быта, продавщицей, штукатурщицей, вагоновожатой, работа в женской заводской бригаде, множество других «женских» профессий обязаны своим появлением пятилетнему плану женского труда.

Борьба за участие женщин в выполнении первого пятилетнего плана

Женский актив профсоюзов, НКТ и партия были недовольны тем, что попытка включить пункт об участии женщин в общий пятилетний план в самом начале работы над ним в 1928 г. потерпела неудачу. Они полагали, что привлечение женщин на промышленные предприятия окажет серьезное влияние на прогнозируемый рост численности рабочей силы. Их недовольство усилилось, когда выяснилось, что плановики уделяют максимальное внимание развитию тяжелой промышленности, которая всегда считалась «мужской» отраслью. Первоначально и специалисты по труду, и женский актив критиковали пятилетний план за то, что во главу угла поставлено развитие тяжелой промышленности. Аналитик женского труда Маршева с беспокойством отмечала, что чрезмерные инвестиции в этот сектор экономики еще сильнее снизят долю женской рабочей силы на производстве. Она утверждала, что стабильная позиция женского труда возможна только при условии развития всех отраслей советской индустрии³. Другие экономисты опасались, что предложение Госплана установить зависимость уровня оплаты труда от его производительности негативно скажется на трудящихся женщинах, поскольку доля женской рабочей силы выше всего в отсталых, малопродуктивных отраслях. Если вследствие дифференциации оплаты труда снизятся заработки работников легкой промышленности, то отставание женщин от мужчин в заработной плате увеличится. Экономисты утверждали, что инвестиции должны быть перераспределены, а приоритеты скорректированы таким образом, чтобы индустриализация принесла пользу всем работникам в равной степени. Некоторые плановики высказывали мнение, что дополнительный доход, полученный в резуль-

---

³ Маршева Б. Проблема женского труда в современных условиях // ВТ. 1929. № 2. С. 40.

тате роста производительности труда, должен распределяться между всеми рабочими, а не передаваться лишь квалифицированным рабочим приоритетных отраслей⁴. В 1930 г. Баранова гневно отметила на заседании, что «...в общей пятилетке о женском труде не говорится ни слова». «Когда мы это заметили, было уже поздно, контрольные цифры были составлены», — пояснила она⁵. Очевидно, женский актив надеялся на включение женщин в пятилетку с 1928 г. Прошло два года, но ничего сделано не было.

Впрочем, государство сделало некоторые предварительные шаги в этом направлении. В марте 1929 г. постановлением СНК СССР Наркомату труда было поручено проработать вопросы женского труда и быта в разрезе пятилетнего плана⁶. НКТ, однако, не справился с этим заданием. В ноябре 1929 г. состоялось заседание межведомственной комиссии по проработке пятилетнего плана по женскому труду. На заседании присутствовали: Бронштейн (Госплан), известный специалист по женскому труду Маршева (НКТ), представители ВЦСПС, ВСНХ, Наркомата земледелия и Наркомата путей сообщения. Вскоре они пришли к выводу, что им необходимо больше информации, и обратились к ВСНХ и Наркомату путей сообщения с просьбой предоставить отчеты об уровне квалификации среди женщин-работниц и возможности профподготовки женщин. ВСНХ также должен был в кратчайший срок отчитаться о перспективах увеличения количества трудящихся женщин в металлургической и энергетической промышленности. Все входящие в ВЦСПС профсоюзы должны были подготовить аналогичные отчеты о перспективах женского труда в каждой отрасли. Менее чем через две недели состоялось еще одно заседание комиссии, на котором были рассмотрены отчеты ВСНХ и Наркомата путей сообщения, но никакой информации от профсоюзов получено не было. Очевидно, из-за того, что нужные данные собрать не удалось, комиссия оставила свои непродолжительные попытки заняться пятилетним планом по женскому труду⁷.

---

⁴ Винник В. О планировании заработной платы // ВТ. 1929. № 1. С. 49–50; Булкин Ф. Ленинградские союзы и заработная плата в пятилетке // Труд. 14 октября 1928.

⁵ Протокол № 15 заседания Президиума Комитета ВЦИК по улучшению труда и быта работниц и крестьянок // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 270.

⁶ Совет труда и обороны, Государственная плановая комиссия. Госплан СССР в СНК СССР // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 20.

⁷ См.: Протокол № 1 заседания Межведомственной комиссии по проработке пятилетнего плана по женскому труду и Протокол № 2 заседания Межведомственной комиссии по составлению пятилетнего плана по жен-

В то время, когда межведомственная комиссия обсуждала пятилетний план по женскому труду, НКТ РСФСР решил составить план по женскому труду для РСФСР. Почти два месяца спустя, в январе 1930 г. КУТБ отправил запрос в НКТ, пытаясь узнать, как обстоят дела. Нарком труда РСФСР Романов ответил, что «без материалов Наркомпроса невозможно составить плана по женскому труду в органах просвещения»⁸. И снова разработка плана увязла в бюрократическом болоте. Прошел еще месяц, затем нарком труда СССР Угланов сообщил в Госплан, что «необходимые материалы для разработки пятилетнего плана по женскому труду в НКТ своевременно не могли быть предоставлены». Он попросил Госплан дать ему отсрочку до апреля⁹. Пятнадцать дней спустя, в конце февраля представители Госплана Бронштейн и Шмидт с возмущением сообщили в СНК, что НКТ было предоставлено достаточно времени: Наркомат должен был закончить разработку плана по женскому труду год назад, в марте 1929 г., но до сих пор ничего не сделано. Предельный срок был продлен до 1 марта 1930 г., а НКТ требует еще одну отсрочку, до апреля. Несмотря на «значительную помощь» со стороны Госплана, НКТ не выполнил работу. Бронштейн и Шмидт известили СНК, что «Госплан считает невозможным предоставление НК Трудом СССР длительной отсрочки для выполнения вышеуказанного задания правительства и просит обязать НК Труд СССР представлением доклада в правительство не позже 15 марта»¹⁰. 15 марта план готов не был. Ближе к концу месяца, смирившись с неизбежностью, ЦИК проголосовал за предоставление отсрочки до середины апреля¹¹. И снова указанные сроки прошли, а план все еще не был подготовлен.

Наконец 3 мая 1930 г. президиум Госплана СССР собрался, чтобы заслушать представленный Бронштейном (Госплан) и Шварцем (НКТ) доклад, озаглавленный «Перспективы женского труда».

скому труду // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 7–5, 15. Пагинация дела обратная.

⁸ Справка по вопросу о проработке пятилетнего плана по женскому труду // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 16; ЦИК СССР, КУТБ, Шишковой // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 17.

⁹ Народный комиссариат труда СССР в Госплан СССР // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 19.

¹⁰ Совет труда и обороны, Государственная плановая комиссия. Госплан СССР в СНК СССР. О пятилетнем плане женского труда // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 20.

¹¹ Протокол № 34 заседания секретариата ЦИК СССР // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 21.

Бóльшая часть работы по подготовке документа была проведена Госпланом. Президиум документ одобрил. Вскоре с «Перспективами женского труда» были ознакомлены профсоюзы, Институт охраны труда, ВСНХ, Центросоюз, различные наркоматы и КУТБ¹². Несмотря на то что план разрабатывался более года, он оказался на удивление расплывчатым. Плановикам не хватало данных, они не были уверены в том, какое влияние на тот момент оказал на женскую рабочую силу общий пятилетний план. Документ был поверхностным и, возможно, это было отражением нежелания плановиков им заниматься.

«Перспективы женского труда»

«Перспективы женского труда» — первый документ по планированию, посвященный женщинам-работницам. Он не ставил своей задачей восполнить общий дефицит рабочих рук или удовлетворить потребности в рабочей силе конкретных отраслей¹³. Плановики объясняли необходимость привлечения женщин на производство «политическими», а не «экономическими» причинами, похоже, их не волновала проблема дефицита трудовых ресурсов. В октябре 1929 г. общая доля женщин среди безработных достигла политически неудобной величины: 684 670 человек, или 55 % всех безработных¹⁴. Многие женские активистки считали, что экономический рост, связанный с выполнением первого пятилетнего плана никак не отразился на женщинах. «Перспективы женского труда» должны были не только помочь женщинам в трудоустройстве, но и унять возникшее недовольство. Изучив роль женщин в экономике, Госплан заявил, что городские женщины представляют собой значительный трудовой резерв. Тем не менее плановики признали, что многие промышленные отрасли, например, машиностроение, горное дело, металлургия, кожевенное и меховое производства «для женщин остаются недоступными или малодоступными». Госплан придерживался распространенного мнения, что «одной из причин малого удельного веса женщин среди работающих в СССР является некультурность женщин и низкий квалификационный уровень». На критику со стороны женских активистов Госплан ответил: если женщины хотят, чтобы их

---

¹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 40.

¹³ Перспективы женского труда // ГА РФ. Ф. 6983. Оп.1. Д. 159. Л. 322–336. Также см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 38–33. Пагинация дела обратная.

¹⁴ Маршева Б. Вопросы женского труда // Охрана труда. 1930. № 3. С. 2.

доля в составе рабочей силы не снижалась, им следует искать работу в традиционно «мужских» отраслях, развитие которых будет стимулироваться государством.

В план были включены и подробные таблицы, где указывались прогнозируемая доля участия женщин-работниц и предполагаемое число трудящихся женщин в каждой отрасли. Например, к концу 1932 г. в промышленности должно было быть занято 1 400 000 женщин (33,5 % промышленных рабочих). Более поздняя статистика показала, что эти цифры были заниженными, однако что касалось процентного соотношения план был близок к реальности. В январе 1933 г. в промышленности было занято 2 200 000 женщин, что составляло 34,5 % занятых в промышленности. Плановики делали основной упор на внедрение квалифицированного женского труда в тяжелой индустрии и призывали к удвоению доли женщин в тяжелой промышленности с 10,3 до 20, 2 %. Несмотря на то что отмечался рост спроса на рабочую силу и в легкой промышленности, увеличение общей доли женщин предполагалось в основном за счет внедрения женского труда в тяжелой промышленности, в частности, металлургии. План ратовал за более широкое вовлечение женщин в сельское хозяйство с трудоустройством на квалифицированные и полуквалифицированные рабочие места, например, предлагалось принять на работу 6000 трактористок. Поскольку механизация, автоматизация, восстановление разрушенной промышленности открыли новые возможности для женщин, плановики рекомендовали увеличить число трудящихся женщин в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве, транспорте, органах управления и торговле, иными словами — во всех отраслях экономики. По мнению плановиков, «анализ развития народного хозяйства и его реконструктивных процессов» давал возможность «запроектировать значительные сдвиги в области применения женского труда»¹⁵.

Намеченные Госпланом контрольные цифры женского труда в различных отраслях были основаны на базовых представлениях о потребностях экономики и квалификации женщин; не обошлось и без сугубо мужской предвзятости. Наименее четкое представление Госплан имел, по-видимому, о потребностях экономики. В документе указано на необходимость «оговорить ориентировочность этих рас-

---

¹⁵ Перспективы женского труда // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 323, 331. См. также: Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. С. 25.

четов», поскольку они основаны на расчетах ВСНХ, которые были проделаны «довольно грубо» и не доведены до конца. Авторы плана не были чужды мужских предрассудков, так, они с неохотой говорили о внедрении женского труда в определенных отраслях, например на железнодорожном и водном транспорте, апеллируя к тому, что «по установленной традиции женский труд мало применяется на железнодорожном транспорте, и почти совсем не применяется на водном». Дело было не столько в физиологических различиях между мужчиной и женщиной, а скорее в нежелании плановиков бороться с укоренившимися представлениями о женщине. Они признавали, что женщины физически слабее мужчин, но это не помешало им запланировать для женщин высокие контрольные показатели по специальностям «грузчик в наземном транспорте», «наземный рабочий в горном деле» и «сельскохозяйственный рабочий», хотя для всех этих специальностей характерен тяжелый физический труд¹⁶.

Важно то, что этот документ впервые предлагал использование женского труда в определенных отраслях, сделав по указанию сверху целые секторы экономики «женскими». Хотя документ и начинался ленинской цитатой об освобождении женщин, плановики не собирались предоставлять женщинам равные возможности, скорее они их расширяли путем перераспределения рабочих мест по половому признаку. Их не беспокоила проблема гендерной сегрегации, они не собирались обеспечивать женщинам равные возможности в рамках каждой отрасли. Напротив, плановики полагали, что внедрение женского труда будет наиболее эффективно при резервировании для женщин определенных специальностей и отраслей. Они оправдывали эту стратегию предполагаемым повышением производительности труда, рекомендуя переводить мужчин в тяжелую промышленность со специальностей, не связанных с тяжелым физическим трудом. Служащих, работников служб быта, секретарей, бухгалтеров, кондукторов предлагалось направить на работу в «мужских» отраслях. Службы быта, служба связи, торговля, органы управления должны были быть практически полностью укомплектованы женщинами.

Определив сферы экономики, «наиболее подходящие» для женщин, Госплан решил установить квоты для женщин на профподготовку. Треть всех мест на курсах профподготовки должна была быть зарезервирована для женщин. И здесь идея равных возможностей

---

¹⁶Перспективы женского труда // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 325–326.

была заменена стремлением к быстрому внедрению женского труда. Несмотря на то что система квот была создана для обеспечения участия женщин в промышленном производстве и повышения их доли среди квалифицированных рабочих, она не всегда работала в их интересах. Женщины составляли лишь 5 % высококвалифицированных специалистов, например, инженеров, но Госплан не видел возможности значительного роста женского участия в этих профессиях. Плановики предполагали, что инженеров и других специалистов нужно готовить из квалифицированных рабочих, а это в подавляющем большинстве были мужчины.

В документе также был намечен ориентировочный план развития служб быта, направленный на освобождение женщин от домашней работы, приготовления пищи и ухода за ребенком. Проект по организации общественных столовых был грандиозным. По прогнозам Госплана, к концу пятилетки половина городского населения должна была полностью перейти на питание в общественных столовых. Кухни и домашнее питание объявили устаревшими. Нарпит должен был взять на себя весь процесс приготовления пищи и снабжать горячим питанием школы, заводы и предприятия. Предполагалось, что это резко снизит спрос на продукты питания в розничной торговле, тем самым трансформировав всю продуктовую торгово-распределительную сеть. Ожидалось, что число неработающих домохозяек снизится на 15 %, несмотря на значительный прирост городского населения¹⁷.

15 мая 1930 г. Госплан представил тезисы доклада о перспективах женского труда в Комитет по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при ВЦИК. КУТБ был одной из немногих организаций, занимавшихся проблемами женщин после ликвидации женотдела. Многие активистки женотдела нашли свое место в этой организации, ее представители были самыми активными и последовательными сторонниками участия женщин в реализации плана развития народного хозяйства СССР. Представители КУТБ с одобрением отметили, что доклад Госплана дает «основные установки развертывания работы по расширению женского труда». Однако был высказан ряд замечаний. Так, было отмечено, что необходимо представить дополнительную информацию о женщинах, работающих в промышленности и сельском хозяйстве. Говорилось, что хозяйственники и должностные лица уже давно игнорируют женщин, и что план не может быть успешно выполнен без широкой поддержки среди рабочих и создания

---

¹⁷ Перспективы женского труда // ГА РФ. Ф. 6983. Оп.1. Д. 159. Л. 322–328.

действенных механизмов для обеспечения его выполнения¹⁸. Несмотря на эти предостережения, члены КУТБ единогласно проголосовали за принятие плана, подчеркнув, что его составление является «фактом огромной важности для развития дела внедрения женского труда в народное хозяйство». Была организована комиссия для доработки плана и подготовки окончательного варианта, который должен был быть утвержден СНК. КУТБ отметил, что план разрабатывался слишком медленно и подчеркнула, что равнодушное отношение к трудящейся женщине имеет место как на государственном, так и на местном уровне. Опасаясь, что план могут проигнорировать, КУТБ обратился к СНК с просьбой проинструктировать местные органы относительно внедрения женского труда в промышленность, а также предоставить КУТБ полномочия для контроля над выполнением плана¹⁹. Вовлечение женщин в промышленность, несомненно, было для КУТБ приоритетной задачей.

24 июня глава КУТБ Баранова направила в ЦИК проект об усилении работы в отношении работниц и крестьянок, в котором говорилось об отсутствии прогресса в работе над планом по женскому труду. Баранова была разочарована кажущейся неспособностью государства воплотить план в жизнь. Ее возмущал «медленный темп разработки пятилетнего плана развития женского труда как центральными, так и особенно местными органами ВСНХ, НКТ и плановыми комиссиями, крайнее отставание от действительных потребностей переподготовки и подготовки из женщин квалифицированной рабочей силы <...>, недостаточно внимательное, а нередко формальное отношение к делу выдвижения работниц и крестьянок на руководящую работу <...>, значительное отставание культурно-бытовой работы и строительства нового социалистического быта». Баранова предупреждала, что «косность» в решении проблемы женского труда «таит в себе серьезную угрозу успехам социалистического строительства». Она требовала «коренного перелома в работе наркоматов и других центральных органов по вовлечению женщин в социалистическое строительство». По ее мнению, «основной при-

---

¹⁸ Предложения Комитета по улучшению труда и быта женщин при ЦИК Союза ССР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 321, 314, 315.

¹⁹ В СНК СССР, Госплан СССР, НКТ СССР // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 69; Протокол заседания комиссии по проработке проекта предложений Госплана и НК Труда СССР о перспективах применения женского труда // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 941. Л. 64.

чиной этих недочетов является недооценка роли трудящихся женщин, составляющих половину трудового населения Союза ССР»²⁰.

И снова КУТБ постигло серьезное разочарование: ЦИК не принял мер по ускорению работы над внедрением плана, более того, на следующий день СНК отклонил проект Госплана. 25 июня на заседании под председательством представителя ЦК Рязанова СНК пересмотрел проект. Рязанов объявил его «неудовлетворительным» и «необоснованным». Представители Госплана и НКТ протестовали, они утверждали, что план имеет «большое политическое значение». Даже если он экономически неэффективен, его внедрение успокоит женщин-активисток и КУТБ. Однако в конце концов СНК согласился с желанием ЦК направить проект в Госплан и НКТ для пересмотра, уточнения цифр и разработки окончательного варианта, который должен был быть представлен Совету труда и обороны не позднее чем через два месяца²¹. Попытка включить труд женщин в пятилетний план снова потерпела неудачу. Тем не менее КУТБ не сдавался.

3 августа КУТБ направил в СНК запрос с требованием «срочно сообщить о положении дела» с планом по женскому труду. В запросе отмечалось, что с 25 июня «Комитет не имеет данных о дальнейшем продвижении этого вопроса в СНКоме Союза ССР»²². Ответом на этот запрос стало постановление СНК от 14 августа, где было указано, что Госплан и НКТ должны разработать новый план по женскому труду, уделив особое внимание внедрению женского труда в 1930–1931 гг.²³ Несмотря на то что 1930 г. уже близился к завершению, план снова оказался на стадии разработки.

Пятилетний план внедрения женского труда в народное хозяйство РСФСР

В то время как Госплан и НКТ пытались составить всесоюзный план по женскому труду, плановики НКТ РСФСР занимались проектом «Пятилетнего плана внедрения женского труда в народное

---

²⁰ Проект постановления Президиума Центрального ИК Союза ССР. Об усилении работы наркоматов, кооперативных центров и других центральных учреждений в отношении работниц и крестьянок // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 268–269.

²¹ Протокол № 36/374 (по СНК). Заседание СНК СССР // ГА РФ. Ф. 3361. Оп. 22. Д. 941. Л. 71; Справка к заседанию ЦК // ГА РФ. Ф. 3361. Оп. 22, Д. 941. Л. 73.

²² В управление делами СНКоме Союза ССР // ГА РФ. Ф. 3361. Оп. 22. Д. 941. Л. 72.

²³ Постановление № 322 // ГА РФ. Ф. 3361. Оп. 22. Д. 941. Л. 74.

хозяйство РСФСР». И хотя эти проекты во многом совпадали, план НКТ был более полным и подробным. Госплан предложил «политическое оправдание» необходимости внедрения женского труда, тогда как НКТ предоставил серьезное экономическое обоснование. Госплан расплывчато говорил о «неизбежных сдвигах» в экономике, НКТ впервые отметил, что в будущем неизбежна серьезная нехватка рабочей силы²⁴. Основываясь на исследованиях демографов, НКТ предупреждал, что ускорение темпов индустриализации, снижение числа безработных, потери, понесенные в Первой мировой и Гражданской войнах, способствовали сокращению трудовых ресурсов. НКТ сообщил, что «второе пятилетие будет иметь резко выраженный замедленный темп прироста трудоспособного населения». Он также утверждал, что вскоре неизбежно возникнет значительный разрыв между спросом на рабочую силу, который по прогнозам должен был вырасти к концу 1932 г. на 50 %, и численностью рабочего класса, ожидаемое увеличение которого составляло лишь 15 %. По мнению НКТ, женщины-работницы могли бы восполнить этот пробел: «Вовлечение женщин в производство — насущнейшая экономическая необходимость, ибо только здесь находится серьезный добавочный, по сравнению с прежним временем и прежними источниками, источник рабочей силы»²⁵.

НКТ также предложил активизировать приобщение к труду городских женщин, предоставив убедительную экономическую аргументацию: более низкие расходы на жилье, образование, муниципальные и социальные службы. Трудоустройство городских женщин — в отличие от крестьян — не создавало дополнительной нагрузки на бюджет. По прогнозам плановиков НКТ, численность необходимой стране постоянной наемной рабочей силы могла составлять от 5 до 6 млн человек. Таким образом, на строительство нового жилья, школ, бань, клубов, прачечных и др. требовалось — по самым консервативным оценкам — минимум 6 000 000 руб. Если бы половина спроса

---

²⁴ Пятилетний план внедрения женского труда в народное хозяйство РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 3–22 об. Документ не имеет датировки, но, поскольку в нем используются статистические данные первого квартала 1930 г., можно предположить, что он был составлен не ранее апреля и не позднее августа 1930 г. В работе «Советские женщины и профсоюзы» (М.: Профиздат, 1984) план датирован началом 1930 г., но более точной датировки нет (С. 44). Более полный вариант этого плана также можно найти в ГА РФ (Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 189–255). Далее цитируется как «Пятилетний план РСФСР».

²⁵ Пятилетний план РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 4 об., 5.

на рабочую силу была удовлетворена за счет городских женщин, правительство могло бы сэкономить «несколько миллионов рублей». По оценкам плановиков НКТ, два миллиона из трех миллионов иждивенцев в составе семей городского рабочего класса могли быть трудоустроены. НКТ недвусмысленно заявил: «Это и должно определить наше отношение к женской пятилетке»²⁶.

НКТ аргументировал свое предпочтение женской рабочей силы с классовой, а не гендерной позиции, сыграв на широко распространенных опасениях, будто наследственный промышленный пролетариат, самая надежная социальная база партии, утонет в крестьянском море. Внедрение женщин в ряды наемных рабочих «пролетаризирует» не только городских женщин, но и города. По мнению плановиков, к концу пятилетки процент городских рабочих-мужчин должен был вырасти незначительно, в то время как процент женщин-работниц должен был практически удвоиться. Таким образом, основной прирост количества рабочих среди городского населения должен был происходить за счет привлечения женщин на производство. Пролетаризация городов могла расширить социальную базу партии и государства. «Вовлечение женщин, — утверждали плановики, — создает базу для того, чтобы в следующее пятилетие сделать город социально однородным — с одной стороны, и с другой — уже на протяжении первой пятилетки город становится местом ковки коммунистических бойцов при понижающемся враждебном влиянии враждебных классов и слоев»²⁷. Их выводы отражают напряженность в партии, ее боязнь изменения состава рабочего класса, растущего крестьянского влияния в городе, в промышленности и в самом рабочем классе. Городские женщины могли послужить необходимой защитой пролетарских рядов от нашествия крестьян. НКТ аргументировал свою позицию с классовой точки зрения, избегая упоминаний о важности борьбы за эмансипацию женщин. Призыв вернуть городам их пролетарский характер явно апеллировал к партии, которая из-за перехода к коллективизации и насильственным хлебозаготовкам находилась в постоянном противостоянии с крестьянством.

Несмотря на то что проект НКТ был более подробным, чем проект Госплана, он все же не полностью решал проблему трудовых ресурсов. Плановики НКТ хоть и обладали наиболее полными статисти-

---

²⁶ Пятилетний план РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 5.

²⁷ Пятилетний план РСФСР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 249. О растущем влиянии крестьян см. также: Hoffman D. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

ческими данным, но все еще считали проблему женской безработицы неразрешимой, полагая, что даже стопроцентное осуществление их проекта не изменит ситуацию. Они утверждали: «С точки зрения баланса женской безработицы и безработицы вообще вовлечение женщин только в промышленность, транспорт и строительство не будет иметь решающего значения в отношении сокращения безработицы»²⁸. НКТ настаивал на том, что существует только два способа решения проблемы женской безработицы: повышение квалификации женщин и создание особых условий для женской рабочей силы. В проект НКТ говорилось о необходимости повышения квалификации женщин во всех отраслях, в том числе тех, где женский труд традиционно был недостаточно хорошо представлен, к примеру, металлургия и машиностроение²⁹. Однако плановики не питали иллюзий относительно достаточности этих мер для обеспечения полноценного внедрения женского труда. Во всех промышленных отраслях, даже в традиционно «мужских», были определены квоты для женщин на обучение и стажировку. Более высокие квоты планировались для получающих квалификацию в «женских» отраслях и записавшихся на курсы краткосрочного обучения. И хотя в тяжелой промышленности квоты были гораздо ниже, чем в текстильной, пищевой и швейной промышленности, все же это был большой шаг вперед³⁰. Самые высокие квоты су-

---

²⁸ Пятилетний план РСФСР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 228.

²⁹ Квалифицированными считались работники, которых было необходимо обучать от полутора до трех лет, низкоквалифицированными — те, кого обучали от трех месяцев до полутора лет. Например, к 1932–1933 гг. в металлургии и машиностроении предполагалось увеличить долю квалифицированного женского труда с 2,2 до 16,1 % и с 1,9 до 12,2 % соответственно. Прогнозируемый рост был значительно выше в пищевой промышленности, где доля квалифицированного женского труда должна была возрасти с 2 до 29,8 %.

³⁰ Пятилетний план РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 9 об. – 10, 10 об. Были определены квоты на обучение в отраслях, оставшихся без внимания в 1930–1931 гг., где женщины были слабо представлены: 16 % в горном деле, 18 % в нефтяной промышленности, 22 % в машиностроении, 15 % в металлургии, 37 % в строительстве, 64 % в производстве воска и парафина. Высокие квоты на обучение были в пищевой (67 %), швейной промышленности и производстве средств гигиены (43 %), в производстве фарфора (68 %), текстильной (37 %) и химико-фармацевтической промышленности (47 %). Квоты на краткосрочное обучение были еще выше: 90 % в текстильной, 85 % в резиновой промышленности, 20 % в машинном производстве, 36 % в лесной промышленности, 16 % в прокатном производстве и 12 % в черной металлургии.

ществовали в отраслях, где преобладал женский труд (текстильная и пищевая промышленность), за ними следовали новые, быстро развивающиеся отрасли, такие как резиновая, химико-фармацевтическая промышленность, машиностроение и горное дело³¹. Увеличение доли квалифицированных работниц в составе рабочего класса — в отличие от простого численного роста — угрожало доминирующему положению на производстве мужчин. Несмотря на то что рост доли участия женщин в рабочей силе должен был сопровождаться увеличением количества рабочих мест, квоты сильно пошатнули представление о том, что квалифицированный труд — исключительно мужская прерогатива, поскольку квоты представляли собой инструмент, посредством которого обеспечивалось представительство женщин в отраслях экономики, ранее для них недоступных³². В случае успеха план НКТ должен был радикально изменить гендерный состав наиболее привилегированного слоя рабочих, обеспечив женщинам доступ к квалифицированным рабочим местам.

Как и всесоюзный проект Госплана, проект НКТ решительно поддерживал стратегию планового перераспределения рабочей силы по гендерному принципу. В проекте было указано, что женщин следует использовать в качестве малоквалифицированной рабочей силы в органах управления, розничной торговле, общественном транспорте, чтобы высвободить мужчин, необходимых в промышленности. В плане подчеркивалось, что женская рабочая сила нужна в строительстве, где на сезонных работах заняты в основном выходцы из деревни. «Всю эту большую программу нельзя будет выполнить без привлечения в значительном масштабе женщин», — говорилось в плане. Проанализировав гендерное распределение рабочей силы, НКТ составил списки рабочих мест, на которых мужчины должны были постепенно заменяться женщинами. В этих списках, занимающих не одну страницу, были перечислены не требующие высокой квалификации должности в органах управления, торговле, а также в сфере услуг: секретари, стенографистки, переписчики, регистраторы, архивариусы, кассиры, конторщики-бухгалтеры, табельщики, заведующие столами личного состава, канцелярские письмоводители, инкассаторы по поручению, заведующие магазинами и складами, контролеры и ревизоры, заведующие столовыми, детскими садами и школами; продавцы в булочных, в гастрономических, винных, кондитерских и табачных отделах,

---

³¹ Пятилетний план РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 10.

³² Там же. Л. 7 об., 8 об., 9.

а также в отделах одежды, обуви, канцтоваров, игрушек, косметики; проводники ж.-д. вагонов, кондукторы трамваев и автобусов, официанты, марочники, гардеробщики, билетеры в театрах, швейцары в учреждениях, киномонтажники, стрелочники трамвая, курьеры, подавальщики в парикмахерских, больничные надзиратели, аптекарские фасовщики, бельевщицы, кубовщицы, судомойки, сиделки-няни, лифтеры, весовщики на ж.-д. и многие другие³³. Впервые плановики не просто предложили ряд специальностей, которые могли бы занять женщины, но определили их как преимущественно женские. Ранее эти рабочие места занимали мужчины, особенно это касалось вакансий в органах управления. В конечном итоге эти профессии стали сферой приложения преимущественно женского труда и остаются таковыми по сей день.

Плановики также понимали, что при трудоустройстве женщин возникает необходимость в детских садах и других службах быта, освобождающих женщин от домашнего труда. Они утверждали, что «бытовое раскрепощение женщины является одной из решающих предпосылок для ее экономического раскрепощения и приобщения к общественно-производительному труду». Однако поддерживая эту точку зрения теоретически, плановики гораздо менее оптимистично относились к ее практической реализации. Их проект в этой области был более расплывчатым, чем в отношении трудоустройства и профобучения. Предполагалось обеспечить трехразовым питанием в общественных столовых 90 % работников, занятых на новых промышленных объектах и 75 % членов их семей, а также 70 % всего городского населения. Эти цифры были близки к тем, которые предложил Госплан. Кроме того, план предусматривал почти десятикратное увеличение количества детских садов: с 76 200 до 723 000; создание более 10 млн комнат матери и ребенка, игровых площадок, а также прачечных, рассчитанных на обслуживание 70 % городского населения.

Эта впечатляющая программа, однако, сопровождалась предостережением. По мнению проектировщиков, указанные цифры должны были удовлетворить спрос, *если* государство обеспечит финансирование. Программа, касающаяся организации быта, была, в отличие от программы по трудоустройству и профобучению, гипотетической, ее разработка была вызвана необходимостью решать социальные про-

---

³³ Пятилетний план РСФСР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 218, 229–230. В США занимающих эти вакансии относят к категории «розовых воротничков», поскольку чаще всего на этих рабочих местах трудятся женщины.

блемы, а не экономической целесообразностью. Плановики НКТ, не питая надежд относительно государственного финансирования подобных инициатив, осторожно отмечали: «В настоящее время максимум средств нужно бросить на индустриализацию, на развитие тракторов, комбайнов, сеялок и т. д., способствующих социальной перестройке деревни. Нельзя бросать на осуществление обобществления быта больше определенного минимума средств». Они отдавали себе отчет в том, что при использовании женского труда на производстве «минимум должен быть настолько значительным, чтобы обеспечить выполнение женской пятилетки», но также они понимали, что ресурсы ограничены, а социализация быта не является одним из приоритетов государства³⁴. Основной целью пятилетнего плана внедрения женского труда было удовлетворение спроса на рабочую силу в индустрии, а не эмансипация женщин. Четко проявлявшаяся на протяжении 1920-х гг. принципиальная приверженность идее женской эмансипации, довольно слабо была отражена в проекте Госплана, а в проекте НКТ она отсутствует³⁵.

Проект НКТ был полностью ориентирован на нужды производства. Даже отношение к неравенству в оплате труда мужчин и женщин определялось нуждами производства, а не принципами равноправия. В 1929 г. заработная плата женщин составляла 68 % от заработной платы мужчин, а в «мужских» отраслях промышленности и того меньше. Плановики полагали, что женщины, как правило, уходят с работы после вступления в брак, поскольку зарабатывают меньше, чем их мужья. Равная заработная плата была средством, а не принципом; плановики утверждали, что тенденция к установлению равной заработной платы снизит текучесть кадров и стабилизирует численность трудящихся женщин³⁶. Если же нужды производства совпали с задачами женской эмансипации, тем лучше. При распределении женской рабочей силы плановики НКТ также руководствовались идеями продукционизма. Проект Госплана устанавливал квоты, расширяющие возможности трудоустройства для женщин, особенно в тяжелой промышленности. В проекте НКТ квоты разрабатывались с учетом промышленного спроса, задача обеспечения равных возможностей здесь не ставилась.

---

³⁴ Пятилетний план РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 3, 21 об., 22 об.

³⁵ О проблеме быта см.: Goldman W. *Women, the State and Revolution: Family Policy and Social Life, 1917–1936*. New York: Cambridge University Press, 1993.

³⁶ Пятилетний план РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 10 об.

Плановики намеревались организовать профподготовку женских кадров как в тех отраслях, где женский труд уже доминировал, так и в новых, развивающихся отраслях. Они давали женщинам шанс утвердиться в преимущественно «мужских» отраслях, но в преимущественно «женских» и новых отраслях возможности были существенно шире. Кроме того, плановики, не колеблясь, предназначили крупные экономические секторы с малоквалифицированными, низкооплачиваемыми рабочими местами исключительно для женщин. Призывая женщин занимать квалифицированные рабочие места в «мужских» отраслях промышленности, плановики одновременно предложили женщинам низкооплачиваемые рабочие места в сфере услуг, которые со временем стали традиционно «женскими». В целом план НКТ отражал приверженность его создателей идеям продукционизма во всех вопросах, в частности организации быта, особое внимание в нем уделялось финансовым затратам и экономичности.

Обсуждение пятилетнего плана РСФСР

На протяжении мая и июня 1930 г. представители НКТ, КУТБ, Нарпита, Госплана и некоторых других наркоматов собирались для обсуждения проекта НКТ. К участию в собраниях неоднократно приглашались представители ВЦСПС и различных профсоюзов (работников водного транспорта, здравоохранения, пищевиков, типографских работников и др.), однако профсоюзы остались равнодушными к проблемам женщин и от участия в собраниях отказались. КУТБ призвал плановиков активизировать внедрение женского труда в тяжелой промышленности, в частности в горном деле, металлургии и машиностроении, в тех отраслях, откуда женщин вытеснили после Гражданской войны. КУТБ также предлагал усилить степень участия женщин в химической, писчебумажной и пищевой промышленности, а также в кожевенной и деревообрабатывающей промышленности, где женский труд «применяется недостаточно, но где он себя вполне оправдывает». КУТБ все еще был обеспокоен высоким уровнем женской безработицы, поэтому стремился увеличить число рабочих мест; изменение принципов гендерной сегрегации не входило в число приоритетов. Подчеркивая «политическое» значение внедрения женского труда как шага к экономическому освобождению женщин, КУТБ потребовал от Госплана и НКТ собрать больше данных, установить более высокие плановые цифры и обеспечить их выполнение. Он подверг резкой критике плановые комиссии, центральные и местные органы ВСНХ и НКТ. Представители

КУТБ с неудовлетворением отмечали, что «вопросы женского труда в целом до сих пор не нашли себе отражения в пятилетнем плане» из-за свойственной этим учреждениям «крайней медленности» и «отсутствия какой бы то ни было работы»³⁷.

Участники этих собраний были недовольны тем, что план не детализирован, и в нем не представлены данные по женскому труду в сельском хозяйстве как на областном, так и на республиканском уровне. Звучали выступления в защиту проекта, утверждалось, что отдельные показатели невозможно рассчитать без точной информации с заводов, бирж труда, строек и других местных организаций. Один из представителей Госплана попросил своих коллег умерить ожидания. Он напомнил, что пятилетний план развития народного хозяйства все еще находится на стадии пересмотра, и не имея точных производственных показателей для различных отраслей промышленности, невозможно планировать использование женского труда³⁸.

Лишь немногие из присутствовавших выразили свое несогласие со стратегией внедрения женского труда путем перераспределения рабочей силы по гендерному принципу. Один из чиновников Госплана сообщил, что его ведомство не согласно с НКТ по целому ряду моментов, например, с идеей замещения мужской рабочей силы на женскую в торговых предприятиях. «Считаю, что эта ориентировка неподходящая и едва ли соответствует интересам народного хозяйства», — заявил он. Выступая от имени женщин глава КУТБ Баранова решительно возразила: «Нужно отдать справедливость, НК Труд много посидел над этой работой». Она подвергла критике идею предоставления женщинам малоквалифицированных рабочих мест в сфере услуг и органах управления. «Наша основная задача вовлечь — женщин в производство, и нет надобности писать о совучреждениях», — сказала она. «Мы должны записать, что, несмотря на директивы партии, женщина до сих пор слабо вовлекается в тяжелую промышленность, и вот даже наметка НК Труда мало говорит о большом вовлечении женщины в эту промышленность». Баранова настаивала на том, что плановикам следует не резервировать для женщин канцелярскую работу, а сконцентрироваться на тяжелой промышленности. Представитель ЦК профсоюза горняков Кошелева поддержала предложение Барановой и выступила за увеличение плановых пока-

---

³⁷ Резолюция // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 285–285 об.

³⁸ Протокол заседания Соцкультсекции Госплана РСФСР совместно с другими ведомствами // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 266.

зателей по внедрению женского труда в горнодобывающей промышленности. «Тот мизерный процент, который НК Труд предусмотрел для горной промышленности, по-моему, недостаточный», — заявила она. Но если будет решено задействовать большее число женщин в горнодобывающих комплексах, которые находятся вне городов, понадобятся высокие квоты, активная вербовка и «форсированное применение женского труда».

Другие выступавшие, напротив, одобряли идею создания специальных рабочих мест для женщин. Представитель Нарпита Вайсфальд утверждал, что стратегия замены мужской рабочей силы на женскую на протяжении последних двух лет была весьма успешной, он настаивал на том, что и в других отраслях этот процесс может обойтись «без жертв». Он предложил все вакансии в общественных столовых предоставить женщинам³⁹. Некоторые из собравшихся посчитали необходимым более жесткое перераспределение рабочей силы по гендерному принципу, учитывая физиологические различия между полами. Один из представителей Госплана пояснил: «У нас еще много мужчин сидят на работе, не требующей напряженной физической силы. Между тем, у нас вообще не хватает контингентов, в частности контингентов для промышленности». По его мнению, рабочие места, не требующие физической силы, должны быть заняты исключительно женщинами⁴⁰.

Рассуждения о физическом превосходстве мужчин вызвали гневную реакцию со стороны нескольких женщин, которые с горькой иронией отметили, что ссылки на предполагаемую «слабость» часто используют для того, чтобы не допустить женщин до квалифицированного механизированного труда и направить их на тяжелую неквалифицированную работу. Аналогичные опасения женщины выражали на протяжении 1920-х гг. Представитель Московского совета Игнатьева обратила внимание на то, что запрет на подземные работы для женщин привел к тому, что вместо частично механизированных подземных работ женщины выполняют тяжелую работу на поверхности — вручную передвигают вагонетки. Баранова согласилась: под предлогом защиты женщин фактически направляли

---

³⁹ Протокол № 15. Заседание президиума Комитета ВЦИК по улучшению труда и быта работниц и крестьянок // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 270, 271 об., 270 об.

⁴⁰ Протокол заседания Соцкультсекции Госплана РСФСР совместно с другими ведомствами // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 265–267.

на более тяжелую работу. Она отметила: «До сих пор мы имеем такое явление, что в этой промышленности женщины выполняют самую тяжелую, самую черновую работу, это работа наземная, а подземная работа механизированная, на эту работу мы имели как-то глупость записать, что она вредна для женщины. Я сама недавно побывала в шахте и убедилась, что к концу работы женщины ходят, пошатываясь от жуткой усталости, от подвозки тяжелых вагонеток». Баранова потребовала, чтобы НКТ пересмотрел закон, запрещающий женщинам подземные работы⁴¹.

Выступавшие ссылались также на практические трудности, мешающие внедрению проекта НКТ. Представитель ЦК железнодорожников Петренко обратил внимание на серьезную проблему: хозяйственники не заинтересованы в найме женщин, местная администрация настроена враждебно: «Хозяйственники оказали всяческое сопротивление, и, можно сказать, втирали очки, говоря, чтобы быть женщине кондуктором или проводником нужна какая-то особая квалификация». «Сами посудите, — насмешливо сказал он, — ходить с фонариком по вагонам и спрашивать билетки нужна квалификация!» Баранова ответила, что не только руководители, но и мужчины-рабочие относятся враждебно к идее распределения женщин на квалифицированные рабочие места и активно пытаются этому противостоять: «Видите ли, если у тракториста что-нибудь случилось с трактором, нужно его приподнять или сдвинуть с места, то мужики и помогут ему, и поднимут. А если такой казус случится с трактористкой, то получается возмутительная картина: вокруг нее собираются, хохочут и говорят, раз ты пошла на такую работу, то сама и справляйся». Некоторые из присутствовавших выражали недовольство тем, что многие профсоюзы отказывались принимать участие в заседаниях⁴².

---

⁴¹ Протокол № 15. Заседание президиума Комитета ВЦИК по улучшению труда и быта работниц и крестьянок // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 270–271. Мелани Илик отмечает, что хотя в Трудовой кодекс 1918 г. был включен запрет на подземные работы для женщин, это положение никогда не соблюдалось полностью. Некоторое количество женщин работало под землей в 1920-е гг., их число возросло в 1931 г., в 1940 г. запрет был наконец отменен. См.: Ilic M. *Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From «Protection» to «Equality»*. London: Macmillan, 1999. P. 149–169.

⁴² Протокол № 15. Заседание президиума Комитета ВЦИК по улучшению труда и быта работниц и крестьянок // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 270 об., 271.

И хотя часть собравшихся высоко оценила усилия НКТ, Баранова критиковала правительство за неспособность быстро реагировать на проблемы, касающиеся женского труда. «О вовлечении женского труда в промышленность у нас говорят уже очень давно, — сказала она, — еще с первых дней революции. Не раз выносились резолюции, но пока все осталось на бумаге, мы еще с этим вопросом не справились и, можно сказать, хромаем на обе ноги». Баранова с недовольством отметила, что в пятилетнем плане о женском труде не говорится ни слова, и что НКТ пока смог представить лишь «черновик, который нужно детализировать». Она заявила, что многие женщины-активистки разочарованы тем, что обещания так и не были выполнены. В заключение заседание приняло решение назначить комиссию по разработке рекомендаций для представления в Совет Народных Комиссаров и резолюции, осуждающей профсоюзы за «халатное» отношение к проблеме участия женщин в выполнении пятилетнего плана. Несмотря на некоторые возражения по поводу гендерного перераспределения рабочей силы в сфере услуг, органах управления и торговле, 16 июня 1930 г. предложения НКТ были полностью одобрены⁴³. К середине лета НКТ подготовил для утверждения в СНК проект постановления о женском труде. В этом проекте подчеркивалось, что в условиях надвигающегося дефицита трудовых ресурсов только женщины могут облегчить «напряженное состояние городского рынка, а также и сельского рынка труда». Некоторые представители Госплана и КУТБ возражали против гендерного перераспределения рабочей силы, тем не менее план базировался на этой стратегии. Рабочие места на нижнем и среднем уровнях органов управления, в оптовой и розничной торговле и на предприятиях народного питания должны были быть заполнены «в основном за счет женщин». Мужчин предполагалось перевести на работу, которая была законодательно запрещена для женщин. Контрольные показатели по женскому труду должны были быть выполнены за счет «бесперебойного замещения мужчин женщинами». НКТ должен был подготовить список профессий и должностей, которые предназначались исключительно женщинам⁴⁴.

---

⁴³ Протокол № 15. Заседание президиума Комитета ВЦИК по улучшению труда и быта работниц и крестьянок // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 271, 271 об.

⁴⁴ Постановление Совнаркома РСФСР о пятилетнем плане женского труда // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 2–2 об. Существует много версий проекта постановления. См. также: ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 187–188, 262–264, 288, 346–348.

Всесоюзный план

В конце лета 1930 г. плановики НКТ и Госплана закончили работу, которую они выполняли согласно постановлению СНК от 14 августа, в котором предписывалось получить и обработать статистические данные по предприятиям, информацию об условиях и возможностях по внедрению женского труда⁴⁵. Новая версия всесоюзного плана называлась «Материалы к пятилетнему плану женского труда»; она была издана в виде брошюры и предназначалась для административных органов⁴⁶. И снова плановики предприняли попытку разработать всеобъемлющий, соответствующий всем требованиям план внедрения женского труда в народное хозяйство. Однако на этот раз была собрана информация о трудящихся женщинах на местном уровне, тщательно изучен вопрос о влиянии новых форм механизации и рационализации на различные отрасли промышленности. Плановики отметили, что они с самого начала столкнулись с серьезными трудностями: не имелось почти никаких статистических данных по женскому труду на всесоюзном, региональном и местном уровнях, а производственные планы в промышленности постоянно пересматривались в сторону повышения объема производства. В этих условиях планирование степени участия женщин в работе в промышленности было равносильно попыткам попасть в движущуюся мишень. Плановики признали, что им приходилось работать с недостоверной информацией, статистическими данными, имеющими крупные пробелы, но тем не менее им удалось собрать данные о последних разработках в области механизации, статистику по гигиене труда, по опыту внедрения женского труда в России военного времени и даже информацию об опыте капиталистических стран. Составляя список подходящих для женщин специальностей плановики консультировались с руководителями предприятий, лидерами профсоюзов, сотрудниками НКТ и специалистами из Института охраны труда. Несмотря на имеющиеся недочеты плана, он был в первую очередь основан на реальных научных исследованиях, в нем содержалось новое понимание женского труда в контексте индустриализации.

---

⁴⁵ Постановление № 322 Совета Народных Комиссаров Союза ССР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 114

⁴⁶ Материалы к пятилетнему плану женского труда. Доклад Народного Комиссариата Труда СССР Совету Народных Комиссаров СССР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 79–118 об.

Плановики впервые признали, что в процессе индустриализации изменяется сфера применения квалифицированного труда. Появляется новый пласт полуквалифицированных видов труда, для которых период обучения составляет от одного до трех месяцев, этот пласт частично заместил ряд квалифицированных работ, требовавших длительного периода обучения. Например, в бумажной промышленности появились новые машины для сортировки тряпок. Сортировщиц тряпок уволили, а для обслуживания машин были наняты работники-мужчины. Плановики предположили, что женщины могут заменить мужчин в сфере транспорта, на ремонтных работах и в строительстве, а также занять новые вакансии в этих отраслях. Говоря о пищевой промышленности, плановики отметили жесткую гендерную сегрегацию в этой сфере: в винодельческой и мукомольной промышленности доля женщин составляла менее 5 %, а в кондитерской, табачной и консервной промышленности — до 65 %. Механизация многих ручных операций, например, таких как бутилирование, давала женщинам больше возможностей заняться полуквалифицированным механизированным трудом. В химической промышленности механизация также стала ключом к расширению возможностей женщин, как в традиционно женских секторах — производстве спичек, каучука и фармацевтических препаратов, так и вне их. Впервые плановики отказались от господствовавшего ранее убеждения в том, что мало-квалифицированные необразованные женщины не могут работать на промышленных предприятиях, нуждающихся в квалифицированных рабочих; теперь признавалось, что женщины могут работать на новых, механизированных рабочих местах. Плановики поясняли, что доля женщин в составе неквалифицированных рабочих останется значительной, но вместе с тем женщинам будет доступно больше квалифицированных и полуквалифицированных рабочих мест. Плановые показатели новой версии проекта были близки к тем, что были предложены Госпланом: предполагалось, что в к 1933 г. в промышленности будут заняты 1 400 000 женщин, то есть женщины составят 35,7 % всей рабочей силы. Как и в версии Госплана, увеличение доли женщин должно было произойти в основном за счет роста их занятости в тяжелой промышленности.

Всесоюзная версия плана, как и более ранние варианты, основывалась на стратегии гендерного перераспределения рабочей силы, но данные, касающиеся промышленности, отличались и были более подробными. В металлургии, например, предлагалось зарезервировать для женщин от 30 до 50 % станков, выделявшихся для

новых рабочих в механических мастерских. В горнодобывающей промышленности все мужчины, занятые на наземных работах, в том числе на высококвалифицированных, должны были быть заменены женщинами. Предлагалось увеличить долю женщин-работниц в железорудной (на наземных работах) и в нефтедобывающей промышленности, где были заняты практически только мужчины. В деревообрабатывающей промышленности рекомендовалось увеличить число женщин, предоставив им рабочие места всех квалификационных уровней, заменить женщинами мужчин, работающих на деревообрабатывающих станках и оборудовании для производства ящиков. В кожевенной промышленности — в некоторых цехах — рекомендовалась почти стопроцентная замена мужчин на женщин, например, в галантерейных, обувных, меховых, пухоперьевых и щеточных. Предполагалось, что женщины займут 80 % рабочих мест в швейной промышленности и 90 % — в текстильной, а оставшееся небольшое количество мужчин будут заняты на тяжелых работах: за льноткацкими станками и у кипящих котлов с опасными химикалиями. В строительстве для женщин должен был открыться широкий спектр новых занятий: от штукатурных и малярных работ, облицовки плиткой, кровельного дела и ремонта печей до монтажных, слесарных и столярных работ, укладки бетонной смеси и остекления. В плане содержался занимавший более 20 страниц список профессий и должностей, который охватывал все отрасли экономики; в нем было четко указано, какой процент новых рабочих каждого уровня квалификации должны составлять женщины. Делая упор на развитие массового производства, появление новых механизированных рабочих мест, план предусматривал новые возможности для трудоустройства женщин в общественном питании, промышленности, на транспорте и в строительстве. Определив конкретные рабочие места, цеха и экономические секторы как потенциально «женские», всесоюзный план обрел бóльшую определенность, чем первоначальный госплановский вариант. Проект постановления должен был быть утвержден СНК, но этого так и не случилось. Согласно этому проекту, для «расширения применения женского труда» и «более рационального использования трудовых ресурсов» была необходима стратегия гендерного перераспределения рабочей силы. В нем впервые указывалось на новые возможности, которые обеспечивает механизация, и отмечалась эффективность осуществления «в отдельных отраслях труда и производства перераспределения рабочей силы в направлении передвижки мужской рабочей

силы с более легких на более тяжелые работы, и замене ее женской рабочей силой, обратив особое внимание на те производства, в которых в связи с рационализацией намечается освобождение работающих женщин»⁴⁷.

В течение всего лета плановики посвящали массу времени и сил разработке пятилетнего плана внедрения женского труда. Было подготовлено три варианта, каждый более обоснованный и подробный, чем предыдущий. С каждым новым проектом плановики демонстрировали все лучшее понимание экономики, предоставляли все более четкие экономические обоснования внедрения женского труда. Окончательный всесоюзный вариант плана продемонстрировал глубокое понимание порождаемых индустриализацией преобразований в каждой отрасли промышленности. Ознакомившись с новым оборудованием для сортировки тряпок и производства ящиков, плановики смогли дать более конкретные рекомендации. Однако ни проект для РСФСР, ни всесоюзный вариант приняты не были. Несмотря на предложение КУТБ обсудить проект «с рабочей общественностью», ни одна версия плана не появилась в газетах или журналах для женщин, ни одна брошюра не стала доступной широкой общественности. Руководство не стремилось осуществить этот проект. После августа план больше не обсуждался. Даже КУТБ замолчал.

К августу 1930 г. в различных секторах экономически был отмечен серьезный дефицит рабочей силы. Катастрофическая нехватка рабочих рук наблюдалась в лесной промышленности, строительстве и общественном питании. Единственной организацией, принявшей самостоятельное решение по вопросу женского труда, был Ленсовет. В сентябре президиум Ленсовета предписал всем предприятиям и учреждениям города в течение месяца разработать собственный план внедрения женского труда⁴⁸. Вынуждая предприятия подбирать подходящие для женщин рабочие места, Ленсовет следовал принципам, предложенным Госпланом и НКТ. Однако большая часть руководителей проигнорировала указ Ленсовета.

20 октября 1930 г. партия наконец перестала бездействовать, было объявлено, что с безработицей покончено. Не далее как через две недели началась получившая широкую огласку кампания по мобилизации

---

⁴⁷ Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР. О пятилетнем плане женского труда // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 316–318. Документ не датирован.

⁴⁸ Женский труд в промышленности // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 135 об.

женщин на производство. Официальное признание партией существования дефицита рабочей силы и неизбежности использования женского труда побудило ВСНХ, НКТ и Госплан вновь взяться за работу. Столкнувшись с задачей привлечь к работе в промышленности женщин, плановики обратились к вариантам плана женского труда и составили обширные списки специальностей, которые предназначались преимущественно или исключительно для женщин. Целые секторы экономики были зарезервированы для женщин, список с перечислением «женских» специальностей занял почти пятнадцать страниц⁴⁹.

Встречное планирование снизу: отношение к женскому труду на предприятиях

Октябрьское постановление ЦК не только побудило НКТ вернуть к жизни планы по внедрению женского труда, но и вызвало вакханалию «мелкого планирования» снизу. Различные организации, включая Ленинградский Исполнительный Комитет, КУТБ и Госплан, начали направлять на крупные предприятия небольшие инспекционные бригады, чтобы определить вакансии, которые можно зарезервировать для женщин. Эти бригады, состоявшие, как правило, из женщин-активисток, руководство предприятий, члены фабричных комитетов и рабочие-мужчины встречали с откровенной враждебностью. Тем не менее бригады проделали большую работу по изучению вопроса использования женского труда на предприятиях. Они пересмотрели все законодательно не запрещенные для женщин специальности и составили полные списки рабочих мест, на которых женщины могли заменить мужчин. По результатам этих исследований был подготовлен первый статистический профиль женского труда на местном уровне, а также правдивое описание отношения работников предприятий к женщинам. Сексистские замечания со стороны руководства и рабочих встречались настолько часто, что из отчетов о проведенной работе попали в партийные документы и в прессу. Судя по отчетам, было очевидно, что при массовом использовании женского труда на производстве руководству предприятий придется изменить свое отношение к женщинам. Яркие описания дискриминации на рабочих местах помогли начать массовую кампанию по преодолению негативных стереотипов в отношении женского труда.

---

⁴⁹ Постановление Совета Народных Комиссаров // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 55–63.

С конца октября по ноябрь 1930 г. представители местного КУТБ, отдела труда, Ленсовета и городских властей провели серию совещаний, на которых обсуждалась информация с различных предприятий. Бригады были отправлены на 32 предприятия, включая «Электроприбор», кооперативы, трамвайные парки и типографии. Сразу же обнаружилось, что сентябрьский указ Ленсовета, которым учреждениям было предписано разработать собственный план внедрения женского труда, не был выполнен: «директива Ленсовета от 17.09 до отдельных предприятий и цехов не спущена, и к ее практическому проявлению даже не приступили в подавляющем большинстве случаев»⁵⁰. Участники этих совещаний обещали привлечь «нарушителей» к ответственности перед Ленинградским советом народного хозяйства. Они настаивали на том, что Ленсовет должен принять план по вовлечению женщин в производство, опубликовать отчеты бригад по внедрению женского труда, продолжить сбор статистики по женскому труду⁵¹.

Встречное планирование начало свое движение по стране. Представители ленинградских бригад отправились в Москву, чтобы инициировать процесс на всесоюзном уровне. Под руководством ВСНХ КУТБ направил четыре бригады на крупнейшие предприятия страны. Они посетили «Красный путиловец», завод имени Сталина и Ленинградскую «Электросилу», заводы «Борец», «Красный пролетарий», Московский «Электрозавод», Подольский завод швейных машин и Коломенский паровозостроительный завод. Анкеты были отправлены в харьковский «Электромаш», «Ростсельмаш», стекольный завод «Восстание» и на первый деревообделочный завод «Мослеспром». В анкетах была затребована подробная информация о трудящихся женщинах: количество, их доля в составе работников, должность, трудовой и производственный план, данные об имеющихся службах быта, подготовке кадров, производительности, уровне текучести кадров, а также список профессий и должностей, на которых мужской труд можно заменить женским. Однако после анализа ответов респондентов, выяснилось, что «материалы работы бригад нужно считать неудовлетворительными», потому что у хозяйственников было слиш-

---

⁵⁰ Выводы и предложения по работе бригад по внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 155–156.

⁵¹ Совещание по вопросу о внедрении женского труда от 22.10.30 // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 163; Совещание Комитета УТБ Леноблисполкома и Ленсовета по вопросу об организации работ по внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 157–158, 161–162.

ком мало данных по женскому труду. Многие руководители даже не могли точно сказать, сколько женщин работает на их предприятии⁵². Однако, несмотря на пробелы в информации, к середине ноября бригады подготовили отчеты по каждому предприятию с конкретными рекомендациями относительно занятости, квалификации и подготовки кадров. Многие предложения появились в результате длительных бесед с рабочими. Хотя некоторые руководители были настроены на сотрудничество, имелись и такие, кто не желал принимать участие в процессе планирования, а в ряде случаев рабочие и руководители активно саботировали работу бригад. На заводе им. Марти рабочие отказались выявлять специальности, подходящие для применения женского труда. На заводе «Кооператор» начальники цехов прекратили собрание, которое бригады организовали для рабочих, объявив, что не собираются нанимать женщин и обсуждать этот вопрос. Директор «Красного путиловца», крупнейшего, старейшего завода России, сыгравшего большую роль в революционном движении, снял вопрос женского труда с повестки дня и объявил, что на этом все дело и кончено. Когда бригада предложила ему нанять 3000 женщин, он наотрез отказался⁵³.

Основные выводы, сделанные бригадами, противоречили тому, что говорилось о женском труде в предыдущие годы. Бригады утверждали, что главное препятствие для трудоустройства женщин — это предрассудки по отношению к ним, а не их низкая квалификация. Бригады обнаружили, что подход к проблеме женского труда у руководителей старых и новых предприятий отличается. К примеру, электротехническая промышленность, была сравнительно новой отраслью. Она значительно расширилась в годы первой пятилетки, и здесь значительную долю занятых составляли женщины. Напротив, более старые предприятия с давно сложившимися традициями, такие как «Красный путиловец», завод им. Сталина, «Красный пролетарий» и «Борец» были настроены более враждебно по отношению к идее внедрения женского труда в промышленности. На этих предприятиях было занято мало женщин. Различия наблюдались и в рамках одной отрасли. Например, на новом «Электрозаводе» женщины составляли 30 % занятых и выполняли различные виды работ. На более старой «Электросиле» женщин среди работников было только 19 %, выбор

---

⁵² Совещание бригад по обследованию состояния работ по внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 135.

⁵³ Там же. Л. 160.

вакансий для них был ограничен⁵⁴. Отношение к женщинам различалось даже по цехам одного и того же завода. «Электрозавод» был довольно лояльным в отношении женщин, однако проверка цехов быстро выявила то, что скрывала статистика: имела место гендерная сегрегация по цехам и видам работ. С августа по октябрь 1930 г. на «Электрозавод» устроились более 1000 женщин, это почти 30 % занятых. Общее число рабочих в 1930 г. выросло на 88 %, в то время как число трудящихся женщин увеличилось более чем в два раза. И все же, невзирая на общую положительную тенденцию, женщины-работницы были сосредоточены в основном в трех отделах: ламповом, где они занимали 73 % рабочих мест; вольфрамовом — чуть более 50 % рабочих мест; автотракторном — около 25 % рабочих мест. В механическом цехе женщин не было вовсе, в остальных — незначительное количество. На других электрозаводах наблюдались те же закономерности. Таким образом, даже на предприятиях статистически более «открытых» для женского труда, более тщательное исследование обнаруживало гендерную сегрегацию по цехам⁵⁵.

Исследования, проведенные бригадами, были исчерпывающими, а их рекомендации вполне определенными. Согласно предложенной Госпланом и НКТ стратегии гендерного перераспределения рабочей силы, усилия бригад были направлены на выявление рабочих мест, которые могут занять женщины. В случае успеха эта стратегия должна была уменьшить внешние проявления гендерной сегрегации на уровне всей промышленности при сохранении или даже увеличении распространенности этой практики в пределах самих предприятий. Доля трудящихся женщин во всех отраслях должна была увеличиться, тем самым смягчив резкое разделение между «мужскими» и «женскими» отраслями, но сохранялась четкая гендерная сегрегация по цехам. То есть гендерная сегрегация существовала в скрытой форме. Например, на «Электрозаводе» бригада сосредоточилась на том, чтобы предоставить женщинам рабочие места в трансформаторном, ламповом и экспериментально-технологическом цехе. На станкостроительном заводе «Красный пролетарий» бригада предложила зарезервировать для женщин сверлильный цех, электроцех, погружочный и покрасочный цех, склад, шпиндельные цеха. Бригада так-

---

⁵⁴ Совещание бригад по обследованию состояния работ по внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 136–136 об.

⁵⁵ Там же. Л. 139 об.–140, 138 об.–139.

же рекомендовала нанять до 75 % женщин в десяти других цехах и представила список из 49 требующих квалификации профессий и должностей, которые должны быть наполовину или полностью заняты женщинами в 1931 г.⁵⁶

Бригады отметили, что в новых цехах, как и в новых отраслях, женщинам предоставляются широкие возможности для трудоустройства. На машиностроительном заводе «Красный путиловец» бригада внимательно изучила возможности для трудоустройства женщин в тридцати пяти цехах, где было занято почти 20 000 рабочих. Завод недавно перешел от судостроения к выпуску тракторов, планировалось открыть ряд новых механизированных цехов в 1931 г. Бригада отметила, что только в тракторном отделе могло бы быть занято до 3000 женщин, то есть число женщин на заводе могло быть удвоено за счет одного отдела! Тесно сотрудничая с бригадой, инженерно-технический отдел завода подготовил перечень квалифицированных рабочих мест, подходящих для трудоустройства женщин, в числе прочих — токарь, фрезеровщик, сверловщик. Исследуя цех за цехом, бригада смогла значительно увеличить заявленный администрацией завода процент рабочих мест, предназначенных женщинам. Бригада также выступала за активную и радикальную замену мужчин женщинами везде, где это возможно. После трудоемкого исследования ситуации на заводе «Борец» бригада пришла к выводу, что до 23 % работников-мужчин можно заменить женщинами. На «Ростсельмаше», сельхозмашиностроительном заводе бригада рекомендовала заменить 2600 мужчин женщинами. На заводе им. Сталина заводской комитет убедили в том, что по крайней мере 15 специальностей могут быть переданы женщинам: фрезеровщик, полировщик, станочник, разметчик, счетовод, болторез, крановщик, слесарь-сборщик по мелким деталям и многие другие. Рекомендации бригады затронули интересы тысяч рабочих⁵⁷.

Тщательные исследования, проведенные бригадами, давали представление об индустриализации на заводском уровне, а их выводы открывали новые перспективы. Во-первых, идеи о предоставлении квалифицированных рабочих мест женщинам, выдвинутые НКТ, получили реальное обоснование. Посетив цехи заводов, бригады осознали, что механизация трудового процесса позволяет создавать новые

---

⁵⁶ Совещание бригад по обследованию состояния работ по внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 139 об. – 140, 138 об. – 139.

⁵⁷ Там же. Л. 139–139об., 140 об. – 141.

полуквалифицированные рабочие места для женщин. При этом отношение руководства, а не отсутствие квалификации, было главным препятствием для трудоустройства женщин. Во-вторых, бригады определили конкретный смысл стратегии планового перераспределения рабочей силы по гендерному принципу. Они утверждали: «В настоящих условиях строгого недостатка в кадрах у нас имеются колоссальные маневренные возможности перераспределения рабочей силы и в первую очередь — замены мужской рабочей силы женской с целью посылки мужской рабочей силы на новую работу». С их точки зрения, механизация создавала возможность полной трансформации структуры рабочей силы⁵⁸.

В ноябре и декабре Госплан и КУТБ способствовали началу общенациональной кампании по внедрению женского труда. Они поощряли городские советы, местные отделы труда, заводы и местные органы планирования создавать свои бригады в помощь составлению плана на 1931 г. Работая непосредственно на местном уровне, они собрали информацию, которая ускользнула от главных плановиков Москвы⁵⁹. Госплан отметил, что, хотя лишь некоторые предприятия включили женщин-работниц в контрольные показатели на 1930–1931 г., решение сдвинуть начало нового хозяйственного года с сентября на январь позволит исправить это упущение в новых планах. Госплан настаивал на том, что каждая организация, включая торговлю и транспорт, должна начать принимать на работу женщин или заменять ими мужчин. Бригады рабочих как можно скорее должны были составить соответствующие планы для каждой организации и отослать их в Госплан; подробные анкеты по женскому труду были Госпланом предоставлены⁶⁰. Тридцать заводов получили специальное уведомление о том, что им необходимо разработать план по использованию женского труда⁶¹. Госплан направил телеграммы в советы шести крупных городов, рекомендуя им ознакомиться с анкетами,

---

⁵⁸ Совещание бригад по обследованию состояния работ по внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 141.

⁵⁹ См. мнение представителей из Иваново и АО Немцев Поволжья: В Комиссию ВЦИК по улучшению труда и быта работниц и крестьянок // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 201; ВЦИК, Комитету улучшения труда и быта женщин // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 184.

⁶⁰ Всем комитетам по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при ЦИКах АССР, Областных и Краевых исполнительных комитетах // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165; Всем республикам и Областным плановым комиссиям и органам НКТ // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 206–208.

⁶¹ Список предприятий // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 217.

которые были распространены по предприятиям⁶². Москва должна была получить заполненные анкеты из регионов в конце зимы — начале лета 1931 г.⁶³

В конце осени 1930 г. полученные от бригад на тот момент материалы были обработаны в КУТБ, на их основе был подготовлен обстоятельный доклад в ЦИК СССР и РСФСР. В докладе отмечалось, что та часть трудовых ресурсов, которую составляли безработные, исчерпана, и для развития промышленности необходимы новые источники трудовых ресурсов, «в первую очередь женский труд». Только в городах имеется шесть миллионов домохозяек. КУТБ подверг резкой критике руководителей предприятий, заявив, что у них «нет должного внимания к работе по вовлечению женского труда в производство», нет планов по профподготовке и найму женщин, не организовано бытовое обслуживание. Советские учреждения, говорилось в докладе, относятся к трудящимся женщинам враждебно, несмотря на то что для женщин характерна более высокая, чем для мужчин, производительность труда и низкая текучесть кадров. Руководители предприятий отказываются сотрудничать с бригадами, должностные лица преступно игнорировали указ Ленсовета, мужчины-рабочие были верны «классическому лозунгу»: «Нам баб не нужно»⁶⁴. В конце доклада был выдвинут ряд конкретных предложений. ВСНХ и руководители всех организаций должны были учитывать женскую рабочую силу при составлении планов. Профсоюзам и завкомам следовало включить вопрос женского труда в повестку дня. ВСНХ и НКТ предлагалось организовать перепись безработных женщин в рабочих семьях. НКТ и профсоюзы должны были организовывать перевод мужчин-рабочих на более тяжелую работу и замену их на жен и дочерей рабочих. Каждому учреждению следовало разработать план по организации служб быта; задачей главных плановиков было составить подобные планы для крупнейших предприятий. Госплан, НКТ и ВСНХ должны были собрать данные о трудовой дисциплине, текучести кадров, производительности труда женщин. Местным партийным организациям предлагалось заняться привлечением женщин на производство, а местные экономические органы должны были представить отчет по своему району в Оргбюро ЦК. И, наконец, ВЦСПС и Отдел печати ЦК

---

⁶² Телеграмма // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 211–216.

⁶³ О плановом вовлечении женского труда в промышленность // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 165–174.

⁶⁴ Там же.

должны были развернуть в массовой печати широкую кампанию с целью популяризации идеи женского труда⁶⁵. Предложения КУТБ были направлены на то, чтобы сделать привлечение женщин на производство приоритетной задачей для партийных организаций, центральных и местных плановых и экономических органов.

От мелкого планирования к крупномасштабному: гендерное перераспределение на рынке труда

На высших уровнях государственного управления работа с предложенным НКТ списком специальностей, которые рекомендовалось зарезервировать для женщин, застопорилась. В октябре 1930 г. НКТ предложил Институту охраны труда в течение шести месяцев пересмотреть список. Обеспокоенные решением НКТ об ускоренном осуществлении масштабных изменений в экономике, ученые предупредили, что «имеющиеся у Института материалы по этим вопросам не дают возможности с достаточной категоричностью исключить возможность появления некоторого повышения общей профзаболеваемости в отдельных профессиях, где будет широко применяться женский труд». Институт также проинформировал НКТ, что исследования в области безопасности для женского здоровья многих указанных в списке специальностей никогда не проводились⁶⁶. Институт охраны труда не имел права останавливать работу НКТ по гендерному перераспределению, однако отметил, что опрометчивые действия по вовлечению женщин в производство могут быть опасными для их здоровья.

В ноябре женсекторам Агитмасса надоело ждать. Они объявили, что затягивание работы Наркоматом труда, нарушает октябрьское постановление ЦК. По их мнению, список профессий и должностей был неполон: «представленный список говорит о том, что изучению этого вопроса уделялось мало внимания». Кроме того, женсекторы считали, что шесть месяцев на составление экспертного заключения — слишком долгий срок. Они потребовали, чтобы Институт немедленно занялся вопросом женского труда и разработал расширенный список за шесть недель, а не за шесть месяцев. В женсекторах, как и в КУТБ, насчитывалось много бывших сотрудниц женотдела, которые уже наслушались пустых обещаний. Они устали от того,

---

⁶⁵ Выводы и предложения по докладу КУТБ ЦИК Союза ССР о плане-вом вовлечении женщин в производство // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 176–179.

⁶⁶ В НКТ РСФСР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 4.

что трудовое законодательство предоставляет женщинам слишком мало возможностей для трудоустройства. Женсекторы утверждали, что работе наркоматов труда, здоровья и просвещения нужно «дать сильный толчок», «сдвинув дело вовлечения женщин в производство с мертвой точки, на которой оно находилось до сих пор». Женсекторы обещали следить за тем, чтобы биржи труда не направляли квалифицированных работниц на «грязную, физическую работу» и не повторяли других глупых ошибок. Женсекторы также критиковали НКТ за прошлые неудачи и за «исключительную неповоротливость и медлительность работы». По мнению женсекторов, КУТБ был единственной организацией, предпринимавшей реальные усилия для вовлечения женщин в производство⁶⁷.

Участники совещания в Президиуме комитета ЦИК Союза ССР по улучшению труда и быта работниц и крестьянок, созванного 14 ноября, потребовали, чтобы НКТ опубликовал список профессий и должностей, которые должны быть замещаемы преимущественно женщинами⁶⁸. И снова НКТ публично раскритиковали за «исключительную косность». Участники совещания подвергли экономические органы и профсоюзы резкой критике за неспособность удовлетворить потребность промышленности в рабочей силе и рекомендовали им «решительно перестроить свою работу». НКТ, ВСНХ, ВЦСПС, Госплан, наркоматы просвещения и здравоохранения должны были разработать план по обеспечению заводов и фабрик женской рабочей силой, преимущественно за счет женщин из рабочих семей. Женщины должны были составлять не менее 50 % рабочей силы⁶⁹.

В конце ноября сотрудники КУТБ снова встретились с представителями НКТ, ВЦСПС, Госплана и некоторых профсоюзов, чтобы обсудить работу бригад. Собравшиеся настаивали на том, что НКТ должен опубликовать октябрьский список профессий и должностей. Было решено, что бригады закончат свою работу к 5 декабря⁷⁰. По настоянию КУТБ центральные органы разработали принципы гендерного перераспределения рабочей силы, при этом была учтена информация, соб-

---

⁶⁷ Миллион женщин к станкам и машинам // Труд. 6 ноября 1930.

⁶⁸ Нет безработицы — не должно быть выходных пособий // Труд. 15 ноября 1930.

⁶⁹ Женщина на завод, к станку! // Труд. 16 ноября 1930; Рабочие «на запас» // Труд. 17 ноября 1930.

⁷⁰ Совещание Президиума комитета ЦИК Союза ССР по улучшению труда и быта работниц и крестьянок // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 200–200 об.

ранная бригадами. Тремя днями позже НКТ РСФСР переслал список в КУТБ. Список был одобрен всеми профсоюзами, за исключением профсоюза работников швейной промышленности. Члены профсоюза опасались того, что все рабочие места в швейной промышленности будут зарезервированы для женщин. КУТБ, в свою очередь, передал список в агитмассовый отдел ЦК ВКП(б), где его рассмотрением занялась бывшая заведующая женотделом Шабурова⁷¹.

Менее чем через неделю правительство определило внушительный ряд специальностей как «женские». 8 декабря 1930 г. СНК издал постановление, в котором перечислялись рабочие места, которые должны были быть укомплектованы — преимущественно или полностью — женщинами. В подготовленном НКТ постановлении пояснялось, что в результате механизации производства и перевозок появились новые возможности для женщин. Использование женского труда должно было освободить «значительные кадры» мужской рабочей силы для работ, в которых применение женского труда нецелесообразно. Например, в горнодобывающей промышленности все наземные рабочие места должны были быть заняты *преимущественно* женщинами, включая такие специальности как механик, электротехник, слесарь, сцепщик вагонеток, крановщик, машинист электропоезда, завхоз, засыпщик угля, стрелочник. Многие из этих специальностей, например, сцепщик вагонеток и засыпщик угля, требовали значительной физической силы. Другие, в том числе стрелочник и завхоз, предполагали высокий уровень ответственности. В химической промышленности женщины должны были заменить большую часть мужчин в резиновом, лакокрасочном, спичечном, стекольном и фарфоровом производствах, где доля женской рабочей силы уже была высока. Производство мыла и парфюмерии должно было стать исключительно «женским». В список «женских» специальностей в бумажном производстве вошли: клейщик, сортировщик картона, накатчик, резчик, гладильщик, сборщик коробок, весовщик. Большинство указанных специальностей требовало определенного уровня подготовки.

Постановлением СНК многие специальности были зарезервированы *исключительно* для женщин. В металлургии и энергетике для женщин было отведено тринадцать специальностей — от намотчика проволоки до ученика слесаря. Практически все профессии, связанные с канцелярской работой, были отданы женщинам:

---

⁷¹ В Комиссию по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 53; В ЦК ВКП(б) // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 1, 2.

делопроизводитель, секретарь, стенографист, канцелярист, конторщик, переписчик, регистратор, статистик II и III разряда, кассир, конторщик-бухгалтер, табельщик, заведующий магазинами и складами, ревизор. Женщинам были предназначены некоторые должности в сфере образования и общественном питании: заведующий магазином, детсадом, школой, столовой. Некоторые из указанных профессий, например, конторщик и бухгалтер, до революции были преимущественно «мужскими». Подавляющее большинство специальностей в сфере торговли также предназначались для женщин. Женщины могли стать продавцами одежды, табачных изделий, косметики, игрушек, вина, продуктов, кондитерских изделий, хлеба, галантереи, обуви, посуды, канцелярских принадлежностей. Весь состав младшего обслуживающего персонала должен был быть женским. Сюда входили такие малоквалифицированные специальности в сфере быта как кастелян, официант, гардеробщик, билетер в театре, киномонтажник, весовщик на железнодорожной дороге, приемщик торговых предприятий, истопник, проводник ж.-д. вагонов, стрелочник трамвая, курьер, подавальщик в парикмахерской, больничный надзиратель, фасовщик аптекарский, бельевщик, кубовщик, судомой, сиделка-няня, лифтер. Женщины получили сомнительное преимущество при найме на эти низкооплачиваемые специальности. Список, опубликованный СНК, был взят непосредственно из разработанных ранее НКТ и Госпланом проектов и дополнен предложениями бригад. Этот же список был вновь опубликован НКТ РСФСР 16 января 1931⁷².

Специальности, которые СНК зарезервировал для женщин, делились на несколько категорий. Часть относилась к отраслям промышленности, возникшим и развивавшимся в период первой пятилетки. Это были новые специальности в электротехнической, химической и горнодобывающей промышленности, появившиеся благодаря техническим инновациям и требующие новых умений. Решение подготовить женские кадры для этих специальностей не ущемляло права квалифицированных рабочих-мужчин. Для других специальностей, таких как заведующий школой или детсадом, заведующий магазином или складом, ревизор, стрелочник на железной

---

⁷² Этот список должностей был разработан НКТ в течение лета и осени 1930 г. См.: Тезисы к докладу о вовлечении женского труда в народное хозяйство в 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 12. Л. 15–35; Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 55–70; 800 000 женщин — к станку // Труд. 28 декабря 1930 г. Список был также опубликован НКТ РСФСР 16 января 1931. См.: Постановление № 5 // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 103–104.

дороге, конторщик-бухгалтер, регистратор были необходимы грамотность, базовые познания в арифметике, а также высокая степень личной ответственности, честность и трезвость. Предполагалось, что последними качествами женщины обладают в большей степени. Кроме того, в постановлении СНК от 8 декабря рекомендовалось заменить мужчин женщинами на всех работах, не запрещенных для женщин законодательно. Мужчин следовало перевести на тяжелые работы, которые женщины выполнять не могут.

Реализация этого постановления предполагала радикальное перераспределение рабочей силы. Однако массовое внедрение женского труда привело к ряду непредвиденных последствий. Происходили массовые увольнения уже имевших опыт работы мужчин с целью предоставления рабочих мест женщинам без опыта работы. В условиях, когда экономика страдала от нехватки квалифицированной рабочей силы, это был не самый разумный шаг. Кроме того, это способствовало ухудшению отношения рабочих-мужчин к женщинам-работницам, поскольку первые были крайне раздражены необходимостью отдавать свои рабочие места. Сложившаяся ситуация вызвала возражения со стороны как минимум одного представителя НКТ. Бывший главный инспектор по женскому труду Е. С. Серина выступила против идеи резервирования специальностей исключительно для женских кадров⁷³.

Решительные меры по массовому внедрению женского труда путем перераспределения рабочей силы стали кульминацией сложного процесса планирования, проводившегося как центральными органами, так и на местах. Этот процесс начался весной 1930 г. с первых проектов, подготовленных Госпланом и НКТ. Проекты обсуждались и уточнялись представителями профсоюзов, общественных организаций и КУТБ, с каждым пересмотром обретая все большую определенность. Во всесоюзном плане, представленном НКТ в качестве окончательного варианта, были более детально прописаны новые возможности применения женского труда в различных отраслях в результате механизации трудового процесса. Тем не менее эти тщательно разработанные планы после их завершения исчезли из виду, словно были написаны «в стол». Они не были приняты, опубликованы, не обсуждались открыто. Однако дефицит рабочей силы привел к тому, чего не смог добиться КУТБ. После того как в октябре 1930 г. ЦК объявил о ликвидации безработицы, планированием в значительной степени стали заниматься бригады на местах, процесс сместился вниз, от всесоюзных показателей к показателям конкретных пред-

---

⁷³От НКТ СССР в СНК РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп.13. Д. 18. Л. 17.

приятый. Идея отправки женских инспекционных бригад на предприятия родилась в Ленинграде, но впоследствии была использована в Москве, а затем и по всей стране. Работа бригад под руководством КУТБ была проведена блестяще. Сбор информации на конкретном предприятии позволял проводить тщательное исследование, уделяя внимание каждому цеху, каждой специальности. Исследование конкретных специальностей помогло поднять предполагаемый процент участия женской рабочей силы в производстве; глубокое понимание специфики работы в цехе дало возможность выдвинуть ряд предложений как для руководителей предприятий, так и для центральных органов планирования. Такие предложения проигнорировать было сложнее, чем расплывчатые директивы из центра. Работа бригад перевела вопрос внедрения женского труда на цеховой уровень.

Исследования, проведенные бригадами, изменили и мнение относительно внедрения женского труда специалистов по труду. На протяжении 1920-х гг. они утверждали, что неспособность женщин к работе на производстве является следствием отсутствия у них квалификации и терпеливо объясняли, что промышленность нуждается в *квалифицированной* рабочей силе. Этот тезис повторяли как мантру практически в каждом исследовании, касающемся женского труда. Еще чаще его стали повторять в конце 1920-х гг., когда доля женщин среди безработных выросла до политически неприемлемого уровня. Это утверждение, в определенной степени соответствующее действительности, препятствовало выявлению других причин, мешающих внедрению женского труда, самой важной из которых была дискриминация. Женщин нанимали последними, а увольняли первыми, отсутствие квалификации было только частью проблемы. Руководители предприятий встречали бригады с нескрываемой враждебностью, поэтому бригады выдвинули проблему женской дискриминации на первый план. Они утверждали, что большая часть специальностей подходит для женщин, нужно только дать им возможность получить эту работу. Выводы, которые сделали бригады, были далеки от выводов Госплана, представленных в первом варианте плана по женскому труду. Плановики утверждали, что «одной из причин малого удельного веса женщин среди работающих в СССР является некультурность женщин и низкий квалифицированный уровень ее»⁷⁴. Заметив, что появился новый пласт специальностей, не требующих высокой квалификации, бригады лишили аргументов тех, кто отказывал женщинам в найме по причине отсутствия у них нужной квалификации.

---

⁷⁴ Перспективы женского труда // ГА РФ. Ф. 6983. Оп.1. Д. 159. Л. 323.

Бригады заявили, что существуют рабочие места, для которых можно достаточно быстро подготовить женские кадры. В отличие от не известных общественности планов по женскому труду, работа бригад освещалась в рабочей прессе. В печати появлялись статьи о конкретных предприятиях, агрессивные высказывания хозяйственников неоднократно цитировались. И материал, собранный бригадами, и внесенные ими предложения получили широкую огласку и были использованы центральными органами планирования при разработке всесоюзного плана по внедрению женского труда. И, наконец, работа бригад и КУТБ побудила НКТ и другие плановые органы снова включиться в работу над планом по женскому труду. Собранная на местном уровне информация позволила НКТ дополнить уже составленные списки специальностей, зарезервированных для женщин. Так «мелкое планирование» помогло реанимировать процесс «крупномасштабного планирования». Диалоговое взаимодействие между планированием сверху и встречным планированием снизу происходило с мая по декабрь 1930 г., результатом стали одобренные СНК списки профессий и должностей, исключительно или преимущественно зарезервированных для женщин. Списки, начало работы над которыми положили ранние попытки Госплана перераспределить рабочую силу, были одобрены официально.

Крупномасштабное планирование и планы предприятий

С самого начала работы над планом по женскому труду на него оказывали влияние две враждующие идеи: феминизм и продукционизм. Несмотря на то что эти идеи не всегда являются взаимоисключающими, при разработке стратегии внедрения женского труда, они вошли в противоречие. Плановики-мужчины из Госплана и НКТ, занимавшиеся крупномасштабным планированием, были привержены идее продукционизма, они стремились как можно скорее осуществить массовое внедрение женского труда. Проблема гендерной сегрегации их не беспокоила. Планирование на уровне предприятия, напротив, осуществлялось в основном силами женских бригад. Предоставленные бригадам полномочия позволяли им открыть женщинам доступ к «хорошим» рабочим местам в тех отраслях, которые традиционно были «закрыты» для женщин. Желая быстрее принять программу, которая позволит внедрить женский труд на производство, КУТБ подстегивал работавших и в том, и другом направлении. КУТБ участвовал в процессе крупномасштабного планирования прежде всего в качестве критика, постоянно требуя большей конкретики на местном уровне. Комитет постоянно контролировал работу бригад, тем самым он также был вовлечен в процесс мелкого планирования. Здесь — в обход НКТ

и Госплана — КУТБ был значимой силой. Как крупномасштабное, так и мелкое планирование, было нацелено на привлечение максимально-го числа женщин на производство, но наличие общей цели не предотвратило разногласий по вопросу, *где* женщины должны работать.

Некоторые феминистки в КУТБ, НКТ и Госплане с самого начала были недовольны планами по женскому труду. Они выступали против выделения в качестве «женской» неквалифицированной канцелярской работы, работы в сфере быта и торговле, справедливо предполагая, что такая классификация ограничит возможности женщин, закрепив их на низкооплачиваемых должностях. Однако активистки женского движения не возражали против гендерного перераспределения как такового. Они были рады возможности предоставить женщинам «мужские» рабочие места в тяжелой промышленности и не отказались бы от идеи зарезервировать их исключительно для женщин. Они также настаивали на использовании женского труда в промышленности, в особенности в тяжелой промышленности, поскольку в этом секторе экономики труд высоко оплачивался. Со своей стороны, адепты продукционизма из НКТ и Госплана не стеснялись резервировать для женщин низкооплачиваемую работу. Их целью было скорейшее массовое внедрение женского труда и перевод мужчин на более «тяжелую», но хорошо оплачиваемую работу. В проектах продукционистов женщинам предназначалось огромное количество специальностей, связанных с розничной торговлей, охраной и уборкой помещений, канцелярской работой и сферой услуг. Эти специальности не требовали особых навыков, они были низкооплачиваемыми, на них быстро навесили ярлык «женская работа». Подобное предубеждение в отношении этих специальностей существует до сих пор. Плановики также стремились открыть женщинам доступ в традиционно «мужские» отрасли, но и здесь они не собирались обеспечивать не только равенство полов, но даже равенство возможностей. Женщины попадали на квалифицированные рабочие места в промышленности в основном в новых и развивающихся отраслях. Крупномасштабное планирование расширило границы применения женского труда, но не ликвидировало, а напротив, укрепило разделение специальностей на «женские» и «мужские».

Опасения феминисток относительно закрепления за женщинами канцелярской работы и работы в сфере быта не повлияли на плановиков. К осени 1930 г. женские организации, такие как женотдел, женсекторы при Агитмассе были либо ликвидированы, либо переориентированы на общую партийную работу. Женщины-активистки из КУТБ и инспекторских бригад не имели возможностей для борьбы со стратегией гендерного перераспределения. С ликви-

дацией женотдела женщины потеряли основную организацию, защищавшую их интересы. В результате решение внедрять женский труд путем гендерного перераспределения практически не обсуждалось. КУТБ добивался, чтобы Госплан и НКТ занялись проблемой женской безработицы, поэтому — чтобы не тормозить процесс планирования — не стал поднимать вопрос о том, какие именно специальности следует резервировать для женщин.

Однако бригады разделяли намерение феминисток активно внедрять женский труд в промышленность. Они шли непосредственно на предприятия, относящиеся к традиционно «мужским» промышленным отраслям и добивались предоставления новых рабочих мест женщинам. Хотя бригады также следовали стратегии гендерного перераспределения, они придавали ей другую направленность. В каждом цехе они открывали женщинам доступ к рабочим местам, которые ранее предназначались исключительно для мужчин. Несмотря на то что многие из этих рабочих мест впоследствии стали считаться «женскими», члены бригад считали, что создают новые возможности трудоустройства для женщин, а не занимаются гендерным перераспределением рабочей силы. Бригады верили, что ведут борьбу за женское равноправие на цеховом уровне; противодействие со стороны хозяйственников, начальников цехов и рабочих-мужчин укрепляло их в этой мысли. Таким образом, претворяя в жизнь стратегию гендерного перераспределения, бригады и плановики имели различные цели. Плановики были заняты перераспределением рабочей силы в различных секторах экономики путем гендерной сегрегации, они стремились зарезервировать новые низкооплачиваемые должности для женщин. Бригады, напротив, резервировали для женщин новые рабочие места в промышленных отраслях, традиционно недоступных для женщин-работниц.

Стратегия гендерного перераспределения рабочей силы, характерная как для крупномасштабного, так и для мелкого планирования, оказала значительное воздействие на уровень участия женщин в работе в промышленности. Эта стратегия способствовала массовому внедрению женского труда, но не обеспечивала гендерное равенство. Даже когда в тяжелой промышленности появились новые возможности трудоустройства для женщин, принципы гендерной сегрегации продолжали соблюдаться. Кроме того, идея резервирования для женщин низкооплачиваемых должностей в сфере услуг была заложена еще в первых вариантах плана по женскому труду, разработанных НКТ и Госпланом в конце весны 1930 г. Таким образом, задача привлечения женщин на производство с целью обеспечения их финансовой независимости решалась за счет установления жестких границ между «мужской» и «женской» работой.

Группа горнячек-ударниц. 1931 г.

Комсомолец обучает молодую колхозницу металлообработке. Обратите внимание на лапти, в которые обута девушка. 1930 г.

Бетонщицы-ударницы Дасюк и Яновская на строительстве ДнепроГЭС.
Украина. 1932 г.

ГЛАВА 6. ПЛАНИРОВАНИЕ И ХАОС: БОРЬБА ЗА КОНТРОЛЬ

У нас нет, например, до сих пор методологии учета наличной женской рабсилы и исчисления потребности в ней.

Г. Ритов, специалист по труду. Лето 1931 г.¹

Нет системы и плановости. Работа идет самотеком.

*Сафина. Массовый сектор при ВЦСПС.
Осень 1931 г.²*

Особенно много таких противников женского труда в производстве имеется на ленинградском заводе «Электроаппарат»... На заводе «Электроаппарат» все эти установки вывернули, что называется, «шиворот-навыворот»: здесь работницу «допустили» именно на работу, требующую большой физической силы, но плотно притворили перед работницей двери производственных цехов. «Женский цех» на «Электроаппарате» — это дворовый цех, где женщины используются на переноске тяжестей, где единственный легкий труд — это труд уборщиц и поломоек.

К. Силин, журналист. 1931 г.³

К началу 1931 г. государство разработало подробные планы по привлечению женщин на промышленные предприятия. Наркомат труда и Госплан составили пятилетний план женского труда, партия начала кампанию по привлечению 1 600 000 женщин на производство, правительство опубликовало списки должностей, зарезервированных

---

¹ Ритов Г. Социалистическая индустрия должна получить не менее 1 600 000 новых работниц // НТФ. 1931. № 18. С. 3.

² Итоги внедрения женского труда в промышленность за 1-е полугодие // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 363. Л. 18.

³ Силин К. Самодуры мешают внедрению женского труда // На фронте индустриализации. 1931. № 17–18. С. 49. Далее обозначается как НФИ.

преимущественно или исключительно для женщин, инспекционные женские бригады посещали предприятия по всей стране, выясняя, какие рабочие места можно комплектовать женскими кадрами. Однако все это — планы, списки, предложения — существовало только на бумаге. В 1931 г. перед центральной властью и Комитетом по улучшению труда и быта работниц и крестьянок стоял важный вопрос — как воплотить «бумажные» планы в реальность. Удалось ли им это? Могли ли центральные органы планирования в Москве рассчитывать на то, что они сумеют определить разумные контрольные цифры для регионов, скоординировать общегосударственные и региональные плановые показатели, установить сотрудничество с администрацией на местах, создать эффективную командную цепочку и заставить хозяйственников следовать стратегии гендерного перераспределения?

Одной из первых данные о рабочих начала собирать Великобритания. Маркс также писал о необходимости сбора информации на уровне предприятий. Правительственных чиновников интересовали структура и состав рабочего класса, количество занятых на предприятиях, статистические данные по уровню квалификации, социальному происхождению рабочих, прогулах. Дипеш Чаркрабартти в исследовании, посвященном джутовому производству в Калькутте, сравнивая Британию и Индию, утверждал, что в последней нет условий для изучения рабочего класса. Редкие проявления интереса со стороны государства к статистическим данным об индийских рабочих остаются без последствий из-за того, что фабричная администрация не в состоянии предоставить даже самую элементарную информацию. Администрация не знает, сколько рабочих трудится на фабрике, где они находятся и чем заняты. Короче говоря, нет системы учета труда⁴.

В годы первой пятилетки политика советского государства в отношении трудовых ресурсов сочетала в себе британское стремление к порядку и индийскую безалаберность в осуществлении этих стремлений. Советское государство было нацелено не только на сбор статистических данных, стояла задача целенаправленно, на научной основе спланировать затраты на производство и объемы выпуска промышленной продукции. Капитальные вложения, сырье, оборудование, производительность труда и даже гендерная стратификация рабочей силы — все должно было быть тщательно спланировано

---

⁴Chakrabarty D. Conditions for Knowledge of Working-Class Conditions: Employers, Government and the Jute Workers of Calcutta, 1890–1940 // Selected Subaltern Studies / G. Spivak, R. Guha (eds.). New York: Oxford University Press, 1988.

и детально обозначено в плане. И в масштабе государства, и на отдельном предприятии каждый рабочий должен был быть учтен. Однако планирование — антитеза анархии на свободном рынке — требовало наличия развитого и надежного «аппарата» на всех уровнях — от правительства до отдельного учреждения. В условиях капитализма этот аппарат развивался в течение десятилетий, если не веков, в его основе лежало соблюдение трудовой дисциплины: низкий уровень прогулов, своевременный приход на работу, бесперебойный труд, высокая производительность. В Советском Союзе на тот момент не было возможностей для систематического сбора данных. В то время как центральные органы планирования занимались составлением детализированных планов, хозяйственники пытались наладить хотя бы учет посещаемости. До 1932 г. администрация на местах, как и их индийские коллеги, не могла и не стремилась снабдить государственные органы даже минимумом необходимых данных.

В 1931 г., когда централизованное планирование начало набирать обороты, центральные органы планирования, представители власти и КУТБ начали борьбу с местной администрацией и хозяйственниками за контроль над регионами. КУТБ, как защитник интересов женщин, сыграл значительную роль в содействии реализации плана по женскому труду. В союзе с центральными органами партии, стремившимися подчинить регионы, КУТБ использовал планы по женскому труду для того, чтобы установить контроль над регионами. Представители КУТБ полагали, что принятие региональных планов — ключ к преобразованиям на местах. Если местные власти будут вынуждены утверждать четкие контрольные показатели, то таким образом они примут на себя соответствующие обязательства. Для женщин из КУТБ, разочарованных бездействием государства в деле защиты интересов женщин, региональные планы были инструментом для достижения своих целей.

От государственного уровня до отдельных предприятий: региональное планирование

В 1931 г. первым шагом центральной власти к выполнению плана по женскому труду стало распределение огромного числа женщин-работниц на предназначенные им рабочие места. В январе ЦИК дал НКТ указание составить план по распределению 1 600 000 женщин-работниц, включая подробную статистическую разбивку по регионам, отраслям, предприятиям и даже специальностям. Расчеты НКТ должны были помочь организовать централизованный контроль

Москвы над отдельными регионами⁵. Кроме того, для успешного внедрения в регионах плана по женскому труду, нужно было придать ему бóльшую конкретность. Пятилетний план, разработанный НКТ и Госпланом, следовало разбить по годам, из общих контрольных цифр вывести региональные контрольные показатели. Местные чиновники, ответственные за выполнение плана, мало что могли сделать без контрольных цифр для промышленных предприятий их региона. Таким образом, НКТ начал работать над двумя проектами одновременно: планом по распределению 1 600 000 женщин-работниц и региональными контрольными цифрами по женскому труду на 1931 г.

В феврале ЦИК РСФСР потребовал обеспечить более глубокий уровень детализации: каждое предприятие, каждый колхоз и совхоз должны были к Международному женскому дню 8 марта составить свой план по женскому труду. Выполнение этой задачи. ЦИК возложил на НКТ. Централизованное планирование требовало от НКТ особых усилий; поскольку было необходимо увязывать региональные контрольные показатели, требовалась подробная информация по каждому предприятию. Для достижения этих целей НКТ пришлось подключить к работе местные отделы труда: нужно было собрать статистические данные о женщинах-работницах, оценить спрос предприятий на рабочую силу, наметить контрольные показатели по внедрению женского труда для каждого населенного пункта. Используя эту статистику, местные отделы труда могли бы впоследствии содействовать предприятиям в разработке планов по женскому труду⁶. Отделы труда должны были сыграть решающую роль в процессе планирования, поскольку их задачей был сбор и обобщение данных, а также собственно составление планов. Местные отделы труда не могли выполнить эти требования без участия руководства предприятий. Таким образом, на практике отделы труда сначала должны были выяснить у хозяйственников, сколько женщин у них работает и сколько еще требуется, а затем включить эти данные в региональный план. Региональный план, по существу, составлялся на основе обобщения мнений работодателей о спросе на рабочую силу.

---

⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1929–1940. Т. 2. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 253–254; Народный комиссариат труда РСФСР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 84–92.

⁶ Протокол № 11 заседания Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при Президиуме ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 69 об. Постановление упоминается в ходе заседания.

Можно ли этот процесс считать планированием? Таким способом можно установить контрольные цифры, но при этом нарушается принцип централизованного планирования, основанного на распоряжениях центра, а не на предложениях регионов⁷. К сожалению, руководителям на местах не удалось организовать даже этот процесс. Наступило 8 марта, сроки прошли, но большинство хозяйственников так и не разработали план по женскому труду. Неудача постигла не только их. В марте член Массового сектора при ВЦСПС Гоголева выразила недовольство тем, что НКТ все еще не подготовил контрольные показатели по внедрению женского труда на районном уровне. Плановики НКТ имели слабое представление о спросе на рабочую силу в регионах, поэтому не знали, куда направлять нуждающихся в трудоустройстве. Достоверных статистических данных они так и не получили. Гоголева раздраженно заметила, что местные органы труда считают внедрение женского труда чужой проблемой⁸. Даже находящиеся в подчинении НКТ отделы труда не отвечали на запросы, поскольку не смогли собрать статистические данные и составить хотя бы черновые планы.

В марте глава КУТБ Баранова отправила наркому труда РСФСР Романову гневное письмо о работе местных отделов труда. Из многих регионов, включая Восточную Сибирь, Нижнюю Волгу, Баранова получила информацию о том, что местные отделы труда игнорируют директивы о привлечении женщин на производство. Представители местных отделений КУТБ сообщали, что на местах никто и не думал собирать статистику по женскому труду. Из-за бездействия местных отделов труда отделения КУТБ не могли выполнить свою работу. Баранова требовала, чтобы Романов заставил местные отделы труда заняться вопросом внедрения женского труда и предоставить необходимые статистические данные. Не без язвительности она порекомендовала сообщить о том, как он планирует исправить положение⁹. В ответ на упреки со стороны Барановой НКТ направил во все местные отделы труда письма с повторным приказом собирать статистику по женскому труду и профподготовке женских кадров. На основе своих оценок спроса на рабочую силу в 1931 г. отделы труда долж-

---

⁷ Straus K. *Factory and Community in Stalin's Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997. Автор этой работы делает аналогичное предположение.

⁸ М. Г. От слова к делу // НТФ. 1931. № 8–9. С. 15.

⁹ В Наркомтруд РСФСР т. Романову // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 79.

ны были составить региональные планы по использованию женского труда в промышленности¹⁰.

Потерпев неудачу с местными отделами труда, НКТ, однако, достиг некоторых успехов в сборе статистики на областном уровне. 26 марта Наркомат направил в КУТБ контрольные цифры на 1931 г. с разбивкой по отраслям и областям. Это были значимые показатели, поскольку отражали и определяли возможности трудоустройства для женщин. Они были составлены на основе «объективной» оценки спроса промышленности на рабочую силу, но в то же время представляли из себя план распределения женской рабочей силы. Направят ли женщин в легкую промышленность и сферу услуг или предоставят высокооплачиваемые рабочие места в тяжелой промышленности? В соответствии с областными контрольными показателями наибольший спрос на женскую рабочую силу приходился на тяжелую промышленность: женщины должны были составить 50 % новой рабочей силы в Иваново, 90 % — на Урале. Больше всего в женском труде нуждались следующие отрасли: машинное производство, деревообрабатывающая промышленность, электротехническая промышленность, стройматериалы, черная металлургия и автомобилестроение¹¹. По мнению НКТ, основной спрос на женскую рабочую силу предъявляли новые (машинное производство, автомобилестроение, электротехническая промышленность) и развивающиеся отрасли (деревообрабатывающая промышленность и стройматериалы).

НКТ также разработал общегосударственный план по привлечению на производство 1 600 000 женщин. Эта цифра мелькала в газетных статьях и заголовках, но нигде не указывалось, в каких именно отраслях экономики будут трудиться эти женщины. Предположения строились различные. Так, был растиражирован лозунг «1 600 000 женщин к станку!», то есть некоторые авторы поняли план так, будто женщинам предоставят квалифицированные рабочие места в промышленности. Другие считали, что женщины будут заняты различными видами наемного труда, включая торговлю, канцелярскую работу и строительство. План НКТ предполагал собой довольно консервативный вариант, сбалансированный по отраслям. Только 284 000 женщин предпола-

---

¹⁰ Циркулярное письмо всем областным и краевым отделам труда и НКТ автономных республик // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 78.

¹¹ Народный комиссариат труда РСФСР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 84–102. Включены также такие регионы как: Карелия, Татарстан, Москва, Монголия, Иваново, Нижегородская область, Башкирия, Крым, Сибирь, Поволжье.

лось направить в крупную промышленность, 274 000 — в строительство и 26 000 — на транспорт, в общей сложности 584 000 человека. Оставшийся миллион предназначался для сезонных отраслей. Определив бóльшую часть новых работниц по этой категории, НКТ не только отступил от амбициозной цели привлечь женщин на производство, но даже не предполагал обеспечить их постоянным рабочим местом. Это была наиболее непроработанная часть плана, поскольку у НКТ не было даже минимальных данных об участии женщин в сезонных работах в 1930 г. Более того, сезонные отрасли, такие как лесная, горная, торфодобывающая промышленность обычно нанимали крестьян, в то время как, по расчетам НКТ, бóльшая часть новых работниц принадлежали к рабочим семьям. Лесозаготовки и торфяные болота вряд ли были подходящим местом для домохозяек из рабочих семей. Только 90 000 женщин (менее 6 % от общего числа) могли получить квалифицированные рабочие места; большинство после краткосрочной профподготовки на предприятии должны были занять малоквалифицированные и полуквалифицированные рабочие места на производстве или закончить организованные НКТ курсы строительных рабочих, где можно было обучиться профессии штукатура, бетонщика, маляра и др. По подсчетам НКТ, от 50 до 60 % всего спроса на промышленную рабочую силу можно было удовлетворить за счет женщин-работниц, что составляло более половины новых промышленных рабочих¹².

27 апреля состоялось заседание КУТБ, на котором присутствовали представители НКТ, Госплана и других организаций. На заседании обсуждались областные контрольные цифры по использованию женского труда в промышленности и проблема распределения 1 600 000 новых работниц. Обсуждение быстро превратилось в обмен критическими замечаниями. Некоторые из присутствовавших высказывали сомнения в том, что контрольные цифры по областям основываются на достаточном объеме данных. Другие требовали, чтобы НКТ пересмотрел результаты работы местных отделов труда, утверждая, что те препятствуют найму женщин. Известный специалист по женскому труду, представитель Госплана Маркус отметил, что никто не проследил, выполнили ли хозяйственники рекомендации женских бригад. Представитель башкирского женсектора Вафина заявила, что без надлежащего контроля «местные планы останутся только планами на бумаге». В целом представители КУТБ остались недовольны ра-

---

¹² Протокол № 11 заседания Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при президиуме ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 69–70. План был представлен на этом заседании.

ботой НКТ, который не составил к указанному ЦИК сроку (8 марта) план по распределению женской рабочей силы с разбивкой по предприятиям. Областные контрольные цифры по женскому труду с разбивкой по отраслям были расплывчатыми, недостаток информации с мест ставил под сомнение реалистичность плана. Подчинявшиеся НКТ отделы труда уделяли «очень мало внимания» проблеме женского труда. Наем и профобучение женщин происходили самотеком, никак не планировались. КУТБ рекомендовал НКТ вернуться к этой работе и пересмотреть как областную статистику, так и общегосударственный план по распределению 1 600 000 женщин. Обеспокоенный тем, что хозяйственники игнорировали спущенные сверху списки профессий и должностей и использовали женщин на неквалифицированной работе, КУТБ потребовал, чтобы НКТ к концу мая обеспечил обсуждение и поддержку этих списков на предприятиях. В течение следующих двух месяцев НКТ должен был следить, чтобы планы по внедрению женского труда и подготовке женских кадров строго соблюдались на стройках и предприятиях. Устав от бесконечных задержек, КУТБ решил довести информацию о неудовлетворительной работе НКТ до сведения ЦИК¹³. Однако СНК не поддерживал позицию КУТБ. Через три дня после заседания, 30 апреля СНК отменил распоряжения КУТБ и утвердил план распределения 1 600 000 женщин¹⁴. С этого момента при распределении женской рабочей силы ответственные органы должны были руководствоваться принципами, указанными в плане. Спустя четыре месяца с начала 1931 г. государству наконец-то удалось принять план распределения женской рабочей силы на этот год.

КУТБ был разочарован тем, что государство слабо контролирует процесс распределения рабочей силы. Сотни тысяч женщин приходили в промышленные предприятия, но их устройством занимались хозяйственники, которых не интересовало гендерное перераспределение и профобучение женских кадров. 16 мая состоялось заседание КУТБ, на котором присутствовали представители Народного комиссариата здравоохранения, Народного комиссариата земледелия, Союза сельскохозяйственных коллективов (Колхозцентр), Госплана и других организаций. На заседании был заслушан отчет НКТ о профподготовке женских кадров. И снова члены КУТБ выразили недовольство медленными темпами работы и общей несостоятельностью

---

¹³ Протокол № 11 заседания Комитета по улучшению труда и быта рабочих и крестьянок при президиуме ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 69–70.

¹⁴ Там же. Л. 51

НКТ. Баранова сообщила, что на предприятиях мало делается для обучения женщин. Женщин, которые годами занимались неквалифицированным трудом, обходят вниманием, выдвигают новых молодых работниц и жен рабочих. Хозяйственники не открывают ШФУЗы (школы фабрично-заводского ученичества, фабзавучи) для женщин, поэтому проработавшие не один год женщины не видят для себя никаких перспектив. Обсуждение вопросов профподготовки переросло в обсуждение старых проблем: отсутствие планирования, противодействие со стороны хозяйственников, отказ принимать женщин на рабочие места, указанные в списках. Представитель ВЦСПС Самойлов заявил: «Нужно отметить чрезвычайно медленные темпы внедрения женского труда в промышленность». Он подверг НКТ критике не только за то, что тот затягивает разработку плана, но и за неспособность реализовать его на местах. «Можно прямо сказать, что у нас неблагополучно с выполнением плана», — заявил он. «Нужно обязать соответствующие организации немедленно приступить к составлению списков профессий, могущих быть заполненными женским трудом взамен мужского». Самойлов и другие выступавшие отметили, что женщинам не предоставляют рабочие места, перечисленные в списках как «женские», а вместо этого отправляют на неквалифицированную работу. Осенью прошлого года бригады внесли ряд конкретных предложений, но руководители предприятий их не выполнили. Представитель КУТБ Пролетарского района Москвы Сергеева подтвердила, что весной при повторном посещении бригадой крупных предприятий этого района (АМО, «Динамо», «Серп и молот») выяснилось, что ни на одном из них к предложениям бригад не прислушались. В процессе механизации производства на АМО появилась возможность использовать женский труд практически в каждом цехе, но план по внедрению женского труда на предприятии не был составлен. Руководство не контролировало движение рабочей силы: рабочих перебрасывали с одного предприятия на другое, найм женщин происходил самотеком, когда не хватало рабочих рук¹⁵. Баранова утверждала, что основная проблема заключалась в отсутствии координации между НКТ и ВСНХ — организациями ответственными за трудовую политику и экономическое развитие. Органы планирования не имели представления о том, что происходит на предприятиях, сами предприятия работали без планов. «Планирую-

---

¹⁵ Заседание Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при президиуме ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 48 об.— 49.

щим органам не известно, сколько должно быть вовлечено женщин, и сколько будет вовлечено», — сказала Баранова. Плановики не могли оценить спрос на рабочую силу и не контролировали ее распределение. «Уже прошло полгода, — возмущалась Баранова. — Когда же будут вовлекать? Все как-то туманно». Бывшая сотрудница женотдела Мойрова пожаловалась на то, что бытовое обслуживание женщин не организовано, и ни одно учреждение не разработало план по созданию служб быта. Баранова подытожила: «27 апреля мы заслушивали план снабжения женской рабочей силой. Как отмечал сам докладчик, план до сих пор на места не спущен. Сегодня мы слушаем другой доклад. Хотя мы и бросаем громкие фразы о подготовке и вовлечении женщин, но к осуществлению этой задачи вплотную не подошли»¹⁶. На самом деле женщины активно привлекались к работе на промышленных предприятиях, но Барановой не было известно количество новых работниц и принципы их распределения, ее также беспокоил хаос на местах.

И вновь КУТБ высказал ряд критических замечаний. Усилия НКТ и ВСНХ по организации профподготовки женщин были названы «недостаточными», было также отмечено, что ВСНХ не пытался внедрить план НКТ по женскому труду на предприятиях. Работа с планом стопорилась на государственном уровне. Кроме того, отсутствие служб быта и недостаточное внимание к профобучению ставили под угрозу решение привлечь к промышленному труду 1 600 000 женщин. КУТБ отдал распоряжение НКТ и ВСНХ до 10 июня разработать план по профподготовке и найму женщин. В новом плане, основанном на общегосударственных контрольных показателях, утвержденных СНК 30 апреля, необходимо было указать прогнозируемую долю женщин-работниц в каждой отрасли промышленности с разбивкой по регионам. Затем КУТБ потребовал, чтобы НКТ и ВСНХ составили план по организации бытового обслуживания новых женских кадров. Учитывая неудачи ВСНХ при внедрении на предприятиях предыдущих планов, КУТБ предложил НКТ к 10 июня также разработать планы внедрения женского труда с разбивкой по предприятиям. Кроме того, КУТБ поручил ВСНХ, ВЦСПС и НКТ принять необходимые меры для того, чтобы в фабзавучах соблюдались определенные ранее квоты для женщин. НКТ должен был обеспечить поддержку планов внедрения женского труда со стороны рабочих, на предприятиях. КУТБ

---

¹⁶ Заседание Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при президиуме ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 49.

настаивал также на более активном обсуждении вопроса внедрения женского труда в прессе. И, наконец, ввиду «слабой работы» местных партийных организаций КУТБ обещал прислать им четкие инструкции по привлечению женщин на предприятия¹⁷. На протяжении 1931 г. КУТБ оставался единственной организацией, защищавшей интересы женщин и побуждавшей к действию НКТ. Понимая, что общегосударственный план не будет иметь значения, если его не станут внедрять на местном уровне, КУТБ обозначил для НКТ новые сроки для разработки программы профподготовки женщин и организации бытового обслуживания. НКТ, как всегда, реагировал медленно. Нарком труда Романов скорее всего был настроен на сотрудничество, но он был не в состоянии контролировать дезорганизованные отделы труда, недружелюбные по отношению к женщинам-работницам, как утверждали защитники женских интересов. Романов также не имел влияния на хозяйственников и профсоюзы. Руководитель Массового сектора при ВЦСПС Ленау обобщил результаты работы к началу лета 1931 г. следующим образом: НКТ и ВСНХ не имеют представления, сколько женщин пришли или придут на производство в каждом регионе и в каждой отрасли промышленности в этом году. Приказы НКТ выполняются неудовлетворительно. Профсоюзы не сделали ничего для борьбы с предрассудками хозяйственников в отношении женского труда. Предприятия еще не приняли собственные планы. «Нет оперативного плана, — пояснил Ленау. — В работе господствует самотек»¹⁸.

Директивы из центра и инертность на местах

Бездействие местных властей раздражало НКТ так же, как бездействие НКТ раздражало КУТБ. НКТ рассылал бесконечные постановления и инструкции, но местные власти и хозяйственники их полностью игнорировали. Более пристальный взгляд на отношения между центральными и региональными властями, позволяет понять, с какими препятствиями приходилось сталкиваться НКТ. Инертность и некомпетентность, которую проявили местные власти Нижнего Новгорода (в 1932 г. был переименован в Горький), характерна для большинства случаев. В 1931 г. Нижегородская область, располо-

---

¹⁷ Заседание Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при президиуме ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 49 об.—52.

¹⁸ На президиуме ВЦСПС. Ильичевцы добились вовлечения в производство 3000 жен рабочих // Труд. 3 июля 1931; За 1 600 000 работниц // Труд. 3 июля 1931.

женная на восток от Москвы в среднем течении Волги, уже являлась важным промышленным центром с развитым машиностроением, отраслью, производящей автомобили, локомотивы, ж.-д. вагоны, речные и морские суда. Также там находились крупный химзавод, станкостроительный и стекольный заводы, металлургический комбинат, предприятия легкой промышленности. Большинство промышленных рабочих — как мужчин, так и женщин — были заняты в металлургической промышленности. Будучи крупным промышленным центром, Нижегородская область постоянно нуждалась в рабочей силе, в связи с этим открывались широкие возможности для трудоустройства женщин. Однако местные власти оказались не в состоянии разработать план использования труда женщин на производстве.

В начале февраля 1931 г. состоялось совещание нижегородского КУТБ, на котором местные отделы труда и ВСНХ должны были представить областной план по внедрению женского труда на текущий год. В план были включены статистические данные по уровню участия женщин в каждой отрасли и прогноз на 1932 г. Казалось, что доля женщин в рабочей силе возросла практически в каждой отрасли. Однако в плане отсутствовали данные об общей численности рабочих, и таким образом маскировался тот факт, что в некоторых отраслях промышленности она снизилась. Создавалось ложное впечатление, что доля женщин в таких отраслях промышленности как химическая, бумажная, текстильная, швейная и парфюмерно-косметическая выросла, в то время как на самом деле объем производства в этих отраслях снижался, и общее число рабочих уменьшалось. Рост доли женщин был напрямую связан с тем, что мужчины массово покидали эти отрасли, чтобы получить работу в высокооплачиваемых отраслях. При внимательном рассмотрении оказалось, что женская рабочая сила доминирует в не относящихся к числу приоритетных низкооплачиваемых отраслях. Таким образом, план отражал не результат организационных действий по привлечению женщин на предприятия, а напротив, демонстрировал безразличие к тому, что женщины работали в отраслях, где наблюдался спад производства. Статистические прогнозы были составлены наспех, только для того, чтобы удовлетворить требования НКТ, реальные попытки привлечь женщин в развивающиеся отрасли тяжелой промышленности не предпринимались¹⁹.

Не удивительно, что члены нижегородского КУТБ были недовольны планом. Никто не обратил внимания на то, что статисти-

---

¹⁹ Постановление // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 65.

ческие данные дают неверное представление о росте оплаты труда женщин; представители КУТБ отметили, «наряду с наличием объективных причин, препятствующих составлению контрольных цифр плана женского труда во всех отраслях народного хозяйства, также определенную недооценку планирующих организаций и хозяйственников всей политической важности дела внедрения женского труда в производство». Снова отмечался «крайне недостаточный удельный вес женщин среди квалифицированных рабочих промышленности», поскольку руководители не доверяли им квалифицированную работу. Нижегородский КУТБ дал указание местному отделу труда составить контрольные цифры по внедрению женского труда для каждого предприятия, обеспечить бронь для женщин в фабзавучах (не менее 50 % всех мест) и разработать план по организации бытового обслуживания. Все это нужно было сделать к 8 марта. КУТБ подчеркнул, что все предприятия должны уделять пристальное внимание разработанному НКТ списку профессий и должностей, для которых был предусмотрен исключительно женский труд²⁰.

Нижегородские отделы труда, как и другие местные отделы труда по всей стране, к 8 марта с работой не справились. Очень мало было сделано для привлечения женщин на производство, развития служб быта, обеспечения брони для женщин в фабзавучах. Областной отдел труда наметил контрольные показатели по использованию женского труда, но даже не пытался достичь их. В апреле нижегородский крайком ВКП(б) и исполком нижегородского совета обязались привлечь на производство 15 000 женщин и увеличить долю женщин в составе занятых с 24 до 30 %. Женщины также должны были составлять 40 % обучающихся в фабзавучах. Однако ни одна из этих задач не была выполнена. Предприятия получили четкие инструкции и проигнорировали их²¹.

4 мая представители нижегородских профсоюзов встретились с плановиками и сотрудниками местных отделов труда, чтобы обсудить вопрос о распределении женщин-работниц. Обсуждение стало поводом для очередной серии взаимных обвинений. Согласны все были лишь в одном: профсоюзы, отделы труда, ВСНХ и хозяйственники плохо выполнили свою работу. Профсоюзы и хозяйственные органы проигнорировали распоряжения областного отдела труда, областные органы планирования не составили план, никто ничего не сделал,

---

²⁰ Постановление // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 65–65 об.

²¹ Материалы о внедрении женского труда в промышленность // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.

чтобы привлечь женщин на производство. Всю весну местная администрация играла в свою версию детской игры «передай горячую картофелину». После того как нижегородский КУТБ дал указание отделу труда представить к 8 марта более точные контрольные цифры с разбивкой по предприятиям, отдел труда продлил срок до 1 апреля и поручил это задание руководителям предприятий. Однако даже к маю никто ничего не сделал. Поскольку других идей не было, на совещании было решено повторить процесс, уже в новые сроки. Отделу труда поручили заставить руководителей предприятий разработать планы по внедрению женского труда не позже 12 мая. На этот раз тем, кто не выполнит задание, грозила уголовная ответственность. На середину мая было запланировано крупное совещание с участием руководства предприятий и членов профсоюзов, на котором предполагалось проверить, как предприятия выполняют план²².

В конце осени в ЦИК РСФСР был направлен доклад об использовании женского труда в промышленности в Нижегородской области, где было сказано, что «огромные женские трудовые ресурсы остаются все еще не втянутыми в социалистическое строительство области», хотя доля женщин в общем числе занятых неуклонно росла. Судя по разрозненным данным, поступившим примерно от четвертой части всех предприятий области, за период с января по август 1931 г. увеличилась число женщин, занятых в электротехнической, деревообрабатывающей, металлургической, химической, кожевенной, меховой и полиграфической промышленности. Согласно контрольным заданиям, к декабрю женщины должны были составить 30 % всех промышленных рабочих, но предварительные данные свидетельствовали о том, что доля женщин в составе рабочих, занятых в промышленности, достигла 26 % уже в августе. Однако, как следовало из доклада, это не являлось заслугой местных властей. Ни в одной местной организации не обсуждались вопросы выполнения контрольных заданий, составленных отделом труда. Женщины по-прежнему занимались неквалифицированным и полуквалифицированным трудом; их доля возросла с 34 до 44 %. Нижегородский отдел труда так и не подготовил развернутый план, а руководители предприятий проигнорировали данные им инструкции. Как было отмечено в докладе: «В результате — по всем этим вопросам бесплановость, самотек, безответственность»²³. Иными словами, в Нижегородской

---

²² Протокол заседания КСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362; Протокол совещания сектора кадров КСПС // Там же. Л. 143.

²³ Доклад о внедрении женского труда в промышленность в Нижегородском крае // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–3.

области женщины пополняли ряды промышленных рабочих самотеком, без участия местных властей. Они шли работать, поскольку нуждались в деньгах. Руководители, не беспокоясь о профподготовке и гендерном распределении женщин, нанимали их в качестве неквалифицированной рабочей силы. К августу 1931 г. женщины составляли около четверти всех промышленных рабочих, и почти половину всей неквалифицированной рабочей силы²⁴.

Отчеты с московских предприятий демонстрировали аналогичную картину: руководство и фабричные комитеты просто игнорировали планы и директивы центральных органов. В апреле 1931 г. активист из ВЦСПС исследовал положение женщин на заводе «Динамо» и обнаружил, что мощный электромашиностроительный завод до сих пор не имеет плана по внедрению женского труда и распределению женской рабочей силы. В 1931 г. количество трудящихся женщин на заводе выросло с 338 до 827 человек, однако новые работницы приходили по собственной инициативе. Фабком не вел учет трудящихся женщин и не выносил на обсуждение проблему работающих женщин. «Соцбытсектор завкома, который должен был интересоваться вопросом улучшения бытового обслуживания женщин в связи с увеличением их количества, ничего не знал о плане внедрения женщин в производство на 1932 г.» В фабричной газете не было статей, посвященных женскому вопросу. Отдел кадров не имел данных о квалификации, обучении и производительности работниц, а также планов по повышению их квалификационного уровня. На женщин, составлявших 16 % рабочей силы завода, обращали внимание только раз в год, в Международный женский день, а затем забывали о них до следующего праздника²⁵.

Одним из способов заставить местную администрацию заняться наконец планами по женскому труду стало обращение в прессу, где публиковалась информация о бездействии отдельных руководителей. Так, один журнал направил группу рабочих корреспондентов (рабкоров) на машиностроительный завод имени М. И. Калинина, чтобы исследовать условия труда на этом предприятии. До 1927 г. женщины на заводе никогда не работали. В 1927 г. было принято шесть женщин. В 1930 г. на заводе работало 30 женщин. А уже в 1931 г. в литейном цехе работали только женщины, их стали

---

²⁴ Доклад о внедрении женского труда в промышленность в Нижегородском крае // ГА РФ. Ф. 6983. Оп.1. Д. 165. Л. 1.

²⁵ Акт. Состояние внедрения женского труда в 1931 г. Завод «Динамо» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 557. Л. 65–68.

брать и в механический цех. В этом же году женщины, работавшие в механическом цехе, поместили в журнале обращение, в котором предлагали повысить уровень женской занятости на предприятии, уделять больше внимания женскому труду и положить конец работе «в общем». В своем обращении женщины также требовали, чтобы в течение конкретного периода времени каждое предприятие разработало и внедрило план по привлечению женщин на производство. Желая стать примером для других предприятий, работницы завода обязались проконтролировать действия своего руководства и фабкома. Десять женщин из механического и литейного цехов подписали обращение с призывом «включиться в боевой массовый поход за внедрение не менее 1 600 000 работниц в наше социалистическое производство»²⁶. Однако эти призывы «верхи» не услышали, оттуда не последовало никаких директив. Обращение женщин завода им. Калинина, написанное для того, чтобы оказать давление на местное руководство, не повлекло за собой аналогичных кампаний на других предприятиях. Ни НКТ, ни профсоюзы не попытались организовать нечто подобное с целью повлиять на руководителей предприятий, отделы труда и фабкомы. Из калининской искры не возгорелось пламя.

Отчеты из более отдаленных регионов свидетельствовали об аналогичном положении: растущая женская занятость и полное безразличие властей. На конференции ударниц в Баку было заявлено прямо: «...ни местный отдел труда, ни профсоюзы не проявляют какой-либо инициативы по внедрению женского труда в производстве. Все идет самотеком, планы отсутствуют»²⁷.

Нескончаемый поток инструкций и постановлений сверху профсоюзы просто игнорировали. В апреле 1931 г. ВЦСПС созвал совещание профсоюзов, чтобы обсудить кампанию по привлечению женщин на предприятия. Практически все присутствовавшие сообщали, что районные и областные советы профсоюзов ничего не предпринимали. Одна из выступавших отметила, что в ее области совет профсоюзов издал только два распоряжения, касавшиеся женщин, причем одно из них повторялось каждый год в Международный женский день. В заключение она подытожила: «Вопрос внедрения женского труда. Он не только в производстве, но и вообще в поле внимания

---

²⁶ Мы, работницы литейного цеха и 1-го механического отдела завода им. Калинина // НТФ. 1931. № 18. С. 7. О заводе им. Калинина см.: Женщина на заводе им. Калинина // НТФ. 1931. № 28. С. 9.

²⁷ Ритов Г. Довольно звонких деклараций // НТФ. 1931. № 18. С. 4.

не стоит, нет никаких следов, что этот вопрос кого бы то ни было интересовал»²⁸. Директивы сверху игнорировались; никто не проверял их выполнение. Когда совету профсоюзов Ленинградского района было поручено собрать данные о квалификации трудящихся женщин в этом районе, это задание он просто не выполнил. В конечном счете какие-то цифры были предоставлены, но отсутствовали сопоставления с предыдущим годом, план по профподготовке так и не был разработан. Отчасти это произошло из-за бездействия школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), которые не предоставили нужные данные. Без информации от ФЗУ совет профсоюзов не мог составить статистический отчет и план по профподготовке²⁹. Докладчица из Златоуста сообщила, что районные профсоюзы не имеют даже базовых статистических данных о женщинах, задействованных в производстве; например, о количестве женщин, работающих на предприятиях³⁰. В Магнитогорске отношение к работе было исключительно безалаберным. В районном партбюро был составлен план по женскому труду, который и разослали местным парторганизациям с указанием, что план следует выполнить к марту. Когда представители партийного руководства посетили Магнитогорск, выяснилось, что, хотя план был опубликован в прессе, профсоюзы и райсовет не удосужились его прочитать. «Это характеризует, как они относятся к работе», — возмущалась докладчица³¹. По информации со Средней Волги, бóльшая часть местных предприятий не имела никаких планов по внедрению женского труда. Многие заводы не смогли выполнить поставленные задачи по найму женских кадров, рабочие места, на которых должны были трудиться женщины, все еще были заняты мужчинами. Некоторые руководители предприятий совместно с районными отделами труда разрабатывали планы по женскому труду, которые никто не внедрял. Когда представители районного отдела труда посетили крупнейшие предприятия, чтобы проверить как выполняются планы, они обнаружили «в общем вполне неприглядную картину». Большинство руководителей не имело информации о работницах собственных предприятий, профподготовка женщин не велась, «допускались произвольные отступления от плана» по гендерному перераспределению рабочих, рабочие места, «обязатель-

---

²⁸ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 23, 31.

²⁹ Там же. Л. 32.

³⁰ Там же. Л. 28.

³¹ Там же. Л. 19 об.

ные к замещению исключительно женщинами» все еще были заняты мужчинами. «Предложенный краевым отделом труда план лежал до ноября без движения и находился в папке бумаг, предназначенных к подшивке к делу». Отдел труда, в свою очередь, практически ничего не делал для реализации этого плана³².

Новые или старые схемы? Гендерное перераспределение на предприятиях

Об отсутствии централизованного контроля на местах свидетельствовали не только просчеты и упущения в планировании внедрения женского труда, но и в распределении рабочей силы. Центральные органы власти и КУТБ на протяжении 1931 г. пытались заставить хозяйственников пользоваться списками профессий и должностей, резервируемых для женщин, и внедрять предложения бригад. Прогресс был медленным. КУТБ опасался, что если не будет проведена кампания по гендерному перераспределению квалифицированных и полуквалифицированных рабочих мест, женщины станут использовать преимущественно в качестве неквалифицированной рабочей силы, и они окажутся на низшей ступени в иерархии предприятия. В феврале 1931 г. на пятом пленуме ВЦСПС было особо подчеркнуто, что все планы по привлечению женщин на производство должны основываться на стратегии гендерного перераспределения: «Профессиональным и хозяйственным организациям совместно с органами Наркомтруда организовать на предприятиях рабочие бригады для выявления возможности замены мужского труда женским»³³. Женщины должны были заменить мужчин там, «где труд мужчин нецелесообразен по причинам легкости работы», а мужчин следовало перевести на более трудную работу³⁴.

В 1931 г. правительство продолжало направлять на предприятия бригады, чтобы определить, какие рабочие места можно перевести в разряд «женских». Многочисленные инспекции, проведенные на таких предприятиях как «Красный путиловец»,

---

³² Банковский Б. План внедрения женского труда по Средней Волге не выполнен. Не есть ли это результат слабой работы органов труда? // НТФ. 1932. № 5. С. 16; Есть планы, директивы, но нет женщин на производстве // НТФ. 1932. № 4. С. 18.

³³ Материал к п. 5 Заседания президиума от 13.02.1931 г. О мероприятиях по вовлечению женщин в производство в 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 363. Л. 67.

³⁴ О внедрении женского труда в народное хозяйство в 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 159.

«Судоверфь», Электрозавод, Подольский завод и Ростсельмаш, показали, что «в связи с механизацией на ряде агрегатов и в ряде цехов от 40 до 80 % всех рабочих мест могут быть заняты женщинами, причем для подготовки этих профессий требуется срок от 1 до 3 месяцев»³⁵. На химических предприятиях «Красный богатырь», «Промтехника», Шинный завод и Регенераторный завод также проводились инспекции с целью выяснить, на какой работе женщины могут заменить мужчин. К лету был составлен список из тридцати шести специальностей, которые должны были комплектоваться исключительно женщинами. В этот список вошли такие специальности как: весовщик, смазчик, фрезеровщик, строгальщик, токарь, помощник механика, моторист, смазчик, ткач, вальцовщик и прессовщик³⁶. Руководителям предприятий, испытывающих нехватку рабочей силы, было предложено заменить мужчин женщинами с помощью функциональной системы (т. н. функционалки). Используя функционалку, целый ряд «мужских» специальностей удалось перевести в разряд «женских». Она успешно применялась в текстильной промышленности и строительстве, в течение 1931 г. использовалась также в машиностроении и металлургии³⁷. Например, администрация Московского электрозавода решила проблему дефицита рабочей силы, заполнив вакантные места женскими кадрами. В некоторых цехах женщины составляли до 90 % работников. На новом украинском тракторном заводе «Большевик» из 5500 рабочих женщин было только 700, но в крепежном цехе работали одни женщины, помощниками токаря также назначали женщин³⁸. В Магнитогорске рабочие, бригадиры и администрация полагали, что женщины могут работать возчиками и конюхами³⁹. На некоторых предприятиях специальные женские бригады в массовом порядке

---

³⁵ Производственная активность работниц и эффективность женского труда // ГА РФ. Ф. 5451. Оп.15. Д. 362. Л. 23.

³⁶ Материал о внедрении женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп.15. Д. 362. Л. 70.

³⁷ За 1 600 000 работниц отвечают прежде всего союзы // Труд. 10 июля 1931.

³⁸ В ЦК ВКП(б). О массовой работе среди женщин в связи с вовлечением новых слоев женщин в промышленность. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 86; За 1 600 000 работниц отвечают прежде всего союзы // Труд. 10 июля 1931.

³⁹ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 15–15 об.

заменяли мужчин, которых переводили на тяжелые работы⁴⁰. К лету 1931 г. привлечение женщин на производство фактически превратилось в перераспределение рабочей силы. Представительница одного из магнитогорских профсоюзов, возмущаясь тем, что ничего не делается для вовлечения женщин в производство, сказала: «Никто не занимается вопросом возможности замены мужского труда женским, этот вопрос остался открытым»⁴¹.

Процесс гендерного перераспределения шел медленно. В марте НКТ направил письмо областным и краевым отделам труда, критикуя их за то, что они «или совсем не занимаются, или уделяют очень мало внимания вопросам внедрения женского труда в промышленность и создания на производстве квалифицированных кадров работниц». Письмо сопровождалось инструкциями, в которых указывалось, что мужчины могут занимать вакансии, предназначенные «преимущественно» для женщин, только если нет свободных женских кадров. Такая интерпретация закона стирала грань между специальностями, рекомендованными «преимущественно» для женщин и зарезервированными «исключительно» для женщин, таким образом делая недоступным для мужчин целый ряд рабочих мест, на которые они могли претендовать ранее. В письме НКТ также требовал, чтобы областные отделы труда обеспечили замену мужчин женщинами на всех рабочих местах, которые законодательно не запрещены для женщин. Иными словами, все рабочие места, где женский труд разрешен, должны были комплектоваться женщинами. Мужчин следовало перевести на «более тяжелые либо высококвалифицированные работы». Кроме того, НКТ значительно расширил список профессий и должностей, изданный в декабре 1930 г. Если бы руководители предприятий и областные отделы труда последовали этим инструкциям, им пришлось бы реклассифицировать практически каждую специальность, передать женщинам рабочие места нижнего и среднего эшелона, которые на тот момент занимали мужчины, и перевести мужчин на тяжелую, опасную или высококвалифицированную работу. В письме также было указано, что местные органы труда должны обеспечить профподготовку максимально возможного количества женщин.

---

⁴⁰ В ЦК ВКП(б). О массовой работе среди женщин в связи с вовлечением новых слоев женщин в промышленность. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 85.

⁴¹ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 15.

Если хозяйственники будут отказываться нанимать женщин, отдела́м труда следует «ставить вопрос о привлечении их к ответственности». Предполагалось, что эти расплывчатые угрозы вынудят отделы труда усилить контроль над хозяйственниками⁴².

Угрозы не помогли, письмо не возымело особого эффекта. В течение весны количество жалоб росло. Несмотря на существование общегосударственного списка профессий и целого ряда предложений местных бригад, хозяйственники зачастую не справлялись с переводом специальностей из разряда «мужских» в «женские», а профсоюзы и местные отделы труда не соблюдали закон. При найме и распределении женских кадров хозяйственники по-прежнему пользовались старыми схемами: бригады обнаруживали, что женщин продолжают нанимать на неквалифицированную работу. В Ленинграде районный совет профсоюзов принял решение создать комитет для помощи предприятиям в разработке планов по профподготовке женщин и перераспределению рабочей силы. Однако комитет так и не был создан⁴³. В отчете Ленсовета было отмечено, что хозяйственники и представители органов труда не уделяют особого внимания проблеме профподготовки и найма женских кадров. Обзор двадцати ленинградских предприятий показал, что, несмотря на существенный рост доли женщин в составе рабочей силы за первое полугодие 1931 г., соответствующего роста квалификации трудящихся женщин не происходило. Доля мужчин, занимающихся квалифицированной работой, увеличилась с 33 до 39 %, а среди женщин — только с 28 до 30 %⁴⁴. Исследование восемнадцати ленинградских предприятий летом 1931 г. обнаружило, что 94 % вновь принятых рабочих-мужчин и только 19 % новых работниц-женщин были переведены на квалифицированную работу. Отчеты с других предприятий Ленинграда говорили о том же. На заводе «Электросила» не было ни одной женщины, занятой высококвалифицированным трудом, хотя предприятие активно нанимало женщин. Более того, количество женщин, занятых среднеквалифицированным трудом, за первые 7 месяцев 1931 г. снизилось с 20 до 14 человек, то есть с 1,3 % женщин, работающих на предприятии, до 0,9 %. Доля женщин, занятых полуквалифицирован-

---

⁴² Циркулярное письмо всем областным и краевым отдела́м труда и НКТ автономных республик // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 78.

⁴³ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 31.

⁴⁴ В президиум ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 6.

ным трудом, выросла минимально: с 31,5 % до 32 %. На «Северной верфи», известной своими предрассудками в отношении женщин, не было ни одной высококвалифицированной женщины-работницы, а общее количество женщин, занятых квалифицированным трудом, уменьшилось почти вдвое. Все же число полуквалифицированных работниц на предприятии увеличилось, равно как и число неквалифицированных. С января по июль 1931 г. значительных изменений на верфи не произошло: женщины составляли почти половину всей неквалифицированной рабочей силы. К октябрю 1932 г. 14,2 % всей рабочей силы предприятия составляли женщины, но у администрации все еще не было плана по профподготовке, найму и кадровому продвижению женщин. На «Красном путиловце» дела обстояли чуть лучше. Администрация не торопилась перераспределять рабочую силу, но постепенно переводила женщин на более квалифицированные рабочие места. К июлю 1931 г. количество работниц четвертого разряда почти утроилось. Подводя итоги работы ленинградских хозяйственников и органов труда, авторы отчета утверждали, что она не развернута «в достаточной мере». Высококвалифицированные работницы на ленинградских предприятиях «насчитываются единицами»⁴⁵. Пренебрегая постановлениями и инструкциями, хозяйственники продолжали нанимать женщин на работу, связанную с уборкой, погрузкой и переноской тяжестей, ремонтом, а также на неквалифицированную работу, не имеющую отношения к производству.

В мае рабкоры вновь посетили завод им. Калинина. Председатель завкома в интервью сообщил, что не предпринимал ничего для внедрения женского труда и кадрового продвижения женщин: все 260 работниц пришли на завод самотеком. Один из рабкоров поинтересовался, обсуждал ли завком вопрос о женском труде, на что председатель ответил: «Разве все запомнишь! Посмотрите протоколы пленума завкома... А мне некогда... Я бегу на заседание...» Посмотрев протоколы, рабкоры обнаружили, что завком никогда не обсуждал вопрос о женском труде. По словам Буканова, заведующего отделом кадров заводоуправления, большая часть женщин занималась здесь работой, не связанной с производством. Журналисты спросили его: «Какие профессии Вы считаете, тов. Буканов, наиболее приемлемыми для женщин у вас на заводе?» Он ответил: «У нас работают

---

⁴⁵ В президиум ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 6 об., 7 об.; Внедрение женского труда и цензовая промышленность г. Ленинграда // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 189. Л. 78.

женщины крановщицами, работают на револьверных станках, женщины могут замещать должности служащих, уборщиц, стержневых в литейном цеху». Затем рабкоры поинтересовались: «Ну, а каковы у Вас перспективы на дальнейшие втягивания женщин в производство?» Буканов ответил: «С переходом на третью смену мы возьмем еще 10 работниц». После беседы с завотделом кадров журналисты пришли к следующему выводу: «Можно заранее с уверенностью сказать, исходя из взглядов на женский труд тов. Молчкова и Буканова, что предполагаемый десяток новых работниц будет использован в качестве... уборщиц?!» Профсоюз, завком, и руководство завода им. Калинина не разработали контрольные цифры по внедрению женского труда, не составили список профессий, на которых мужской труд можно было заменить женским. Указы и постановления центра словно и не попадали на завод. Одна из женорганизаторов с сожалением отметила: «Трудно побороть косность и консерватизм наших хозяйственников. Они с пренебрежением относятся к женскому труду, они не верят в способности женщины-работницы. Каждую пришедшую на завод работницу они рассматривают как обузу»⁴⁶.

В различных отраслях производства наблюдатели отмечали, как медленно идет кадровое продвижение женщин. По словам одного из журналистов, это «является бесспорным показателем крайне небрежного отношения хозорганов и профсоюзов к задачам подготовки квалифицированной женской рабочей силы»⁴⁷. По состоянию на осень 1931 г. большая часть предприятий так и не составила планов по распределению, профподготовке и кадровому продвижению женщин. На «Электроаппарате» каждый год к 8 марта нескольких женщин в качестве поощрения выдвигали на низкооплачиваемую работу в производственном цехе. В ответ на протесты со стороны женщин администрация напомнила им о принципе *единоначалия*: «Не забывайте, товарищи, об единоначалии! Если мастер или бригадир не хотят принять работницу, никто не имеет права заставить их поступить иначе». Многие мастера действительно отказывались принимать женщин. Один журналист заметил: «Продвинуться в бригадиры — для работницы несбыточная мечта»⁴⁸. Руководители одного из заводов проигнорировали государ-

---

⁴⁶ Бригада рабкоров (Кузнецова, Ашкинази, Адрианов). Медленным шагом, робким зигзагом // НТФ. 1931. № 18. С. 6.

⁴⁷ Аристов Н., Толчиев. Дорогу женщине на производство, на квалифицированную работу // НТФ. 1931. № 26–27. С. 22.

⁴⁸ Силин К. Самодуры мешают внедрению женского труда // НФИ. 1931. № 17–18. С. 48–50.

ственный список профессий, они нанимали и распределяли женские кадры спонтанно, самотеком. Предприятия Баку получили указания сверху, но ничего не делали для реализации их на местном уровне. «За все время ни завком, ни партколлектив, ни ИТС не провели ни одной беседы о роли женщин на производстве». На некоторых предприятиях, например, на заводе «Русский дизель» администрация сознательно саботировала кадровое продвижение женщин, назначая их на работу у станков, с которой едва справлялись физически сильные мужчины⁴⁹. В Магнитогорске даже квалифицированным работницам регулярно приходилось заниматься неквалифицированным трудом, связанным с подъемом тяжестей. Каменщицы, плотницы, штукатурицы занимались работой, на которой требовалось поднимать камни и брусья весом более 80 фунтов. Немногим женщинам удавалось устроиться на работу в механизированных секторах производства, где не требовалось применения физической силы. В целом руководители строительных работ не уделяли внимание тому, как лучше распределить женские кадры⁵⁰. В 1932 г. в Московской и Ленинградской областях около 70 % трудящихся женщин занимались неквалифицированным трудом, на Уралмаше — было занято 100 % работниц⁵¹. На Константиновском химзаводе женщины работали уборщицами и также занимались неквалифицированным трудом, не связанным с производством. Заведующий отделом материально-технического снабжения даже не задумывался о переводе их на другие рабочие места. Более 900 женщин работало на Горловской шахте, из них большая часть занимались неквалифицированным трудом, и никто не планировал организовать для них профподготовку. Несмотря на то что руководство шахт получило специальные инструкции относительно замены мужского труда женским, в этом направлении ничего сделано не было⁵². ВЦСПС докладывал в ЦК: «...показатели качественного роста женской силы, в смысле ее квалификации, совершенно неудовлетворительны». 11 % трудящихся мужчин были высококвалифицированными, 21 % имел среднюю квалификацию. Среди женщин высококую

---

⁴⁹ Ж-ко А. Забыли о главном // НТФ. 1931. № 28. С. 8; Металлический. Женский труд на производстве // НФИ. 1931. № 17–18. С. 47–48.

⁵⁰ Брумштейн В. Женский труд на Магнитострое. // Охрана труда. 1931. № 23–24. С. 17–22.

⁵¹ Очередные задачи организации женского труда и бытового обслуживания // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 51. Д. 7. С. 43.

⁵² Пухова. Больше инициативы в ударном внедрении женского труда // НТФ, 1931. № 20. С. 17.

квалификацию имело менее 2 % работниц и только 8 % женщин имели среднюю квалификацию. Составители докладной записки полагали, что виной этому было руководство, которое «недооценивало значения внедрения женского труда и культивировало предубеждение против применения женского труда в тяжелой индустрии, особенно на квалифицированных работах»⁵³. Один журналист отметил: «Систематической, плановой работы по закреплению рабочих ни хозяйственные, ни профсоюзные организации на участке не ведут»⁵⁴.

В основном хозяйственники начинали действовать только, если работницы проявляли настойчивость. На заводе «Электросила» работницы организовались в *пятерки* и посетили каждый цех, чтобы выяснить, где можно применять женский труд. Они высказали свои предложения на производственном собрании и получили поддержку рабочих. Когда администрация предложила организовать кадровое продвижение некоторой части женщин, работницы внесли контрпредложение. Рабочие отклонили план руководства и высказались за предложения работниц. Как и бригады, создававшиеся ранее, пятерки начали активные действия по разработке «встречного плана» по женскому труду в рамках предприятия⁵⁵. Однако пятерки не стали массовым явлением. На большинстве предприятий женщины не выражали коллективного протеста против устоявшейся дискриминационной практики, и руководство продолжало распределять женские кадры по старой схеме.

31 мая НКТ СССР опубликовал новый список профессий и должностей, замещаемых исключительно или преимущественно женщинами, добавив к имеющимся еще 340 специальностей. Заголовки газет извещали о новых возможностях, призывая жен и дочерей рабочих встать к станку. Представитель рабочей прессы Г. Ритов утверждал, что партии удастся привлечь 1 600 000 женщин на производство только, если женщины смогут «на ряде работ заменить мужчин». Он также сообщил, что, согласно последним отчетам бригад, женщины заняты преимущественно неквалифицированным трудом. Женщины должны были составлять 50 % учеников ФЗУ, но это указание редко соблюдалось. Хозяйственники просто игнорировали списки долж-

---

⁵³ В ЦК ВКП(б). О массовой работе среди женщин в связи с вовлечением новых слоев женщин в промышленность. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 82–83.

⁵⁴ Похлебаев. Плохое качество — вот главная причина текучести // НТФ. 1931. № 8–9. С. 19.

⁵⁵ Трубник. 1 600 000 женщин в производство к концу 1931 г. // НТФ. 1931. № 28. С. 8.

ностей, предназначенных для женщин. Хозорганы и органы труда шли «по линии наименьшего сопротивления», нанимая женщин на неквалифицированную работу в условиях дефицита рабочей силы. Главным препятствием при найме женщин, по мнению Ритова, было негативное отношение к женскому труду со стороны мужчин. Он утверждал: «На многих предприятиях женщина встречается порой еще в штывы не только администрацией, но и некоторыми отсталыми рабочими». На большинстве предприятий «женский вопрос» был «сдан на руки и без того перегруженного женработника», а профорганизация, партколлектив, представители органов труда этим вопросом почти не интересовались. С точки зрения Ритова, разрешение вопроса о женском труде на производстве лежало «в агитационно-пропагандистской работе среди... мужчин»⁵⁶. Хотя Ритов и не говорил прямо о женотделе, он повторял аргументы, которые члены женотдела приводили в защиту своей организации.

Известный специалист по труду Г. Н. Серебренников позже дал свою оценку процесса трансформации трудовых ресурсов, происшедшего с 1930 г. по 1931 г. Он писал, что показатели по количеству женщин-работниц в каждой отрасли были перевыполнены. Однако он отметил, что «для выполнения плана по вовлечению женского труда в 1931 г. не велось достаточной практической работы. Он фактически не был доведен до предприятия. Даже планы, составлявшиеся непосредственно на предприятиях, тоже, как правило, не получили оперативного значения и не стали основой планового комплектования женских кадров». По мнению Серебренникова, отсутствие планирования имело «ряд неблагоприятных последствий». Хозяйственники использовали женщин главным образом в качестве неквалифицированной рабочей силы. Он пришел к выводу, что «массовый приток женщин в производство в 1931 г. протекал, как правило, вне конкретного планового воздействия со стороны руководящих хозяйственных и профсоюзных органов, часто в условиях предубеждения заводских работников против женского труда, т. е. шел в основном самотеком»⁵⁷. Наймом рабочей силы управлял не план, а предрассудки.

На протяжении 1931 г. женщины-активистки настойчиво пытались заставить хозяйственников пользоваться списками профессий,

---

⁵⁶ Ритов Г. Социалистическая индустрия должна получить не менее 1 600 000 новых работниц // НТФ. 1931. № 18. С. 3–4; он же. Довольно звонких деклараций // НТФ. 1931. № 18. С. 4–5.

⁵⁷ Серебренников Г. Н. Женский труд в социалистическом строительстве // Ударник. 1931. № 10. С. 24–27.

зарезервированных для женщин, и внедрять предложения бригад. Однако в полной мере последствий гендерного перераспределения они не предвидели. Хозяйственники постепенно переводили «мужские» специальности в разряд «женских», некоторые цехи стали полностью «женскими». Это не способствовало процессу интеграции, напротив, на предприятиях возникали новые схемы гендерной сегрегации. На «Красном путиловце» на новом для завода тракторном производстве трудилось 1300 работниц⁵⁸. Лопаточный цех завода им. Сталина, ящичный цех завода им. Рыкова и обмоточный цех «Электросилы» вскоре оказались полностью «женскими»⁵⁹. После того как женщин начали нанимать в литейный цех завода им. Калинина, он тоже вскоре стал исключительно «женским». Такие профессии как фрезеровщик, оператор токарного станка и сборщик листов обшивки на многих предприятиях считались «женскими»⁶⁰. На производстве макарон, традиционно считавшемся «мужским», высококвалифицированных работниц было очень мало. Женщин брали формовщицами и резчицами, эти специальности скоро стали считаться «бабьей» работой⁶¹. Московский металлургический завод «Серп и молот» был крупным предприятием, в 1930 г. там было занято 5780 рабочих. Когда завод начал принимать на работу женщин, число работниц стало стремительно расти. Менее чем за два года оно увеличилось с 370 до 1564 человек (с 6,4 до 17 % всей рабочей силы). Кабельный и прессовый цехи вскоре стали считаться «женскими». Более 400 женщин трудилось на производстве стальной проволоки, они были распределены по таким специальностям как токарь, электрик, крановщик, грузчик. Большая часть женщин занимала здесь рабочие места низшего эшелона. В отчете завода за 1931 г. указывалось, что многие представители цеховой администрации «недооценивают хозяйственно-политического значения внедрения женского труда на производстве»⁶². Стратегия гендерного перераспределения оказалась эффективной при внедрении женского труда на производство, но она имела и определенные последствия.

---

⁵⁸ Шесть месяцев прошло, а результаты? // НТФ. 1931. № 18. С. 8; Страна должна знать своих героев // НТФ. 1931. № 18. С. 10.

⁵⁹ В президиум ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 7.

⁶⁰ Ясвин. Голос женорганизаций должен быть услышан // НТФ. 1931. № 8–9. С. 16.

⁶¹ Береговой. Опыт внедрения женского труда в производство // НТФ. 1931. № 7. С. 15.

⁶² Завод «Серп и Молот» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 1; Гудков. Женщина стала активным бойцом за пятилетку в четыре года // НТФ. 1931. № 7. С. 15.

Появление женщин на предприятиях привело к тому, что некоторые цехи стали считаться «неподходящими» для мужчин.

В июле 1931 г. НКТ сделал еще одну попытку составить планы внедрения женского труда для каждого предприятия. На этот раз отвечать за эту работу должны были не отделы труда, не справившиеся с задачей, а хозяйственные органы. Им поручили разработать планы внедрения женского труда с разбивкой по предприятиям и цехам, используя опубликованный список профессий и должностей⁶³. Хозяйственные органы справились с этим ничуть не лучше, чем местные отделы труда. К концу осени лишь незначительное число предприятий разработало свои планы гендерного перераспределения. В некоторых случаях попыткам гендерного перераспределения препятствовал дефицит рабочей силы: запрет брать мужчин на рабочие места, рекомендованные «преимущественно» для женщин, при отсутствии женских кадров не давал возможности заполнить эти рабочие места. Согласно инструкциям, квалифицированных мужчин должны были заменять на неквалифицированных женщин и использовать мужчин на неквалифицированных работах, к которым они не были подготовлены. В условиях дефицита квалифицированной рабочей силы у хозяйственников не было стимула для таких действий. Особенно сложной была ситуация на Кавказе, где вопрос о законности резервирования рабочих мест только для женщин пришлось решать в Верховном суде. Санинспектор НКТ высказал мнение, что «такое радикальное разрешение вопроса с вовлечением женского труда на производство», особенно в национальных республиках, «может неблагоприятно отразиться в ближайшее время на кадрах и тем самым на выполнении промышленности производственных планов»⁶⁴. Осенью НКТ СССР направил в СНК РСФСР письмо, в котором признавал, что решение о применении исключительно женского труда в ряде профессий и должностей «является неправильным, так как ведет к прекращению подготовки и использования уже имеющихся квалифицированных мужских кадров». НКТ обратился к СНК с просьбой отменить постановление от 8 декабря 1930 г. в части, «касающейся профессий и должностей, на которых должен применяться исключительно женский труд»⁶⁵. По мнению НКТ, постановление было «преждевременным», но далее указывалось, что

---

⁶³ Внедрение женского труда // НТФ. 1931. № 20. С. 18.

⁶⁴ В комиссию НКТ СССР. Докладная записка санинспектора НКТ Дешина И. Д. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп.13. Д. 18. Л. 1.

⁶⁵ НКТ СССР в СНК РСФСР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп.13. Д. 18. Л. 17.

женский труд должен широко применяться на ряде производств. НКТ СССР предложил НКТ УзбССР отменить в той же части свое постановление и обратился к ЦИК ЗСФСР с просьбой отменить ст. 10 своего постановления⁶⁶. Несмотря на возражения НКТ, руководство страны до конца пятилетки продолжало полагаться на стратегию гендерного перераспределения. В августе 1932 г. СНК РСФСР выпустил постановление, в котором вновь поручал хозяйственникам составить планы по замене мужского труда женским⁶⁷.

20 октября 1931 г., через год после того как партия заявила о ликвидации безработицы, Москва предприняла очередную попытку заставить хозяйственников и местную администрацию подчиняться своим директивам. ЦИК РСФСР издал постановление, которым утверждалась новая сложная система надзора и контроля на всех уровнях. Поскольку местные отделы труда и хозяйственные органы не смогли заставить предприятия разработать планы по внедрению женского труда, ЦИК поручил это советам. Представители местных советов должны были обследовать предприятия своего района, выявить рабочие места, на которых женский труд мог бы заменить мужской, подсчитать количество безработных женщин и мобилизовать их на работу с помощью жилкооперативов. Республиканские, районные и областные исполкомы были обязаны обеспечить выполнение местными властями контрольных показателей по внедрению женского труда, организации служб быта и профподготовке женских кадров. Местным советам вменялось в обязанность проверять наличие установленных квот для женщин в каждом трудовом договоре между предприятием и колхозом. Хозяйственники несли личную ответственность за выполнение заданий 1931 г. СНК РСФСР было поручено повысить плановые показатели по внедрению женского труда в каждой отрасли промышленности в 1932 г. по сравнению с 1931 г. Госплан, НКТ и другие наркоматы должны были обеспечить намеченное количество работающих женщин в машиностроении, пищевой промышленности, железнодорожном и водном транспорте, разработать планы по организации служб быта и составить отчет по внедрению женского труда на местном уровне. Представителей экономических органов обязали добиваться выполнения контрольных показателей. НКТ и Народному

---

⁶⁶ Постановление Коллегии НКТ СССР об отмене списков профессий и должностей, которые должны замещаться исключительно женщинами // ГА РФ. Ф. 5515. Оп.13. Д. 18. Л. 3.

⁶⁷ Постановление СНК РСФСР // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 557. Л. 1-1 об., 3.

комиссариату здравоохранения было поручено расширить список профессий и должностей, в которых женский труд мог заменить мужской. В ЦИКе подчеркивали, что женщины являются важным «местным трудовым ресурсом», средством «ослабления текучести рабочей силы на предприятиях, освобождения промышленности и местного бюджета от излишних расходов по обеспечению привозной рабочей силы жильем, культурно-бытовыми учреждениями». Привлечение женщин на производство, по мнению ЦИК, шло «недостаточными темпами». В результате «слабой работы» контрольные задания по внедрению женского труда в ряде отраслей не были выполнены. Государство и экономические органы не смогли обеспечить учет резервов женской рабочей силы, профподготовку и кадровое продвижение достаточного числа женских кадров, развитие служб быта. В итоге во многих регионах не было преодолено «косное сопротивление делу внедрения женского труда и взгляд на женский труд как на неполноценный»⁶⁸. ЦИК предпринял новую попытку выстроить эффективную вертикаль управления. Однако сами методы осуществления этой задачи подсказывали, что отношение местных властей к проблеме не изменилось.

Оценка результатов планирования

Ближе к концу пятилетки плановики доложили, что большая часть поставленных задач выполнена. Представители ключевых государственных учреждений согласились с мнением НКТ о том, что кампания по привлечению 1 600 000 женщин на производство успешно завершена, несмотря на то что данные статистики не совсем соответствовали этому заявлению⁶⁹. В ВЦСПС утверждали, что количество женщин в составе наемной рабочей силы за период с сентября 1930 г. по сентябрь 1931 г. выросло с 3 700 000 до 5 700 000 человек, то есть общий прирост составил 2 000 000, при этом прирост в 1 400 000 человек приходился на несельскохозяйственный сектор⁷⁰. ЦИК со своей стороны заявил, что запланированный прирост в несельскохозяйственном секторе составлял 1 300 000 человек, но в результате был отмечен прирост в 1 500 000 человек, что является превышением показателей. Согласно статистике ЦИК, целевые показатели для промышленности были выполнены на 93 %, для строи-

---

⁶⁸ Постановление президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 29–31 об.

⁶⁹ Предварительные данные НК Труда // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 496. Л. 19.

⁷⁰ Серебренников. С. 24–25.

тельства — на 78 %, для транспорта — на 75 %. В розничной торговле и общественном питании задания по внедрению женского труда были превышены более, чем в четыре раза⁷¹. Впоследствии более надежные статистические данные подтвердили, что цель кампании была выполнена: в 1931 г. трудовые ресурсы страны выросли за счет привлечения более 1 800 000 женщин, около трети из них заняли рабочие места в промышленности⁷². Казалось бы, эти цифры не оставляли сомнений в том, что правительственная кампания по привлечению женщин на рынок труда была успешной. Однако в 1934 г. один из плановиков обратил внимание на то, что большинство руководителей промышленных предприятий все еще нанимают рабочих самотеком. Система найма «у проходной» заменяла организованный подбор кадров. Иными словами, на фоне своеобразного сочетания планирования и анархии целевые показатели были достигнуты спонтанно!

Каждый шаг в процессе планирования давался с трудом: НКТ не удалось наметить для регионов реальные контрольные задания, регионы не смогли их выполнить, местное руководство, профсоюзы и отделы труда саботировали наем и кадровое продвижение женщин. КУТБ обвинял НКТ в некомпетентности, но фактически ситуация была неподконтрольна НКТ, его работа была парализована вследствие отсутствия данных из регионов. Ход совещания, созванного НКТ в марте 1931 г., показал, что ни профсоюзы, ни ВСНХ, ни местные отделы труда даже не пытались собирать статистику по женскому труду. Летом 1931 г. один журналист отметил, что сведения, получаемые НКТ, «поступают чрезвычайно скупо и отличаются исключительной бледностью и неясностью. Все же они в основном раскрывают безотрадную картину, подтверждающую, что до сих пор нет перелома в области внедрения женского труда в производство»⁷³. Значительное число местных отделов труда вовсе не занималось проблемой внедрения женского труда. Даже Отдел труда г. Москвы, находящийся в непосредственной близости к властным структурам, ничего не предпринимал. В осеннем докладе ВСНХ о ситуации на местах вновь говорилось о тех же проблемах. Организационная работа среди женщин велась «недостаточными темпами». В школы фабрично-заводского ученичества было зачислено слишком мало женщин.

---

⁷¹ Итоги внедрения женского труда в 1931–1932 гг. Плановые наметки в этой области на 1932 г. // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 25. Д. 968. Л. 262.

⁷² Численность женщин по отраслям народного хозяйства в 1929–1935 гг. // Труд в СССР. С. 25.

⁷³ Н. А. Шесть месяцев прошло, а результаты? // НТФ. 1931. № 18. С. 8.

«Слабо развитые» службы быта, в особенности недостаток детских садов, затрудняли «вовлечение женщин в промышленные предприятия». Столовых, прачечных и фабрик-кухонь не хватало, в большинстве бараков не было электричества и водопровода. Местные власти относились к директивам сверху «формально»⁷⁴. Даже ЦИК признал, что выполнение контрольных цифр не являлось результатом планирования, поскольку «на протяжении 1931 г. никто не занимался контролем фактического выполнения на местах этих планов»⁷⁵. Успех в достижении показателей по использованию труда женщин никак не отразился на их кадровом распределении. Летом 1931 г. НКТ отметил, что местные власти не заинтересованы в продвижении женщин, нанятых на неквалифицированную работу. Местные власти так и не организовали систему учета женского труда: у них не было данных о том, сколько трудящихся женщин имеется в их районе, и на каких предприятиях они работают⁷⁶.

Взяв за основу отчет НКТ, СНК издал постановление, направленное на отмену старых схем найма и распределения кадров. Он вновь потребовал, чтобы хозяйственники заменяли мужской труд женским и снимали женщин с неквалифицированной работы. СНК установил огромные квоты для женщин, согласно которым от 60 до 80 % кадровых продвижений должно приходиться на женские кадры. В 1933 г. для женщин должна была быть установлена 50 % бронь на места в фабзавучах. Госплан и хозяйственные органы должны были включать женский труд во все общегосударственные и региональные промышленные планы на 1932-й и 1933 г. НКТ было поручено разработать помесечный план по привлечению женщин на рынок труда⁷⁷. Указ очень напоминал аналогичные директивы и распоряжения, издававшиеся центром на протяжении двух лет, что свидетельствовало о том, в борьбе с инерцией местной администрации власть все еще опиралась на планирование в форме ежемесячных планов, квот и брони. Если местные власти не выполняли план, СНК просто принимал его новый вариант: вместо региональных планов запрашивались планы по предприятиям, вместо ежегодных — ежемесячные. Задача состояла в том, чтобы заставить местные власти выполнять план. План, раз-

---

⁷⁴ В президиум ВЦИК // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 13.

⁷⁵ Очередные задачи организации женского труда и бытового обслуживания // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 51. Д. 7. Л. 45.

⁷⁶ Постановление СНК РСФСР // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 557. Л. 1–3 об.; Информсводка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 557. Л. 28–31.

⁷⁷ Там же.

битый на микроуровни, сложнее проигнорировать. В СНК полагали, что более высокие квоты и контрольные цифры в сочетании со строгим надзором помогут заставить местные власти подчиняться директивам из центра.

Однако опыт предыдущих лет показывал, что более детализированное планирование не обеспечивало контроль над местными властями. Женщины в массовом порядке нанимались на работу на предприятия в различных отраслях промышленности. Доля женщин, занятых в тяжелой промышленности, значительно возросла. Но, судя по всему, это происходило без усилий со стороны местных отделов труда и хозяйственников. Напротив, местные власти фактически были препятствием к выполнению планов из центра. Они не смогли собрать статистических данных, необходимых для разработки реалистических планов, беспечно игнорировали инструкции, приказы и даже угрозы из центра. Они были обескуражены объемами производственных заданий, не справлялись с распределением огромного числа новых рабочих, им не хватало знаний, чтобы просчитать и спланировать спрос на рабочую силу. Местные отделы труда были не в состоянии грамотно осуществлять подбор и распределение кадров по регионам и отраслям, нуждающимся в рабочих руках. В конечном счете НКТ был вынужден переложить управление движением рабочей силы на плечи хозяйственников. Но хозяйственники, как правило, не интересовались бесконечными директивами государства в отношении женского труда. Несмотря на планы, списки и встречное планирование, процесс гендерного перераспределения рабочей силы в промышленности шел медленно. Господствующие в администрации предрассудки способствовали тому, что значительное число женщин продолжало выполнять неквалифицированную работу. КУТБ отвоевал для женщин значительную роль в выполнении пятилетки, но этот план реализовывался с трудом. КУТБ не был массовой организацией и не имел представительств на предприятиях. ЦИК особо подчеркивал, что «с упразднением женотдела ЦК и КУТБ за эту работу всецело несет ответственность по своей линии каждая организация», что конкретно означало — никто. Основной проблемой при распределении женской рабочей силы, по оценке ЦИК, являлось то, что «никто никакой ответственности не несет и не отвечает за проведение в жизнь директив партии и правительства в этой области»⁷⁸.

---

⁷⁸ Очередные задачи организации женского труда и бытового обслуживания // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 51. Д. 7. Л. 54.

юмова, работница трансформаторного цеха Московского электрозаво-
. Бригада женщин-активисток боролась за то, чтобы открыть женщинам
доступ в этот цех. 1931 г.

ГЛАВА 7. ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ГОЛОСА С МЕСТ

С бабьем много возни, не стоит занимать станки.

Мастер механического цеха¹

Когда мы ставим вопрос о применении женского труда на транспорте и профорганизации, и хозяйственники идут против этого и открещиваются и руками, и ногами, что мы не хотим женщин, хотя бы она и имела такую квалификацию, как и мужчина и могла бы работать не хуже. Это показывает, что старый быт еще жив у нас, что эксплуатация женщины мужчиной еще не изжита.

Стрелочница Виноградова²

Работницы и активистки были хорошо осведомлены о неспособности местных властей выполнить разработанные в Москве планы, однако не считали, что виной этому дезорганизация или нехватка статистики. Важнейшим фактором, мешавшим женщинам получить достойную работу, считали они, являются мужские предрассудки. Сколько женщин наймут, какую работу им дадут, получат ли они возможность приобрести квалификацию, как их примут в цехе — все это волновало рабочих и оказывало влияние на отношение мужчин к женскому труду. Женщины были недовольны действиями плановиков, местных партийных руководителей, профсоюзов, предста-

---

¹ В ЦК ВКП(б). О массовой работе среди женщин в связи с вовлечением новых слоев женщин в промышленность. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 90.

² Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 337. Л. 52. Виноградова работала на Северной железной дороге с 16 лет.

вителей отделов труда, руководителей предприятий, бригадиров, мастеров и рабочих-мужчин. По мнению женщин, их предвзятое отношение к женскому труду существенно ограничивало возможности трудоустройства для женщин.

Предрассудки в отношении женского труда — явление не уникальное. В конце девятнадцатого — начале двадцатого века в Европе, Америке и Китае работодатели нередко нанимали женщин вместо мужчин, чтобы сэкономить на заработной плате, деквалифицировать труд или остановить забастовку. Пытаясь защитить права рабочих-мужчин, профсоюзы организовывали кампании против женского труда. Практически везде в рабочем движении в той или иной степени имел место гендерный конфликт, поскольку работодатели стремились снизить стоимость труда за счет использования женской рабочей силы. В 1869 г. видная деятельница женского движения Сьюзен Энтони призывала женщин саботировать забастовку печатников в Нью-Йорке, чтобы занять квалифицированные рабочие места, доступа на которые женщинам не давал профсоюз. В 1925 г. на одной из текстильных фабрик Шанхая началась забастовка после того, как были уволены и заменены более дешевой женской рабочей силой 50 рабочих. После 1890 г. работодатели России начали активно использовать женский труд взамен мужского, снизив за счет этого общий уровень заработной платы³. Октябрьская революция не решила гендерный конфликт. В 1920-х гг. профсоюзы стремились оградить рабочих-мужчин от конкуренции со стороны женщин. Женщины-активистки получили некоторую партийную поддержку, но представители профсоюзов объявили, что это удар по профсоюзной демократии⁴. В годы первой пятилетки женщины массово вступали на рынок труда в пе-

---

³ Blewett M. *Men, Women and Work: Class, Gender and Protest in the New England Shoe Industry, 1780–1910*. Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1990. P. 172–173; Gilmartin C. *Engendering the Chinese Revolution: Radical Women, Mass Movements and Communist Politics in the 1920s*. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1993. P. 131; Glickman R. *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914*. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1984. P. 84–104.

⁴ Wood E. *Class and Gender at Loggerheads in the Early Soviet State: Who Should Organize the Female Proletariat and How?* // *Gender and Class in Modern Europe* / L. Frader, S. Rose (eds.). Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996. P. 294–310. Об отношении рабочих-мужчин к женскому труду см.: Koenker D. *Men against Women on the Shop Floor in Early Soviet Russia: Gender and Class in the Socialist Workplace* // *The American Historical Review*. Vol. 100. December 1995. № 5. P. 1438–1464.

риод стремительного роста числа рабочих мест, тем не менее влияния старых предрассудков избежать не удалось. Женщин нанимали на работу в традиционно «мужских» отраслях: строительстве, горной промышленности, судо- и машиностроении, на лесозаготовках. Мужчины были вынуждены быстро приспосабливаться к радикальным изменениям в гендерном составе рабочей силы. Среди крестьян, устраивавшихся на работу в городе, доминировало патриархально-консервативное отношение к женщине. Кроме того, рабочие всех промышленных отраслей резко отреагировали на политику гендерного перераспределения. Но советские женщины боролись за свои права.

Историки многих стран довольно расплывчато говорят о настроениях женщин-работниц. Как женщины относились к мужским предрассудкам? Что они думали об идее «семейной заработной платы» для мужчин, о дискриминации со стороны профсоюзов? Даже исследования, посвященные женскому труду, отвечают на эти вопросы неоднозначно⁵. Сохранилось слишком мало документов, где отражено мнение женщин. Женщины были постоянно заняты домашней работой и воспитанием детей, поэтому у них просто не было времени посещать собрания и другие мероприятия, которые документально фиксировались. И при капитализме, и при социализме промышленные рабочие были вовлечены в гендерный конфликт. Уникальным является то, что советские женщины оставили после себя широкий пласт документов, в которых отражено мнение женщин, их впечатления и опыт. В данной главе автор часто обращается к реальным высказываниям работниц и активисток, большой массив источников это позволяет. Эти документы обязаны своим существованием необычному совпадению интересов: женщины хотели, чтобы их слышали, а у партии были свои причины поощрять их активность и в ряде случаев делать мнение женщин достоянием общественности.

На протяжении 1920-х гг. женщины, работавшие на заводах, биржах труда и в профсоюзах, часто жаловались на дискриминацию, но их жалобам уделялось мало внимания. В ноябре 1930 г. партия приняла решение привлечь 1 600 000 женщин на рынок труда, чтобы

---

⁵ О «семейной заработной плате» см.: Hartmann H. Capitalism, Patriarchy, and Job Segregation by Sex // Capitalist Patriarchy and the Case for Socialist Feminism / Z. Eisenstein (ed.). New York: Monthly Review Press, 1979. P. 206–247; Humphries J. Class Struggle and the Persistence of the Working Class Family. Cambridge Journal of Economics. Vol. 1. 1977. P. 241–258; Creighton C. The Rise of the Male Breadwinner Family: A Reappraisal. Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. 38. № 2. P. 310–337.

восполнить дефицит трудовых ресурсов. Это во многом изменило отношение к поведению местных властей. Мобилизационная кампания подняла женскую рабочую силу, которую раньше часто обвиняли в «отсталости», на ведущие позиции в процессе индустриализации. Поскольку женщины должны были прийти на рынок труда в массовом порядке, партии пришлось вести борьбу с предрассудками в отношении женского труда. С этой целью ВКП(б) обеспечила работницам и активисткам сильную общественную поддержку, поощряла их выступления на собраниях, публиковала их предложения. Деятельность женщин-активисток была необходима для того, чтобы преодолеть нежелание хозяйственников использовать женский труд, чтобы «встряхнуть» местные власти и, наконец, чтобы создать спокойную обстановку на рабочих местах. Женщины, в свою очередь, воспользовались моментом и стали смело и открыто говорить о гендерных отношениях, осуждая поведение руководителей предприятий, представителей профсоюзов и рабочих-мужчин.

Всесоюзное совещание по работе среди женщин

ВЦСПС более двух лет не препятствовал местным профсоюзам систематически избавляться от женских организаций. Глава массового сектора при ВЦСПС М. Ленау отмечал, что «решение ЦК о ликвидации женотделов некоторые профорганизации поняли как сигнал к ликвидации вообще женской работы»⁶. Решение партии призвать на рынок труда 1 600 000 женщин заставило руководство профсоюзов пересмотреть свою позицию. Без женотдела, женорганизаторов и делегатских собраний ВЦСПС лишился организационных связей с женщинами. В ответ на призыв партии руководство ВЦСПС в конце 1930 г. запланировало провести всесоюзное совещание. Перед ним стояло несколько задач: привлечь внимание к новой важной роли женщин, разработать план массового привлечения женщин на производство и восстановить организационные связи, которые были оборваны местными профсоюзами⁷. ВЦСПС признал, что, если местные профсоюзы не изменят своего отношения к женскому труду, они будут более чем бесполезны в предстоящей кампании. Совещание должно было служить сигналом к тому, что мужские предрассудки,

---

⁶ Промышленности требуется 1 600 000 новых работниц // Труд. 3 февраля 1931.

⁷ Совещание профсоюзов по работе среди женщин // Труд. 11 декабря 1930.

дискриминацию и апатию больше не будут терпеть. По мнению рабочей газеты «Труд», ВЦСПС нанес сильный удар по «по оппортунистическим элементам, недооценивающим роль женского труда в деле индустриализации и укрепления обороноспособности страны»⁸.

Тем не менее два года санкционированного ликвидационизма оставили свой след. Профсоюзные деятели не были заинтересованы принимать участие в совещании. ВЦСПС, изначально собиравшийся провести совещание в январе, был вынужден несколько раз переносить сроки, поскольку профсоюзы крайне медленно собирали материал по женскому труду⁹. Это характеризует ситуацию на местах. В докладной записке в ЦК ВКП(б) ВЦСПС отмечал, что, несмотря на неоднократные переносы совещания, профсоюзные деятели к нему так и не подготовились: «совещание выявило совершенную неподготовленность хозяйственных, профсоюзных и партийных организаций к развертыванию работы по массовому притоку женщин в производство». Еще до совещания ВЦСПС указывал на «наличие консерватизма во взглядах на женский труд не только со стороны многих хозяйственников, но и среди многих руководящих партийных работников»¹⁰.

Всесоюзное совещание по работе среди женщин открылось 1 февраля 1931 г., в нем принимало участие около ста представителей профсоюзов, выступления продолжались пять дней. Среди делегатов было много бывших сотрудниц женотдела, ударниц, некоторых из активисток, занимавшихся работой среди женщин в 1920-е гг. Первый секретарь Нижегородского крайкома партии А. А. Жданов — один из тех, кто в 1929 г. участвовал в отстранении от работы в ВЦСПС Томского — говорил о решении партии привлечь на рынок труда 1 600 000 женщин убедительно и прямо. Он подчеркнул, что вовлечение женщин в производство — основная задача профсоюзов. По аналогии с известным призывом «ликвидировать кулака как класс», Жданов заявил, что пришло время ликвидировать домохозяек как класс. По его мнению, для выполнения этой задачи необходимо «перестроить мозги профработников по вопросу работы среди женщин».

---

⁸ Промышленности требуется 1 600 000 новых работниц // Труд. 3 февраля 1931.

⁹ Всем ЦК профсоюзов и соваппартов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 363. Л. 166.

¹⁰ В ЦК ВКП(б). О массовой работе среди работниц в связи с вовлечением новых слоев женщин в промышленность. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 80.

Поскольку женщины должны были внести свой вклад в дело индустриализации, апатию и враждебность по отношению к женскому труду следовало полностью искоренить. Подобно тому как Сталин и его сторонники осуждали Томского за желание сохранить независимость профсоюзов, Жданов осуждал старое руководство профсоюзов, заявив, что «вопрос форсированного привлечения женщин в кадры промышленного пролетариата не находил отражения в работе старого руководства». Также Жданов признал, что чистка не изменила отношения к женщинам: весь профсоюзный аппарат проявил безразличие к проблеме. Представители ЦК профсоюзов, не желая принимать участие в совещании, прислали вместо себя бывших женотделок. «К этому совещанию пришли с постыдными результатами», — возмущался Жданов. «Задача профсоюзов — не болтать языком об отсталости женщин» или сетовать на «разные объективные причины» отсутствия работы среди женщин. Пришло время местным организациям, хозяйственным органам и комиссариатам обратить внимание на проблему женского труда. «Задача каждой работницы, — утверждал Жданов, — каждого более или менее серьезно понимающего профсоюзного работника будет заключаться в том, чтобы перестроить мозги профработников по вопросу работы среди женщин»¹¹.

Ощувив поддержку со стороны руководства, женщины разразились потоком жалоб, обвинений и разоблачений. В своих выступлениях они наперебой рассказывали о безразличном и дискриминационном отношении к женщинам на всех уровнях власти. Предметом резкой критики стали местные партийные деятели, хозяйственники, работники НКТ, бирж труда, хозяйственные органы и ВЦСПС. В какой-то момент цели партруководства и женщин-активисток совпали, результатом стал всплеск недовольства и разочарования. Разрешив женщинам свободно высказываться, ВЦСПС стремился использовать их возмущение, чтобы оказать влияние на местные власти. Профсоюзы, отправившие бывших женотделок на, как им казалось, незначительное «женское совещание», неожиданно для себя стали объектом ожесточенных нападок со стороны своих представительниц. Выступавшие одна за другой женщины рассказывали о проблемах гендерного характера, возникавших на предприятиях и промышленных стройках; таким образом был собран редкий материал, отражающий самосознание и жизненный опыт женщин.

---

¹¹ Стенограмма Всесоюзного совещания по работе среди женщин (далее цитируется как «Стенограмма») // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 358. Л. 15.

Застрявшие на низшем уровне: что мешает повысить квалификацию

На второй день совещания инспектор НКТ по женскому труду Е. С. Серина выступила с пространным докладом, посвященным проблеме квалификации женщин-работниц, за которым последовало активное обсуждение. Она отметила, что массовое вступление женщин на рынок труда само по себе не решит проблемы предоставления им исключительно малоквалифицированных рабочих мест. Важнейшей задачей, по мнению Сериной, было повышение уровня квалификации женщин. Серина, как и Жданов, обвиняла в бездействии «старое оппортунистическое руководство Наркомтруда». Впрочем, она признала, что проблему подготовки квалифицированных кадров «проглядели», и виноваты в этом больше всего отдельные руководители, отвечавшие за подготовку рабочей силы. «Мне кажется, что наступил такой период, когда мы не должны ограничиваться только разговорами», — заявила Серина. Наркоматы в целом были согласны заниматься профподготовкой женских кадров, однако отказывались увеличивать количество мест, зарезервированных для женщин в школах фабрично-заводского ученичества. Согласно постановлению ЦК, женщины должны были составлять от 30 до 40 % всех обучающихся в ФЗУ, однако органы труда не приняли «достаточных мер», и доля женщин была значительно ниже. ВСНХ активно противостоял намерению НКТ набрать для обучения 200 000 девушек.

Серина выдвинула смелое предложение: доля женщин в ФЗУ должна соответствовать их доле в составе рабочей силы. Таким образом, если женщины составляют треть рабочих химической промышленности, то треть всех мест в ФЗУ химической промышленности должна быть зарезервирована для женщин. Используя эту схему, по мнению Сериной, можно было бы помочь женщинам покинуть низший, неквалифицированный сектор труда. Такой план «позитивной дискриминации» давал доступ к квалифицированным рабочим местам по гендерному принципу независимо от стажа, что могло способствовать быстрой ликвидации вертикальной гендерной сегрегации. Однако реальная ситуация была далека от этого. По мнению Сериной, профсоюзы, Нарпит и хозяйственные органы проявляли «косность» в вопросе кадрового продвижения женщин. НКТ пытался организовать обсуждение проблемы внедрения женского труда, но представители профсоюзов не проявляли интереса. «Сколько бы раз ни созывались совещания по вопросам женского труда, ЦК [профсоюзов] не приходят», — возмущалась Серина¹².

---

¹² Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 357. Л. 7–13, 23–24.

Несколько основных докладчиков сделали мишенью для обвинений старое руководство НКТ и ВЦСПС, недавно уличенное в «правом уклонизме». Руководитель массового сектора при ВЦСПС Ленау утверждал, что в ходе чистки были отстранены все, кто имел отношение к дискриминации женщин. Сваливая вину на «старое оппортунистическое руководство» и «правых уклонистов», таких как, например, бывший председатель Президиума ВЦСПС Томский, Ленау давал понять, что новое руководство будет вести работу в ином ключе. Однако делегатки от предприятий думали по-другому: они считали, что корень проблемы не в политике высшего партийного руководства, а в распространенности дискриминации женщин на всех уровнях — от органов власти до предприятий¹³. Делегатка из Крыма Бердакина подвергла сомнению заявление о том, что во всем виновно старое руководство. «Я бы сказала, что новое руководство мы не чувствуем», — сердито заявила она. По ее словам, если новое руководство не даст указаний, местные власти «абсолютно не изменят своего отношения к этому вопросу». К примеру, неграмотные женщины не могли обучаться в ФЗУ, однако новое руководство не уделяло внимание повышению грамотности женщин. Их все еще направляли на неквалифицированную работу, требующую большой физической силы. Получив задание внедрять женский труд, хозяйственники нанимали женщин в качестве грузчиков. Когда Бердакина попыталась оспорить эту практику, ей с насмешкой ответили: «Вы сами ставили вопрос о применении женского труда, вот и применили». В заключение Бердакина заметила: «Тут есть определенное нежелание понять и правильно выполнить директиву»¹⁴.

Судя по выступлениям участниц совещания, для промышленного производства была характерная сильная дифференциация в рабочей среде в зависимости от уровня квалификации. Квалифицированные рабочие получали большую зарплату, они пользовались уважением, у них была возможность влиять на процесс производства. Женщин редко направляли на профобучение, после которого был бы облегчен доступ к квалифицированным рабочим местам. Они занимались подсобной работой, уборкой, погрузкой, перевозкой материалов, но не производительным трудом. Женщинам предназначался неквалифицированный, плохо оплачиваемый тяжелый

---

¹³ Хотя делегатки не использовали современный термин «мужской шовинизм», он прекрасно подходит для описания сложившегося отношения к женщинам со стороны представителей профсоюзов, рабочих-мужчин, бригадиров, руководителей предприятий и местных партийных деятелей.

¹⁴ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 357. Л. 49–52.

физический труд, работу у станка они получали редко. Женщины-работницы занимали низкие позиции даже в текстильной промышленности, где они составляли большинство занятых. Советские специалисты по труду в 1920-х и 1930-х гг. объясняли концентрацию женской рабсилы на нижних ступенях производственной иерархии их загруженностью домашней работой, низким уровнем образования и физической слабостью. Им было известно о дискриминации женщин, но мало кто потрудился выяснить, какую роль играют мужчины в укреплении гендерной иерархии на предприятиях. Доверяя больше «объективным» объяснениям, чем «субъективным» впечатлениям, специалисты по труду решили, что профподготовка женщин быстро ликвидирует неравенство. Женщины же говорили о том, что внедрением планов, квот и выполнением контрольных заданий занимаются в конечном счете мужчины, действия которых обусловлены гендерными предрассудками.

Руководители предприятий считали, что женщинам подходит только уборка и подсобная работа, исходя из того, что они умственно и физически не способны к квалифицированной работе. Женщины могли уйти с предприятия после замужества и рождения детей, поэтому их обучение считалось пустой тратой средств. Такого рода предрассудки были настолько сильны, что руководство отказывалось предоставлять квалифицированные рабочие места женщинам, прошедшим обучение вне предприятия. Делегат из Восточной Сибири Спивак сообщил, что в его регионе большинство женщин-работниц занято подсобной работой. «Докладчики нам доложили о недопустимо консервативном отношении, граничащем с оппортунизмом, в деле работы среди работниц и внедрения женского труда», — отметил он. По словам Спивака, директор фарфорового завода, определив женщин на подсобную работу, посчитал, что тем самым внедрил на производство женский труд, а в ответ на претензии в связи с этим заявил: «Вы столько внедрили, что дальше некуда внедрять». Спивак пояснил: «Он считает, что он все директивы партии в деле внедрения женского труда выполнил, между тем как женщины заняты там только на подсобной работе». Женщины составляли 30 % работников фарфорового завода, но они не работали на квалифицированных рабочих местах, например, среди них не было токарей и формовщиков. Он утверждал, что руководители хозяйственных органов препятствуют предоставлению женщинам квалифицированной работы. По словам Спивака, КУТБ его региона пытался заставить ВЦСПС и местный отдел труда провести исследование условий женского труда на предприятиях, но ему это

не удалось. Спивак говорил также о «косности» со стороны профсоюзов и кооперативов. Характеризуя ситуацию в своем регионе, он отметил: «Правильно сказала товарищ из Наркомтруда, что этот вопрос захватил хозяйственные организации в центре врасплох, а что мы имеем в Восточной Сибири?»¹⁵

Участники совещания перечислили множество способов, при помощи которых женщин не допускали к квалифицированной работе. Женщинам предоставляли старое, плохо работающее оборудование, что приводило к снижению производительности и, соответственно зарплаты. Хозяйственники демонстративно игнорировали проблему и отказывались трудоустраивать женщин согласно спискам. Делегатка от завода «Красное Сормово» Лисенкова рассказала: «...вот у нас на Сормове 3300 работниц, и никакой работы с ними не велось». Даже работниц, окончивших трехмесячные курсы, руководство направляло на неквалифицированную работу, утверждая, что нет свободных станков. «Вот как подходят к внедрению женского труда, — возмущалась она. — Выучили, и иди с метлой, вставай на очередь»¹⁶. Если женщинам и давали квалифицированную работу, то часто устраивали все так, что невозможно было нормально работать. Делегатка из Донбасса Назарова рассказала о четырех женщинах, которые хотели стать токарями: «Они очень хотели учиться на токаря, но условий им не создали». Женщинам дали самые плохие станки, и через полгода они были вынуждены уйти с работы. Профсоюз счел этот инцидент доказательством того, что «женщины не могут быть токарями»¹⁷.

Не только администрация и профсоюзы были настроены против обучения женских кадров. Делегатки часто говорили о том, что бригадиры и рабочие-мужчины отказываются обучать женщин и оскорбляют их во время работы. Действуя сообща, мужчины создали непреодолимое препятствие для улучшения положения женщины на предприятии. Ударница труда с Механического завода Гудрова отметила, что даже после революции ни одна женщина на ее заводе не стала бригадиром. Две производственных мастерских, где работали женщины, были распущены. Несмотря на то что имелось много подходящих вакансий, ни одна женщина не работала в производственном секторе. Когда нескольких женщин все-таки взяли на работу в автоматный цех, мужчины стали изводить их насмешками. «Ну, волосатые автоматчики идут», — говорили они. Женщины, «слыша вечно

---

¹⁵ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 357. Л 38–42.

¹⁶ Там же. Л. 52–53.

¹⁷ Там же. Л. 99.

такие разговоры», к концу года с работы ушли¹⁸. Делегат от Днепроостроя Кравченко признал, что многие квалифицированные рабочие-мужчины разделяют мнение руководства о том, что обучение женщин — пустая трата средств. Один из работников Центральной механической мастерской, член рабочкома, сказал ему: «Ты знаешь, лучше не выдвигай этот вопрос. Все равно, номер не пройдет, я ни за что не допущу. Больше двух человек к станку не пустим. Как их только квалифицируешь, они вышли замуж, и лопнуло дело. Что же, государство зря деньги тратить будет?»¹⁹ Ленау поддержал делегаток. Он согласился, что мужчины получают повышение быстрее, чем женщины, из-за предрассудков в отношении женского труда. «Женщина сидит на мелких винтиках больше года, а мужчина не больше 2–3 недель, и его продвигают дальше»²⁰.

Публикации в прессе подтверждали слова делегатов. Предубеждение против кадрового продвижения женщин было распространено во всех отраслях, в том числе в текстильной промышленности, где женщины составляли большинство работников. Все мужчины, от директора завода до рабочего, были убеждены, что женщины не должны заниматься квалифицированным трудом. Одна женщина, рассказывая об условиях труда в Сталинском округе, назвала отношения мужчин к женщинам «нетоварищеским». Женщины жаловались на «хулиганские выпады, на ругань на производстве». После того как в прокатном цехе Сталинского завода несколько женщин были назначены крановщицами, рабочие-мужчины, среди них были и партийные, заявили, что это «напрасная трата средств». Начальник коксового цеха сказал, что не возьмет на себя ответственность за работу женщин, назначенных намотчицами. По его мнению, женщинам было достаточно платы за неквалифицированный труд: «для женщины 80 руб. — роскошь, большой заработок портит их». Многие рабочие-мужчины считали, что женщина не должна зарабатывать больше мужчины. На других предприятиях также наблюдалось враждебное отношение к женскому труду. Квалифицированные рабочие не хотели заниматься обучением женщин. По мнению инструктора одной из шахтерских школ, девушкам «не надо учиться быть мастерами, им учиться только чулки и кружева вязать»²¹.

---

¹⁸ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 357. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 35.

²⁰ Там же. Л. 285.

²¹ Черевадская. Труд и быт работниц // Коммунистка. 1928. № 6. С. 60–63.

Широко распространенное предубеждение против профобучения женщин и их работы на производстве не было обусловлено желанием оградить женщин от тяжелой и опасной работы. Женщин отправляли на подсобные работы, требующие большой физической силы, тем самым опровергая утверждение, что женщины не справятся с физической нагрузкой, с которой сопряжен квалифицированный труд на производстве. Например, в химической промышленности многие новые работницы работали весовщицами, помощницами механика, прессовщицами, смазчицами, фрезеровщицами, строгальщицами и мотальщицами, то есть на полуквалифицированной работе, не связанной с производством, а также на подсобной работе, считавшейся «подходящей» для женщин²². Низкое положение женщины в иерархии химзаводов не было мотивировано соображениями безопасности. Из 1713 женщин, работавших на Чернореченском химическом заводе, только 181 занималась квалифицированным трудом, связанным с производством. Остальные выполняли подсобные работы, например, уборку и мойку, а также грузили отходы антрацита и серного колчедана. Это была тяжелая и опасная работа. Женщины работали в антисанитарных условиях, переносили незапечатанные емкости с ядовитыми веществами, их труд не был механизирован. Администрация планировала кадровое продвижение 633 работниц, но только для 50 из них предполагались квалифицированные рабочие места, например, механика или электромонтера. Остальных должны были «выдвинуть» в качестве дворников, уборщиков, мойщиков, сторожей²³.

Женщины, работавшие на железной дороге, также жаловались на невозможность получить достойные рабочие места. В 1920-е гг. рабочая сила на железной дороге была преимущественно мужской (в 1928 г. женщины составляли только 7 % всей рабочей силы, занятой в этой сфере). Большинство женщин занималось канцелярской или подсобной работой, например, в качестве мойщиков, грузчиков, вахтеров, телефонистов, конторщиков. Железнодорожные мастерские практически полностью укомплектовывались мужчинами, там не было женщин, занятых квалифицированным трудом. Плановики не решились нарушить гегемонию мужского труда в этом секторе. Работницы железнодорожного транспорта утверждали, что им не предоставляют возможностей для кадрового продвижения. Стрелоч-

---

²² Материалы о внедрении женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 70.

²³ Аристов Н., Толчиев. Дорогу женщине на производство на квалифицированную работу // НТФ. 1932. № 26–27. С. 22–23.

ница Северной железной дороги Виноградова сообщила: «Я работаю с 16-го года стрелочницей на Сев. жел. дороге, и с 16-го года по 25-ый год я слышала такие слова: куда ты годишься кроме, что ты там сделаешь. Но должна сказать, что у меня за все годы работы не было ни одного выговора, тогда как мужчины их постоянно получают, потому что часто приходят пьяными на работу...» Одна работница полушутя, полувсерьез предположила, что, если заменить женщинами всех мужчин, которые нарушают трудовую дисциплину, можно добиться больших успехов. Многие женщины говорили, что могли бы работать кондукторами, но руководство утверждало, что эта работа для женщин слишком трудна. Работница Московско-Балтийской железной дороги с усмешкой сказала: «Что кондуктора делают? Они сидят там, в хвосте поезда да болтаются, работы совсем мало. Это женщина может делать». Другая женщина предположила, что проводниками берут только мужчин, видимо, потому, что администрация ждет, чтобы женщина «век сидела с тряпкой». Женщины задавались вопросом, почему их временно ставят на замену мужчинам, ушедшим в отпуск, но никогда не дают возможность получить рабочие места на постоянной основе? Почему неквалифицированные мужские кадры прямо с биржи труда отправляют на профподготовку, а для уже работающих на железной дороге женщин возможности обучения нет?²⁴

Женщины отмечали также, что много трудностей возникает из-за высокого уровня неграмотности среди женщин, при том, что процент неграмотности среди мужчин был значительно ниже. Бывшая руководительница женотдела Артюхина говорила, что неграмотность — это «наши болячки, наш позор, который надо изживать». После революции партия организовала массовую кампанию по ликвидации неграмотности. Краткосрочные курсы организовывались на городских предприятиях, в деревнях. Советские учебные учреждения достигли значительных успехов в повышении уровня грамотности среди рабочих и крестьян. К 1931 г., как утверждалось, подавляющее большинство новых членов профсоюзов было в определенной степени грамотным. Процент грамотности среди женщин — членов профсоюза вырос с 44 % в 1918 г. до 94 % в 1931 г. Однако в Московском регионе новые промышленные работницы и женщины-строители все еще отставали от мужчин: грамотных женщин было вдвое меньше. Неграмотность была особенно распространена среди строительных рабочих, поскольку на сезонных работах

---

²⁴ Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 337. Л 52, 73, 61, 101, 84.

трудилось множество крестьян-мигрантов²⁵. Кроме того, умения подписывать свое имя или прочесть простой текст, как правило, было недостаточно, чтобы прочесть и понять протоколы заседаний, планы, чертежи. Работница Юго-Восточной железной дороги Зеникова рассказала, как тяжело и стыдно быть неграмотной. Она была избрана членом президиума дорожного комитета, что для женщины было редкой честью. Через три дня после того, как она впервые приняла участие в заседании, ей домой прислали протоколы заседания. «Пришла домой, вижу протокол и плачу, — вспоминала она, — вероятно, что-нибудь не так сказала, и меня выгоняют». Один из выступавших отметил, что многие из женщин, направленных в его цех для профобучения, неграмотны, поэтому заниматься их профподготовкой невозможно. Несмотря на то что курсы профподготовки были четырехмесячными, администрация часто присылала женщин на обучение за три дня до очередного экзамена. Понятно, что сдать его они не могли. Женщины жаловались, что не получают никакой помощи от мужчин, напротив, слышат одни насмешки и издевательства. Женщинам было трудно одновременно работать, учиться и справляться с домашними обязанностями. Одна из работниц железнодорожного транспорта сказала: «Естественно, женщина после работы устала, а ей еще нужно пойти в очередь взять хлеб, а много семейной нужно сварить и постирать...»²⁶

Многие женщины утверждали, что кадровое продвижение женских кадров планируется только на Международный женский день 8 марта. В этот день, как правило, нескольких женщин ждет незначительное повышение. Одна железнодорожница заметила: «8-го марта женщина получает от начальства кое-какие поощрения, но проходит 8-е марта, и эти поощрения от нее отбираются». Во многих случаях повышение являлось чистой формальностью. Женщины часто не были готовы к выполнению работы, на которую их назначили. Одна из железнодорожниц сообщила: «Мы имеем такие казусы: к 8-му марта мы выдвигаем женщину на ту или другую работу, а через 5-6 месяцев работница прибегает со слезами на глазах и говорит, что ее увольняют». Она пояснила: «По вопросу о продвижении, выдвижении, грубо говоря, задвижении женщин-работниц, мы скажем по особому докладу».

---

²⁵ Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 337. Л. 128; Состав членов профсоюзов // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 496. Л. 28; Там же. Л. 30; Состав новых рабочих // Ударник. 1932. № 3–4. С. 69.

²⁶ Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 337. Л. 82, 70, 92–93, 101.

И добавила: «в этой части у нас достижения очень мизерны, в этой части мы идем черепашьям шагом». Работница Забайкальской железной дороги Захарова с недовольством подтвердила: «У нас выдвижение, если можно так выразиться, приурочивается к 8-му марта, но какое выдвижение? Когда у нас проводился день 8-го марта 1928 г., то из группы поломоек одну выдвинули бригадиром поломоек, т. е. от этого же ведра с помоями к этому же ведру с помоями»²⁷. Женский праздник 8-го марта превращали в фикцию, обман, за которым скрывали отсутствие реальных изменений в жизни работниц.

Женщины говорили о том, что им гораздо труднее получить повышение по службе, чем мужчинам. Железнодорожница Иванова утверждала: «Когда выдвигают мужчину, взвешивают отрицательные и положительные стороны его. Например, что он малограмотный, сразу не охватит работу и т. д., но все-таки заявляют, что парень справится и будет работать. Когда же вопрос подходит к выдвижению женщин, то тут говорят: даешь женщину, только с условием, чтобы у нее ни одного отрицательного момента — давай, 100-процентную начинаешь искать». Работница Октябрьской железной дороги Саваненко рассказала, что администратор в ответ на предложение взять на работу новую работницу сказал: «как можно взять эту работницу — она же мала ростом». «А когда посмотришь на фигуру администратора, то он гораздо ниже ростом, — возмущалась Саваненко. — Просто обидно делается. Раз я не утерпела: слушай, товарищ, посмотри сам на себя — ты сам ниже ростом, как же ты до начальника участка дошел...» Администрация часто отказывала в приеме на работу даже тем женщинам, кто прошел обучение. Одна из железнодорожниц сетовала: «Девушки приходят со слезами, говорят, что им никакой работы самостоятельной не дают, говорят им, что они управлять государством не умеют и т. д.»²⁸

Артюхина заметила, что женщины, получившие повышение, вели себя робко и чувствовали себя на новом месте менее комфортно, чем мужчины, даже если имели равную с ними квалификацию. Отчасти это происходило потому, что женщины не были уверены в своих талантах и способностях, отчасти потому, что женщины постоянно сталкивались с враждебным отношением. Работница Рязано-Уральской железной дороги Зуева пояснила, что мужчина «смотрит на работницу как на врага, как на вредителя производства, а не как на своего товарища». Она рассказала о проблемах работаю-

---

²⁷ Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 337. Л. 50, 65, 67–68, 147.

²⁸ Там же. Л. 56, 75–76, 72.

щей на той же линии женщины-сверлильщицы: «Рядом стоящий мужчина смеется над ней, издевается и не понимает того, что она тоже умеет управлять производством и является таким же хозяином производства, как и он». Мужчины не помогали женщинам, а, напротив, усложняли им работу. Зуева продолжила: «Вы все знаете, что 11-ти листовые рессоры весят 5,5 пудов. Идешь за рессорами, идут также мужчины. Подходишь. Мужчина начинает свертывать папироску, конечно, ты не будешь ждать его,ходишь к рессорам, наваливаешь на плечи без облыжа и уходишь. А мужчина над тобой еще смеется и говорит: ничего, у нее лошадиная сила, пускай напрягается». Женщинам часто приходилось поднимать груз, превышающий по весу допустимый предел. В котельном цехе Юго-Восточной железной дороги женщины переносили шнуровочные кольца весом 127 кг. Когда они предъявили претензии руководству, им ответили: «Зачем же вы пришли работать?»²⁹ Мужчины находили множество причин для того, чтобы не брать женщин на работу, не обучать, не продвигать по службе. На предприятиях мужчины активно отстаивали принципы гендерной иерархии, что вынуждало женщин оставаться на низшем уровне.

Профсоюзы, фабкомы, биржи труда

После ликвидации женотдела враждебность, с которой женщин встречали в цехах, только усилилась, чему способствовало отсутствие организаций, занимающихся защитой интересов женщин и противостоящих дискриминации. Профсоюзы, фабкомы, местные отделы труда и даже парткомы не боролись с подобным отношением, негласно считая его приемлемым, и нередко сами способствовали гендерному неравенству. Делегаты Всесоюзного совещания по работе среди женщин неоднократно говорили о том, что профсоюзы отказываются видеть в женщинах электорат. Одна из делегатов высказала мнение, что профорганизации «смотрят на женщин с холодком». «Они говорят, что наши женщины не умеют справляться с работой, — продолжила она, — я бы сказала, что просто наши профорганизации не умеют руководить нашими работниками»³⁰. Артюхина утверждала, что в профсоюзах имеет место «колоссальная косность» в отношении кадрового продвижения женщин. Она заметила, что практически

---

²⁹ Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 337. Л. 120, 71, 72, 87.

³⁰ Стенограмма Всесоюзного совещания по работе среди женщин // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 357. Л. 31.

невозможно выдвинуть женщину «председателем окружного отделения печатников, металлистов, химиков, кожевников»³¹. Несмотря на то что миллионы женщин пришли на производство и вступили в профсоюзы, в руководстве они были представлены слабо. В 1935 г. женщины составляли лишь от 6 до 10 % членов фабкомов и цеховых комитетов в машиностроении, а ведь эта отрасль вобрала в себя наибольшее число новых работниц. В швейной и хлопчатобумажной промышленности рабочая сила была преимущественно женской, но женщины составляли только половину всех начальников цехов³². В одном из выступлений на совещании женщин-транспортниц говорилось, что женщины, работающие уборщицами, «совершенно неграмотны»³³. Очевидно, что эти женщины не могли принимать полноценное участие в профсоюзных собраниях. Руководство профсоюзов было мужским и соответственно защищало интересы мужчин. Отношения между профсоюзами и женскими кадрами характеризовались взаимным равнодушием.

Некоторые участники Всесоюзного совещания связывали развал работы профсоюзов среди женщин с решением восьмого съезда профсоюзов о ликвидации женорганизаторов. Один из украинских делегатов заметил, что в последние годы к работе среди женщин относились прохладно³⁴. Ликвидация женотдела в 1930 г. усилила эти настроения. Поскольку работой среди женщин никто не руководил, профсоюзы быстро перестали заниматься такими вопросами как организация детских садов, ликвидация неграмотности, профподготовка женских кадров, решение гендерных проблем на предприятиях. Когда делегатские собрания попытались взять на себя дополнительную работу, профсоюзы их проигнорировали³⁵. Делегатка из Донбасса Назарова рассказала о том, как председатель фабкома ее предприятия отказался помочь в организации переизбрания делегаток. Когда она попросила его прийти на собрание, он отмахнулся: «Иди ты со своим собранием, у нас своя работа». Она

---

³¹ Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 337. Л. 118.

³² Женщина в СССР. Статистический сборник. М.: ЦУНХУ, 1937. С. 158–159.

³³ Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 337. Л. 101.

³⁴ Стенограмма Всесоюзного совещания по работе среди женщин // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 357. Л. 63.

³⁵ Там же. Л. 80.

с негодованием отметила: «Это показывает, что профорганизация не считает женработу своим делом»³⁶. Руководство профсоюза железнодорожников раздражали постоянные жалобы и требования со стороны женщин. Представители профсоюза Бакинской железной дороги заявили, что не считают необходимым обсуждать отдельно, кто будет участвовать в совещаниях, и будут ли это мужчины или женщины³⁷. Когда одна из делегатов выразила свое возмущение отсутствием работы среди женщин, представители завкома ответили теми же словами, которыми партия оправдывала ликвидацию женотдела: «Отдельно работу не ведем, работу ведем *в общем*». Делегатка Пименова заметила: «Я считаю, что с этим “в общем” нужно покончить». Она потребовала, чтобы профсоюзы, фабкомы и завкомы взяли на себя ответственность за ведение работы среди женщин³⁸. Профсоюз горняков относился враждебно к новым работницам и пытался препятствовать их приему в свои ряды. Шахтком шахты ОГПУ по несколько месяцев «мариновал» заявления работниц о приеме в союз, мотивируя это тем, что «баба в шахте временно, пока прорыв...»³⁹ Многие женщины на вопрос о том, как профработники относятся к работе среди женщин, отвечали — «плохо»⁴⁰.

В тех редких случаях, когда профсоюзы все-таки занимались работой среди женщин, они неизменно поручали эту работу самим женщинам. После ликвидации женотдела партия настаивала на том, что с этого момента все организации несут ответственность за работу среди женщин. Однако профсоюзы поняли это решение по-своему. Кочкина, железнодорожница из Перми, подвергла резкой критике работу своего профсоюза: «Я приехала в Москву летом, пожертвовала отпуском, чтобы поговорить здесь по ряду вопросов, касающихся женработы. Оказывается, что в ЦК никто, кроме тов. Муравьевой, ничего не знает, и в ЦК заявляют: “Ведет работу среди женщин тов. Муравьева, с ней и поговорите”. Так обстоит дело — у нас в ЦК выдвинута одна женщина, она разрывается на части, и работа, конечно, вестись правильно не может». Муравьева подтвердила слова Кочкиной: «Все бумаги, где написано слово “женщина”, сваливают ко мне. Если высшая

---

³⁶ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 357. Л. 99.

³⁷ Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп.10. Д. 337. Л. 32 об.

³⁸ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5451. Оп.15. Д. 357. Л. 103–104. По этому вопросу см. также выступление Ленау: Там же. Л. 230.

³⁹ Довольно рассуждений // НТФ. 1931. № 23–24. С. 12.

⁴⁰ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 357. Л. 36.

организация требует составить план по культпросветработе, то исключительно я одна должна это делать — ты, мол, женщина, и должна составить»⁴¹.

Организовав Всесоюзное совещание по работе среди женщин, ВЦСПС позволил женщинам выразить свое недовольство и разочарование действиями мужчин в партии, правительстве и профсоюзах. Проблемы, изложенные на этом совещании, были очевидны, но менее очевидны были способы их решения. Выступления делегатов оставляют впечатление, что предвзятость мужчин по отношению к женщинам позволяла сохранять на предприятиях гендерную иерархию, лишавшую женщин возможности развиваться. Предрассудки доминировали на предприятиях повсеместно, и бороться с ними можно было лишь при ведении отдельной работы среди женщин. Но делегатов пригласили не для того, чтобы разрабатывать план перестройки мышления профработников, как предлагал Жданов. Несмотря на то что выступавшие подробно описывали проблемы, с которыми было необходимо бороться, официальный список резолюций, утвержденный в конце работы совещания, предлагал слишком мало способов их решения.

Через неделю резолюции были одобрены президиумом ВЦСПС в качестве директив для профсоюзов. Постановление было направлено на борьбу с бездействием профсоюзов в отношении работы среди женщин, из его текста следовало, что решение ликвидировать институт женорганизаторов на предприятиях имело катастрофические последствия: «При перестройке профсоюзного аппарата женработы не нашла своего отражения в секторах большинства ЦК союзов, межсоюзных организаций и фабрично-заводских комитетов». Однако ВЦСПС не вернул женорганизаторов на предприятия. Не желая вступать в противоречие с решениями партии, ВЦСПС разрешил женорганизаторам продолжить работу лишь в нескольких республиках Средней Азии, а также в Казахстане и Карелии, но не в промышленно развитых регионах. В каждом городе в районном совете профсоюзов должен был быть один женорганизатор, контролирующей ведение работы среди женщин. Предполагалось, что профсоюзы будут проводить отдельные женские собрания для жен рабочих, крестьянок и неквалифицированных работниц. Профсоюзы обязали возродить делегатские собрания, неофициально отмененные в ряде

---

⁴¹ Стенографический отчет Всесоюзного совещания по работе среди женщин на транспорте // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 10. Д. 337. Л. 49, 98.

областей, однако целью этих собраний была мобилизация женщин на производство, а не защита их интересов. Также ВЦСПС рекомендовал профсоюзам заняться — по примеру женских бригад — определением специальностей, подходящих для женщин, непосредственно на предприятиях⁴².

В постановлении не предлагалось никаких организационных средств для преодоления враждебного отношения профсоюзов к женскому труду. Кроме предложения назначить по одному женорганизатору в райсоветах профсоюзов, никаких существенных организационных новаций запланировано не было. ВЦСПС стремился сохранить делегатские собрания, но лишь для того, чтобы они способствовали решению партийной задачи по привлечению женщин на производство. Профсоюзам рекомендовалось «перестроить работу», но не было дано конкретных указаний. Таким образом, постановление не было направлено на устранение многочисленных организационных недостатков, о которых говорили делегаты. Одна из выступавших описала сложившееся положение следующим образом: «Как будто везде и всюду, на всех совещаниях и широких собраниях говорим о том, что участие женщин в нашем социалистическом строительстве обязательно. Но, товарищи, когда столкнешься с действительностью, то этого не видно»⁴³. Вряд ли можно было радикально изменить поведение мужчин и их отношение к женщинам при отсутствии новых организационных форм и программ, ориентированных на женщин. Постановление было далеко от реальной ситуации и не могло изменить сложившуюся систему неравноправия, опирающуюся на глубоко укоренившиеся в мужском сообществе сексистские предрассудки.

Отчеты с предприятий: «Нам нужно рабочих, а не женщин»

В марте ВЦСПС и КУТБ начали «большой поход» за вовлечение 1 600 000 женщин в народное хозяйство, проходивший под лозунгом «Быт на службу промфинплану»⁴⁴. Кампанию освещала рабочая газета «Труд», призывавшая профсоюзы готовить женские кадры и заменять мужской труд женским. Известный специалист

---

⁴² Постановление к н. заседания президиума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 15. Д. 359. Л. 54; Массовое внедрение женского труда и очередные задачи профсоюзов в работе среди женщин // Там же. Л. 55–63.

⁴³ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 357. Л. 28.

⁴⁴ В ЦК ВКП(б). О массовой работе среди работниц в связи с вовлечением новых слоев женщин в промышленность. Докладная записка // Там же. Д. 362. Л. 80.

по женскому труду Б. Маршева писала, что широкое использование женского труда напрямую связано с гендерным перераспределением рабочей силы: «Необходимо обеспечить такую передвижку сил, которая высвободит все участки, на которых возможна работа женщин, с тем, чтобы освободившуюся мужскую рабочую силу использовать в тех профессиях, в которых применение женского труда невозможно или менее целесообразно». Она утверждала, что темп вовлечения женщин в производство «буквально удесятерется»⁴⁵. Несмотря на освещение в прессе, кампания мало повлияла на отношение хозяйственников к женскому труду. Опубликованные и неопубликованные отчеты с предприятий демонстрировали, что дискриминация женщин по-прежнему существует. Многие руководители в принципе не желали брать на работу женщин, при этом уровень квалификации женщин значения не имел. Администрация Подольского завода швейных машин решительно заявила: «Баб нам не нужно!» Были и такие высказывания: «Баб? Принципиально не обучаю и не желаю обучать!»⁴⁶ Один из начальников шахт объявил, что «бабам» в шахте делать нечего. Директор Константиновского стекольного завода сказал, что считает «присылку женщин на завод высшей мерой наказания».⁴⁷

Еще более враждебно хозяйственники и рабочие-мужчины относились к идее предоставления женщинам квалифицированной работы. Несмотря на высокие квоты, введенные ВЦСПС, мужчины отказывались допускать женщин на квалифицированные рабочие места. Женщины-рабкоры (рабочие корреспонденты) публиковали в рабочей прессе вызывающие тревогу рассказы о дискриминации женщин. Гривенева, работница операционного отдела инструментального цеха «Красного путиловца» бóльшую часть года проработала на заточке карандашей. Когда она попросила предоставить ей другую работу, мастер ответил: «Вам, женщинам, все равно хорошими токарями не быть!» Другая работница восемь месяцев занималась обдиркой конусов сверл. Она попросила перевести ее в токарный отдел на работу более высокой квалификации. Ей ответили: «Там бабам делать нечего — работа серьезная!» Девушек, полу-

---

⁴⁵ Маршева Б. Полтора миллиона женщин вовлечем в строительство социализма // Труд. 6 марта 1931.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ На президиуме ВЦСПС ильичевцы добились вовлечения в производство 3000 женщин-работниц // Труд. 3 июля 1931.

чивших квалификацию токаря в одном из отделений центрального Института труда, поставили работать ученицами. Они потребовали проверить их умение. Начальник долго тянул, а затем предложил им пройти пробу на станках, где не было измерительного прибора. Девушки проверку все-таки прошли, но получили лишь второй разряд. Начальник сказал им вслед: «Девчонки, что в них толку!»⁴⁸

В апреле была проведена проверка состояния женского труда на крупных предприятиях Ленинграда и Северного Кавказа, а также на строительстве Магнитогорского металлургического комбината и нескольких шахтах. Результаты были доложены на совещании по внедрению женского труда. Общий тон выступлений был пессимистическим. Докладчик Симонова возмущенно заметила: «Между прочим, надо сказать, что в Магнитогорске отношение к работнице самое безобразное». Она негодовала, что на этой стройке женщинам достается самая низкооплачиваемая, тяжелая работа: «...мало того, что не продвигают, но когда приходят в производство, то самое скверное отношение. Ее заставляют трехпудовые камни поднимать, и это называется, что внедряют женский труд». Заведующий кадрами Построечного комитета Магнитогорска заявил: «женщины нас не интересуют, их нам не нужно, мы их не учитываем». Женщины составляли половину всех неквалифицированных рабочих в Магнитогорске, но для их обучения ничего не предпринималось. Женщин-слесарей не было вовсе, арматурщиц — лишь горстка. Профсоюзы организацией профподготовки не занимались. Симонова с горечью заметила: «...у них такое мнение, что нам нужно рабочих, а не женщин»⁴⁹.

На механическом заводе в городе Златоуст положение было несколько лучше. Женщины составляли почти треть рабочих завода, большинство работниц трудоустроились на завод впервые. Начальники цехов и мастера возражали против того, чтобы женщины работали в цехе, и угрожали уволиться, если это произойдет. Однако директор завода ответил: «Или работница у станка, или ты не будешь в цеху». Женщины оказались хорошими работницами, и директор заставил мастеров смириться с ситуацией⁵⁰. Однако подобное развитие событий было скорее исключением из правила. На «Север-

---

⁴⁸ Разогнать бригаду работниц // Труд. 24 марта 1931.

⁴⁹ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 21, 22.

⁵⁰ Там же. Л. 25–25 об.

ной верфи» женщины либо работали уборщицами, либо занимались физически тяжелым неквалифицированным трудом, нередко им приходилось поднимать грузы весом до 66 кг. Более легким, механизированным трудом занимались мужчины. Один из мастеров назначил ученицами уже прошедших обучение женщин, тем временем несколько мужчин были сразу приняты на работу сверловщиками. Бригадир другого цеха заявил: «Какой толк из бабы, ей дома щи варить, а не на заводе работать». Он демонстративно игнорировал одну работницу из своей бригады, не давал ей возможности смотреть чертежи. Когда женщин начали учить на нагревальщиц и выдали им спецодежду, мужчины стали смеяться над тем, что они носят брюки. Один из мастеров, узнав, что ему придется учить женщин этой специальности, отказался, сославшись на то, что молодые замуж выйдут, а пожилые ничего не поймут⁵¹.

В неопубликованных отчетах, поступавших в ВЦСПС, приводились подобные примеры. Так, в отчете с московского металлургического завода «Серп и молот» сообщалось, что подготовкой женских кадров на заводе не занимаются и не обеспечивают женщин работой, соответствующей их квалификации. Чернорабочая Андреева прошла обучение по специальности канатчица, однако начальник цеха сказал ей: «Мне не нужны канатчицы. Зачем ты училась? Кто тебя просил?» В отчете говорилось также, что «таких фактов безобразного отношения к труду работницы можно насчитать сколько угодно»⁵². Многие хозяйственники открыто противодействовали кампании по привлечению женщин на производство, отказываясь принимать их на работу. Директор судоремонтного завода в Архангельске утверждал: «...нам женщин не нужно. Я буду ставить вопрос об отмене этих нелепых директив. Женщины себя не оправдывают и работают хуже мужчин». В заводууправлении Березняковского химкомбината говорили: «...не будем нянчиться с женщинами». Фабкомы и завкомы часто принимали сторону руководителей. Председатель завкома белорусского завода им. Лавщукского, поддерживая точку зрения директора завода, заявил: «Для женщин только работа — мыть окна и вагоны убирать»⁵³.

---

⁵¹ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 34–35.

⁵² Завод «Серп и молот» // Там же. Оп. 15. Д. 362. Л. 3–6.

⁵³ В ЦК ВКП(б), О массовой работе среди работниц в связи с вовлечением новых слоев женщин в промышленность. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 84–85.

Гендерное перераспределение кадров, недовольство рабочих

Враждебное отношение к идее обучения и кадрового продвижения женщин бытовало в среде рабочих уже давно, однако трудовая политика партии обострила ситуацию. Стратегия гендерного перераспределения способствовала возникновению конкуренции, неприязненных отношений и конфликтов между рабочими, особенно в случаях замены мужского труда женским и отправки мужчин на тяжелые работы. Например, в Шахтинском районе мужчины были вынуждены освободить для женщин целый ряд рабочих мест и перейти на тяжелейшую работу в забое. «Мужчина встречает это не очень доброжелательно», — отметила бывшая сотрудница женотдела Церлина, посетившая шахты. Она сообщила, что ни профсоюзы, ни партработники не потрудились объяснить мужчинам, почему женщины занимают их рабочие места. «Все товарищи знают, — говорила Церлина, — и я не боюсь этого сказать громко, что я относилась все время отрицательно к тому, что мы не имеем женотдела до самого последнего времени, до моей поездки»⁵⁴. Профсоюз транспортников Московской области решил заменить 90 % мужчин-кондукторов женщинами. В Ленинграде профсоюз пошел еще дальше, дав указание зарезервировать специальности кондуктор и вагоновожатый исключительно для женщин. Это вызвало большое недовольство среди мужчин — работников транспорта, которые обратили внимание на различия в политике профсоюзов двух городов, и опротестовали решение. «Кто виноват из них, кто прав? — спрашивала редакция «Труда». — А главное — кто за этим следит, руководит и отвечает?»⁵⁵ На Украине вагоновожатым и кондукторам мужского пола пришлось освободить рабочие места для передачи их женщинам, при этом мужчин перевели на неквалифицированную работу, значительно хуже оплачиваемую. Они были возмущены и протестовали «против такой бесцеремонной переброски»⁵⁶. Распределение на работу было напрямую связано с уровнем квалификации, и вопрос о правомерности того или иного решения часто становился причиной конфликта среди работников.

---

⁵⁴ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 1.

⁵⁵ За 1 600 000 работниц отвечают прежде всего союзы // Труд. 10 июля 1931.

⁵⁶ Программа внедрения женского труда сорвана // НТФ. 931. № 23–24. С. 13.

Проблема тяжелого физического труда часто была также причиной споров между мужчинами и женщинами. И те, и другие полагали, что именно они выполняют самую тяжелую, грязную и неприятную работу, в то время как работникам иного пола руководство делает поблажки. Стратегия гендерного перераспределения усилила эти впечатления и у той, и у другой стороны. Поскольку женщине было законодательно запрещено поднимать и перемещать на работе тяжести, превышающие определенный вес, многие виды работ, не связанные с переноской тяжестей, государство перевело в разряд «женских». Естественно, что мужчин возмущал перевод на тяжелые работы. Женщины, со своей стороны, изучив принципы гендерной иерархии на предприятиях, решили, что мужчины захватили всю более легкую квалифицированную работу, а им оставили самую тяжелую и грязную. Например, в Магнитогорске двадцать домохозяек были приняты на неквалифицированную работу, их направили на строительство электростанции, где приходилось перетаскивать кирпичи, доски и шпалы. Одна из женщин под тяжестью груза упала, и рассыпавшимися шпалами ей проломило череп. Ее товарки были в ярости, они обвинили во всем руководство, которое на самые легкие задания посылает мужчин, и ушли с работы⁵⁷. Почти через год после начала кампании по привлечению женщин на производство ВЦСПС пришел к выводу, что «именно отсутствием необходимой массово-разъяснительной работы объясняются имеющие место в некоторых случаях нездоровые отношения между мужской и женской рабочей силой в связи с тем, что в ряде профессий вытесняемые женским трудом мужчины переводятся на более тяжелые работы»⁵⁸.

Не все конфликты между мужчинами и женщинами можно было так просто объяснить. Часто мужчины отказывались работать с женщинами безо всяких обоснований. После того как в Шахтинской шахте застали занимавшуюся сексом пару, несколько недель среди рабочих циркулировали неприятные слухи⁵⁹. Слухи свидетельствовали о том, что мужчины крайне некомфортно чувствовали себя, работая рядом с женщинами. Как правило, им трудно было видеть

---

⁵⁷ Собрание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 15 об.

⁵⁸ Итоги внедрения женского труда в промышленность за 1-ое полугодие 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 363. Л. 12.

⁵⁹ Собрание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 9.

в женщинах товарища по работе, они воспринимали их как сексуального партнера, поэтому атмосфера на рабочем месте зачастую была напряженной. Мужчины нередко воспринимали присутствие женщины как сексуальный вызов, нарушение общепринятых норм и вели себя соответственно. Женщины становились объектом домогательств и оскорблений, направленных на то, чтобы выжить их с работы. В Магнитогорске женщину поставили на работу в ночную смену таскать кирпичи. Вместе с ней трудились еще 500 мужчин. «К ней то один, то другой начали приставать». Женщина долго терпела, но потом не выдержала и плюнула одному из обидчиков в лицо, «ее хотели избить». Кое-как она дотянула до конца смены и утром попросила руководителя: «Переведи меня на дневную работу, ночью я работать не могу». «Ты не хочешь работать», — ответил он и уволил ее⁶⁰.

Понятно, что женщины не пользовались современным термином «сексуальное притеснение», они описывали действия мужчин словом «ругань», рассказывая о случаях, когда оскорбления имели сексуальный характер. Бригада комсомолок приехала в Магнитогорск. Перед поселением в барак их направили в баню. Баню обслуживал мужчина. Девушки предложили ему выйти, но он отказался. Когда они разделись, чтобы помыться, банщик стал отпускать непристойные комментарии и довел девушек до слез⁶¹. На «Красном путиловце» слесарь — член партии и его приятель-настройщик приставали ко всем женщинам в цехе и говорили им непристойности. Если женщина протестовала против такого поведения, настройщик насмешливо говорил: «Баронесса на завод затесалась, не место ей здесь». Работницы написали об этом в стенгазету, после чего «обиженные» подговорили других рабочих и вместе начали бранить женщин: «Кляузницы, сплетницы, связались с рабкорами — гнать вас с завода надо»⁶². Когда женщины обращались с просьбой к бригадиру, то часто слышали в ответ непристойные намеки и скабрёзности. Если женщины жаловались начальству, обычно им говорили, что они сами спровоцировали такое поведение. Один из представителей Районной контрольной комиссии (РКК), узнав о таком инциденте, невозмутимо сказал: «Сами виноваты, где женщины — всегда так

---

⁶⁰ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 15 об.

⁶¹ Там же. Л. 21.

⁶² Разогнать бригаду работниц // Труд. 24 марта 1931.

будет. Вот когда их не было, в мастерской, и склок не было». Если мужчина вел себя грубо в присутствии женщины, та всегда считалась виноватой. Не удивительно, что комиссия отказалась принимать меры по жалобам⁶³.

За и против перемен

Неприятное отношение к женщинам имело несколько причин правового, политического, экономического и культурного характера. Хозяйственники считали для себя невыгодным нанимать и обучать женщин, поскольку полагали, что в случае замужества или рождения детей женщины уйдут с работы, таким образом, средства на их профподготовку будут потрачены зря. Щедрое пособие по беременности и родам, назначенное советским правительством, также было серьезным экономическим препятствием. Стратегия гендерного перераспределения, согласно которой для женщин резервировались целые секторы на рынке труда, провоцировала напряженность в отношениях между работниками разного пола. Мужчины были возмущены тем, что им приходилось освобождать рабочие места для женщин, особенно если за этим следовал перевод на тяжелую работу. Гендерное перераспределение не могло решить проблему предубеждения в отношении женского труда, поскольку эти предрассудки отчасти были обязаны своим существованием системе гендерной сегрегации. На протяжении 1920-х гг. женорганизаторы практически не получали поддержки на предприятиях. Работники профсоюзов, администрация и рабочие-мужчины считали, что внедрение женского труда, которым партия вынуждает их заниматься, бессмысленно. Враждебное отношение мужчин к женскому труду не было результатом политического давления со стороны партии. Мужские предрассудки возникли задолго до установления советской власти. Мужчины считали, что только они имеют право на труд на производстве, и появление на рабочем месте женщины воспринимали как нарушение «естественного порядка». Поскольку мужчина получал непосредственную выгоду от существования на предприятии гендерной иерархии, он стремился сохранить свое исключительное право на квалифицированную работу. Возможность получить квалификацию мужчины считали своей прерогативой, поэтому возражали против профподготовки женщин и активно пытались вытеснить их с квалифицированной работы.

---

⁶³ Разогнать бригаду работниц // Труд. 24 марта 1931.

Женщины становились объектом насмешек, непристойных намеков и комментариев, сексуальных домогательств. Такое поведение со стороны мужчин служило укреплению гендерной иерархии на предприятии, оно было направлено на то, чтобы не допустить кадрового продвижения женщин и лишить их доступа к квалифицированному труду. Давние предрассудки вступили в конфликт с новой трудовой политикой. Сталинское руководство активно критиковало профсоюзы за бездействие в отношении женского труда во время борьбы с «правыми уклонистами», а те не стыдились оправдывать свое бездействие стремлением сохранить демократию.

Бороться с мужскими предрассудками было трудно, поскольку они существовали на всех уровнях иерархии предприятия. Директора, начальники цехов, бригадиры, мастера, квалифицированные рабочие — все они разделяли одни и те же взгляды на женский труд. Соответственно директор не объявлял выговор бригадиру, отказавшемуся допустить женщин в цех, бригадир не принуждал мастеров заниматься обучением женщин, мастера не заставляли квалифицированных рабочих сотрудничать с женщинами. Все закрывали глаза на дискриминацию и случаи сексуального домогательства. Если женщины не могли противостоять безобразному поведению мужчин, значит, они «сами виноваты». Даже когда партия изменила свое отношение к женскому труду, местная администрация осталась на стороне квалифицированных рабочих-мужчин, которые были основной опорой партии в 1920-е гг. и предпочитала защищать их интересы. Несмотря на то что партийное руководство давало женщинам возможность высказаться, женорганизаторов на предприятия возвращать не стали.

На фоне партийных лозунгов, популяризовавших идею классового самосознания, женщины демонстрировали сильное и независимое гендерное самосознание. Партия призывала женщин вступать в ряды рабочего класса, а мужчины отказывали им в этой роскоши. Непристойные предложения, безразличие, дискриминация — все должно было напоминать женщинам об их половой принадлежности. Но, в отличие от мужчин, они не считали гендерную иерархию на предприятиях «естественным» положением вещей. Женщины решительно критиковали поведение рабочих-мужчин, жаловались на неуважение с их стороны. Женщины прекрасно понимали, что подвергаются дискриминации, и их возмущало такое отношение. Несмотря на то что женщинам не хватало специфических терминов,

чтобы описать ситуацию (они не пользовались выражениями «мужской шовинизм», «сексуальное притеснение», «гендерная политика»), это не мешало им выразить свое негодование по поводу неравенства полов. Даже если женщина за неимением более подходящего слова называла сексуальное домогательство «ухаживанием», было ясно, что подобное поведение мужчины для нее оскорбительно⁶⁴. Женщины не колеблясь уличали мужчин в дискриминационном отношении к себе вне зависимости от их общественного положения, они были одинаково беспристрастны и к коллегам по работе, и к представителям местной власти. Женщины выражали недовольство работой профсоюзов, НКТ, местных отделов труда, им была неприятна общая апатия по отношению к женскому труду. Они неоднократно говорили о своем несогласии с ликвидацией женотдела, это была единственная организация, способная защищать интересы женщин. Женщины не замалчивали свои проблемы, они обращались с жалобами к должностным лицам, писали в стенгазеты, выступали на собраниях. Многие бывшие женотделки вступали в КУТБ, профсоюзы, таким образом становясь связующим звеном между отдельными предприятиями и центральной властью. Каждая из них, будучи направлена на предприятия для обследования условий женского труда, извещала должностных лиц в Москве о случаях насилия и дискриминации со стороны бригадиров, руководителей предприятий и местных властей.

На протяжении 1930-х гг. страницы газет, журналов, отчеты с предприятий пестрели рассказами о случаях дискриминационного отношения к женщинам-работницам. Очевидно было, что привлечение женщин на производство шло болезненно, а с подготовкой женских кадров дело обстояло еще сложнее, поскольку нарушались глубоко укоренившиеся представления о «мужской» и «женской» работе и месте женщины в социуме. Женщины очень хотели получить доступ к квалифицированному труду, добиться кадрового продвижения на предприятиях и более высокой зарплаты, но все же часто они не выдерживали травли и уходили с работы. Было отмечено много случаев, когда женщины, чтобы вырваться из враждебной обстановки, сложившейся в цехе, после своего повышения просили вернуть их на прежнюю работу или перевести обратно в дневную смену, несмотря на то что таким образом они лишались возможности карьерного роста и улучшения финансового положения. Продвиже-

---

⁶⁴ Употребление этого слова в данном контексте см. в: Разогнать бригаду работниц // Труд. 24 марта 1931.

ние по службе не стоило унижений, на которые обрекали женщину работающие рядом мужчины. В 1931 г. на такие случаи обращали повышенное внимание, поскольку они дорого обходились партии, государству и предприятиям. Женский труд был необходим для преодоления дефицита рабочей силы. Уход с предприятия не выдержавшей постоянных оскорблений со стороны мужчин женщины означал, что средства на ее обучение государство потратило впустую. В 1931 г. партийные руководители осознали, что подготовка и распределение женских кадров служат интересам индустриализации. Однако они так и не усвоили простую истину, понятную всем бывшим членам женотдела и работницам: предрассудки слишком глубоко укоренились в сознании мужчин. Для того чтобы обеспечить равенство, было недостаточно допустить женщин к работе по ряду специальностей, установить для них бронь в ФЗУ, создать список профессий, предназначенных для женщин. С предрассудками, притеснениями и дискриминацией следовало бороться напрямую. Учитывая то, как себя проявили профсоюзы, отделы труда и фабкомы, было маловероятно, что им удастся в одиночку справиться с этой задачей при отсутствии поддержки со стороны сильной женской организации.

Широкомасштабное внедрение женского труда в Советском Союзе даже на фоне значительного увеличения потребности в рабочей силе сопровождалось теми же явлениями, что и внедрение женского труда в капиталистических странах: снижение заработной платы, де-квалификация, конфликты с профсоюзами, отсутствие возможности оказывать влияние на работодателя. Советская трудовая политика имела сходство с политикой работодателей в период втягивания женщин в капиталистическое производство с целью извлечения дополнительных прибылей. Государственная стратегия широкомасштабного трудоустройства женщин за счет резервирования для женщин целого ряда специальностей напоминала процесс замены мужского труда женским в капиталистической промышленности. Подобное замещение порождает недовольство среди рабочих при любом режиме⁶⁵.

---

⁶⁵ О гендерном вопросе и капиталистической промышленности см.: Canning K. *Languages of Labor and Gender: Female Factory Work in Germany, 1850–1914*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996; Blewett M. *Men, Women, and Work: Class, Gender, and Protest in the new England Shoe Industry, 1780–1910*. Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1990; *Work Engendered: Toward a New History of American Labor* / A. Baron (ed.). Ithaca, N.Y.: Cornell University Press,

Советские партийные деятели поняли, что женщины являются серьезным трудовым резервом и предприняли попытку преодолеть непонимание со стороны местных властей, руководства предприятий и рабочих-мужчин. Но уже в конце 1931 г. партия объявила об успешном завершении кампании по привлечению на промышленные предприятия 1 600 000 женщин. Первоначальное стремление партии бороться с предрассудками и женской дискриминацией сошло на нет. Опасаясь, что отдельные женские организации будут препятствовать внедрению женского труда на производстве, партия не разрешила воссоздать организацию, способную защищать интересы женщин и решать их проблемы. К концу первой пятилетки вопросы гендерной сегрегации, гендерных отношений и структурного дисбаланса на уровне рабочего места уже не обсуждались публично.

Работница переносит бетонные блоки на строительстве Уралмаша — машиностроительного завода в Свердловске (нынешний Екатеринбург). 1931 г. Такая работа была типичной для неквалифицированных женщин, занятых в строительстве

Бригада рабочих, организовавшая движение за перевыполнение производственных заданий на машиностроительном заводе им. Карла Маркса. 1931 г. Семь из десяти членов бригады — женщины

ГЛАВА 8. ДВЕРИ В РАБОЧИЙ КЛАСС СНОВА ЗАКРЫТЫ

Гигантские задачи, разрешаемые рабочим классом Советского Союза на путях коренной реконструкции всего народного хозяйства, на путях создания бесклассового социалистического общества, требуют от всех участников социалистической стройки стальной, подлинно пролетарской труддисциплины, наиболее полного использования каждого рабочего дня, каждого рабочего часа, решительного искоренения всякого вида дезорганизации производства, в частности прогулов.

Газета «Труд». 17 ноября 1932 г.¹

Зачем нам сейчас вторая пятилетка, мы от первой никак не отделаемся.

*Рабочий Брянского механического завода,
1932 г.²*

Очистить города от социального мусора.

Заголовок в газете «Труд». 1932 г.³

К концу первой пятилетки в ряды советского рабочего класса влилось 10 700 000 человек. Города и стройки были переполнены людьми, не хватало жилья, еды, почти нигде не было водопровода, электричества, канализации. Люди жили в ужасных условиях, часто несколько семей теснились в одной комнате — каждая в своем углу, другие жили в наспех построенных шатких бараках, в примитивных палатках и землянках, кто-то — даже в заводских цехах. Каждый день

---

¹ В наступление на прогулы // Труд. 17 ноября 1932.

² Об отрицательных настроениях, выявленных в кампании по займу // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 112.

³ Очистить города от социального мусора // Труд. 29 декабря 1932.

на стройплощадки прибывали тысячи новых рабочих, но им приходилось отправляться назад из-за отсутствия жилья, несмотря на то что рабочих рук не хватало. Текучесть кадров росла, поскольку рабочие перебирались с места на место в поисках лучших условий. Рабочая сила находилась в постоянном движении, люди перебирались со стройплощадок в город, толпились на вокзалах, набивались в поезда. На предприятиях и стройках царила дезорганизация. Столовые и кухни, рассчитанные на обслуживание нескольких сотен рабочих, должны были кормить тысячи. Учет рабочих рук велся хаотично.

Вторую пятилетку (1933–1937) отличал более медленный (по сравнению с первой) темп развития, массовые увольнения рабочих, интенсификация процесса накопления капитала, замена мужского труда женским. Женский труд имел большое значение для решения новой задачи — борьбы за стабильность и повышение производительности труда. В начале 1932 г. руководители предприятий заключали коллективные договоры с профсоюзами по образцу, распространявшемуся ВСНХ и ВЦСПС. В колдоговорах подчеркивалась важность женского труда: в каждом был раздел, касающийся внедрения женского труда, где указывалось, сколько женщин нужно нанять, обучить, перевести на квалифицированную работу⁴. Партия полагала, что за счет привлечения на промышленные предприятия жен и дочерей рабочих можно будет решить проблему текучести кадров, нехватки жилья, отсутствия коммунального и социального обслуживания. По мнению партии, городские женщины в качестве рабочей силы были предпочтительнее крестьян-мигрантов, поскольку им не требовалось дополнительное жилье, для них не была в новинку трудовая дисциплина. Женщины представляли собой многоцелевой трудовой ресурс, который можно было использовать для сдерживания крестьянской миграции.

В начале второй пятилетки государство ввело драконовские законы, направленные на ограничение мобильности рабочей силы, снижение интенсивности потока деревня — город, усиление трудовой дисциплины, создание строгой системы учета и контроля. Была проведена чистка руководства предприятий, приняты суровые законы, карающие прогульщиков, были установлены более высокие нормы выработки, сокращен фонд заработной платы, введена единая паспортная система с обязательной пропиской. Заработная плата, пайки, доступ к службам быта — все это использовалось в качестве

---

⁴ А. П. Шесть условий товарища Сталина — в основу колдоговора // НТФ. 1932. № 3. С. 10–11.

инструмента для стимулирования трудовой активности и трудовой дисциплины. Работники «ведущих профессий» и секторов, а также ударники производства в качестве награды имели более широкий доступ к различным службам быта, возможность повысить квалификацию, дополнительные дни к отпуску и т. д. Эти административные меры стали еще одной преградой на пути в ряды рабочего класса — «двери в рабочий класс» закрывались на еще один засов: был возведен барьер между городом и деревней, организована привязка рабочей силы к предприятию. Когда государство начало восстанавливать преграды на пути к городу и наемному труду, женщины стали важнейшим источником трудовых ресурсов для второй пятилетки.

Текучесть кадров и жилищные условия

Для хозяйственников и партийных руководителей одним из серьезнейших препятствий к росту производительности труда и повышению социальной стабильности был высокий уровень текучести рабочей силы, сохранявшийся на протяжении всей пятилетки. Наиболее значительный приток и отток людей наблюдался на крупнейших стройках и в отраслях, где использовался труд сезонников. Осенью 1931 г. Магнитострой потерял 129 % вновь прибывших, Челябинсктракторстрой — 123 %, Уралмашстрой — 142 %⁵. Дефицит жилья, продовольствия и отсутствие коммуникаций привели к полной дезорганизации. Самый высокий уровень текучести наблюдался в ключевой для строительства отрасли — заготовке лесоматериалов. Только в первой половине 1932 г. приток в эту отрасль составил 962 200 человек, а отток — 1 395 200. У рабочих, трудившихся на лесозаготовках в Ленинградской области, не было жилья, кроме того, им пришлось месяц обходиться без мяса, рыбы и сахара. Средства, выделенные на строительство жилья, так и не были потрачены из-за *отсутствия доступных пиломатериалов*. У шахтеров из американской народной песни «The Banks Are Made of Marble»* не было угля, чтобы протопить хижину, а у советских лесорубов не было бревен, чтобы построить себе жилище. Тем временем на Урале возчики, перевозившие лес, не получали фураж для лошадей⁶, и голодным людям приходилось делиться своим пайком с истощенными животными. Летом 1932 г.

---

⁵ Мордухович З. Узловые вопросы привлечения рабочей силы в 1932 г. // НТФ. 1931. № 34. С. 5.

* Банки сделаны из мрамора (*прим. ред.*)

⁶ Аристов. ликвидировать текучесть на лесозаготовках // НТФ. 1932. № 31–32. С. 8.

в Московской области тысячи рабочих ушли с текстильных фабрик в колхозы, поскольку в городах не было продовольствия. Многие из них были старыми кадровыми рабочими, проработавшими на своих предприятиях долгие годы. Большинство текстильных рабочих жили в деревянных бараках, которые обогревались дровяными печами. Сталелитейная промышленность, однако, не производила топоров для потребительских нужд. Колоть дрова было нечем, рабочие мерзли... В фабричных бараках было темно, холодно, там процветали воровство, пьянство и хулиганство⁷. На крупных предприятиях, имевших решающее значение для индустриализации, таких как завод им. Сталина, Ростсельмаш, завод им. Марти за год отток составил более 50 % вновь принятых рабочих. Обследование, проведенное в 1930 г. на двенадцати крупных предприятиях, показало, что текучесть кадров была настолько высока, что даже старейшие предприятия с отлаженной системой учета рабочей силы, например, «Красный путиловец» в Ленинграде, не в состоянии вести точный учет посещаемости⁸. На многих заводах до трети рабочих не возвращались из отпуска.

Приток миллионов людей значительно ухудшил жилищные условия в городах, резко контрастировавшие с обещанной социализмом «новой жизнью» и *новым бытом*. Во время своего визита в Магнитогорск в 1933 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком тяжелой промышленности Григорий Орджоникидзе, сказал: «Назвали какую-то дрянью соцгородом... Социалистический город, а в нем жить нельзя»⁹. Не хватало жилья, прачечных, столовых, общественных кухонь, кухонь в квартирах, бань, далеко не все были обеспечены водопроводом, канализацией и другими коммунальными услугами. Даже в таких городах как Москва и Ленинград, существующие инфраструктуры не справлялись с обслуживанием растущего потока новых работников. И в том, и в другом городе, несмотря на значительный рост численности населения, на тот момент насчитывалось менее половины общественных бань от того количества, которое там имелось до Первой мировой войны. В 1930 г. в Ленинграде была только 51 баня, в Москве — 44. Не было общественных прачечных. В одном из отчетов го-

---

⁷ Ансеров А. Больше внимания бытовым мелочам // НТФ. 1932. № 33. С. 10–11.

⁸ Женский труд в промышленности // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 141–142.

⁹ Яркое описание строительства Магнитогорска и жизни в нем в 1930-е гг. см.: Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1995. Цитата на С. 120.

ворилось: «Катастрофически обстоит дело с банями и прачечными». Отчеты с различных предприятий показывали, что высокая текучесть кадров напрямую связана с плохими условиями жизни¹⁰.

На московском заводе «Красный богатырь» женщины составляли около 80 % из 11 840 рабочих, более 2000 рабочих вообще нигде было жить. Администрация завода намеревалась построить жилье, но не хватало стройматериалов. В 1931-м и 1932 г. было построено три барака на 300 рабочих, условия там были ужасные: грязно, окна разбиты, печи не работали. Более 800 детей рабочих теснились в переполненных детсадах: мест там было в пять раз меньше, чем требовалось. Администрация работала над тем, чтобы создать условия для приема еще 1000 детей. Единственная прачечная в заводском поселке находилась в приюте для сирот. Работницы стирали одежду и белье для своей семьи в реке, также в бараках было несколько общих раковин с проточной водой. В столовой, рассчитанной на 3500 порций в день, выдавали 18 000. Рабочие питались там, поскольку было сложно покупать и готовить еду самостоятельно. Несмотря на то что столовая в значительной степени субсидировалась государством, стоимость питания была почти непосильной для рабочих. Работницы, начавшие трудиться на заводе еще до революции, получали от 120 до 138 руб. в месяц, они едва могли выжить на такой «неудовлетворительной» зарплате. Подобные проблемы были причиной высокой текучести кадров. В августе 1932 г. отток рабочих только за две недели составил 459 человек, приток — 318. В сумме потери за год составляли 11 016 человек, коэффициент текучести кадров доходил почти до 100 %¹¹. На крупном московском металлургическом заводе «Серп и молот» многим рабочим было нигде устроиться на ночлег. Некоторые работницы жили в переполненных бараках, другие спали в общественных банях, на улицах, в «красных уголках» и даже на самом заводе, на полу¹². В отчете Союза рабочих сельскохозяйственного машиностроения отмечалось, что спрос на места в детских учреждениях удалось удовлетворить только на 15 %. Было необходимо более 5000 мест в яслях и более 17 000 — в детсадах¹³.

---

¹⁰ В ЦК ВКП(б). О массовой работе среди женщин в связи с вовлечением новых слоев женщин в промышленность. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 90.

¹¹ Зав. сектор по работе среди женщин при ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 557. Л. 71–71 об.

¹² Завод «Серп и молот» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 9–10.

¹³ Союз рабочих сельскохозяйственного машиностроения // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 362. Л. 19.

В Ленинграде положение было не лучше. Один из старейших машиностроительных заводов «Красный путиловец» был перегружен потоком новых рабочих и едва справлялся с высоким производственным планом. Бытовое обслуживание на территории завода было минимальным: бани и прачечные отсутствовали, 4500 рабочих нуждались в жилье. Более 14 000 рабочих проживали далеко от предприятия и были вынуждены добираться на работу пешком. 300 рабочих жили прямо заводе и ночевали среди станков. В цехах было грязно, холодно, сквозило, пол был усыпан битым стеклом, окна почернели от сажи, многие стекла были разбиты. Туалеты в «горячих» цехах находились в «отвратительном» состоянии. На «Красном путиловце» имелась одна столовая и 42 небольших буфета, но качество пищи было низким. Столовая была переполнена, вилки и ножи отсутствовали. Периодически на предприятии случались вспышки желудочно-кишечных заболеваний из-за антисанитарных условий на кухне. Однако постепенно ситуация улучшалась. За период с 1930-го по 1931 г. число бездомных рабочих снизилось до 2000 человек. Завод построил бараки на 240 человек, планировалось построить бараки еще на 800 человек, но строительство на какое-то время прекратилось из-за нехватки стройматериалов¹⁴.

В небольших городах условия также были плохими. В Нижегородской области за период с 1930-го по 1931 г. на промышленные предприятия пришло 60 000 человек. В области имелась одна прачечная и несколько детсадов. Хронически не хватало стройматериалов¹⁵. На металлургическом заводе им. Петровского в Запорожье люди практически голодали, некоторые рабочие даже пухли от голода. В рабочем поселке проживало 30 000 семей, обед выдавали на 3–6 часов позже положенного времени, поскольку столовая была рассчитана на 150 человек, а кормила 4000. В очереди в столовую могло стоять до 400 заводчан. Чтобы не опоздать на работу, рабочим часто

---

¹⁴ Докладная записка о состоянии соц.-быт. обслуживания работающих и рабочего снабжения на заводе «Кр. путиловец» по материалам проведенного обследования от 7–9 октября 1931 г. // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 33–34, 37–38; Женский труд в промышленности // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 143. В целом рабочие имели низкую квалификацию. Нехватка специалистов и технического персонала, особенно в ночную смену, приводило к росту числа несчастных случаев на производстве. В первой половине 1931 г. На «Красном путиловце» было 7137 несчастных случаев, три — со смертельным исходом.

¹⁵ Материалы о внедрении женского труда в промышленность // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 3.

приходилось возвращаться на рабочее место, не поев. Столовых приборов не было, люди ели с тарелки грязными руками. В одной из столовых, чтобы получить ложку, нужно было оставить в залог шапку, профсоюзный или даже партийный билет. В марте в общежитиях отключили воду, рабочим пришлось растапливать снег для умывания и питья. Туалеты не работали, поэтому рабочие справляли нужду прямо рядом с общежитиями и во дворах. Председатель завкома шутя называл растущие кучи «египетскими пирамидами». Направленный в Запорожье для обследования условий труда партийный деятель А. Аболин был потрясен: «Как дошли до жизни такой?»¹⁶ Работники небольшого нефтеперерабатывающего предприятия были вынуждены написать отчаянное письмо в рабочий журнал. Они рассказали о том, что стены барака, где они живут, рушатся. Там было настолько тесно, что рабочим приходилось спать на полу, не было места, чтобы поставить еще одну койку. Горячей воды не было, потому что кипяточный котел был испорчен¹⁷.

Самые ужасные условия были на огромных «стройках социализма». Бараки, которые ставили для рабочих на Магнитострое, представляли собой шаткие дощатые временные конструкции. Однако рабочие проживали там постоянно, даже зимой. Бараки кишели паразитами, но провести дезинфекцию было невозможно из-за широких щелей между непросушенными досками. Наконец отдел охраны труда приказал заделать щели, и их залепили штукатуркой. Месяцами никто не мыл в бараках полы, не вытряхивал матрасы, не менял простыни. Столовые разваливались, поскольку обслуживали рабочих круглосуточно, и ремонт проводить было некогда. Когда столовая получила 2000 ножей, замученные дефицитом рабочие быстро прикарманили их для перепродажи и личного пользования, через две недели ни одного ножа в столовой не осталось. Внимание государства было направлено на тяжелую промышленность — в ущерб производству потребительских товаров, однако их дефицит заметно сказывался на производительности труда. И днем, и ночью в механических цехах Магнитостроя можно было найти рабочих, изготавливающих из металлолома посуду для личных целей. Десять бань обслуживали 100 000 человек¹⁸. Для рабочих, приезжавших на

---

¹⁶ ВЦСПС. Н. М. Швернику. Письмо № 2 // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 118–114 (обратная пагинация).

¹⁷ Ходыженские нефтепромыслы Апшеронского района // Охрана труда. 1930. № 8–9. С. 16.

¹⁸ Уласевич Н. Нужно создать в Магнитогорске хорошие бытовые условия для рабочих // НТФ. 1931. № 34. С. 14.

шахты Кузбасса, жилья не было вовсе. Новоприбывших размещали в наспех построенных из сырых досок переполненных бараках. По мере высыхания древесина коробилась, образовывались широкие щели. В бараках не было окон, отопления, туалетов и водопровода, в зимнее время они были практически непригодны для жилья. Вскоре рабочие ушли на другие шахты региона¹⁹.

При обеспечении вновь прибывающих рабочих питанием государство столкнулось с серьезными трудностями. Системы, регулировавшие распределение, продажу продуктов и работу предприятий общественного питания, страдали от постоянных сбоев поставок и дефицита продовольствия. Общественные столовые в начале второй пятилетки выдавали миллионы порций. В отчетах постоянно отмечается антисанитарное состояние столовых, грязные полы, столы, засиженные мухами, невкусная однообразная пища. Щи были основным блюдом в любой столовой. Постоянно не хватало посуды, столовых приборов, продуктов, кастрюль, чайников, столов, стульев, угля и дров. Столовые, рассчитанные на несколько сотен людей, постоянно обслуживали тысячи. Процесс питания был настолько неорганизованным, что зачастую это нарушало рабочий график. В рабочее время люди стояли в огромных очередях, пытаясь получить хоть какую-то еду. Кондукторы и железнодорожные рабочие, не найдя продуктов на станции, останавливали поезд и шли пешком в ближайшую деревню, чтобы купить еду там²⁰. Вагоны с промышленным грузом, сельскохозяйственными товарами, пассажирские вагоны часами простаивали, пока сотрудники железной дороги ходили за хлебом.

Государство поставило перед промышленными предприятиями сложную задачу. В отличие от капиталистических предприятий, на которых социально-бытовое обслуживание и снабжение питанием не предполагалось, советские предприятия взяли на себя широкий круг обязанностей. Кроме того, в первые годы индустриализации органы власти не всегда четко разграничивали сферы влияния. Например, вопросом организации детских садов занимались Наркомат просвещения, Наркомат здравоохранения, муниципальные советы и некоторые предприятия. «Красный путиловец» организовал и содержал небольшой детский сад на 60 детей, но только у 20 из этих детей ро-

---

¹⁹ Обеспечение жилищем рабочих Кузбасса // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 649. Л 36.

²⁰ Вальтер. Общественное питание — важнейшее звено в борьбе за промфинплан // ВТ. 1931. № 11–12. С. 85–87.

дители работали на заводе. В апреле 1931 г. СНК СССР постановил, что в каждом строящемся жилом здании следует выделять площадь под детский сад. Планы строительства бытовых учреждений составлялись без какого-либо согласования с проектными организациями, промышленными, хозяйственными органами и другими учреждениями. Член ЦК Рыков потребовал выделить средства на строительство бытовых учреждений в рамках промфинплана²¹. Директора предприятий, для которых на первом месте стоял вопрос выполнения плана, как правило, не относили организацию бытового обслуживания к первоочередным задачам. Например, на Подольском заводе швейных машин руководство постоянно конфликтовало с завкомом, не желая брать на себя ответственность за социальное обслуживание. На этом заводе было занято 10 000 человек, но в детском саду имелось только 15 мест. Несмотря на то что директор завода считал женские кадры ключевым ресурсом рабочей силы, у него не было данных о том, сколько женщин из 3300 работниц нуждаются в услугах детского сада. После ликвидации на предприятиях института женорганизаторов завкомы обычно переставали заниматься женским вопросом. В одном из отчетов предлагалось возложить заботу о социальном обслуживании на профсоюзы, чтобы руководители могли полностью сосредоточиться на проблемах производства. Многие хозяйственники не планировали строительство прачечных, столовых, детсадов, общественных бань и даже жилья. В отчете сообщалось, что в этой сфере царит полная неразбериха²².

Нехватка стройматериалов была серьезным препятствием при строительстве бытовых учреждений в начале 1930 гг. Государство выделяло на эти цели средства, но это не имело значения: пиломатериалы, гвозди, кирпичи, раствор, стекло невозможно было купить ни за какие деньги. В Московской области в 1930 г. было профинансировано строительство 30 новых зданий, и лишь два года спустя началось строительство 19 из них. В Москве были отпущены средства на строительство 27 зданий, но на тот момент оно так и не началось. На Кузнецкстрое, строительстве крупного металлургического завода в Западной Сибири, администрация не могла выделить

---

²¹ О мероприятиях бытового обслуживания, обеспечивающих вовлечение женщин в производство в к. ц. на 1932 г. // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 39–40.

²² Женский труд в промышленности // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 145–146 об., 148 об.

стройматериалы для постройки детских садов²³. На общегосударственном уровне было выполнено только 70 % плана по жилищному строительству на 1931 г., несмотря на то что план был полностью профинансирован. План по строительству бань и прачечных на 1932 г. был выполнен лишь на 14 %²⁴. Директора строек и заводов нередко использовали средства, выделенные на социальное обслуживание, на нужды производства и размещали бездомных рабочих в зданиях, предназначенных под детские сады. В одном из отчетов, направленных в ЦИК СССР, ситуация со службами быта была названа «катастрофической»²⁵.

Отчасти проблема состояла в том, что предприятия ставили перед собой чересчур амбициозные задачи. Например, завод им. Сталина в Ленинграде собирался кормить в общественной столовой всех рабочих *и членов их семей*. Столовая обслуживала ежедневно более 6500 человек, но кухня была слишком мала, недоставало топлива, из-за нехватки тарелок и столовых приборов выстраивались длинные очереди. Ленинградский завод «Электросила» также пытался организовать социальное обслуживание. Из 11 000 рабочих женщины составляли 2000 человек, однако завод мог предложить очень мало мест в местном детском саду, организованном отделом образования. Четыре столовых выдавали 5600 порций в день, посуды не хватало, поэтому образовывались длинные очереди. В трех цехах имелись душевые, которыми пользовался весь завод. Хотя директора предприятий неохотно занимались организацией социального обслуживания, с его отсутствием была напрямую связана текучесть кадров. Дефицит жилья, в частности, приводил к оттоку десятков тысяч рабочих ежегодно. Московский «Электрозавод» не мог обеспечить жильем новых работников. Для выполнения плана на 1931 г. требовалось еще 6000 пар рабочих рук, но заводу некуда было поселить рабочих. Несколько бараков для холостых были уже переполнены. Новые рабочие увольнялись сразу же, как только узнавали, что жить будет негде. «Электрозавод» планировал построить на окраине Москвы целый

---

²³ Материалы к докладу ВЦИК о внедрении женских кадров в промышленность // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 12–13.

²⁴ Шесть условий товарища Сталина — основа большевистских побед // НТФ. 1932. № 6. С. 9; Соловьев Н. Усилим вовлечение женщин в производство // НТФ. 1932. № 33. С. 13.

²⁵ Очередные задачи организации женского труда и бытового обслуживания // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 51. Д. 7. Л. 50; В оргкомиссию ЦИК СССР // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 986. Л. 32.

поселок для размещения 8000 рабочих. На заводе выдавалось питание в количестве 12 000 порций в день, был свой обувной магазин. Однако лучшим источником новой рабочей силы администрация считала членов семей рабочих²⁶. Огромное количество людей прибывало на стройки и предприятия только для того, чтобы снова уехать, поскольку они не могли найти место даже для ночлега.

Шесть условий товарища Сталина: основы классовой дисциплины

Партийное руководство было крайне недовольно столь высоким уровнем текучести кадров, пагубно влияющим на производство, и стремилось стабилизировать ситуацию, используя максимум возможных материальных стимулов, включая повышенную заработную плату, пайки, «социальную зарплату». В своем выступлении на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Сталин выдвинул «план» по ускорению темпов индустриализации. Акцентируя внимание на переходе ко второй пятилетке, он призывал перейти от строительства к производству, от ознакомления к овладению новой техникой, от неквалифицированного труда — к квалифицированному. Сталин говорил о том, что необходимо заменить старую тарифную сетку новой системой оплаты труда, учитывающей разницу «между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким». Он объявил, что причина текучести рабочей силы — «в неправильной организации зарплаты, в неправильной тарифной системе, в “левацкой” уравниловке в области зарплаты», пережитке революционной программы 1917 г. По мнению Сталина, отсутствие разницы в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих не создавало стимула оставаться на одном предприятии, повышать уровень квалификации, наращивать объемы производства. «Нельзя терпеть, чтобы каталь в черной металлургии получал столько же, сколько подметальщик», — заявил Сталин. Повышение заработной платы квалифицированным рабочим должно было способствовать обеспечению стабильности кадрового состава на предприятиях и дать неквалифицированным рабочим стимул для продвижения. Понимая, что текучесть кадров не просто результат «уравниловки», Сталин отметил, что необходимо также улучшить снабжение рабочих и решить жилищную проблему.

---

²⁶ Женский труд в промышленности // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 143–149.

Он перечислил шесть условий, необходимых для снижения уровня текучести и роста производительности труда: организованный порядок набора рабочей силы и механизация труда, реорганизация системы заработной платы, личная ответственность за механизмы, станки, за качество работы, формирование новой производственно-технической интеллигенции, поиск новых источников накопления капитала и внедрение хозрасчета²⁷. Текст выступления, которое скоро стало известно как «шесть условий товарища Сталина», был официально принят в качестве новой трудовой политики для второй пятилетки и активно распространялся среди населения.

И хотя Сталин в своем выступлении не упоминал о женских кадрах, государственные деятели понимали, что женщины могут сыграть существенную роль в стабилизации на рынке труда. Исследования, проведенные бригадами, показали, что для женщин характерен гораздо более низкий уровень текучести, чем для мужчин. Например, на «Красном путиловце» из 18 339 рабочих, нанятых в 1930 г., в течение года с работы ушло более половины. А из 1613 новых работниц уволилось только 7 %. На крупных предприятиях коэффициент текучести кадров среди новых работниц составлял около 25 %. Кроме того, как показали исследования, производительность труда женщин не ниже производительности мужчин или даже превышает ее. В одном из отчетов говорилось: «Помимо того, что женщины как рабочие устойчивее сами по себе, помимо этого работающая женщина закрепляет рабочий состав вообще, так как работа женщин на данном предприятии закрепляет работу мужчин из данной семьи, производительность их труда, в особенности на массовых работах, не ниже, чем у мужчин». Фактически, если мужчина и женщина работали в равных условиях в одну и ту же смену, производительность труда женщины была выше. Эти краткосрочные эксперименты, однако, не учитывали то, что женщина могла брать отпуск по беременности и родам и по уходу за болеющим ребенком (большинство хозяйственников были недовольны именно этим)²⁸. Комитет по улучшению труда и быта работниц и крестьянок всегда был готов способствовать внедрению женского труда и аргументировал свои действия заботой о снижении уровня текучести. Кроме того, в Комитете полагали, что внедрение женского труда является

---

²⁷ Stalin J. V. The New Russian Policy. New York: Stratford Press, 1931.

²⁸ Женский труд в промышленности // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 135, 141–142.

«хозяйственной необходимостью»²⁹. КУТБ утверждал, что «польза, которую мы здесь будем иметь от вовлечения женского труда, покроет все потери, связанные с приспособлением женщины к производству»³⁰. Иными словами, продуктивность и стабильность женского труда перевешивали издержки, связанные с рождением и воспитанием детей. Стремясь снизить текучесть кадров и способствовать стабилизации рабочей силы, руководство Наркомата труда настаивало на том, чтобы предприятия нанимали членов семей своих рабочих в первую очередь. Представители органов труда полагали, что если на предприятии будут трудиться несколько человек из одной семьи, они вряд ли бросят работу³¹. ЦК поручил КУТБ подготовить инструкции по созданию служб быта на территории предприятий и стройплощадок. Цель заключалась в освобождении женщин, в особенности жен рабочих, от домашнего труда, чтобы привлечь их на производство и тем самым снизить текучесть кадров³².

Партия также считала, что использование труда городских женщин облегчит проблему дефицита жилья и отсутствия служб быта. Осенью 1931 г. власти попытались остановить поток крестьян из деревни в города. В октябре ЦИК издал постановление, в котором указывалась важность использования местных трудовых ресурсов (женской рабочей силы) «как средства ослабления текучести рабочей силы на предприятиях, освобождения промышленности и местного бюджета от излишних расходов по обеспечению привозной рабочей силы жильем, культурно-бытовыми учреждениями»³³. Учет затрат показал, что дешевле организовать бытовое обслуживание для новых работниц — жен рабочих, чем строить дополнительное жилье и бытовые учреждения для мигрантов и их семей. Экономисты утверждали, что «внедрение в производство женского труда требует всегда дополнительных расходов на бытовое обслуживание (детские ясли, прачечные, столовые и пр.), но эти расходы [в] значительной мере

---

²⁹ О плановом вовлечении женского труда в промышленность // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 166.

³⁰ Там же. Л. 170.

³¹ Циркулярное письмо всем областным и краевым отделам труда и НКТ автономных республик // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 78.

³² Основные выводы из совещания по вопросу о практических мероприятиях, необходимых для выполнения решений ЦК о внедрении в плановом порядке женской рабочей силы в промышленность и о борьбе с текучестью // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 218–219 об.

³³ Постановление президиума Всеросс. ЦИК. По докладам НК Труда и ВСНХ РСФСР // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 31.

окупаются тем, что при привлечении женщин (из числа, например, членов семей уже работающих рабочих) хозяйственная организация экономит на жилплощади и кроме того создаются условия для оседания на предприятии постоянных рабочих кадров»³⁴.

Заработная плата

После сталинского выступления экономисты занялись реорганизацией системы оплаты труда с целью повысить его производительность. Выступление Сталина стало стимулом для мощной критики «уравниловки» — этот новый термин применялся для выражения старого социалистического тезиса, что серьезные различия в оплате труда рабочих противоречат идее классовой солидарности. Сталин выступал за новую трудовую политику, при которой квалифицированный труд в тяжелой промышленности должен был оплачиваться лучше, чем неквалифицированный труд в легкой промышленности. Экономисты тут же принялись за разработку сложной системы прогрессивного увеличения заработной платы в зависимости от производительности труда; более высокие заработки планировались для тех, кто работал по сдельной системе оплаты труда, использовались и другие методы отказа от уравнительного распределения фонда заработной платы. Новая трудовая политика базировалась на нескольких из шести сталинских условий: внедрение новой системы оплаты труда для повышения его производительности; привлечение новых рабочих в ведущие отрасли промышленности, поощрение их стремления к повышению квалификации; снижение текучести кадров, и, что менее очевидно, рост накопления капитала. Предоставляя льготы и дополнительный заработок узкому кругу рабочих, новая трудовая политика была направлена на уменьшение издержек по выплате заработной платы в целом.

Новая политика в области оплаты труда отличалась от ранних большевистских идей. В Трудовом кодексе 1918 г. было указано, что размер заработной платы определяется профсоюзом и предпринимателями на основе совместного договора. НКТ лишь утверждал договор от имени государства и устанавливал размер заработной платы в государственных учреждениях. Но в 1920-е гг., в период Гражданской войны, когда в промышленности царил разруха, НКТ взял на себя ответственность и за установление размера заработной платы в промышленности. Денежная система на тот момент

---

³⁴ Аристов Н., Толчиев. Дорогу женщине на производство, на квалифицированную работу // НТФ. 1932. № 26–27. С. 22.

распалась, поэтому рабочие получали плату продуктами или в натуральной форме, различие между оплатой квалифицированного и неквалифицированного труда стало несущественным. С окончанием Гражданской войны, когда экономика начала восстанавливаться, укрепилась национальная валюта, различия в заработной плате вернулись. В период с 1920-го по 1926 г. эти различия становились все более значительными, но так и не достигли дореволюционного уровня. После принятия нового трудового кодекса в 1922 г. была восстановлена система договора между профсоюзом и предпринимателями, однако ряд последующих указов усилил роль государства в определении максимальной величины заработной платы. В 1926 г. профсоюзы и государство стремились сократить разницу в оплате труда. Зарплата существенно различалась в разных отраслях и даже в рамках одного предприятия — два токаря, выполняющие сходную работу в разных цехах, могли получать разную зарплату. Томский называл нормы оплаты труда, особенно в государственных учреждениях, возмутительным беспорядком. Усилению стандартизации и «уровниловки» способствовал переход на новые технологии массового производства, которые снизили потребность в рабочих высокой квалификации³⁵. Государство пыталось преодолеть дифференциацию в оплате труда между различными отраслями, а также между предприятиями, сократить разрыв в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих. К 1928 г. в результате введения новой системы оплаты труда количество работников, находящихся на верхнем и нижнем уровнях зарплатной шкалы, уменьшилось, уступая место «среднякам». Идея равной оплаты труда как социалистический принцип и как практическая цель, поддерживалась многими, включая партийных руководителей, профсоюзных лидеров и активистов, представителей органов труда, экономистов и рабочих. На протяжении 1920-х гг. профсоюзные лидеры активно пропагандировали идею *уровниловки*: «заработок должен быть уложен в тарифную ставку. Удельный вес ставки должен быть во что бы то ни стало поднят на большую высоту... Это мотивировалось необходимостью не допускать разрыва между квалифицированным и неквалифицированным трудом»³⁶. Они не пред-

---

³⁵ Троицкий И. Государственное нормирование заработной платы // ВТ. 1929. № 6. С. 20–31; Эльшевич Е. К вопросу о соотношениях между зарплатой квалифицированных и неквалифицированных рабочих // ВТ. 1930. № 6. С. 42–48.

³⁶ Рунов А. Труд не должен быть обезличен // НТФ. 1931. № 15. С. 3.

лагали установить равную оплату труда сразу же, но, по их мнению, это была похвальная и достижимая цель³⁷.

После уже упоминавшегося выступления Сталина ряд видных специалистов по труду начали борьбу с уравниловкой. Они высмеивали принцип равенства в оплате труда, называя его «мелкобуржуазным», а его сторонников — «оппортунистами». Заработная плата должна определяться производительностью труда и рассчитываться сдельно, что означало оплату «по труду». Сталинские экономисты сделали все возможное, чтобы дискредитировать социалистическую идею равной оплаты труда. Один из них даже утверждал, что «многие хозяйственники, идя по линии наименьшего сопротивления и с молчаливого согласия или при бездействии профорганов, оппортунистически извращают линию партии на оплату труда по результатам». Однако многие советские специалисты по труду все же считали, что «оплата труда по результатам, в какой бы форме она ни практиковалась, является отступлением от социалистических принципов». Сталин на это возразил так, что противники сдельной оплаты стали выглядеть противниками ленинских идей: «Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что, ввиду этого “зарплата” даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности. Но наши уравниловцы из хозяйственников и профсоюзников не согласны с этим и полагают, что эта разница уже исчезла при нашем советском строе. Кто прав — Маркс и Ленин или уравниловцы? Надо полагать, что правы тут Маркс и Ленин». Противников отказа от уравнилельной системы оплаты труда стали считать «предателями»³⁸. В течение осени 1931 г. нападки на уравниловку становились все изощренней. Помимо пересмотра тарифной сетки

---

³⁷ См.: Калистратов Ю. За ударный производственный коллектив, 1931; Павлов А. За социалистическую организацию труда. М.: ВЦСПС, 1931, Бурдянский И. Основы рационализации производства. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931; Моксон А. От сдельной к повременной оплате труда // ВТ. 1931. № 2.

³⁸ О критике уравниловки см.: Рунов. Труд не должен быть обезличен; Радзыминский В. Оплата труда по результатам // ВТ. 1932. № 1. С. 22–28; Соколов З. Против мелкобуржуазной уравнилельности // ВТ. 1931. № 6. С. 10–11; З.-А. К вопросам перестройки зарплаты в СССР // ВТ. 1931. № 11–12. С. 20–26; Ямпольский М. Вопросы заработной платы на современном этапе // Проблемы экономики. 1931. № 6. С. 3–31.

экономисты сформировали ряд схем для усиления дифференциации в оплате труда. Например, они предложили т. н. оплату «по результатам». Было разграничено несколько видов сдельщины: прямая прогрессивная (заработная плата начислялась исходя из объема выполненной работы, каждое изделие сверх нормы оплачивалось по повышенным расценкам), прогрессивно-сдельно-премиальная (наряду с оплатой по прямым сдельным расценкам, предусматривалось премирование за перевыполнение нормы выработки, например, 20 коп. — за первые пять изделий сверх нормы, 25 коп. — за следующие пять и т. д.). Сдельная оплата внедрялась с таким энтузиазмом, что дошла даже до сборочных конвейеров в виде своеобразного варианта под названием «коллективная сдельная»³⁹.

Сталинские экономисты утверждали, что оплата по результатам не только будет стимулом для роста производительности труда, но и станет воспитывать рабочих рублем. Более того, эта система могла мотивировать рабочих к повышению квалификации и способствовать переброске рабочей силы из одной отрасли в другую. В период первой пятилетки намечалось повысить заработную плату в ведущих отраслях промышленности. Например, в 1928 г. самая высокая зарплата была в печатном деле, кожевенной промышленности, металлургии и пищевой промышленности (в указанном порядке по убыванию). Меньше всего платили в текстильной промышленности, традиционно «женской» отрасли. Первая пятилетка изменила ситуацию, лучше всего оплачивался труд в металлургии, затем — по убывающей — в полиграфической, кожевенной и пищевой промышленности. По уровню оплаты труда горнодобывающая промышленность поднялась с восьмого места на пятое. Текстильная промышленность так и осталась на последнем месте⁴⁰. После выступления Сталина ситуация изменилась. На первое место вышло машиностроение, затем черная металлургия, угольная промышленность, нефтедобыча, металлопрокат, химическая промышленность и добыча руды⁴¹. Полиграфическая и пищевая промышленность уже не значились среди «ведущих отраслей». Рабочие «ведущих профессий», занятые в «ведущих отраслях», получали наибольшее преимущество. Сторонники новой системы поясняли, что Советский Союз нельзя обвинять в создании рабочей аристократии, поскольку всем рабочим предлага-

---

³⁹ Рунов. С. 3.

⁴⁰ Н. В. К вопросу планирования зарплаты // ВТ. 1929. № 3–4. С. 45.

⁴¹ Шесть условий товарища Сталина — основа большевистских побед // НТФ. 1932. № 6. С. 7.

ются исключительные возможности для социального продвижения. Появление привилегированных профессий в привилегированных секторах будет лишь способствовать тому, чтобы рабочие воспользовались новыми возможностями. Таким образом, сталинские экономисты заменили равенство обещанием социального продвижения. Улучшение жизненных условий теперь зависело от отдельного человека, а не класса. Фактически сторонники новой политики стремились разделить рабочий коллектив, критикуя систему «бригад», которая бытовала среди рабочих, а также другие формы добровольного коллективизма, в том числе производственные коммуны. Бригады были «ликвидированы», а производственные коммуны переведены на индивидуальную систему труда⁴².

Экономисты настаивали на том, что даже социальные выплаты и льготы: доступ к местам в детском саду, санаториях, отпуск, обеспечение жильем, питанием, спецодеждой — все это должно использоваться в качестве рычага для повышения производительности. Они утверждали, что социальные выплаты, как и заработная плата, должны распределяться между рабочими не по потребности, а в соответствии с квалификацией и производительностью труда⁴³. Таким образом, занятая неквалифицированным трудом в легкой промышленности мать-одиночка, на иждивении которой находилось несколько человек, заслуживала социальных выплат в меньшей степени, чем квалифицированный, не имеющий семьи рабочий ведущей отрасли. Новая система была явно не выгодна для женщин, которые в большинстве своем трудились на менее квалифицированных рабочих местах в легкой промышленности и несли бóльшую нагрузку по уходу за детьми и престарелыми родителями. В то время как женотдел и бытовики надеялись, что новые бытовые учреждения станут залогом женской эмансипации, само выражение «социальные выплаты» уже по смыслу не несло в себе функции государственной поддержки наиболее уязвимых групп населения (женщин, детей, стариков), а подразумевало способ вознаграждения рабочих с наибольшей производительностью труда.

Сторонники новой политики в области заработной платы настаивали на реорганизации существующей тарифной сетки, где разни-

---

⁴² Ямпольский. С. 3–31; Первые результаты перестройки системы заработной платы // НТФ. 1931. № 34. С. 17; Добить уравниловку // НТФ. 1931. № 32–33. С. 18.

⁴³ З. А. К вопросам перестройки зарплаты в СССР // ВТ. 1931. № 11–12. С. 20–26; Алуф А. Против извращений в регулировании заработной платы // ВТ. 1932. № 2. С. 22–26.

ца между самой низкой и самой высокой зарплатой выражалась в пропорции 1:3. «Существующая тарифная сетка ни в какой мере не отвечает поставленным выше задачам», — отметил один из специалистов. Кроме того, она не предусматривала прогрессивного увеличения заработной платы. Слесарь по металлу, перешедший из первого разряда во второй, получал 20-процентную прибавку к зарплате, однако при переходе из седьмого в восьмой разряд прибавка составляла только 12 %. Наибольший размер прибавки был в нижнем уровне зарплатной шкалы, к которому относилось большинство рабочих, и наименьший — на верхнем уровне, где было сосредоточено высококвалифицированное меньшинство. Такая тарифная сетка была выгодна также для женщин, большинство которых находилось на нижнем уровне. Новый вариант тарифной сетки предполагал рост прибавки с каждым последующим разрядом: например, 16-процентная прибавка при переходе из первого разряда во второй и 25-процентная прибавка при переходе из седьмого разряда в восьмой⁴⁴. Существенное повышение заработной платы ожидало только тех, кто находился на вершине зарплатной шкалы. Повышая оплату небольшому числу работников, новая система сокращала общий фонд оплаты труда, что было одним из ее не обсуждаемых публично преимуществ. Эта система позволяла государству тратить меньше средств на оплату труда и вкладывать больше в развитие промышленности. Отличная стратегия для повышения темпов роста накопления капитала — одного из шести условий товарища Сталина, наименее благоприятного для голодающего рабочего класса.

В основу новой трудовой политики был положен принцип накопления капитала — с пояснением, что уровень заработной платы зависит не только от производительности труда. Уровень благосостояния рабочего класса повысится только «на основе максимальных темпов роста социалистического накопления», то есть только развитие промышленности может гарантировать рост уровня жизни. Иными словами, политика оплаты труда должна подчиняться задачам наращивания инвестиций и развития промышленности. Если рабочие ограничат уровень потребления в пользу инвестиций в промышленность, уровень жизни в конечном итоге повысится⁴⁵. Экономисты настоятельно рекомендовали пересмотреть нормы и тарифы для каждого рабочего места. Нормирование труда больше не должно было производиться

---

⁴⁴ Рунов. С. 3–5; Цеханович Б. Отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему // НТФ. 1931. № 21. С. 4.

⁴⁵ Ямпольский. С. 6–15.

«на глазок», нормы должны быть «научно-обоснованными»⁴⁶. На шестом пленуме ВЦСПС было выражено недовольство тем, что «рваческие тенденции, проявленные рядом профессиональных и хозяйственных организаций, не получили должного отпора со стороны ЦК союзов рабочих полиграфической и бумажной промышленности, кожевников, швейников, ЦК союзов пищевой группы». Возможно, это был первый случай, когда руководство профсоюзов осуждало своих представителей за то, что они допустили повышение заработной платы рабочих!⁴⁷

Новая трудовая политика, навязывавшая массовое внедрение сдельщины, повышение норм выработки и консервацию уровня зарплат за счет неравного распределения надбавок, стала фактором роста производительности труда в горнодобывающей промышленности, машиностроении и химической промышленности, но вместе с тем вызвала волну недовольства и протестов. Осенью 1931 г. от 20 до 30 % всех рабочих были переведены на ту или иную форму прогрессивной оплаты труда, в декабре сдельную оплату стали активно внедрять в текстильной промышленности. Интересы властей противоречили интересам рабочих. Рабочие жаждали повышения заработной платы и уровня потребления, государству требовался рост капитальных вложений. Рабочие не возражали против повышения производительности труда при соответствующем повышении оплаты, однако они активно протестовали против внедрения *прогрессивки*, поскольку это приводило к снижению заработка. Рабочие одной из швейных фабрик настолько энергично сопротивлялись введению новой системы, что ее пришлось отменить. Профсоюз металлистов также оказался убежденным противником всех форм сдельной оплаты.

В борьбе за капитал в условиях социализма у рабочих появились новые неожиданные союзники⁴⁸. Директора предприятий, бригади-

---

⁴⁶ Рунов. С. 4.

⁴⁷ Алуф. С. 23.

⁴⁸ Некоторые историки утверждают, что рабочие могли открыто обсуждать вопросы, представляющие для них интерес, и даже критиковать свое руководство. См., например: Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1996. P. 192. Однако в Советском союзе конфликт по поводу накопления и распределения капитала имел место не между рабочими и руководством предприятий, а между рабочими и высшими должностными лицами партии (как говорили в народе, «Москвой»). Сталин и Политбюро были активными сторонниками повышения капиталовложений в тяжелую промышленность. Руководство предприятий было объектом критики с обеих сторон, однако критика со стороны органов власти имела серьезные последствия.

ры, представители местных органов труда и даже нормировщики нередко вставали на сторону рабочих. Руководство предприятий, стремясь сохранить рабочую силу, избежать остановки производства и стихийных забастовок, продолжало платить по более высоким расценкам. По словам одного из специалистов, эта форма самозащиты вскоре стала «массовым явлением». На ленинградской «Промтехнике» и Харьковском электромеханическом заводе руководство и бригадиры отнесли подавляющее большинство специальностей к «ведущим профессиям», тем самым повысив уровень зарплаты рабочих. На некоторых предприятиях даже неквалифицированные специальности администрация переводила в разряд «ведущих профессий». Нормирование труда, которое теоретически должно было осуществляться на научной основе и быть непреложным требованием, на практике порождало ярые споры. Каганович по этому поводу сказал: «Фактически у нас нормирования как такового нет, у нас есть конфликтование, а не нормирование»⁴⁹. Неорганизованность представителей местных органов труда также затрудняла выполнение директив Москвы. Например, в Ленинграде пересмотром тарифов на предприятиях должны были заниматься «социальные инспекторы». Однако никто в Ленинграде не знал, где можно найти этих «социальных инспекторов», и существуют ли они вообще⁵⁰. В конечном итоге прогрессивка была основана на увеличении оплаты за каждое изделие, произведенное сверх нормы, что должно было обеспечивать повышение производительности труда за счет материального стимулирования. Однако при этом рабочий должен был уметь просчитать, как соотносится его заработная плата с производительностью труда. Для такой системы требовалось, чтобы рабочий был осведомлен о ежедневной выработке, что, в свою очередь, предполагало наличие четкой системы учета и оплаты труда. Однако многие начальники цехов и бригадиры были не в состоянии просчитать выработку каждого рабочего. В некоторых случаях они сохраняли бригадную систему оплаты труда под видом индивидуальной сдельной. Руководство, бригадиры и даже нормировщики были озабочены тем, как закрепить рабочих на предприятии, поэтому делали все возможное, чтобы не снижать уровень оплаты

---

⁴⁹ Цихон А. М. Правильная система заработной платы; Шесть условий товарища Сталина — основа большевистских побед // НТФ. 1932. № 6. С. 3–8; Сверхурочные, брак, простой, излишки рабочей силы привели к перерасходу фондов зарплаты // НТФ. 1932. № 8–9. С. 18.

⁵⁰ Н. М. Бороться за реализацию указаний т. Сталина // НТФ. 1931. № 25. С. 4.

труда, выплачивали полную зарплату и премию, даже если рабочий не выполнил норму. Часто прогрессивка фактически использовалась для повышения заработной платы без соответствующего увеличения объемов производства, за счет уменьшения норм. Таким образом, прогрессивка из стимула к повышению производительности превращалась в систему перерасхода средств фонда заработной платы⁵¹. Суть решения партии сделать заработную плату рычагом для повышения производительности труда искажалась и оспаривалась на всех уровнях производства путем изменения классификации специальностей, махинаций с нормами или при помощи протестных действий.

Специальная комиссия обнаружила, что перерасход фонда оплаты труда в 1932 г. составил более 1 200 000 руб. Во многом это было результатом разного рода попыток предприятий сохранить уровень заработной платы. В декабре 1932 г. НКТ направил в СНК и ЦК секретное письмо, в котором содержался ряд предложений по усилению контроля над расходованием средств. В письме рекомендовалось установить строгий надзор над директорами предприятий, вынуждая их устанавливать и соблюдать четкие нормативы заработной платы в каждом цехе. Однако ключевым моментом послания НКТ была схема, позволяющая сократить расходы за счет рабочих. Так, если предприятие не выполняло план из-за нехватки сырья, топлива или электроэнергии (эти ресурсы, как правило, были в дефиците), заработная плата по-прежнему рассчитывалась в соответствии с производительностью. Рабочие не должны были получать зарплату, если производство стояло, *неважно, по какой причине*. Если рабочие временно бездействовали из-за нехватки сырья или недостатка производственных мощностей, директор должен был их уволить. Директорам было поручено снизить на 75 % оплату сверхурочных и заставлять рабочих компенсировать производственный брак. Учитывая то, что неопытные рабочие, еще не научившиеся обращаться с оборудованием, довольно часто допускали брак, издержки были значительными, рабочие не могли себе позволить их оплачивать⁵². К 1934 г. партийные

---

⁵¹ Леви Е., Лысенко Е. Заработная плата в текстильной промышленности // ВТ. 1932. № 3. С. 57; Первые результаты перестройки системы заработной платы // НТФ. 1931. № 34. С. 17; Горностаев В. Против искажений «прогрессивки» // НТФ. 1931. № 23–24. С. 9; он же. К вопросу о перестройке регулирования зарплаты // НТФ, 1931. № 25. С. 6; Цихон А. М. Правильная система заработной платы // НТФ. 1932. № 6. С. 3–4.

⁵² Постановление экспертной комиссии по вопросу о перерасходе фондов зарплаты в 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 2; Постановление

руководители разочаровались в прогрессивке, поскольку она давала директорам предприятий возможность слишком многое решать по своему усмотрению и в итоге привела к существенному перерасходу средств. Прогрессивка была отменена практически во всех секторах за исключением горнодобывающей промышленности, руководителям предприятий было дано указание не устанавливать прогрессивные надбавки без увеличения норм⁵³.

Пайки и трудовая дисциплина: «кто не работает, тот не ест»

Сдельная заработная плата, прогрессивные надбавки, новая тарифная сетка — все это должно было способствовать снижению уровня текучести кадров и увеличению производительности труда, но эффективность этих мер была ограничена тем, что в начале 1930 г. денежная составляющая была лишь частью довольствия рабочих. Нехватка продуктов снижала стимулирующий эффект прибавки к зарплате рабочим ведущих профессий. Рабочие не могли потратить полученные деньги в государственных магазинах, потому что там было нечего покупать. В условиях острого продовольственного дефицита пайки, а не денежное довольствие имели большее значение для рабочих. В шкале государственной поддержки пайки находились где-то между заработной платой и социальным обеспечением. Несмотря на то что пайки были платой за труд, они полагались также находящимся на иждивении у рабочего членам семьи, инвалидам и другим категориям неработающих граждан. В 1929 г. в условиях острого дефицита партия ввела продовольственные карточки, чтобы обеспечить контроль над распределением продовольствия. Карточки давали рабочим право на получение основных продуктов питания, включая хлеб, сахар, жиры, мясо, в то время как заработная плата позволяла докупать продукты и другие товары в государственных магазинах и на рынках, где цены были очень высокими. Карточка и зарплата помогали рабочему прокормиться, но наличие одной лишь карточки едва давало возможность выжить. Карточки, так же как и зарплата, распределялись по иерархическому принципу⁵⁴. После введения кар-

---

ЦК ВКП(б) о планировании фондов заработной платы // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 209–214.

⁵³ Материал для ЦК партии. Материалы к докладу «Зарботная плата за 3 года, 1930–1933» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 31. Л. 28–30.

⁵⁴ Исчерпывающее объяснение карточной системы см. в: Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935. М.: Изд-во МГУ, 1993.

точной системы партийное руководство попыталось использовать ее для закрепления рабочих на предприятиях и стимулирования роста производительности труда.

Количество прогулов в течение первой пятилетки также увеличилось. Партия утверждала, что в значительной степени в этом виноваты крестьяне-мигранты, которые «зачастую приносят с собою на предприятие мелкобуржуазную психологию, рваческие тенденции». На самом деле причин было несколько. Неорганизованное, нестабильное снабжение продовольствием, одеждой, нехватка бытовых учреждений, таких как бани, вынуждали рабочих часами стоять в очередях, в том числе и в рабочее время. Отсутствие элементарных, но необходимых потребительских товаров, таких как инструменты, столовые приборы, обувь, кружки, нитки заставляло людей прочесывать городские рынки, на это тоже уходило время. Поиски жилья всегда были очень долгими. На предприятиях царил хаос, у бригадиров не было отлаженной системы учета посещаемости. Высокий уровень текучести рабочей силы делал любую систему учета рабочего времени бесполезной. Система контроля дисциплины труда по табелям, спискам, карточкам учета прихода на работу еще не была принята, а борьба с тяжелыми жизненными условиями подрывала остатки дисциплины.

В большинстве городов рабочие получали продовольственные карточки в отделе снабжения, предъявив справку с места жительства или с работы. Карточка была действительна три месяца. Многие рабочие, переходя с одного предприятия на другое, могли получить несколько карточек и пользоваться ими одновременно. Возможность набрать побольше карточек, меняя место работы, приводила к «разбазариванию фондов снабжения» и способствовала усилению текучести кадров. Предполагалось, что продкарточки станут средством борьбы с завышенными ценами в период дефицита, однако они сами превратились в предмет торговли, рабочие использовали их в качестве платежного средства. Так, двое предприимчивых каменщиков проработали на заводе достаточно долго, чтобы получить карточки. Затем они ушли с завода, продали карточки на рынке доведенным до отчаяния людям по бешеной цене. Потратив вырученную сумму, они перешли на другое предприятие. Велась также бойкая торговля значками и вымпелами «рабочий-ударник», их обменивали на дополнительные продкарточки, купленные у разного рода мошенников и аферистов. Люди, никогда не устанавливавшие производственных рекордов, размахивали «своим» вымпелом ударника, нагло пользуясь правом занять место в начале любой очереди. На некоторых предприятиях выдавались *заборные книжки*, жетоны или талоны на

питание в местной столовой. Они предназначались только для рабочих, но пользовались ими и посторонние: неожиданная инспекция в одном из совхозов выявила, что на работе находилось 160 человек, а питание в это же время получали 280. Рабочие продавали талоны за пределами своего предприятия, создавая рынок «талонной валюты». Родственники и друзья рабочих придумывали сложные мошеннические схемы с использованием фальшивых справок о месте жительства и родстве, что давало возможность множеству людей получать продукты незаконно. Города были переполнены тысячами голодных мигрантов, которые использовали любую возможность добыть продовольствие. Перебои в снабжении и голод породили бесконечное разнообразие изобретательных схем обмана государства.

Летом 1931 г. администрация одного из крупных харьковских заводов провела эксперимент, направленный на снижение текучести кадров за счет привязки снабжения продовольствием к посещаемости. Ответственность за распределение продкарточек была возложена на табельщиков. Чтобы получить карточку, рабочий должен был оставить табельщику в залог свои документы. Уволившиеся рабочие могли забрать свои документы, только вернув карточку. Более того, табельщики должны были каждые пять дней подтверждать действительность карточки. Таким образом, даже, если рабочему удавалось скрыться с карточкой, он не мог долго ею пользоваться из-за ограниченности срока ее действия. Кроме того, табельщики получили право уменьшать паек за нарушения трудовой дисциплины и прогулы без уважительной причины. Целью эксперимента было снижение текучести кадров и пресечение разного рода мошенничеств, связанных с «продкарточной валютой». Установив контроль над распределением карточек непосредственно на рабочем месте, руководство очищало списки от тысяч «мертвых душ», получавших питание незаконно, теперь хлебные карточки выдавались только тем, кто работал на предприятии, и членам их семей. Вскоре после этих нововведений обнаружилось, что в обращении находится 6000 карточек, принадлежащих мошенникам или не работающим на предприятии. Для контроля над справедливым распределением карточек была назначена «тройка» рабочих. Партия утверждала, что новая система — это форма «рабочего контроля» над распределением продовольствия. С точки зрения государства, эксперимент оказался успешным, он позволил «значительно повысить борьбу за поднятие трудовой дисциплины»⁵⁵.

---

⁵⁵ В наступление на прогулы // Труд. 17 ноября 1932.

В ноябре рабочие Москвы, Ленинграда и машиностроительных предприятий проголосовали за принятие новой системы. Отдельные заводы начали экспериментировать с другими способами ужесточения трудовой дисциплины под эгидой рабочего контроля. Например, на московском заводе им. Маленкова рабочие одобрили новую форму жесткого контроля над распределением карточек и талонов, дававших право на питание в заводской столовой. Талоны теперь выдавались табельщиками в цехах ежедневно, а не раз в месяц. Рабочий, опоздавший на работу на 15 минут или больше, лишался права на талон, не допускался в столовую и целый день оставался голодным⁵⁶. Опираясь на подобные примеры «поддержки» со стороны рабочих, получившие огласку в прессе, государство превратило карточную систему в средство ужесточения трудовой дисциплины.

15 ноября 1932 г. ЦИК издал суровое постановление, направленное на борьбу с прогулами. Любой рабочий, пропустивший хотя бы один день «без уважительной причины», подлежал увольнению, при этом он терял право на все льготы, связанные с работой, включая жилье, продкарточки и другие виды социального обеспечения⁵⁷. В 1933 г. были введены еще более жесткие меры наказания за прогулы для работников оборонной и химической промышленности, военного транспорта, электро- и водоснабжения. Их могли понизить в должности, уволить и даже подвергнуть аресту за опоздание, отказ от работы, ранний уход с работы, распитие спиртных напитков на рабочем месте, небрежное обращение с инструментом или оборудованием, участие в забастовке, превышение норм по браку, отсутствие на работе без уважительных причин⁵⁸. Рабочая пресса старалась подчеркнуть важность соблюдения трудовой дисциплины. «Прогулы — язва на теле социалистической промышленности, съедающая ежегодно огромную часть столь необходимой стране продукции», — провозглашали газеты. «Сотни тысяч тонн недоданного угля, металла, машин, миллионы метров невыработанных тканей — ре-

---

⁵⁶ В столовую завода им. Маленкова вход для прогульщиков закрыт // Труд. 5 декабря 1932.

⁵⁷ Об увольнении за прогул без уважительных причин // Собрание законов и распоряжений: М.: Госиздат, 1934. С. 765–766. До принятия этого постановления действовало другое, согласно которому рабочего отлучали от работы на три дня за месячное отсутствие без уважительных причин. Оно было объектом насмешек и со стороны администрации предприятий, и со стороны рабочих.

⁵⁸ Постановление ЦК СССР об инструкции НКТ СССР; В СНК СССР; Инструкция НКТ СССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 54. Л. 15, 17, 18–22.

зультат прогулов по неуважительным причинам»⁵⁹. Партия напрямую связывала рост накопления капитала с соблюдением трудовой дисциплины: «В частности, невыполнение плановых заданий по производительности труда и перерасход фондов зарплаты неизбежно отзываются на повышении себестоимости, ведут в последующем к уменьшению внутрипромышленного социалистического накопления»⁶⁰. Однако идеологические призывы были не особенно эффективны, поскольку рабочие не могли надеяться на скорое улучшение своего материального положения. Средства планировалось направить на финансирование тяжелой промышленности, а не на производство товаров народного потребления.

В декабре 1932 г. ЦИК и СНК приняли постановление, положившее харьковский опыт в основу законодательной нормы, система распределения продовольствия стала рычагом для повышения производительности труда и ужесточения трудовой дисциплины. Все склады, запасы товаров, денежные суммы, сады, кроличьи фермы, свинарники, птицефермы, молочные и рыбные хозяйства, находившиеся под контролем закрытых рабочих кооперативов (ЗРК) передавались в ведение отделов рабочего снабжения (ОРС), организованным в составе действующего производства. ЗРК прекращали свое существование. Табельщики в цехах контролировали распределение талонов в столовую. Уволенные с предприятия рабочие лишались права пользования столовыми, детсадами и жильем, принадлежащими предприятию, а также выданными на работе продкарточками. Рабочие, уличенные в использовании карточек после увольнения, подвергались уголовному преследованию. Была организована новая система, усиливающая контроль над печатью и распределением карточек. Рабочие, сменившие место работы, не могли получить новые карточки без предъявления справки о возврате старых. Каждый рабочий прикреплялся к определенному магазину и имел право отвариваться только там⁶¹. Газеты объявили: «Рабочие Москвы и Ленинграда горячо приветствуют постановление ЦК и СНК»⁶².

---

⁵⁹ В наступление на прогулы // Труд. 17 ноября 1932.

⁶⁰ Против извращений политики зарплаты // Труд. 4 декабря 1932.

⁶¹ О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы // Труд. 5 декабря 1932; О практических мероприятиях по проведению в жизнь постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 4 декабря о расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы // Собрание законов и распоряжений. М.: Гос. изд-во, 1934. С. 802–804.

⁶² За лучшую постановку рабочего снабжения на предприятиях // Труд. 6 декабря 1932.

Внедрение новой системы проходило вовсе не так гладко, как это представляла пресса. Бригадиры, табельщики, руководители предприятий, вынужденные следить за посещаемостью, обнаружили, что не знают, кто работает в цехах. Предприятия начали судорожно организовывать учет рабочей силы, пытаясь как-то упорядочить царящий хаос⁶³. Для руководства крупных строек это стало особенно тяжелой задачей, поскольку текучесть была огромной⁶⁴. По закону распределение новых продкарточек нужно было завершить до 28 декабря 1932 г., но лишь немногие предприятия уложились в срок. Многие жилищные органы не спешили выдавать справки о месте жительства, без которых нельзя было получить карточку. Табельщики не знали, как составить основной список присутствующих на работе. На московском металлургическом заводе «Серп и молот» ситуация была еще сложнее. Уже были подготовлены и напечатаны новые карточки, но еще не было отдела снабжения, который должен был их распределять. Справки о составе семьи рабочих выдавались с опозданием, поэтому завод не мог планировать количество пайков. Сотни раздраженных голодных рабочих толпились в коридорах у дверей директора и завкома, пытаясь добиться выдачи карточек, но было неизвестно, кто должен за это отвечать. На других предприятиях неразбериха начиналась в процессе передачи имущества ЗРК администрации. Возникали какие-то «бермудские треугольники», в которых бóльшая часть имущества попросту исчезала. Во многих областях должностные лица ликвидировали рабочие кооперативы, но не создавали ОРСы. При переходе от старой системы к новой многие рабочие оставались вообще без продовольствия. На одном из заводов Восточной Сибири, где рабочие снабжались вместо хлеба мукой, в процессе передачи имущества от ЗРК администрации завода, вышел приказ о том, что теперь рабочие будут получать муку не авансом, а после 10 дней работы. В результате рабочие не получали муку почти две недели, им вместе с семьями пришлось голодать. Механический и литейный цеха прекратили работу на два часа, остальные рабочие объявили забастовку. Протесты, стихийные забастовки, остановка производства — все это происходило во многих местах. Еще до введения в действие новой системы, появились новые виды мошенничества, связанные с обменом и воровством карточек и талонов. В краже талонов были замечены уже табельщики, которых

---

⁶³ Развернем беспощадную борьбу с текучестью и прогулами // Труд. 18 ноября 1932.

⁶⁴ Борьба с прогулами отложена... до заседания // Труд. 27 ноября 1932.

государство обязало контролировать трудовую дисциплину и продовольственное снабжение⁶⁵.

В 1933 г. нарком труда А. М. Цихон направил пространное послание Сталину, Молотову и Кагановичу, в котором подытоживал результаты введения нового закона. Начав с «успехов», он отметил, что количество прогулов на большинстве предприятий существенно снизилось. Руководство предприятий занялось разработкой новых систем учета и контроля. Однако, по утверждению Цихона, закон саботировался на многих уровнях. Руководители предприятий боялись слишком сурово наказывать рабочих. Прежде всего они стремились удержать рабочих на предприятиях, поэтому закрывали глаза на прогулы, особенно, если работу пропускали высококвалифицированные работники⁶⁶. Рабочие сделали для себя следующий вывод: «Хочу — работаю, хочу — гуляю. Все равно меня не уволят»⁶⁷.

Начальники цехов не были уверены в том, как следует понимать новый закон, в частности слова «отсутствие без уважительной причины». Одна женщина с разрешения своего начальника взяла отпуск на 12 дней, чтобы заняться поиском жилья. Начальник понимал, что, не имея жилья, работать невозможно, а жилье было очень трудно найти. Была ли эта причина недостаточно «уважительной»? Каждый понимал по-своему. Директор «Красного пролетария» заявил, что «декрет дает ему права, но не обязывает увольнять прогульщиков». Его помощник добавил, что «наказание — это не мера борьбы с прогулами». Некоторые руководители, не желая «портить отношения с рабочими», передавали дела о прогулах «на разрешение заводских производственно-товарищеских судов или цеховых треугольников». Многие директора считали увольнение «неэффективной» мерой. При высоком уровне текучести рабочей силы, настойчивых требованиях увеличить производительность труда, ужасных жилищных условиях суровое наказание только побудило бы рабочих уйти с предприятия.

---

⁶⁵ Ответственность профсоюзов за снабжение // Труд. 16 декабря 1932; Профсоюзы обязаны взять выдачу продкарточек под самый жесткий контроль // Труд. 14 декабря 1932; Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 4 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 116.

⁶⁶ Развернем беспощадную борьбу с текучестью и прогулами // Труд. 18 ноября 1932; Прогульщики под защитой нач. цеха // Труд. 27 ноября 1932; В столовую завода им. Маленкова вход для прогульщиков закрыт // Труд. 5 декабря 1932.

⁶⁷ Хочу — работаю, хочу — гуляю. Все равно меня не уволят // Труд. 18 декабря 1932.

Цихон писал, что нерешительность директоров передалась начальникам цехов, мастерам, представителям отделов кадров и табельщикам. Он утверждал, что на всех уровнях существует прямое сопротивление применению закона.

На многих предприятиях руководство по договоренности с рабочими скрывало факты прогулов. Например, на заводе «Динамо» мастер литейного цеха отказался уволить работницу, даже получив прямое указание от парторганизации. Начальники цехов потворствовали переводу рабочих из одного цеха в другой вместо увольнения. Представители профсоюзов, завкомов, члены товарищеского суда, инспекторы труда, судьи сопротивлялись нормам нового закона, отменяя решения об увольнении. Неповиновение закону сочеталось с отсутствием контроля над его соблюдением. Никто, как отмечал Цихон, не проверял, были ли прогульщики выселены из заводского жилья и лишены карточек. Некоторые рабочие отнеслись к постановлению несерьезно. На фабрике «Парижская коммуна» один из уволенных за прогул рабочих в шутку решил организовать «артель прогульщиков» и вывесил на своей двери объявление: «принимаю рабочую силу». Цихон юмор не оценил и охарактеризовал этот случай как «попытку противодействия мероприятий Советской власти»⁶⁸. Парткомы пытались заставить рабочих контролировать друг друга, этому отчасти служили товарищеские суды на заводах, которые рассматривали дела о мелких правонарушениях. Однако представители товарищеских судов не хотели увольнять своих сослуживцев, предпочитая выносить выговор или назначать штраф. Глава московского отдела труда Ширин пояснил: «Это массовое явление». Большинство рабочих сомневалось в полезности нового закона. В Московской области на цеховых собраниях рабочие делали «нездоровые заявления» по этому поводу. На общем собрании работников Калининского вагоностроительного завода один из рабочих заявил: «Почему стали применять выселения рабочих, точно, как в Америке, тоже рабочих выбрасывают из рабочих поселков. К черту такое постановление. Надо рабочего хорошо снабжать продуктами и одеждой». Рабочие были вынуждены одобрять новый закон на собраниях, они боялись голосовать против, некоторые воздерживались

---

⁶⁸ В ЦК ВКП(б) — тов. Сталину и тов. Кагановичу. СНК СССР — тов. Молотову; В ЦК ВКП(б). Дополнительные пункты предложений НКТ СССР по борьбе с прогулами // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 57–64, 70; Профсоюзы в борьбе за трудовую дисциплину // Труд. 8 января 1933; На шелковских фабриках прогулы не снижаются // Труд. 5 января 1933.

от голосования. Один рабочий механического цеха сказал: «зачем я буду голосовать против, когда меня сразу заберут». Другой пояснил: «нас принуждают прогуливать цены рынка». Все эти замечания были переданы непосредственно Цихону с указанием предприятия, цеха и имени каждого высказавшегося рабочего⁶⁹. Даже рабочие — члены партии выступали против постановления. Один железнодорожный рабочий, партиец, сказал: «постановление ЦИК о прогулах, неправильно, там всех надо перестрелять». Другой заявил: «В СССР принудительный труд — иначе не забирали бы карточки». Многие находили наказание за прогул слишком суровым. Рабочий пивзавода в Ивановской области, после того как его осудили за прогул, резко ответил: «Постановление правительства очень жестоко в отношении квартиры, а также по увольнению за прогулы, нигде не примут на работу, все пойдут воровать. Если придут выкидывать вещи из квартиры и детей на улицу, я первый зарублю топором». Когда одна из работниц была уволена за прогул, члены ее бригады организовали забастовку солидарности. Даже председатель парткома принял сторону бригады. Вся бригада была уволена, избран новый партком. Рабочие поняли, что новый закон — не просто средство борьбы с прогулами, его легко можно было использовать, чтобы наказать рабочих, выражающих протест против снижения зарплат, плохого снабжения или каких-то других условий, путем забастовок и прекращения работы. Один машинист заявил: «Это петля на шею, и дает возможность администрации гнать кого угодно»⁷⁰.

По мнению Цихона, самым слабым местом в новом законе было не нежелание его выполнять, а отсутствие такой возможности. Директора предприятий производили учет рабочих ежемесячно, но они не знали, как меняется состав рабочих ежедневно. «Статистическая работа на предприятиях в самом хаотическом состоянии», — писал Цихон. Табельщики были малограмотными, и табели учета рабочего времени постепенно заполнялись «мертвыми душами». Тех, кто не работал в цехе, регулярно отмечали как присутствующих. Присутствие на работе часто отмечали заранее. Цихон предложил ЦК поручить Центральному управлению народнохозяйственного уче-

---

⁶⁹ Тов. Кагановичу, тов. Рындину, тов. Каминскому, тов. Цихону // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 83–87.

⁷⁰ Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 5; Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 4 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 114–114 об., 117 об.

та разработать новые способы контроля ежедневной посещаемости. «Завод должен знать, сколько людей и кто персонально работает и прогуливает у него ежедневно», — пояснил он⁷¹. Директор предприятия должен был контролировать работу табельщиков с помощью партийных работников. Ширин и Цихон понимали, что без стандартизированной системы учета явки на работу новый закон применяться не может. В этой связи НКТ обратился в ЦК с просьбой разработать более четкие правила контроля посещаемости.

В январе 1933 г. ЦК подготовил ряд предложений, направленных на улучшение системы учета посещаемости. Табельщики должны были быть грамотными и компетентными, размер зарплаты табельщиков был увеличен. Опоздания теперь приравнивались к прогулам: рабочий, опоздавший без достаточных причин на 15 или более минут более одного раза в месяц, или опоздавший менее чем на 15 минут более двух раз в месяц, мог быть уволен. Только начальники цехов могли решать, достаточно ли «уважительной» была причина прогула. Были введены новые системы учета. У ворот предприятия устанавливалась контрольная будка, в которой рабочий должен был отмечать свою карточку при входе и выходе. В каждом цехе табельщики ежедневно отмечали присутствующих и сверяли свои списки с информацией, полученной с проходной. Таким образом, использовались две системы контроля — одна на проходной, и другая непосредственно в цехе. Ежедневно каждый рабочий должен был отметиться четыре раза: при входе и выходе на проходной и в цехе⁷². Фактически упорядочение контроля над посещаемостью стало результатом карательных мер по ужесточению трудовой дисциплины. Вся система табельного учета, фиксации времени прихода и ухода и ведения списков диктовалась необходимостью стимулировать рост накопления капитала.

Политика партии в отношении трудовой дисциплины была ясна, однако методы организации поддержки новых законов были не особенно щепетильными. Пресса утверждала, что продовольст-

---

⁷¹ В ЦК ВКП(б). Тов. Сталину и тов. Кагановичу. СНК СССР — тов. Молотову // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 57–64; В ЦК ВКП(б). В ЦК ВКП(б). Дополнительные пункты предложений НКТ СССР по борьбе с прогулами // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 70.

⁷² Постановление Центрального Комитета ВКП(б) об организации учета явки на работу и мероприятиях по реальному укреплению трудовой дисциплины // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 133–135; Инструкция НКТ СССР об учете явки рабочих и служащих на работу // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 136–137.

вия не хватает, поскольку «прогульщики, лодыри и летуны», дезорганизаторы производства, «мертвые души» и прихлебатели питаются за счет рабочих, тем самым пытаюсь натравить одну группу рабочих на другую. В дефиците продуктов обвиняли тех, кто незаслуженно пользовался продкарточками. Пресса настаивала на том, что, ликвидировав мошенников и аферистов, получающих двойную выгоду, можно будет улучшить снабжение «честных» рабочих. Новая система распределения карточек преподносилась как средство борьбы с мошенничеством. Мошенничество действительно в определенной мере способствовало дефициту продуктов питания, но именно дефицит заставил голодных, хронически недоедающих рабочих изобретать способы обмана государства. Тысячи рабочих были вынуждены жульничать. В Ленинграде после введения новой системы распределения предприятиям потребовалось на 50 000 карточек меньше. В Ростове было изъято 50 000 незаконно полученных карточек, в Баку — 20 000, в Москве только на фабрике «Парижская коммуна» — 5000⁷³. Судя по цифрам, злоупотребления, связанные с использованием карточек, были распространены повсеместно, таким способом тысячи рабочих пытались прокормить себя и свои семьи.

Обвинения, тиражируемые прессой, во многом повторяли слова профсоюзов относительно крестьян-мигрантов, звучавшие в 1920-е гг., снова использовалось то же самое идеологическое клише: с одной стороны — «нуждающиеся в защите» рабочие, с другой — дезорганизаторы-мигранты. Пресса призывала рабочих писать письма в поддержку новых законов и осуждать «лодырей» за воровство продуктов у трудящихся. В одной из передовиц резко противопоставлялись «вчерашние крестьяне», «не переварившиеся в пролетарском котле», и «рабочие-кадровики», героическими усилиями построившие фабрики и заводы. Статья крайне негативно отзывалась о новых мигрантах, для которых фабрики и заводы, как утверждалось, были «только временным этапом, только случайным “доходным местом”, на котором можно урвать с государства побольше, дав ему труда поменьше». Авторы статьи настаивали на том, что именно из этих людей «формируются “отряды” профессиональных дезертиров и летунов, систематически прогуливающих на производстве, кочующих с предприятия на предприятие, везде зарабатывающих, но нигде фактически не работающих»⁷⁴. Заклеймив мигрантов как профессиональных

---

⁷³ Право на продкарточки только работающим // Труд. 6 января 1933.

⁷⁴ Включить цехи питания в борьбу за высокую трудовую дисциплину // Труд. 6 января 1933; За укрепление единоначалия // Труд. 20 ноября 1933.

дезертиров и летунов, пресса умалчивала о более глубоких социальных причинах текучести кадров: об отсутствии жилья, нехватке продовольствия. В 1932 г. страна страдала от хронического дефицита продуктов питания, крестьяне бежали из деревень, бóльшая часть крепких крестьянских хозяйств была уничтожена в период раскулачивания — все это было следствием коллективизации. Пытаясь ограничить мобильность рабочей силы и ликвидировать мошенничества, связанные с распределением продуктов, государство подчинило снабжение задачам производства и снова закрыло вход на промышленные предприятия «непролетарским элементам». Продкарточка и рабочий были связаны системой табельного учета.

Паспортизация и допуск в города

За постановлениями о прогулах и опозданиях последовали более жесткие меры ограничения мобильности рабочей силы. 27 декабря 1932 г. было опубликовано постановление ЦИК, воскрешающее систему внутренней паспортизации. Ею успешно пользовались в царской России, но революционеры к ней относились с презрением. Целью этого постановления была очистка городов и строек от людей, «не связанных с производством и работой в учреждениях и школах и не занятых общественно-полезным трудом». Паспортная система давала государству возможность контролировать передвижение населения, а также выявлять и отслеживать раскулаченных, частных торговцев, бывших нэпманов, лишенцев, преступников. Это был тот же учет посещаемости, но развернутый до общегосударственного уровня. Постановление вводило обязательную паспортизацию граждан, начиная с 16 лет. Паспорт должны были получить жители городов, рабочих поселков, райцентров, работники машинно-тракторных станций и совхозов. Каждый, кто работал по найму или находился на иждивении государства, должен был зарегистрироваться для получения паспорта. Паспорт считался единственным документом, удостоверяющим личность владельца. Детей вписывали в паспорт родителей, сироты регистрировались в учреждениях, где они проживали, военнослужащие — в воинских частях. Сельские жители могли получить паспорт только при переезде в город. В паспорте указывались полное имя, фамилия и отчество гражданина, дата и место рождения, национальность, социальное положение, место постоянного проживания, дата прохождения военной службы, также перечислялись лица, находящиеся на иждивении, и документы, на основе которых был выдан паспорт. Паспорт надо было иметь при себе постоянно. Не имеющие

при себе паспорта наказывались крупным штрафом или привлекались к уголовной ответственности. Для получения работы, жилья в городе, переезда на другое место жительства, гражданин должен был зарегистрироваться в милиции с предъявлением паспорта. Сельскому жителю, желающему выехать из деревни, следовало обратиться за паспортом в местное отделение милиции. Паспортная система вводилась постепенно на протяжении 1933 г. Сначала она была проведена в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Минске, Ростове-на-Дону и Владивостоке; через два месяца — в Кузнецке, Сталинграде, Баку, Горьком, Сормово и Магнитогорске. Были паспортизированы Московская и Ленинградская области, а также все населенные пункты в пределах 100 км от западных границ, включая рабочие поселки и стройки⁷⁵.

Введение паспортной системы оказало влияние и на городских, и на сельских жителей. Власти воспользовались этим постановлением, чтобы выяснить, кто из проживающих в городах не занят наемным трудом. Как утверждала пресса, необходимо очистить города от «социального мусора» — воров, мошенников, спекулянтов, любителей легкой наживы, которые «пытаются в городском лабиринте замести свои не совсем чистые следы». Города намеревались очистить от *бывших* (бывших представителей господствующих классов царской России), кулацких элементов, *лишенцев* (граждан, лишенных избирательных прав), бывших нэпманов и частных торговцев. Этим людям, как правило, не удавалось устроиться на работу из-за своего социального происхождения, они пополняли армию мошенников и беспризорных, которые занимались продажей и обменом на черном рынке полученных с помощью воровства и различных махинаций продуктов. Постановление помогало выявить тех, кто по желанию или от безвыходности занимался хищением и перепродажей товаров. Паспортная система должна была отделить «честных» рабочих от частников и вытеснить последних. Как указывалось в одной из передовиц, паспорт должен был выявить истинное социальное лицо своего владельца⁷⁶.

Постановление использовалось также для того, чтобы очистить заводы от рабочих с «сомнительным» происхождением. В феврале

---

⁷⁵ Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов // Собрание законов и распоряжений. М.: Гос. изд-во, 1934. С. 821–823.

⁷⁶ Очистить город от социального мусора // Труд. 29 декабря 1932.

1933 г. НКТ сообщил профсоюзам, отделам труда и местным советам, что все рабочие, не имеющие паспортов, должны быть уволены в течение 10 дней. Более того, причина их увольнения должна быть документально зафиксирована. Директорам было предложено проверить списки кадрового состава своих предприятий, чтобы выявить «кулацких элементов», торговцев, частников и других лишенцев, «маскирующихся под рабочих». Один из директоров сообщил, что на его предприятии было обнаружено 200 человек «чуждых элементов», не имеющих паспорта. Он спрашивал НКТ, как следует их уволить, отметив, что, если он не укажет в их документах причину увольнения, они смогут устроиться на работу в другое место. Местные организации, включая отдел труда, рекомендовали директору не указывать в справках об увольнении настоящую причину, вероятно, считая циркуляр НКТ слишком суровым. Вопреки директиве из центра они пытались оставить уволенным возможность устроиться куда-то еще. Однако заместитель наркома труда устранил возможное недопонимание, в секретном сообщении он указал, что лица, не имеющие паспорта, должны иметь в справках об увольнении соответствующие отметки, чтобы исключить их дальнейшее трудоустройство⁷⁷. Московский городской совет профсоюзов сообщал, что предприятия и учреждения г. Москвы приступили к очищению рядов своих работников от бывших торговцев и кулаков, «пролезших на социалистические предприятия». Все уволенные получали справку, в которой указывалась причина увольнения, например, «за сокрытие соцпроисхождения — раскулаченный». На протяжении весны чистка проводилась на большинстве предприятий. Около 500 человек было уволено с оборонного завода в Ижорске, где трудилось более 11 000 рабочих, 350 человек было уволено с завода «Электросила», где было примерно такое же количество рабочих. Рабочих увольняли без предупреждения, никакой компенсации не выплачивалось. Рабочий, участвовавший в забастовке или другой акции протеста, обязательно подвергался проверке социального происхождения⁷⁸.

---

⁷⁷ Директору завода № 37; НКТ СССР; Циркуляр НКТ СССР об увольнении лиц, не получивших паспортов // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 54. Л. 3–10.

⁷⁸ В ВЦСПС тов. Швернику и НКТ СССР тов. Цихон; Сектор информации — отдел оргработы и проверки исполнения ВЦСПС; Наркомтрудам союзных республик: о порядке увольнения классово-чуждых элементов // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 54. Л. 78, 128, 125, 219–220.

От паспортизации пострадали также сельские жители, желавшие уехать в город. Органы милиции сообщали им, что без паспорта в городе откажут в прописке. Несмотря на разъяснительную кампанию, крестьяне-мигранты, не имеющие паспортов, продолжали прибывать в города. Милиция получила жесткие инструкции: эти граждане должны быть «удалены». Однако перспектива задерживать тысячи крестьян и отправлять их обратно по деревням работников милиции не радовала. Органы милиции поручили местным сельсоветам информировать жителей о последствиях приезда в город без паспорта. В 1934 г. зам. начальника ГУРКМ* Усов сообщал ЦИК: «наблюдается массовый приезд граждан из сельских местностей в города без паспортов <...> граждан без приглашения на работу, самотеком». Вопреки закону, крестьяне продолжали приезжать без документов или с недействительной справкой из сельсовета. «Во избежание бесцельных задержаний и удаления граждан» Усов снова велел местным советам прекратить снабжать граждан бесполезными справками и вместо этого направлять в отделения милиции. Переписка Усова с сельсоветами показывает, что паспортизация не смогла остановить поток мигрантов⁷⁹. На протяжении 1934-го и 1935 г. государство пыталось ограничить миграционные потоки с помощью всеобщей паспортизации и организованного набора рабочей силы. Колхозникам, которые не были официально приняты на работу по найму в рамках колдоговора, запрещалось выезжать с места жительства без разрешения председателя и справки о месте жительства из местной милиции. Колхозники, имеющие необходимые документы, могли получить временный паспорт, который продлевался на предприятии каждые три месяца. Покинувшие колхоз без разрешения председателя исключались из колхоза⁸⁰.

Согласно статистике, паспортизация действительно на короткое время затормозила процесс миграции из сельской местности. В 1932 г. в города прибыло 10 505 000 человек, из них 7 886 000 вер-

---

* Главное управление рабоче-крестьянской милиции (*прим. ред.*).

⁷⁹ Постановление СНК СССР № 143; Постановление СНК СССР от 8 мая 1932 г.; Протокол № 95 заседания секретариата ЦИКа СССР; Справка; В секретариат президиума ЦИКа СССР; В президиум ЦИК СССР; Секретариат президиума ЦИК Союза ССР; ЦИК СССР // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 193. Л. 27, 29, 61, 63–64, 65, 73, 77, 79.

⁸⁰ О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в город на предприятия без договоров с хозорганами // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 91. Л. 149.

нулись, 2 719 400 остались в городах. В 1933 г. эти показатели существенно сократились: 7 416 000 человек прибыло, 6 644 000 вернулись и лишь 772 000 остались в городах. Однако в 1934-м и 1935 г. цифры вновь стали расти. В 1935 г. 14 374 100 прибыло, 11 909 700 вернулись и 2 464 400 остались. Таким образом, число крестьян осевших в городах в 1935 г., приближалось к уровню 1932 г., до начала паспортизации. Это означает, что хотя паспортизация способствовала значительному сокращению числа сельских жителей, переселившихся в город в 1933 г., она была не в состоянии ограничить мобильность населения на долгий срок. Паспортизация не оказала ощутимого влияния на гендерный состав крестьянской миграции: женщины составляли около 40 % мигрантов из деревни, и этот показатель оставался практически неизменным с 1932 г. по 1935-й. Среди осевших в городе сельчан приблизительно 50 % были женщины, это превышало долю женщин в общем потоке мигрантов, вероятно, женщинам быстрее удавалось устроиться, поэтому их мобильность была несколько ниже, чем у мужчин⁸¹. Несмотря на то что женщины составляли 100 % рабочих, пришедших на рынок труда в 1932 и 1933 гг., роста доли женщин среди мигрантов из сельской местности в эти годы не наблюдалось. Иными словами, исключительно женский состав новой рабочей силы в те годы нельзя объяснить ростом доли женщин среди мигрантов. Это позволяет предположить, что либо женщинам-мигранткам было легче получить работу, либо именно горожанки (жены и дочери рабочих) были важнейшим источником рабочей силы в те годы.

Со временем новая паспортная система превратила сельских жителей в граждан второго сорта, которым было запрещено покидать деревню. Вторая пятилетка, в отличие от первой, была ориентирована не на интенсивное строительство новых предприятий, а на освоение новых технологий, повышение квалификации трудящихся, рост производительности труда. Плановики ожидали, что темп прироста рабочей силы будет снижаться, рабочие начнут выпускать продукцию более высокого качества. Согласно второму пятилетнему плану, в 1933 г. должно было быть создано только 390 000 новых рабочих мест, из них 127 000 — в промышленности, 100 000 — в транспорте, 100 000 — в торговле, 63 000 — в системе связи, общественном питании и муниципальных службах. В некоторых секторах планировалось сокращение

---

⁸¹ Женщины среди прибывших в города и выбывших из городов СССР // Женщина в СССР. Статистический сборник. М.: Союзгоручет, 1937. С. 69.

рабочих мест: в сельском хозяйстве количество наемных работников должно было уменьшиться на 400 000 человек, в строительстве — на 700 000. Таким образом, планировалось создание 390 000 новых рабочих мест и сокращение числа рабочих мест на 1 100 000, т. е. 710 000 человек должны были лишиться работы⁸². Если бы события развивались согласно плану, рынок труда оказался бы перенасыщен рабочей силой. Фактически количество новых рабочих мест в плане было завышено: в народном хозяйстве было создано только 77 000 новых рабочих мест. В промышленности новые рабочие места не создавались, напротив, их количество сократилось на 10 000. В строительстве масштаб спада был переоценен: количество рабочих мест снизилось только на 303 000 (см. табл. 8.1, 8.3 и 8.4). Паспортизация стала логичным приложением к плану развития экономики, в котором предусматривался спад темпов экономического развития. Новые мигранты могли лишь обострить конкуренцию за рабочие места, число которых продолжало сокращаться, поэтому государство было заинтересовано в том, чтобы остановить людской поток из деревень и предоставить городским жительницам возможность восполнить дефицит трудовых ресурсов.

Паспортизация представляла из себя сложную систему внутреннего контроля, затронувшую все слои населения. Историки, как правило, обсуждают влияние введения паспортной системы на сельских жителей, в то время как первоначальной целью был контроль над горожанами. Паспортизация должна была способствовать очистке городов от частников, кулацких элементов, преступников и других лиц, связанных с незаконной торговлей. Государство боролось за установление единоличного контроля над распределением продовольствия и использование системы распределения в качестве инструмента для регулирования трудовой дисциплины, поэтому очистка городов от не работающих по найму была необходима. Паспортизация также способствовала увольнению с предприятий работников с «неподходящим» социальным происхождением. Этим людям повсеместно отказывали в работе, они не могли трудоустроиться, не скрыв свое прошлое. Постоянная угроза увольнения помогала держать рабочих в узде. Опасение, что их объявят «чуждыми элементами», подавляло желание рабочих протестовать. Наконец, паспортизация должна была остановить постоянную миграцию рабочей силы из одного города в другой. Внедрив систему прописки, государство не только стремилось лишить свободы передвижения крестьян, но и ограничить мобильность рабочих.

---

⁸² О народно-хозяйственном плане СССР на 1933 г. — первый год второй пятилетки // Собрание законов и распоряжений. С. 50–58.

Вторая пятилетка: преимущественно женщины

«Очистка» городов и предприятий, возведение барьеров между городом и деревней — все это было созвучно второму пятилетнему плану, предусматривающему спад темпов развития. Однако был необходим новый, доступный источник рабочей силы — и для того, чтобы заменить уволенных, и чтобы заполнить новые рабочие места. Таким источником стали городские женщины. Женщины сыграли беспрецедентную роль в экономике в период второй пятилетки. В 1932 и 1933 гг. женщины были единственным источником трудовых ресурсов: 100% новых рабочих составляли женщины. Вместе с тем женский труд активно использовался для замены мужского труда. Эта замена началась в 1931 г., еще до замедления темпов роста и введения паспортизации. Для мужчин 1932 г. стал годом увольнений, несмотря на увеличение количества рабочих мест: 175 000 мужчин были уволены, 901 000 женщин приняты на работу. В 1933 г. тенденция к замене мужского труда женским сохранилась, в то время как темп прироста замедлился. В 1933 г. было создано лишь 77 000 новых рабочих мест, незначительная цифра по сравнению с 726 000 новых рабочих мест в 1932 г. Еще больше мужчин потеряли работу в 1933 г. (219 000), в то время как женщин продолжали нанимать, хотя и в меньшем количестве (296 000). В 1934 и 1935 гг. ситуация с наймом улучшилась как для женщин, так и для мужчин, однако женщины продолжали сохранять преимущество: в течение этих двух лет в рабочую силу вошло 1 288 000 женщин и 926 000 мужчин. В 1934 г. женщины составляли 68 % новых рабочих (см. табл. 8.1 и 8.2).

Таблица 8.1

**Рабочие и служащие (белые воротнички) в народном хозяйстве 1932–1936 гг.
(на 1 января)**

Год	Общее количество	Мужчины Чел.	Женщины	
			Чел.	%%
1932	21 923 000	15 916 000	6 007 000	27,4
1933	22 649 000	15 741 000	6 908 000	30,5
1934	22 726 000	15 522 000	7 204 000	31,7
1935	23 844 000	15 880 000	7 964 000	33,4
1936	24 976 000	16 484 000	8 492 000	34

Источник: Взято из таблицы «Численность женщин — рабочих и служащих — по отраслям труда» в кн.: Женщина в СССР. Статистический сборник. М.: Союзоргучет, 1937. С. 51.

Рабочие и служащие, пришедшие в народное хозяйство, 1932–1935 гг.

Год	Общее количество	Мужчины Чел.	Женщины	
			Чел.	%%
1932	726 000	–175 000	901 000	100
1933	77 000	–219 000	296 000	100
1934	1 118 000	358 000	760 000	68
1935	1 132 000	604 000	528 000	47

Источник: Таблица 8.1

Таблица 8.3

Рабочие и служащие, пришедшие в крупную промышленность, 1932–1935 гг.

Год	Общее количество	Мужчины Чел.	Женщины	
			Чел.	%%
1932	52 000	–112 000	164 000	100
1933	–10 000	–77 000	67 000	100
1934	464 000	114 000	350 000	75
1935	644 000	360 000	284 000	44

Источник: Взято из таблицы «Численность женщин — рабочих и служащих — по отраслям труда» в кн.: Женщина в СССР. Статистический сборник. М.: Союзоргучет, 1937. С. 51.

Наметившиеся в те годы в народном хозяйстве тенденции спада темпов развития, крупномасштабные увольнения мужских кадров, беспрецедентный рост степени использования женского труда были еще более очевидны в промышленности. В период с 1932-го по 1936 г. общее число женщин, занятых в промышленности увеличилось на 865 000, в то время как число мужчин — только на 285 000. Женщины составляли подавляющее большинство — 75 % из 1 150 000 новых рабочих, пришедших на советские промышленные предприятия в тот период. В 1932–1933 гг. были уволены 189 000 мужчин, наняты 231 000 женщин (см. табл. 8.3). В 1933 г. даже приток женских кадров не мог восполнить убыль мужчин: были уволены 10 000 про-

мышленных рабочих. Это сокращение мужской рабочей силы отчасти явилось результатом паспортизации, очистившей предприятия от «чуждых элементов» и усилившей контроль над миграцией из деревни в город. Тем самым была открыта дорога на рынок труда для жен и дочерей рабочих.

Второй пятилетний план был нацелен на выполнение шести сталинских условий, в том числе на переход от строительства к производству. Сокращение рабочей силы особенно чувствительно затронуло строительную отрасль. С 1932-го по 1936 г. были уволены 864 000 строительных рабочих. Но в то время как число мужчин, занятых в строительстве, резко сократилось, количество женщин возросло. Больше всего увольнений пришлось на долю мужчин, без работы осталось 886 000 человек. Однако тенденция к увольнению мужчин — наряду с наймом женщин — отмечалась в строительстве лишь в начале второй пятилетки, в 1934 и 1935 гг. женщин также стали увольнять (см. табл. 8.4).

Замедление темпов прироста рабочей силы, массовые увольнения, замена мужского труда женским, попытки государства увеличить нормы и урезать фонд заработной платы — все это не ускользнуло от внимания рабочих. Не доверяя официальной точке зрения, растиражированной в прессе, они поняли эти изменения по-своему. На собрании, проходившем на Механическом заводе в Москве, один из рабочих сказал: «Денег нет. Зарплату задерживают. Наверное, хотят, чтобы без сокращения часть рабочих ушла с завода». Другой добавил: «Рабочих стали гнать с производства, а все рабочие строили пятилетку, а теперь не нужны стали. Опять будет у нас безработица. Гонят рабочих потому, что нечем стало их кормить». Рабочие связывали появление новых драконовских законов, относящихся к распределению карточек, прогулам и опозданиям, с тем, что рынок труда уже не испытывал дефицита рабочей силы. Один из рабочих отметил: «Сначала говорили, что будут увольнять только прогульщиков, а теперь и хороших рабочих увольняют. Постановление правительства исходило из того расчета, что не нужна стала рабочая сила»⁸³. Рабочие интуитивно понимали, что нехватка рабочих рук в годы первой пятилетки не позволяла ужесточать трудовую дисциплину. Теперь же государство приняло новые законы именно в тот момент, когда нужда в дополнительных работниках отпала.

---

⁸³ Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 5 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 114.

Рабочие и служащие, пришедшие в строительную отрасль, 1932–1935 гг.

Год	Общее количество	Мужчины Чел.	Женщины	
			Чел.	%%
1932	–238 000	–295 000	57 000	100
1933	–303 000	–320 000	17 000	100
1934	–144 000	–140 000	–4 000	–
1935	–179 000	–131 000	–48 000	–

Источник: из таблицы «Численность женщин-рабочих и служащих — по отраслям труда» в кн.: Женщина в СССР. Статистический сборник. М.: Союзоргучет, 1937. С. 51.

Таблица 8.5

Женщины, занятые в главных отраслях народного хозяйства, 1929–1935 гг. (чел.)

Сектор/год	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935
Промышленность	939 000	1 236 000	1 440 000	2 043 000	2 207 000	2 274 000	2 627 000
Строительство	64 000	156 000	189 000	380 000	437 000	454 000	450 000
Сельское хозяйство	441 000	425 000	221 000	394 000	508 000	605 000	685 000
Транспорт	104 000	146 000	173 000	243 000	322 000	358 000	384 000
Торговля	97 000	179 000	233 000	374 000	432 000	408 000	473 000
Общественное питание	37 000	100 000	172 000	301 000	354 000	358 000	349 000
Просвещение	439 000	482 000	514 000	692 000	790 000	859 000	919 000
Здравоохранение	283 000	320 000	358 000	426 000	466 000	506 000	537 000
Государственное управление	239 000	332 000	373 000	475 000	510 000	499 000	522 000

Сектор/год	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935
Домашнее хозяйство/ поденная работа	527 000	312 000	283 000	279 000	241 000	200 000	192 000
Итого	3 304 000	3 877 000	4 197 000	6 007 000	6 908 000	7 204 000	7 881 000

Источник: «Численность женщин по отраслям народного хозяйства в 1929–1935 гг.» в кн.: Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана, 1936. С. 25⁸⁴.

По иронии судьбы массовые увольнения рабочих, спад темпов развития экономики, попытка ограничения миграционных потоков и ужесточение трудовой дисциплины сопровождались расширением возможностей для женских кадров во всех отраслях экономики (табл. 8.5). Единственной категорией наемной рабочей силы, численность которой резко сокращалась, была домашняя прислуга. В 1929 г. женщины, занятые в этом секторе рынка труда, составляли 16 % всей наемной женской рабочей силы; в 1936 г. их доля равнялась всего 2 %. Больше всего женщин было занято в промышленности. В 1929 г. в промышленности было занято 28 % всей женской рабочей силы, в 1936 г. доля женщин в составе наемных рабочих составляла уже 34 %⁸⁵.

С 1932-го по 1936 г. доля женщин в составе рабочих, занятых в промышленности, возросла с 33 до 40 %. Аналогичные процессы происходили во всех отраслях. В текстильной и швейной промышленности женщины всегда составляли большинство, теперь эти

⁸⁴ В этой таблице приведены среднегодовые данные на 1929 и 1930 гг., данные на 1931–1935 по состоянию на 1 января. Данные из издания «Труд в СССР» (С. 25) соответствуют табл. 8.1, за исключением 1935 г. Возможно, в кн. «Женщина в СССР» приводятся более точные цифры на 1935 г., поскольку она издана годом позже.

⁸⁵ Распределение женщин — работниц и служащих — по отраслям труда // Женщина в СССР. С. 52. В 1936 г. большая часть женщин, занятых в крупной промышленности, трудилась на производстве (82 %). Обслуживающий персонал составлял 5 %, «белые воротнички» — 7 %, инженеры и техники — 3 %, ученики — 3 %. См.: Численность и состав женщин в крупной промышленности по категориям персонала. С. 56.

отрасли стали преимущественно «женскими». В 1928 г. доля женщин среди работников текстильной и швейной промышленности равнялась 61 %, в 1936 г. — 72 %. В 1936 г. женщины составляли большинство занятых в полиграфической промышленности, традиционно «мужском» секторе, а также на предприятиях, связанных с переработкой продуктов животноводства. Таким образом, и в традиционно «женских», и в традиционно «мужских» отраслях количество женщин-работниц существенно увеличилось. В таких отраслях как деревообрабатывающая, машиностроительная и горнодобывающая промышленность, где женская занятость в 1928 г. была незначительной, к 1936 г. доля женского труда выросла до 25 %⁸⁶.

Изменилось и распределение женщин по отраслям. В 1913 г. женский труд был сосредоточен в текстильной промышленности (63 %); небольшое число женщин было занято в машиностроительной (2 % занятых) и горнодобывающей промышленности (4 % занятых). В 1936 г. в текстильной промышленности было сосредоточено уже 30 % всей женской рабочей силы, 20 % — в машиностроении и 12 % — в горнодобывающей промышленности. Женский труд был более равномерно распределен во всех отраслях, включая традиционно «мужские»⁸⁷. Тенденция усиления феминизации «женских» отраслей и более широкого использования женского труда в «мужских» отраслях, наметившаяся в годы первой пятилетки, продолжалась во второй. Эта тенденция была характерна для советской индустриализации в целом. В результате возник парадокс: расширение возможностей для внедрения женского труда сочеталось с усилением гендерной сегрегации в традиционно «женских» отраслях. В слабо финансируемой легкой промышленности происходило уменьшение заработков, что вело к снижению уровня жизни работниц, занятых в этой отрасли⁸⁸.

Поскольку женский труд внедрялся в новых отраслях промышленности, таких как машиностроение и электротехника, а также в традиционно «мужских» отраслях, таких как металлургия и полиграфическая промышленность, женщины в основном были заняты

---

⁸⁶ В процентах к числу рабочих и учеников обоего пола каждой отрасли // Женщина в СССР. С. 58.

⁸⁷ Распределение женщин-работниц крупной промышленности по отраслям // Там же. С. 59.

⁸⁸ См.: Rossman J. Worker Resistance under Stalin: Class and Gender in the Textile Mills of the Ivanovo Industrial Region, 1928–1932. Ph. D. diss. University of California, Berkeley, fall 1997.

неквалифицированным трудом и были слабо представлены среди квалифицированных рабочих. Тем не менее со временем женщины успешно прокладывали себе путь в ряды квалифицированных рабочих. Например, в машиностроении, важнейшей новой отрасли, в 1934 г. женщины составляли 28 % рабочих, в то время как в 1927 г. всего лишь 4 %. Доля женщин в составе неквалифицированной рабочей силы была все еще высокой (56 %), однако женщины уверенно овладевали квалификацией. Они работали кузнецами, формовщиками, прессовщиками, сварщиками, монтажниками, сборщиками, токарями, малярами, смазчиками. Доля женщин среди рабочих этих специальностей до первой пятилетки составляла менее 1 %. Женщины были широко представлены в таких профессиях как машинист, заливщик, сверловщик, штамповщик и др., за исключением револьверщиков. В электротехнической промышленности, также новой, развивающейся отрасли, доля женщин увеличилась с 18 % в 1927 г. до 39 % в 1934 г. В этой отрасли женщины также были заняты преимущественно неквалифицированным трудом (до 42 %), однако они смогли освоить целый ряд специальностей, такие как ламповщик, стеклодув, кабельщик. Женщины составляли большинство револьверщиков, сверловщиков, штамповщиков, изолировщиков, намотчиков катушек, сборщиков, обмотчиков и машинистов. В черной металлургии, традиционно «мужской» отрасли, в 1934 г. женщины составляли только 22 % рабочей силы, но были представлены во всех цехах: доменных, мартеновских, бессемеровских, прокатных и транспортных. Здесь женщины также были заняты преимущественно неквалифицированным трудом, однако женский труд применялся на квалифицированной высокооплачиваемой работе в горячих цехах⁸⁹.

Трудно в полной мере оценить достижения советских женщин в промышленности. В статистических данных за 1930-х гг. указана доля женщин во многих профессиях, однако нет информации о том, сколько всего человек было в них занято. В результате зачастую не ясно, насколько важна была конкретная профессия для данной отрасли. Например, в полиграфической промышленности в 1934 г. женщины составляли 58 % рабочих и были представлены во многих специальностях, требующих определенной квалификации. Единствен-

---

⁸⁹ Женский труд в отдельных профессиях машиностроения; Электротехническая промышленность; Женский труд в отдельных профессиях черной металлургии // Женщина в СССР. С. 83, 84, 87.

ной профессией, оставшейся преимущественно «мужской», (только 9 % женщин) была профессия печатника. Если большинство квалифицированных рабочих этой отрасли были печатниками, то доля женщин, имеющих квалификацию по различным специальностям в этой отрасли, не имеет большого значения, поскольку среди печатников женщины были представлены слабо. Цельную картину профессионального роста женских кадров можно будет дать только при наличии более полных статистических данных по каждой отрасли. Если опираться на опубликованные статистические сводки, создается впечатление, что женщины добились впечатляющих успехов как в «мужских», так и в «женских» отраслях, получили возможность освоить профессии, которые ранее были им практически недоступны. Партия прилагала значительные усилия для вовлечения женщин в различного рода образовательные программы, включая обучение в фабзавучах, ВУЗах, ВТУЗах и на рабфаках. В 1936 г. женщины составляли 40 % студентов ВУЗов, 43 % — техникумов, 35 % — обучающихся на рабфаках. Рост числа женщин, занятых квалифицированным трудом, свидетельствует об успехе партийной политики повышения их образовательного и культурного уровня⁹⁰.

Рычаг давления на производстве

Идея организации «нового социалистического быта» была чрезвычайно популярна в 1920-х и 1930-х гг. Понятие «новый быт» включало в себя освобождение женщины от ведения домашнего хозяйства, создание новых форм культурной жизни для рабочих, перестройку повседневной жизни и личных отношений, предоставление всем советским гражданам права на отдых, образование. Ключевым момен-

---

⁹⁰ Женский труд в отдельных профессиях полиграфической промышленности // Женщина в СССР. С. 91. В этом статистическом сборнике указана доля женщин в квалифицированных профессиях большинства промышленных отраслей (С. 83–100), однако не указано точное число работниц каждой специальности. Данные по профподготовке женщин см.: «Численность женщин-учащихся ВУЗов, техникумов и рабфаков» (С. 121) и «Женщины среди учащихся ВУЗов в СССР и в капиталистических странах» (С. 127). Советские женщины имели более широкий доступ к высшему образованию, чем европейские. В 1935 г. женщины составляли 38 % студентов советских университетов, в высших учебных заведениях Германии доля женщин была равна 14 %, в Англии — 26 %, в Италии — 14 %. Доля женщин среди студентов технических специальностей в этих европейских странах составляла менее 3 %, а в Советском Союзе — почти 25 %.

том считалась социализация быта. Домашний труд, традиционно выполняемый женщиной без всякого материального вознаграждения (готовка, уборка, стирка, уход за детьми, больными и пожилыми) — всем этим теперь должны были заниматься наемные работники. Граждане должны были питаться в общественных столовых. Предполагалось, что столовые будут субсидироваться государством, еда будет вкусной и питательной. Детей должны были кормить в школах и детсадах, взрослых — на работе. Освобожденные от домашних тягот женщины получают возможность заниматься производительным трудом, вести активную общественную жизнь. Как писал один из исследователей: «Жилище перестает быть местом работы (приготовление пищи, стирка белья и т. п.), оно становится исключительно местом нормального отдыха». Клубы, курортные зоны, учреждения общественного питания должны были стать общедоступными, предлагать рабочим различные удобства. Архитекторы, дизайнеры, преподаватели, плановики и женщины-активистки создавали футуристическую концепцию «зеленых городов», коллективного жилья, курортов, культурных объектов, способных освободить и женщин, и мужчин от тягот повседневной жизни⁹¹. Социализация быта обещала гражданам обоего пола новые свободы. В частности, у женщин должна была появиться возможность избавиться от изнуряющего домашнего труда. В представлениях о *новом быте* сочетались реальные, вполне осуществимые задачи и утопические фантазии.

На протяжении 1920-х гг. многие журналисты детально описывали новый быт будущего, но для воплощения этих фантазий сделано было не много. Государство направило все ресурсы, которые на тот момент имелись, на восстановление производственной базы, разрушенной за годы Гражданской войны. Разработка первого пятилетнего плана дала движению за социализацию быта новый толчок. Бывшая руководительница женотдела Артюхина подчеркивала важность организации нового быта в контексте ускоренной индустриализации. Обращаясь к московскому горкому, она выступила против промышленного выпуска приспособлений, облегчающих индивидуальный домашний труд. «Ведь наша задача состоит не в том, чтобы облегчать только индивидуальный быт, — напомнила она. — Наша задача — строить быт общественный. <...> Зачем же нам копировать

---

⁹¹ Горский И. Социалистический город и реконструкция быта // ВТ. 1930. № 2. С. 13–21.

буржуазию, которая этими самыми мочалками и кастрюльками еще больше закрепощает работниц и притягивает их к этой самой кухне?» Артюхина настаивала на том, что приоритет должен быть отдан промышленному производству стиральных машин для общественных прачечных⁹². Начало 1930-х было периодом дефицита рабсилы — в отличие от безработицы 1920-х гг., поэтому, осознав неизбежность внедрения женского труда, государство вернулось к идее социализации быта. Новые рабочие размещались во временных палатках, бараках и общежитиях без кухонь, строительство жилья с отдельными кухнями и ванными комнатами было слишком дорогим, поэтому общественные столовые были крайне нужны. В период ускоренной индустриализации острая нехватка дешевых коммунальных услуг напомнила об обещанной социализации быта. Огромный рост занятости — наряду с задачей повышения производительности труда — сделал бытовое раскрепощение женщины необходимостью. Женщины из рабочих семей требовали этого напрямую. Когда жен рабочих, проживающих в бараках Магнитогорска, администрация попыталась трудоустроить, они ответили: «Мы согласны идти на работу, но устройте наших детей в ясли и детсады, организуйте столовые, чтобы в них не было очередей, и чтобы там хорошо кормили, наладьте прачечные, уничтожьте очереди в магазинах»⁹³.

Планы по обобществлению домашнего труда изначально были грандиозными. В ранней версии пятилетнего плана по женскому труду предполагалось, что 50 % всего городского населения Нарпит будет обеспечивать полным питанием в общественных столовых. План для индустриальных центров был еще более впечатляющим: предлагалось обеспечивать питанием 90 % рабочих и 60 % членов их семей. В столовой рабочие должны были не только обедать, но также завтракать и ужинать. Каждому ребенку — как в городской, так и в сельской школе — полагался горячий завтрак. Нарпит был не единственной организацией, ответственной за социализацию быта: Наркомпрос планировал обеспечить всех детей рабочих дошкольными учреждениями к 1931 г.⁹⁴ ЦК призывал полностью перейти от индивидуального пи-

---

⁹² Артюхина А. За социалистическую переделку быта // Работница. 1930. № 4. С. 3.

⁹³ Брумштейн Б. Женский труд в Магнитострое // Охрана труда. 1931. № 23–24. С. 20.

⁹⁴ Перспективы женского труда // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 327–328. Итоги внедрения женского труда в промышленность за 1-ое полугодие, 1931 // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 159. Л. 23.

тания к питанию в общественных столовых уже к концу первой пятилетки. В 1932 г. количество столовых в Ленинграде должно было увеличиться с 1355 до 19 555!⁹⁵ На вторую пятилетку были намечены еще более грандиозные задачи: «...во второй пятилетке в городах будет достигнуто 100-процентное обобществление основных отраслей быта (ясли, детсады, общественное питание) как органической части общей социалистической реконструкции быта и построения бесклассового социалистического общества»⁹⁶.

Строительство шло медленно, но к концу первой пятилетки, государство добилось значительного прогресса в обеспечении миллионов людей услугами служб быта. В 1932 г. почти 9 млн горожан полностью или частично питались в общественных столовых. 3 млн детей каждое утро получали в школах горячий завтрак⁹⁷. В период с 1928-го по 1933 г. количество столовых увеличилось в 64 раза, 387 000 столовых обслуживало более 25 500 000 человек. Число детей, обеспеченных детсадами, увеличилось в десять раз, с 104 386 человек в 1928 г. до 1 048 309 в 1936 г.⁹⁸ С 1930-го по 1931 г. в Ленинградской области количество детей рабочих, обеспеченных детсадами, увеличилось более, чем в три раза — с 17 до 52 %. Подобным образом ситуация складывалась в Московской, Нижегородской, Ивановской областях и на Урале⁹⁹.

Строительство столовых и детсадов, казалось, было первым шагом на пути к новому быту. Однако в 1934 г. эта тема уже не обсуждалась. Женщины-активистки, занимавшиеся улучшением и преобразованием быта (*бытовики*), были лишены своей организации и потеряли возможность быть услышанными. ЦК ликвидировал женотдел в 1930 г. Последние выборы делегатских собраний проходили в 1931 г., после 1933 г. делегатские собрания были полностью прекращены¹⁰⁰. КУТБ был ликвидирован в конце первой пятилетки. После 1934 г. слабые отзвуки голосов трудящихся женщин заглушались все более громкой барабанной дробью кампании за повышение производительности труда. После сталинского выступления, в котором перечислялись необходимые для этого шесть условий, экономисты оттеснили жен-

---

⁹⁵ Вальтер В. С. 85, 88.

⁹⁶ Серебренников Г. Женский труд в СССР // ВТ. 1932. № 11–12. С. 67.

⁹⁷ Вальтер В. С. 85.

⁹⁸ Гольцман М. Участие женщин в социалистическом строительстве // Вопросы профдвижения. 1934. № 3. С. 88.

⁹⁹ Итоги внедрения женского труда в промышленность // ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 165. Л. 22–23, 28.

¹⁰⁰ Советские женщины и профсоюзы. М.: Профиздат, 1984. С. 96.

щин-активисток на задний план. Теперь говорили не о социализации быта, а о социальных выплатах. Субсидированное питание, столовые, детсады, государственное медицинское обслуживание, социальное обеспечение материнства и другие социальные льготы уже считались частью зарплаты, они регулярно упоминались, когда государство пыталось убедить рабочих в том, что их заработная плата растет.

Социальные выплаты, так же, как и продкарточки, стали использоваться для закрепления рабочей силы на предприятии и стимулирования производительности труда. Одновременно государство передало распределение продуктов и соцобеспечение в ведение заводской администрации. Это стало прямым результатом кампании по повышению трудовой дисциплины и ограничению мобильности рабочих. Социализация быта уже не была программой бытового раскрепощения женщин, она превратилась в инструмент ужесточения трудовой дисциплины и осуществления контроля над рабочим классом в целом. Когда предприятие начало обеспечивать рабочих питанием, жильем, организовывать службы быта, оно получило новый рычаг давления на персонал: руководство теперь имело возможность поставить предоставление этих, необходимых для рабочих услуг, в зависимость от посещаемости, производительности труда и поведения рабочего. Прогульщиков и участников акций протеста теперь могли выселить из заводского жилья, их детей лишить детского сада, их семьи — питания в столовой. Социализация быта, изначально задумывавшаяся как средство раскрепощения граждан, превратилась из революционного принципа в привилегию для перевыполняющих норму рабочих.

К началу второй пятилетки смысл понятия «рабочий класс» изменился. Молодежь, женщины, сельские жители активно вливались в ряды наемных рабочих, радикально меняя их состав. Государство больше не делало акцента на «кадровом пролетариате». Однако в то же самое власти не хотели допускать в ряды пролетариата обездоленных, враждебно настроенных крестьян. К началу второй пятилетки государство возводит новые барьеры между городом и деревней, найдя новый источник рабочей силы — городских женщин. Массовое внедрение женского труда позволило ввести единую паспортную систему, которая должна была сдерживать миграционные потоки из сельской местности и ограничивать мобильность рабочих. Женский труд не только восполнил дефицит рабочей силы, но и частично заменил мужской. В 1932 и 1933 гг. почти 400 000 мужчин потеряли работу, при этом были трудо-

устроены почти 1 200 000 женщин. В промышленности были уволены 189 000 мужчин и наняты 231 000 женщин. Характерные для первой пятилетки тенденции — усиление феминизации «женских» отраслей наряду с ростом доли женщин в каждой отрасли — активизировались в годы второй пятилетки. Женщины освоили новые, требующие определенной квалификации специальности, однако им пришлось взять на себя и производительный, и домашний труд. Зарплата женщин давала возможность повысить уровень жизни рабочей семьи. Государство, в свою очередь, получило более дешевую рабочую силу, что способствовало росту накопления капитала.

Девушка, работающая прислугой, в переполненной палатке стелет постель для недавно приехавшего из деревни крестьянина. Магнитогорск. 1931 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало и конец этой истории застают нас у «дверей» в рабочий класс. Эти «двери» стали метафорой определенной политики, или точнее попыток государства определять и контролировать численность, состав и активность рабочего класса. Отделяя тех, кому было позволено войти, от тех, кто должен был остаться снаружи, государство использовало эти «двери», чтобы формировать рабочий класс сверху. Однако «вход» в рабочий класс охраняло не только государство. Эти препоны были созданы в 1920-е гг., чтобы оградить рабочий класс от проникновения в его ряды женщин и крестьян; они же обеспечивали привилегированное положение «кадровых» рабочих, которые почти исчезли во время Гражданской войны. «Двери» в рабочий класс стойко охранялись профсоюзами и штурмовались женотделом. В 1930 г. они были сорваны огромным и мощным потоком крестьян и женщин, стремившихся найти работу в городе. По мере того как создавались новые рабочие места, и руководители предприятий сталкивались с нехваткой рабочих рук, новые рабочие стремились заполнить рабочие места на предприятиях и стройках, формируя новый рабочий класс, который теперь включал те категории населения, которые раньше в него не допускались. Партия пыталась справиться с расширением рынка труда, возникшим в результате ее собственной политики индустриализации. Ветераны женотдела, женорганизаторы из КУТБ, женщины из инспекционных бригад радовались, когда эти «двери» пали, и женщины стали занимать места в одном из наиболее желанных секторов рынка труда, прежде для них недостижимого: в рядах рабочих, занятых в тяжелой промышленности. Профсоюзы, биржи труда, а также местные отделы труда лишились своей роли стражей этих «дверей». Однако открытыми они оставались недолго. Через несколько лет партия создала новые барьеры как для найма на работу в промышленности, так и для переселения в город. ВКП(б) практически закрыла приоткрывшиеся было для крестьян «двери» на фабрики и заводы, чтобы замедлить рост численности рабочего класса, препятствовать мобильности рабочей силы, контролировать рабочих и предотвратить появление трущоб в городах. Партия так-

же ввела паспортную систему, привязала рабочих к предприятиям с помощью системы распределения продкарточек, использовала «социальные выплаты» в качестве рычага для повышения производительности труда, закрыв многим сельчанам дорогу в город и в ряды наемных рабочих. Когда рост численности промышленных рабочих замедлился, государство решило использовать городское женское население как дополнительный источник рабочей силы, которым было легко манипулировать. Рабочие газеты и журналы помогали охранять «вход» на промышленные предприятия, убеждая рабочих в том, что устранение «чуждых элементов» и «летунов» способствует улучшению их материального положения.

В процессе структурирования рабочего класса на каждом из этих переломных этапов гендерный фактор играл решающую роль. Рабочий класс состоял не из автономных изолированных человеческих единиц, это были люди, чья жизнь была тесно связана с их семьями. Семья поддерживала тех, кто не получал зарплату, за счет тех, кто имел заработок, с помощью этих средств растили детей, заботились о больных, инвалидах и стариках. В 1930-е гг. советская рабочая семья была главным источником трудовых ресурсов благодаря использованию предоставляемого ей государству резерва в виде женских рабочих рук. Это, в свою очередь, имело важные последствия для государственного бюджета, накопления капитала, распределения гендерных ролей и для состава рабочего класса. Подход к семье как к источнику рабочей силы — наряду с крестьянством или городским рабочим классом — позволяет лучше понять влияние гендерного фактора на развитие советского рабочего класса. В 1920-е гг. состав рабочего класса формировался за счет ограничения доступа на промышленные предприятия определенным категориям населения: тем, кто никогда не работал по найму (как, например, безработные женщины), не имел квалификации или долгого стажа работы на предприятиях. В годы первой пятилетки женщины играли ведущую роль в процессе роста и трансформации состава рабочего класса. Их заработки компенсировали значительное снижение доходов семьи, вызванное общим резким падением уровня оплаты труда. Труд женщин-работниц не только обеспечивал выживание рабочих семей, но также оказался важнейшим фактором и недооцененным ресурсом накопления капитала для государства. В годы второй пятилетки государство не смогло бы осуществить жесткие реформы, целью которых был контроль над движением рабочей силы, трудовой дисциплины и текучести кадров, не привлекая на производство женщин как ключевого резерва рабо-

чей силы. Иными словами, процесс формирования советского рабочего класса нельзя понять без учета женского труда.

Когда в 1920-е и 1930-е гг. партия предпринимала усилия по формированию рабочего класса, существовали серьезные опасения в надежности его новой социальной базы. Несмотря на значительный рост численности рабочего класса и его трансформацию, партийные лидеры все еще с опаской относились к тем социальным группам, которые могли, по их мнению, повлиять на «чистоту» пролетарских рядов. Эти страхи воплотились в двух основных формах. Главные опасения были связаны с крестьянством. В том, каким образом в начале 1930-х гг. власти официально преподносили программу паспортизации, сказались те же фобии, которые преследовали руководителей органов труда еще в 1920-е гг. Вплоть до середины второй пятилетки в прессе и официальных речах демонизировался образ ищущего работу в городе крестьянина, его рисовали вороватым «летуном» и «оппортунистом», который гонится лишь за «длинным рублем». Другим предметом опасений были «отсталые женщины», их представляли сплошь неквалифицированными, неграмотными, не способными понять политику партии или вообразить социалистическое будущее как-то иначе, чем пустая кладовка. Партию беспокоило, что «классовые враги» смогут легко манипулировать женщинами, заставив их пойти за «антисоветскими элементами». Подобные опасения были широко распространены среди рабочих-мужчин, бригадиров, представителей бирж труда и профсоюзных работников, которые старались ограничивать доступ женщин на производство и сохранять квалификационные привилегии мужчин. Действительно, женские хлебные бунты разрушили самодержавие в феврале 1917 г., но как долго сохранялось бы доверие женщин к советской власти в суровых условиях нехватки продовольствия, крошечных пайков и бесконечных очередей?¹

Опасения, которые испытывало партийное руководство в связи с изменением социальной базы рабочего класса — его главной социально-политической опоры, — не были плодом воображения политиков,

---

¹В кн.: Wood E. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1997. Автор отмечает, что партийные деятели, явно помня о том, как женщины отвергли Великую французскую революцию, задавали тот же самый вопрос в период Гражданской войны (Р. 44). Об отношении женщин к Великой французской революции см.: Hufton O. *Women and the Limits of Citizenship in the French Revolution*. Toronto: University of Toronto Press, 1992.

они были основаны на реальных изменениях в составе рабочих. Во время Гражданской войны новый, в значительной степени феминизированный пролетариат, состоящий из городских торговцев, мелких лавочников, женщин, подростков и крестьян, стал приходить на смену потомственным, *кадровым* рабочим, бывшим движущей силой революции. В 1921 г. партия и профсоюзы боролись за возрождение старых кадров. Это вылилось в массовые увольнения женщин, на место которых приходили ветераны Красной армии. В 1920-е гг. профсоюзы отчаянно боролись за сохранение привилегий своих членов, против новых рабочих, которые «проникали и просачивались» в ряды рабочего класса. Существовавшие в партийном руководстве опасения отражали реальное положение дел, но также и определяли его. Защита рабочих — членов профсоюза превратилась в демонизацию тех, кто искал работу в городе. В 1929–1930 гг. партия была охвачена новыми страхами. Экономика развивалась, промышленность испытывала острую нехватку рабочих рук, но органы труда и профсоюзы продолжали проводить старую политику, считая себя стражами «дверей» в ряды наемных рабочих. Руководители предприятий, которые не могли игнорировать потребности производства в рабочей силе, стали сами принимать на работу крестьян и женщин из рабочих семей прямо «у проходной», в обход бирж труда.

Партия и профсоюзы, в свою очередь, даже в ситуации острой нехватки трудовых ресурсов продолжали настаивать на необходимости закрыть «перевалочные пункты» в виде Нарпита, строительства и сахарной промышленности, через которые можно было «проникнуть» в ряды рабочего класса. Только в конце осени 1930 г. партия, реагируя на изменения в экономике и на рынке труда, изменила наконец трудовую политику: была объявлена борьба с безработицей, началась кампания по привлечению на производство 1 600 000 женщин. В это время рабочий класс уже находился в процессе трансформации снизу: сотни и тысячи мужчин и женщин из деревни, а также женщин-горожанок пришли на предприятия «самотеком», т. е. независимо от государственного планирования. Таким образом, партия, определяя свою политику в отношении рабочей силы, пыталась идти в ногу с переменами, которые уже имели место. Но если трудовая политика поначалу не влияла на процесс трансформации рабочего класса, чем можно объяснить рост его численности и изменение его гендерного состава? Ответ на этот вопрос неотделим от понимания сути сложного переплетения государственной политики и ее социальных последствий, одним из которых стало вовлечение крестьян, женщин

и рабочих в новые, динамичные взаимоотношения. Продолжающееся противостояние партии и крестьян по таким вопросам как вступление последних в профсоюз, цены, экспроприация зерна, частная торговля, выразившееся в ликвидации частного сектора, коллективизация и паспортизация, играло центральную роль в процессе формирования и преобразования рабочего класса. Подобным образом поведение мужчин-рабочих и женщин (как работниц, так и крестьянок) имело большое значение для борьбы за контроль над сельским хозяйством. В годы НЭПа интересы городских рабочих и крестьян часто остро противостояли друг другу. С одной стороны, рабочие были заинтересованы в том, чтобы не допустить безработных крестьян на городской рынок труда. С другой, высокие цены на зерно и другие виды продовольствия, а также неспособность государства контролировать розничные и оптовые цены били по карману рабочих, но приносили выгоду крестьянам. В конце 1920-х гг. рабочие бунты и протесты против высоких цен и нехватки продовольствия заставили партию принять жесткие меры для решения продовольственной проблемы. Ликвидация частного сектора и коллективизация были для партии средством поддержать рабочий класс — свою главную социальную опору — за счет крестьянства.

Коллективизация сельского хозяйства и запрет частной торговли, в свою очередь, заставили женщин искать работу на производстве. Неурожай 1928 г., решение Москвы экспроприировать у крестьян зерно, последовавшее в ответ резкое снижение производства сельхозпродукции, внезапное решение начать сплошную коллективизацию, — все это вело, шаг за шагом, к глубокому продовольственному кризису, который продолжался вплоть до середины второй пятилетки. Миллионы крестьян покинули деревню, а городские рабочие и осевшие в городах крестьянки быстро обнаружили, что мужчина не способен содержать семью на одну только свою заработную плату. Цены на продукты питания росли, а реальная заработная плата снижалась, поэтому женщины были вынуждены искать работу, чтобы сохранить уровень доходов семьи. Пропорция иждивенцев по отношению к работающим стабильно снижалась одновременно с повышением цен и обострением продовольственного дефицита. Причиной падения реальной заработной платы была инфляция, которая, в свою очередь, стала результатом резкого снижения уровня товарообмена между городом и деревней. Таким образом, наиболее успешным вербовщиком женщин на производство, по крайней мере поначалу, оказался голод.

Государственная политика в отношении женщин-горожанок и политика в отношении крестьянок были тесно взаимосвязаны. В том, как проводилась кампания по привлечению женщин на производство, отразился выбор партией источника рабочей силы, из которого она могла бы черпать наиболее уверенно и с наибольшей выгодой: таким ресурсом могли быть либо женщины из рабочих семей, либо крестьянки. Партия дважды предпочла горожанок крестьянкам: осенью 1930 г., когда была начата кампания по привлечению на производство 1 600 000 женщин, и после паспортизации в 1932 г., когда потребовался доступный и недорогой источник трудовых ресурсов. В обоих случаях партия открыто признала, что предпочтение отдано горожанкам: не потребуются дополнительные затраты на жилье, водоснабжение, канализацию, электричество, службы быта, школы и другие элементы городской инфраструктуры. Жительницы городов были идеальным резервом рабочей силы в период ее медленного роста в годы второй пятилетки. Наличие этого резерва позволило государству остановить миграцию в города и между городами и приступить к стабилизации занятости. Паспортизация продлила период борьбы за относительные привилегии городской жизни, включая доступ к лучшему жилью, школам, медицинским услугам и распределению продовольствия в городах. Крестьяне никогда бы не стали гражданами второго сорта после введения паспортной системы, если бы государство не могло рассчитывать на резервы рабочей силы в лице горожанок.

Организованная ВКП(б) кампания по привлечению женщин на предприятия была направлена также на то, чтобы необходимость работать переросла в стремление к женской эмансипации. Партия призвала женщин покинуть кухню, расширить свой кругозор, получать образование и повышать квалификацию, участвовать в строительстве нового общества. Эта кампания придала новый, государственный размах давним попыткам активисток женского движения открыть женщинам путь к квалифицированному труду. Настойчивые требования КУТБ увеличить долю женщин в составе наемных рабочих, работа женских инспекционных бригад по закреплению прежде «мужских» рабочих мест за женщинами, открытое обсуждение проблем гендерной дискриминации, сексуальных домогательств, мужской монополии на квалифицированный труд — все это стало возможным благодаря возникшей потребности народного хозяйства в женском труде. Решение государства мобилизовать на работу в промышленности 1 600 000 женщин за короткое время оживило женское

движение, активность которого практически сошла на нет после ликвидации женотдела. Женщины-активистки воспользовались моментом. Глубоко веря в наемный труд как основу женской независимости и эмансипации, они боролись за предоставление женщинам квалифицированных, высокооплачиваемых рабочих мест на большинстве предприятий и в большинстве профессий. Поначалу женщины шли на производство из-за снижения заработков мужей и отцов, но затем они открывали для себя гораздо больше возможностей — благодаря усилиям женщин-активисток. На короткое время кампания партии по привлечению женщин на производство, растущая потребность промышленности в квалифицированной рабочей силе, работа активисток женского движения общими усилиями открыли новые огромные возможности для сотен и тысяч женщин-работниц. Работница уверенно улыбалась с плакатов, почтовых марок, с фотографий на первых страницах газет. Будучи объектом презрения, жалости и снисходительной филантропии при капитализме, она превозносилась, почиталась и восхвалялась за ее вклад в развитие Советского Союза.

Однако момент совпадения стремлений активисток женского движения и государства был кратким. К концу первой пятилетки с этим было покончено. Когда большое количество женщин заняло новые рабочие места, освоило новые профессии, прежняя острая потребность в рабочей силе отпала. КУТБ был ликвидирован, а местные инспекционные бригады прекратили свою деятельность по гендерному перераспределению на предприятиях. В 1933 г. сохранились лишь немногие организационные оплоты женского движения. Лишенный поддержки, женский вопрос исчез с повестки дня. В отсутствие женотдела и КУТБ проблемы гендерной дискриминации, сексуальных домогательств, повышения квалификации работниц, кадрового продвижения женщин, распределения женских кадров были переданы профсоюзам, хозяйственным органам, местным парткомам и завкомам, администрации и бригадирам, чья заинтересованность в их решении была заведомо минимальной. Проблемы женщин-работниц оставались злободневными только для самих работниц, у них уже не было организаций, которые могли бы защищать их интересы. Эффективное сочетание феминизма и социализма, которое возникло впервые среди революционно настроенных работниц текстильных фабрик и прачек в 1917 г., нашло свое последнее проявление в инспекционных бригадах и КУТБ в годы первой пятилетки. Впоследствии перспективы женского движения на производстве постепенно угасали. После ликвидации женотдела члены КУТБ осмеливались лишь на

слабую критику в адрес государственных плановиков, которые предлагали сделать «женскими» все низкооплачиваемые секторы экономики. Феминизация легкой промышленности и служб быта в период индустриализации СССР сильно напоминала гендерную сегрегацию в странах капитализма на Западе.

Однако в Советском Союзе, в отличие от стран Запада, концентрация женщин в низкооплачиваемых отраслях — в службе быта и в легкой промышленности — планировалась сверху, государством. Начиная с плана по гендерному перераспределению рабочей силы 1930 г., мы проследили весь процесс планирования — от разработки проекта до воплощения в жизнь. Проект плана, несомненно, являющийся чем-то бóльшим, чем полуистлевший артефакт, свидетельствующий о самоуверенности плановиков, ставит важные вопросы об эффективности процесса планирования. Действительно ли планы влияли на формирование рабочей силы? Было ли государство способно заставить хаотичную реальность экономики соответствовать контрольным цифрам, заложенным в плане? Как соотносились план и реальность, какие отношения были между плановиками в Москве и местными властями? Постоянные жалобы со стороны органов труда, профсоюзов, КУТБ и партийных деятелей говорят о том, что планы претворялись в жизнь нелегко. Однако, когда невероятная суматоха и хаос первой пятилетки улеглись, общегосударственные и местные варианты «Пятилетнего плана по женскому труду» стали оказывать некоторое влияние на изменение числа женщин в составе наемных рабочих. Тщательно обоснованные в центре контрольные задания для регионов редко удавалось выполнить, однако планы все-таки влияли на подход к женскому труду, женщин допустили на новые производства и профессии, ранее для них недостижимые. Бронь, предусмотренная для фабзавучей и вакансий в тяжелой промышленности, помогла задействовать женский труд в прежде исключительно «мужских» отраслях промышленности, а отрасли, уже преобразованные в исключительно «женские», стали прерогативой женщин. Согласно данным статистики, доля женщин-работниц в промышленности определялась параллельными факторами: традиционно «женские» отрасли, такие как текстильная и швейная промышленность стали почти исключительно женскими, одновременно женский труд стал использоваться в традиционно «мужских» отраслях, таких как металлургия, горнодобывающая промышленность и машиностроение. Реальное распределение рабочей силы по отраслям смазало четкую картину плановых заданий, но оно все же отра-

жало общую конфигурацию плана. Ни в одной из отраслей реально достигнутые результаты принципиально не отличалась от заложенных в планах показателей.

В этом заключается один из многих парадоксов советского планирования. Архивные документы свидетельствуют о хаотичности процесса, одной из характеристик которого было нарушение взаимодействия между центром и регионами. Московские плановики не могли разработать план без информации с мест, а представители местной администрации были настолько загружены производственными задачами, что оказывались не в состоянии предоставить конкретные данные. Плановики на всех уровнях, от Москвы до заводских цехов, вели статистические расчеты на основе разрозненных данных. И все же каким-то образом из этих бесконечных колонок цифр, составленных плановиками разного ранга, возникала некая общая линия, которая доказывала, что партия осуществила план, сформировавший новую экономическую реальность. Этот план привел миллионы мужчин и женщин в ряды обновленного рабочего класса, который лепил кирпичи из песка и глины в заброшенных районах, строил города в степях и тундре, рыл шахты в Кузбассе, обуздывал мощь Днепра, варил сталь из железной руды в Магнитогорске. К 1935 г. почти 40 % этих рабочих составляли женщины².

В борьбе за создание новой реальности плановики формировали картины преобразования мира. Популярная книга для школьников эпохи первой пятилетки поясняла: «Мы переделываем и перестраиваем природу, а своей собственной жизни мы еще не переделали. А ведь это самое главное. Для чего мы затеяли всю эту огромную работу, которая будет продолжаться не пять лет, а пятнадцать, двадцать и даже больше лет? Для чего мы добываем миллионы тонн угля и руды, строим миллионы машин? Разве для того только, чтобы переделать природу? Нет, мы природу переделываем для того, чтобы лучше было жить нам, людям»³. Индустриализация 1930-х гг. дала пример такой модели развития, которая продолжает восхищать рабочих, студентов, профсоюзных деятелей и феминисток во всем мире. Она заложила основы огромных достижений, включая укрепление

---

²Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана, 1936. С. 95.

³Ильин М. Рассказ о великом плане. В кн.: Ильин М. Избранные произведения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 410.

Советского государства, которое стало конкурентоспособным на международной арене; победу над мощной, хорошо оснащенной фашистской армией; повышение уровня жизни; урбанизацию; ликвидацию безграмотности; общедоступное здравоохранение и образование. Однако в борьбе за перестройку мира, за производство, за достижение плановых цифр, активистки женского движения, которые раньше мечтали о *новом быте*, были вынуждены направить свою энергию на решение производственных задач. После ликвидации женотдела партийные чиновники постоянно напоминали, что женщины больше не должны заниматься вопросами *быта*. К концу первой пятилетки мечты о новом быте трансформировались в «социальные выплаты»: ряд наград и привилегий, полагававшихся за достижения в повышении производительности труда — еще один рычаг интенсификации производства.

Если бы одна из работниц — старых *бытовиков* могла перенестись в наше время с той фабрики, где она работала с детства, и предстать перед нами в своей цветастой косынке и темно-синем комбинезоне, что бы она сказала нам? Какой бы итог она подвела своей жизни, жизни состоявшей из работы, революционных мечтаний, стремления осуществить индустриализацию и построить социализм? Возможно, сначала она пошла бы учиться читать, поступив на курсы или в одну из школ, открытых партией для борьбы с неграмотностью. Возможно, она нашла бы какую-нибудь старую брошюру в одной из рабочих библиотек, устроенных партией в общежитиях, на заводах и в клубах. А может быть, она ответила бы нам словами Уильяма Морриса, английского радикала XIX века:

«Я размышлял обо всем этом, о том, как люди борются и терпят поражение, но то, за что они борются, все же осуществляется, несмотря на их поражение, а когда это осуществляется, оказывается, что они имели в виду нечто иное, и теперь другим приходится бороться за то, что они имели в виду, правда, называя это иначе...»⁴

---

⁴ Morris W. A Dream of John Ball. London, 1888.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я выражаю благодарность людям и организациям, оказавшим помощь в моей работе. Грант Фонда Джона Саймона Гуггенхайма и Национального совета по Евроазиатским и Восточноевропейским исследованиям дал мне возможность провести исследование и написать книгу. Кафедра истории Университета Карнеги-Меллона любезно предоставила средства для поездки в Россию. Благодаря программе по обмену, организованной Университетом Карнеги-Меллона и Российским Государственным Гуманитарным Университетом, появилась возможность регулярно пользоваться услугами российских библиотек и архивов. Я благодарна Юрию Афанасьеву, Наталье Басовской, Ирине Карапетянц, Питеру Стернсу и Стивену Шлоссману за административную поддержку программы по обмену. Я хочу поблагодарить сотрудников библиотеки Ханта (Университет Карнеги-Меллона), библиотеки Хиллмэна (Питтсбургский Университет), библиотеки Конгресса, а также Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ) за помощь в поиске документальных материалов. Я благодарна Государственному Центральному музею современной истории России за разрешение на публикацию ряда архивных фотографий. Натаниэль Раттнер, филателист из Нью-Йорка, разыскал в своей обширной коллекции марки, посвященные советским работницам, рассказал мне их историю и позволил включить их фотографии в книгу. Я благодарна редакторам журнала «*Slavic Review*», давшим мне возможность опубликовать ранний вариант второй главы в качестве статьи под заглавием «*Industrial Politics, Peasant Rebellion, and the Death of the Proletarian Women's Movement in the USSR*» (весна 1996).

Я глубоко признательна моим русским друзьям и коллегам — Наталье Басовской, Сергею Карпенко, Алексею Киличенкову и Владимиру Стрелкову за оказанную помощь. Дружеская поддержка

и гостеприимство этих людей укрепили теплые чувства, которые вызывает у меня Россия и ее история. Младшие научные сотрудники Елена Парфенова и Елена Бахтина проявили исключительную компетентность и трудолюбие, помогая мне собирать материал для книги.

Я бы также хотела поблагодарить за ценные замечания и предложения Мэри Бакли, Уильяма Чейза, Барбару Клементс, Роберта В. Дэвиса, Донну Харш, Наума Каца, Кэтрин Линч, Мелани Илик, Арфона Риза, Стивена Шлоссмана, Льюиса Зигельбаума, Кармин Строрелла, Кеннета Страуса, а также участников семинара по истории рабочего класса в Питтсбургском Университете (Центр социальной истории). Я особенно признательна Арфону Ривзу, Роберту В. Дэвису и Зое Коткиной за помощь, связанную с вопросами статистики труда в СССР. Сьюзан Пеннибэкер была моей попутчицей и помогла мне преодолеть некоторые сложности в период моего пребывания в Москве. Мои родители, Джудит и Лоренс Голдман, по-прежнему проявляют интерес к проблемам рабочего класса в России, их внимание и поддержка помогают мне продолжать свою работу.

Наконец, я хочу поблагодарить своего мужа Маркуса Редикера. Его заинтересованность проблемами народа, отказавшегося от капиталистического пути развития, способствовала тому, что я пересмотрела свое понимание проблемы «первоначального накопления». Когда мы читали и обсуждали бесчисленные наброски этой книги, Маркус внес ряд ценных замечаний.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

Агитмасс	– Отдел агитации и массовых кампаний
ВСНХ	– Высший совет народного хозяйства
ВЦСПС	– Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
Госбанк	– Государственный банк СССР
Госплан	– Государственная комиссия СССР по планированию
ГУРКМ	– Главное управление рабоче-крестьянской милиции
Д.	– Дело
ЖАКТ	– Жилищно-арендное кооперативное товарищество
женотдел	– отдел по работе среди женщин при комитетах ВКП(б)
ЗРК	– закрытый рабочий кооператив
Колхозцентр	– Всероссийский Союз сельскохозяйственных коллективов
КУТБ	– Комитет по улучшению труда и быта работниц и крестьянок
Нарпит	– (Народное питание) Государственная организация общественного питания
НКТ	– Народный комиссариат труда
НЭП	– Новая экономическая политика
об.	– Обратная сторона пронумерованного листа в архивном деле
ОРС	– Отдел рабочего снабжения
Оп.	– Опись
Рабкрин (РКИ)	– Рабоче-крестьянская инспекция
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории (бывш. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории)
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РКК	– Районная контрольная комиссия
СНК	– Совет Народных Комиссаров
СТО	– Совет Труда и Оборона
Ф.	– Фонд
ШУМП	– Школа ученичества массовых профессий
Центрожилсоюз	– Центральный союз жилищной кооперации
Центросоюз	– Центральный союз потребительских обществ
ЦИК	– Центральный Исполнительный Комитет
ЦК	– Центральный Комитет

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аболин А. — 297
Аникст А. — 15
Анцелович Н. М. — 86
Артюхина А. В. — 35, 36, 51, 55, 57,
58, 60, 61, 68, 71–75, 83, 90, 270,
272, 273, 338, 339
- Баранова Т. — 83, 180, 182, 188,
197–200, 228, 232, 233
Бирюков — 152
Бронштейн Е. — 139, 140, 180, 182,
183
Бухарин Н. И. — 94–96, 105
- Вайсфальд — 146, 147
Вейнберг Г. Д. — 39, 103, 132, 139
Воронова П. Я. — 75, 86
- Гиммельфарб С. — 12, 179
Голубева В. А. — 56
Горева Е. — 58, 65
- Жданов А. А. — 262–264, 276
- Зимичев — 149
- Исаев А. — 133, 147
- Каганович Л. М. — 47, 51, 58, 66, 67,
69–75, 87, 311, 319–322
Коллонтай А. М. — 50–54
Краваль И. А. — 162
Кржижановский Г. М. — 39
Крупская Н. К. — 50, 57
- Ларин Ю. (Лурье М. З.) — 57, 76
Ленау М. — 81, 234, 261, 265, 268,
275
Ленин В. И. — 93, 306
Любимова С. — 51, 63, 64
- Маркс К. — 225, 290, 306
Маршева Б. — 91, 117, 160, 181, 184,
278
- Мойрова В. А. — 52, 75–77, 83, 233
Молотов В. М. — 97, 111, 319, 322
Моррис У. — 353
- Николаева К. И. — 52, 53, 73, 74
- Орджоникидзе Г. К. — 294
- Ритов Г. — 164, 168, 224, 239, 248,
249
Романов — 41, 147, 148, 150, 183,
228, 234
Рыков А. И. — 97, 299
Рязанов Д. Б. — 189
- Сабсович Л. М. — 57, 76, 137
Серебренников Г. Н. — 19, 20, 32,
129, 130, 249, 253, 340
Серина Е. С. — 81, 180, 216, 264
Смидович С. Н. — 63, 66, 83
Сталин И. В. — 28, 49, 66, 87, 89,
96–98, 105, 111, 126, 144, 145,
155, 263, 292, 300–302, 304, 306,
307, 309–311, 319, 320, 322
Стривский К. — 104
Сырцов С. И. — 145
- Томский М. П. — 87, 104, 126, 144,
262, 263, 265, 305
- Угланов Н. А. — 145, 183
- Цихон А. М. — 311, 312, 319–322,
326
- Чухров — 154, 155
- Шабурова — 82, 86, 214
Шверник Н. М. — 109, 144, 297,
326
Шмидт В. — 183
- Энтони С. Б. — 259

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Женщины в промышленности (1917–1929)	12
Глава 2. Борьба с женским движением и организациями	47
Глава 3. Двери начинают открываться	91
Глава 4. От «не пущать» к вербовке	137
Глава 5. Пятилетка для женщин: планирование сверху, встречное планирование снизу	179
Глава 6. Планирование и хаос: борьба за контроль	224
Глава 7. Гендерные отношения в промышленности: голоса с мест	258
Глава 8. Двери в рабочий класс снова закрыты	291
Заключение	344
Благодарности	354
Список сокращений и аббревиатур	356
Указатель имен	357

Научное издание

История сталинизма

Голдман Венди З.

ЖЕНЩИНЫ У ПРОХОДНОЙ

Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.)

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *В. Т. Веденеева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *И. В. Киселева*

Компьютерная верстка *Е. Н. Мартемьянова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 01.09.2010.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 10126

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЖЕНЩИНЫ У ПРОХОДНОЙ

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ
(1917-1937 гг.)

Венди З. Голдман — профессор кафедры истории Университета Карнеги – Меллона, ведущий специалист США по советской истории. Книга известного американского историка В. З. Голдман представляет собой первое исследование, посвященное социальной истории советских женщин-работниц в 1930-х гг. Это рассказ о глобальных изменениях, произошедших в процессе гендерного реструктурирования советской экономики, когда доля женщин в составе рабочего класса необычайно возросла. Ни в одной другой стране мира численность женщин-работниц не росла так быстро за такое короткое время. Женщины пополняли ряды наемных рабочих в традиционно «мужских» отраслях, пошатнув сложившуюся иерархическую структуру рабочей силы. Рабочим-мужчинам пришлось пересмотреть свои предубеждения в отношении «женской» и «мужской» работы, роли женщин на производстве.

